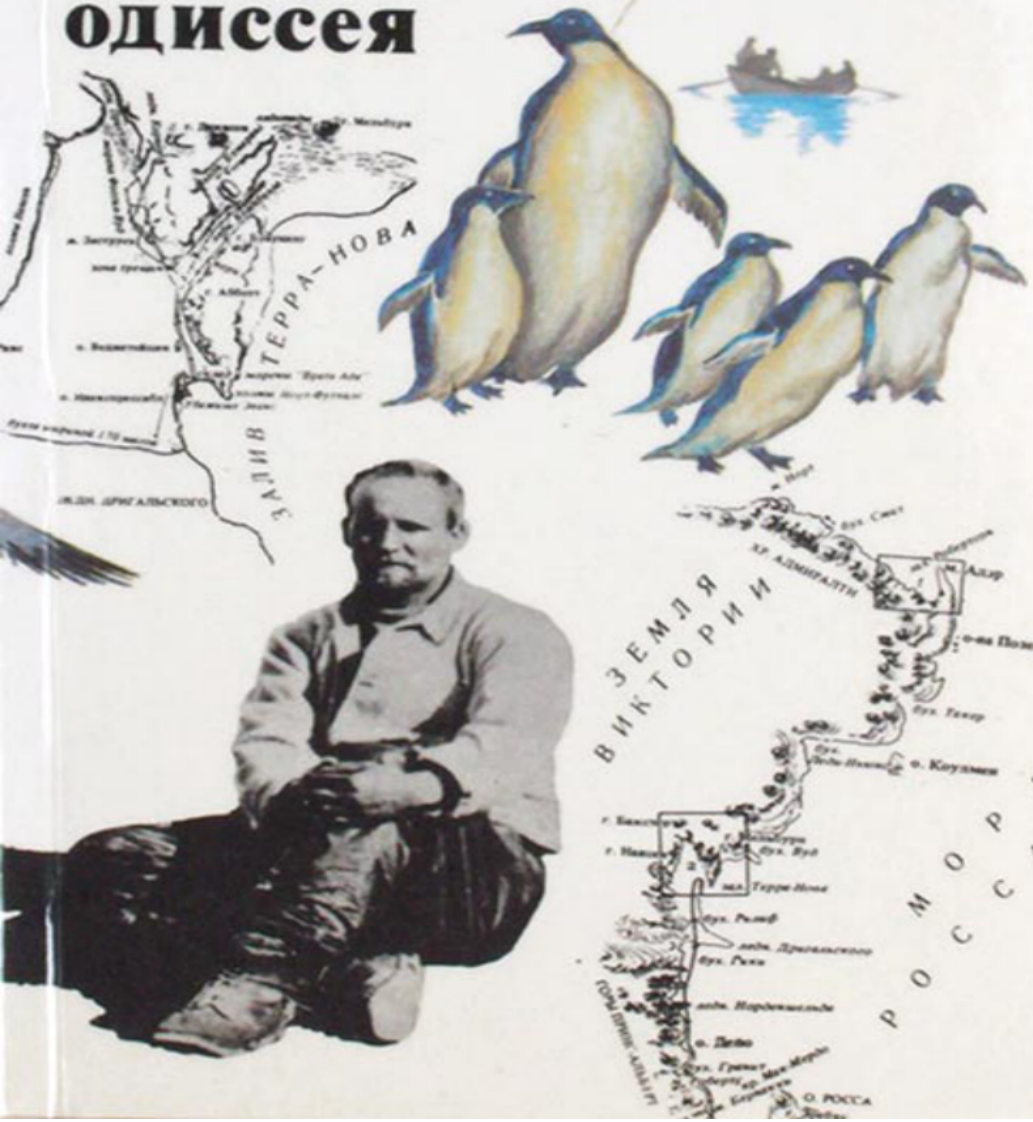
Реймонд Пристли

Антарктическая одиссея



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Реймонд Пристли — участник антарктической экспедиции английского полярного исследователя Р. Скотта (1911–1914 годы). Однако, если Южной партии этой экспедиции, трагическому финалу похода к Южному полюсу посвящены десятки книг, то о Северной партии, судьба которой сложилась также достаточно драматично, хотя и не столь роковым образом, наш читатель не знает практически ничего. Эта книга заполняет не освещенные еще страницы экспедиции Р. Скотта. Для широкого круга читателей.

- Реймонд Пристли
  - Предисловие
  - От автора
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
  - Глава XXVI
  - Глава XXVII

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

Реймонд Пристли
Антарктическая одиссея: Северная партия экспедиции Р. Скотта

«…когда Абботт и Кемпбелл разожгли свои трубки, судовой табак и вовсе доконал меня. Я не раз слышал, что замерзших людей находят иногда совершенно голыми, среди разбросанной одежды, как если бы перед кончиной они ощущали нестерпимую жару. Одолевавшая меня тошнота оказала такое же действие: выскочив из палатки на свежий воздух, я сорвал с себя всю одежду до нижней сорочки — и это при –48° [–44,4 °C]. Это был тот редкий случай, когда я пожалел, что не курю. Запретить товарищам курить — невозможно, а дым судового табака всегда был моим злейшим врагом в санных походах; надышавшись им, я не раз пропускал завтрак, который все равно не пошел бы мне впрок».

Р. Пристли.
«Антарктическая одиссея: Северная партия экспедиции Р. Скотта»

Предисловие

В книге Реймонда Пристли рассказывается об открытиях, приключениях и невзгодах, которые испытала Северная партия широко известной второй экспедиции английского полярного исследователя Роберта Скотта (1911–1914 годы)[1], проводившая свои работы на северном и северо-восточном участках побережья Земли Виктории. Эту партию, состоявшую из шести человек, возглавлял лейтенант военно-морского флота В. Кемпбелл. Пристли в этой партии исполнял обязанности геолога и гляциолога.

Хотя Р. Пристли (1886–1974) в то время было всего лишь 25 лет, он уже имел немалый опыт полярных путешествий и экспедиционных работ в Антарктике: в 1907–1909 годах он участвовал в качестве геолога и гляциолога в известной экспедиции Э. Шеклтона[2]. До конца своей жизни — а он дожил до почтенного возраста — Пристли оставался верен избранному им поприщу. Он был одним из основателей Полярного института имени Скотта в Кембридже и его первым директором. Совместно с Ч. Райтом Пристли стал основателем современной гляциологии как науки о всех видах природных льдов. С 1959 года он состоял почетным членом Международного гляциологического общества, а в период с 1961 по 1963 год занимал высокий пост президента Королевского географического общества. Его именем в Антарктике названы гора и довольно крупный долинный ледник на Земле Виктории.

Почти два года с их суровыми ураганными зимами и длительными полярными ночами работала Северная партия на Антарктическом побережье вдали от главной базы экспедиции, находившейся на полуострове Росса. Первую зиму шестерка английских полярников провела в сравнительно благоприятных условиях — у них был дом, запас продовольствия и все необходимое для жизни. Но вторая зима оказалась настоящим экзаменом на выживаемость в суровых условиях Антарктического побережья, среди камней и льда. Обстоятельства сложились так, что корабль, с которого они высадились на побережье, за ними не пришел, поэтому с наступлением весны им пришлось самостоятельно, пешком, волоча за собой сани с продовольствием и лагерным оборудованием, добираться до главной экспедиционной базы. Зима застала их на берегу залива Терра-Нова, в совершенно пустынном месте. На этот раз у них не было ни крыши над головой, ни надежных стен, чтобы укрыться от ураганов и морозов, заканчивалось продовольствие и топливо,

почти вышел запас спичек, кончился табак, износилась одежда, не осталось даже соли.

Однако полярники сумели избежать грозной опасности, которая нависла над ними. Для жилья они оборудовали пещеру, вырытую в снегу. Температура в ней не поднималась выше нуля, но жить в ней все же было возможно. Правда, практически все время, свободное от научных наблюдений и хозяйственных работ, ее обитатели проводили в спальных мешках и только дежурные были вынуждены вылезать из них, чтобы приготовить пищу, сделать уборку и т. д. В качестве топлива и для освещения использовался тюлений жир. Основным продуктом питания стало мясо тюленей и пингвинов. Ради экономии скудного запаса спичек приходилось круглосуточно поддерживать огонь, как это делали наши далекие предки — пещерные люди — на заре развития человечества. Вместо соли использовалась морская вода. Полярники сумели запастись достаточным количеством тюленьего и пингвиньего мяса, чтобы им не грозила голодная смерть, однако рацион был крайне однообразен, поэтому немудрено, что пище, ее приготовлению, тоске по нормальной, привычной еде в книге уделяется так много внимания.

При чтении книги не следует забывать, что описываемые события происходили в начале нашего века [XX в.[3]], более 70 лет тому назад. Прошло менее ста лет со дня открытия Антарктиды русскими мореплавателями Ф. Ф. Беллинсгаузеном[4] и М. П. Лазаревым[5], и хотя Южную полярную область после этого посетили многие иностранные экспедиции и люди уже не раз оставались на зимовку на ледяном континенте, однако о его природе было известно еще очень мало. Неясны были контуры материка на большем протяжении его побережья, да и в существовании самого материка еще были сомнения. Окончательно они были развеяны только во время Международного геофизического года в середине нашего столетия. Были сделаны еще только первые попытки проникнуть в глубь ледяного континента. Когда группа Кемпбелла после первой зимовки выполняла исследования у мыса Адэр и в заливе Терра-Нова, к Южному полюсу впервые в истории подходили полюсные партии Р. Амундсена[6] и Р. Скотта. В то время еще не существовало науки о природных льдах — гляциологии, не было достаточно четких представлений о глобальной циркуляции атмосферы и т. д. Поэтому объяснения некоторых природных явлений, приведенных в книге, кажутся наивными. Это касается, в частности, объяснения природы сильных ветров на побережье Антарктики, осадки айсбергов, морских льдов.

Техника экспедиционных работ в то время, естественно,

сильно отличалась от современной. В экспедиции Скотта не было надежной наземной транспортной техники. Были завезены мотосани, но они оказались мало пригодными для использования в антарктических условиях и вскоре вышли из строя. Не было авиации, которая могла бы обнаружить затерявшуюся полевую партию и быстро оказать необходимую помощь и доставить на главную базу. И, что особенно существенно, в этой экспедиции не было радиосвязи, поэтому партия Кемпбелла, застрявшая на вторую зимовку на берегу залива Терра-Нова, оказалась в полной изоляции и люди на главной базе уже считали, что они погибли.

Радиосвязь в то время уже существовала, и Скотт, отправляясь в свою последнюю экспедицию, намеревался применить ее в Антарктиде, однако это намерение не осуществилось: на экспедиционном корабле не хватило места для сравнительно громоздкого и тяжелого оборудования. Впрочем, и при наличии этого оборудования наладить в то время надежную радиосвязь в Антарктиде, как показал позднее опыт австралийской экспедиции Д. Моусона[7], было бы не так просто.

Отсутствие радиосвязи, без которой в настоящее время не обходится ни одна, даже самая захудалая, экспедиция, ставила экспедицию Скотта в ряд экспедиций прошлого века, когда корабли, уходя в дальние плавания, надолго теряли связь с родиной. Интересно отметить, что о таком важном событии, как достижение Южного полюса, которое состоялось 16 декабря 1911 года, мир узнал только через три месяца, в марте 1912 года, когда экспедиционный корабль норвежской экспедиции «Фрам»[8] прибыл на остров Тасмания и Амундсен из города Хобарт сообщил по кабельной связи о своей победе и благополучном завершении экспедиции. Почти год мир ничего не знал о трагедии, которой закончился поход к Южному полюсу Скотта. Участникам его экспедиции, находившимся на главной базе на полуострове Росса, стало ясно, что полюсная партия погибла, еще в марте 1912 года, а в Англии и других странах об этом узнали только в феврале 1913 года, когда экспедиционный корабль «Терра-Нова» вернулся из Антарктики. Жена Р. Скотта, Кэтлин, не подозревая о трагедии, отправилась встречать экспедицию на пароходе и только уже вблизи Новой Зеландии узнала, что ее мужа давно нет в живых.

В современных условиях такая «одиссея» на побережье Антарктики маловероятна. Радиосвязь и авиация позволяют быстро связаться с потерпевшими бедствие и при первой же возможности оказать им необходимую помощь. Кроме того, сейчас в Антарктике работают не одна-две экспедиции, как во времена Скотта, а ежегодно больше десяти, и на материке и

ближайших островах постоянно действуют около 40 научных станций 13–14 государств.

Действующий с 23 июня 1961 года Договор об Антарктике, узаконивший свободу научных исследований в Южной полярной области и объявивший ее демилитаризованной зоной, предусматривает также взаимопомощь экспедиций различных стран, работающих на ледяном континенте. И это положение свято соблюдается. Можно привести много примеров, когда полярники различных стран выручали друг друга в критических положениях. Так, в 1958 году экипаж советского самолета под командованием В. М. Перова спас от неминуемой гибели группу бельгийских полярников, оказавшихся в безвыходном положении в одном из горных районов Земли Королевы Мод в результате авиационной катастрофы. Не раз советские полярники оказывали экстренную помощь своим соседям — участникам Австралийской антарктической экспедиции и японцам.

Интересно отметить, что в книге упоминаются и русские участники экспедиции Скотта — каюр Дмитрий Горев и конюх Антон Омельченко. Горев по заданию Скотта приобрел собак в Сибири, а затем доставил их через Владивосток и Сидней в Новую Зеландию, в порт Литтелтон, где стояло экспедиционное судно. А. Омельченко приобрел для экспедиции на Дальнем Востоке маньчжурских лошадей и также доставил их на «Терра-Нову». Они оба принимали участие в походах вспомогательных партий, обеспечивших поход Р. Скотта на Южный полюс, а также в походах поисковой партии после гибели Скотта. Пристли упоминает об Антоне Омельченко в эпизоде, где описывается разгрузка лошадей с корабля и доставка их на берег вплавь. Из этого эпизода видно, что Омельченко пользовался уважением среди членов экспедиции. Именем Горева Пристли назвал один из пиков вулкана Эребус (пик Дмитрия), что также свидетельствует об уважении, которое завоевал в этой экспедиции наш соотечественник.

За три четверти века, отделяющие нас от событий, описанных в книге Р. Пристли, многое изменилось. На ледяном континенте появились современные научные поселки с электростанциями и надежными средствами связи. В экспедиционных работах широко применяется авиация (самолеты и вертолеты). Ряд экспедиций, в том числе и Советская, используют для перевозки людей и научного оборудования в Антарктиду тяжелые межконтинентальные воздушные лайнеры, сократившие время поездки на ледяной континент с четырех-пяти недель до нескольких дней. Современные гусеничные снегоходы давно уже вытеснили собачьи упряжки как транспортное средство.

Коренным образом изменились и методы экспедиционных работ. Для составления карт применяется аэрофотосъемка, а в последние десятилетия — и спутниковая информация. Современная аппаратура позволяет не только сфотографировать обширные пространства Антарктического материка, но и, измерив толщину мощного ледникового покрова, составить карты его ложа. Спутниковая информация позволяет оперативно следить за изменением ледовой обстановки в Южном океане, за изменением береговой линии, движением айсбергов и погодой на обширных пространствах Антарктики. Не изменилась только суровая природа Южной полярной области. Все так же, как и во время экспедиции Скотта, на побережье Антарктиды бушуют ураганные ветры, беснуются метели, а в глубине материка свирепствуют ужасающие морозы.

В настоящее время в тех местах, где происходили события, описанные в этой книге, ведут исследования экспедиции США и Новой Зеландии. Их базы — Мак-Мёрдо и Скотт — находятся на полуострове Росса, а англичане еще до Международного геофизического года сосредоточили свои усилия на противоположной стороне материка — Антарктическом полуострове и побережье моря Уэдделла, где создали сеть своих научных станций и развернули полевые маршрутные работы. О героях книги Р. Пристли напоминают в этом районе географические названия: кроме уже упоминавшегося ледника Пристли, на карте вы можете найти ледник Кемпбелла, а также горные вершины Дикасон, Браунинг, Левик и Абботт.

Л. И. Дубровин

Начальник Северной партии лейтенант Виктор Кемпбелл

От автора

Большинство фотографий, воспроизведенных в этой книге, были сделаны доктором Левиком, который являлся официальным фотографом Северной партии. Автор выражает искреннюю признательность доктору Левику за то, что он разрешил воспользоваться снимками, а также поместить его стихи из «Aurora Australis» и запись о метели 17 и 18 марта 1912 года, сорвавшей палатку его партии. Остальные фотографии принадлежат автору и мистеру Дебенхэму. Автор низко ему кланяется.

Автор приносит глубочайшую благодарность леди Скотт и издательству «Смит, Сын и К°» за разрешение опубликовать эту повесть о наших злоключениях, без которого она не могла бы увидеть свет. Этим же издателям автор обязан предоставлением иллюстраций, уже опубликованных в официальном отчете о последней экспедиции Роберта Скотта. Схемы в тексте выполнены мистером Дебенхэмом по наброскам автора. Рисунок снежной пещеры, ее вида изнутри, сделан леди Скотт по эскизу начальника Северной партии Виктора Кемпбелла. И наконец, книга не была бы написана, не будь на то согласия и поощрения капитана Эванса, не сложись между автором и остальными пятью участниками Северной партии самых сердечных отношений, которые книга, надо надеяться, только укрепит.

Введение

Вокруг Южного полюса раскинулся континент, который по размерам не уступает другим материкам земного шара, а в высоту в значительной своей части достигает 6–10 тысяч футов[9] над уровнем моря [1830–3050 м]. Его исследование стало одной из главных задач современных географов. Два района этого континента изучены уже сравнительно хорошо. Предлагаемая вниманию читателя книга рассказывает о смелом предприятии кучки людей, стремившихся вписать новую главу в этот важный географический труд.

Человеку непосвященному, который не мыслит географическими категориями, трудно представить себе расположение отдаленных частей Антарктического континента, лежащего вокруг полюса и имеющего очертания, близкие к кругу. Для облегчения задачи я посоветовал бы соотносить районы Антарктики с более известными территориями к северу от нее. Этот метод хорош еще и тем, что положение того или иного участка определяется местом отправления исследовавших его экспедиций. Так, суда, совершавшие плавания в Западную Антарктику, базировались в Южной Америке, а те, что исследовали Восточную Антарктику (там находится и Земля Виктории, о которой пойдет речь в нашей книге), имели последние порты приписки в Австралии, Тасмании или Новой Зеландии.

Поэтому о Земле Виктории, являвшейся основной целью английских исследований на крайнем юге, принято говорить, что она принадлежит к австрало-азиатскому сектору Антарктики.

Двадцать пятого сентября 1839 года два небольших парусника, «Эребус» и «Террор»[10], спустились по Темзе и, выйдя в океан, взяли курс на юг. Они намеревались совершить плавание, не уступающее знаменитым путешествиям величайшего английского мореплавателя капитана Кука[11]. Во главе экспедиции стоял капитан Джеймс Росс[12], уже прославившийся открытием Северного магнитного полюса. На сей раз перед ним стояла задача определить местонахождение Южного магнитного полюса и, если возможно, достигнуть его. Экспедиция Росса открыла Землю Виктории, и нынешнее оживление полярных исследований можно считать одним из ее отдаленных последствий.

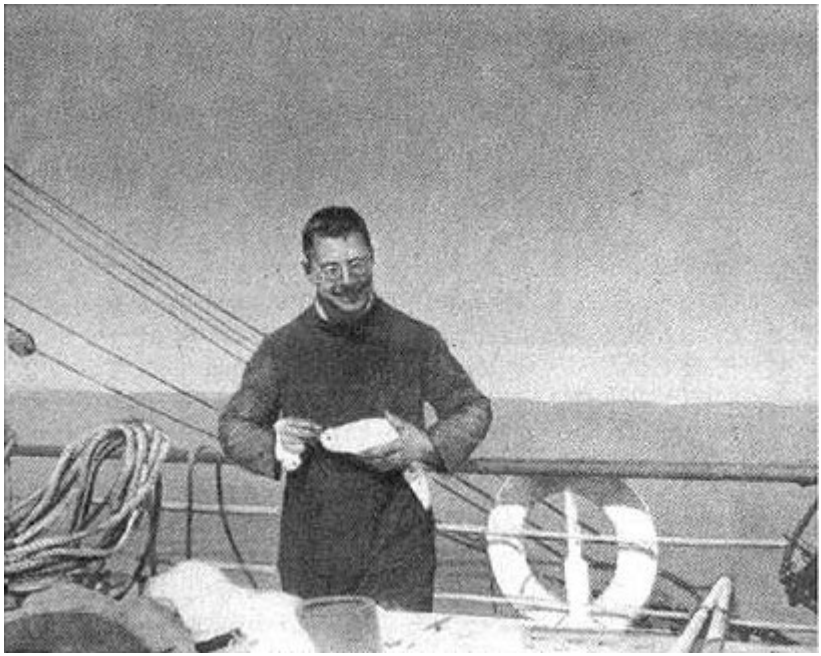
В январе 1841 года, после двухлетнего плавания, насыщенного интересными и важными для науки наблюдениями, когда до Южного магнитного полюса оставалось всего лишь 200–

300 миль [322–483 км], путь «Эребусу» и «Террору» преградил берег, где на высоту 12 тысяч футов [3660 м] вздымался горный хребет. В честь покровителей экспедиции Росс назвал его хребтом Адмиралти. Встреченная суша заставила суда изменить курс, несколько дней они шли вдоль берега в южном направлении, но 27 января путешественники, к своему удивлению, увидели прямо над собой «гору высотой 12 400 футов [3782 м], которая испускала в большом количестве пламя и дым».

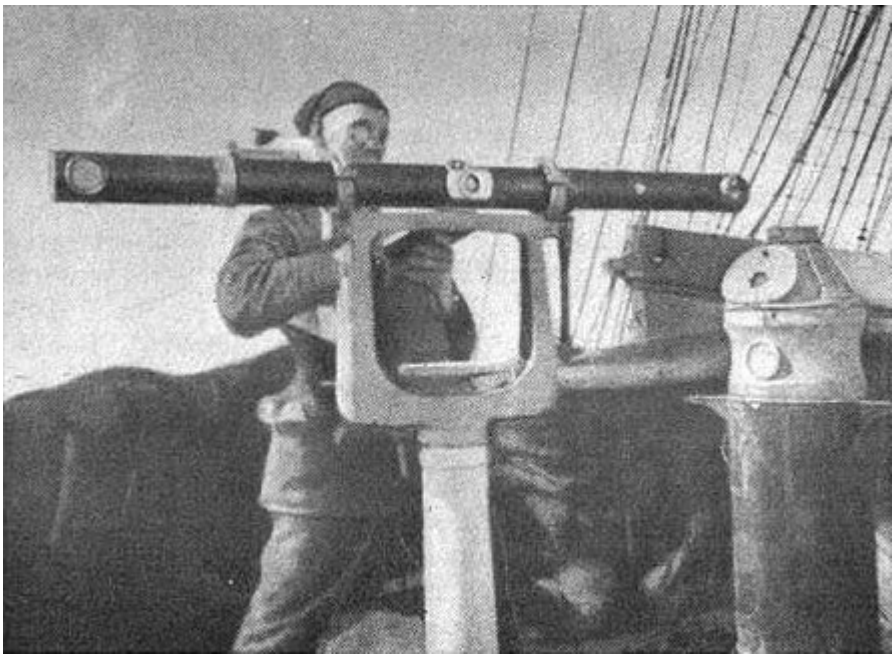
Остров[13], где находился этот большой вулкан в виде правильного конуса, явился непреодолимым препятствием для дальнейшего продвижения на юг — его берег поворачивал на восток, — и Россу пришлось проститься с надеждой достигнуть Магнитного или географического Южного полюса. Со временем остров, преградивший Россу путь к югу, был назван его именем, действующий вулкан и соседний, потухший, получили наименования судов экспедиции «Эребус» и «Террор», а сравнительно свободное ото льда море было названо морем Росса. Все эти названия будут часто встречаться в нашем рассказе о том, что нам пришлось пережить в 1910–1913 годах.

Капитан Росс оставил гору Эребус по правому борту и пошел на восток. На протяжении более 400 миль [644 км] он плыл вдоль ледяной стены, не пускавшей его на юг и тянувшейся в чистом от паковых льдов море, сколько хватал глаз, далеко на восток. Стену эту капитан Росс назвал, как нельзя более точно в его положении, «Великий Ледяной Барьер»[14] и описал в своей книге следующими словами: «Невозможно представить себе более монолитную массу льда; на всем ее протяжении мы не смогли обнаружить ничего похожего на щель или трещину, и, судя по интенсивно яркому небу над ней, она простиралась далеко к югу».

В этом плавании Росс достиг 77°46′ южной широты, то есть продвинулся на юг намного дальше всех предшествующих исследователей и поставил рекорд, который в течение последующих пятидесяти лет не мог превзойти никто. Это удалось лишь после того, как на парусниках появились паровые машины, открывшие новую эру в исследовании Антарктики, ибо они несколько уменьшили зависимость судов от капризов паковых льдов. Теперь корабли отваживались приближаться к берегу и стоять на якоре столько времени, сколько было необходимо для выгрузки снаряжения береговых партий и достаточного числа людей.



Зоолог за работой



Съемка кромки Барьера с борта «Терра-Новы»

Дальнейшие исследования Росса, важные сами по себе, не представляют непосредственного интереса для нас, так как поле деятельности нашей экспедиции ограничивалось названными

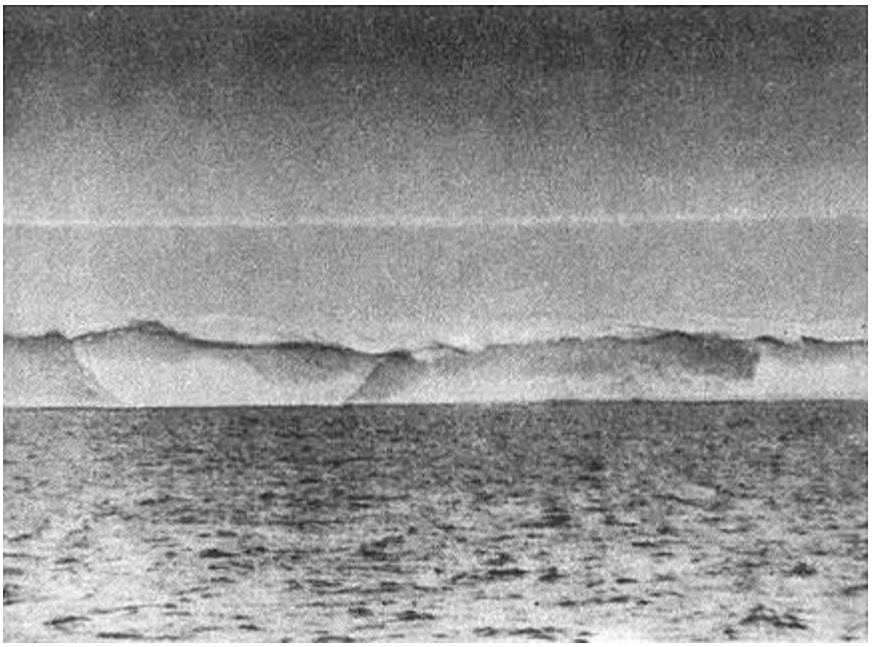
выше местами.

Следующее слово в истории Земли Виктории принадлежит плаванию норвежского китобойца под командой капитана Кристенсена. Шестнадцатого января 1895 года его люди увидели мыс Адэр на северной оконечности Земли Виктории, через два дня «Антарктик», продвинувшись на юг почти на три градуса, достигла острова Позешен и экипаж сошел на берег в том самом пункте, где 55 лет назад Росс водрузил английский флаг и объявил прилежащее побережье английским владением.

На борту «Антарктик» находился молодой австралиец норвежского происхождения по имени Карстенс Борхгревинк[15], который так страстно желал побывать в Антарктике, что нанялся в рейс простым матросом. Этот смельчак, обуреваемый дерзкими замыслами, возвратившись из плавания, решил сам организовать экспедицию. Прошло несколько лет — и ему удалось увлечь своими планами сэра Джорджа Ньюнса[16]. Тот финансировал предприятие, и в 1899 году Борхгревинк во главе береговой партии высадился на мысе Адэр, отправил доставившее его судно «Южный крест» обратно в Австралию и перезимовал на Антарктическом континенте, чем положил начало новому этапу полярных исследований. Однако мыс Адэр, выбранный Борхгревинком для высадки случайно, только потому, что он на нем уже бывал, оказался плохой базой для санных вылазок: местность вокруг, как будет видно из нашего рассказа, была почти непроходимой, и это сильно ограничивало работу экспедиции. Тем не менее Борхгревинку принадлежит заслуга новаторства — он применил новую методику экспедиционных работ, и те из нас, кто шел по его следам, убеждены, что сделанное им не оценено по достоинству. Первая зимовка на Антарктическом континенте — дело нешуточное, а ее руководителю, успешно проведшему через это испытание почти всех своих людей, никак нельзя отказать по крайней мере в организаторском таланте.

Следующим летом «Южный крест» снял береговую партию и пошел дальше на юг. Люди Борхгревинка высаживались на Барьер и предпринимали небольшие санные вылазки, но поставленный Россом рекорд продвижения на юг превзошли очень ненамного.

«Фрам» в Китовой бухте



Кромка барьера Росса

После того как Борхгревинк с успехом использовал для передвижения сани и на собственном примере доказал, что на Антарктическом континенте можно прожить год и даже больше, стало ясно, что темпы продвижения на юг могут быть

существенно ускорены. Это дало новый могучий стимул полярным исследованиям, и непреодолимому для Росса «Барьеру» было суждено превратиться в «Южный тракт».

В 1901 году с территории Европы одновременно отправились три большие научные экспедиции для проведения международной программы научных исследований в Антарктике[17]. Английская экспедиция на «Дисковери» во главе с покойным капитаном Р. Ф. Скоттом снова избрала полем своей деятельности район Земли Виктории. Во время предварительного летнего плавания англичане обследовали Барьер Росса и благодаря исключительно благоприятному состоянию льдов смогли добраться до его восточного края, где их взорам открылась низменная местность. Капитан Скотт окрестил ее именем короля Эдуарда VII. Паковые льды[18], все время затиравшие судно, и плотный туман не давали произвести достаточно обстоятельные наблюдения. Экспедиция Шеклтона впоследствии и вовсе не сумела пробиться в эти места. Вот почему одной из задач нашей экспедиции 1910–1913 годов станет изучение Земли Короля Эдуарда VII[19].

Благополучно завершив плавание вдоль ледяного барьера, судно капитана Скотта «Дисковери» прибыло в бухту у юго-западной оконечности острова Росса, здесь вмерзло в лед и прозимовало два года. Отсюда в течение двух сезонов предпринимались дальние санные походы. Наиболее значительными из них были поход на юг Скотта, Шеклтона и Уилсона, достигших 82°17′ южной широты, то есть превысивших прежний рекорд приблизительно на 200 миль [322 км], и в следующем году — поход Скотта, Лэшли и Эванса на запад, когда исследователи почти на 300 миль [483 км] проникли в глубь континента.

Далее попытку завоевать Южный полюс предпринял сэр Эрнест Шеклтон, сопровождавший Скотта в его броске к югу. В экспедиции Шеклтона автор этой книги получил боевое крещение. «Нимрод» вышел из Новой Зеландии 1 января 1908 года, провел в водах Антарктики всего лишь пятнадцать месяцев, но за это время был проделан неправдоподобно большой объем работы. В единственный сезон, допускающий передвижение на санях, все участники экспедиции были разделены на три партии: одна, с четырьмя пони, пробивалась к полюсу, другая, состоящая из трех человек, пошла на поиски Южного магнитного полюса, третья — в ее составе был я — занималась геологической разведкой в районе ледника Феррара.

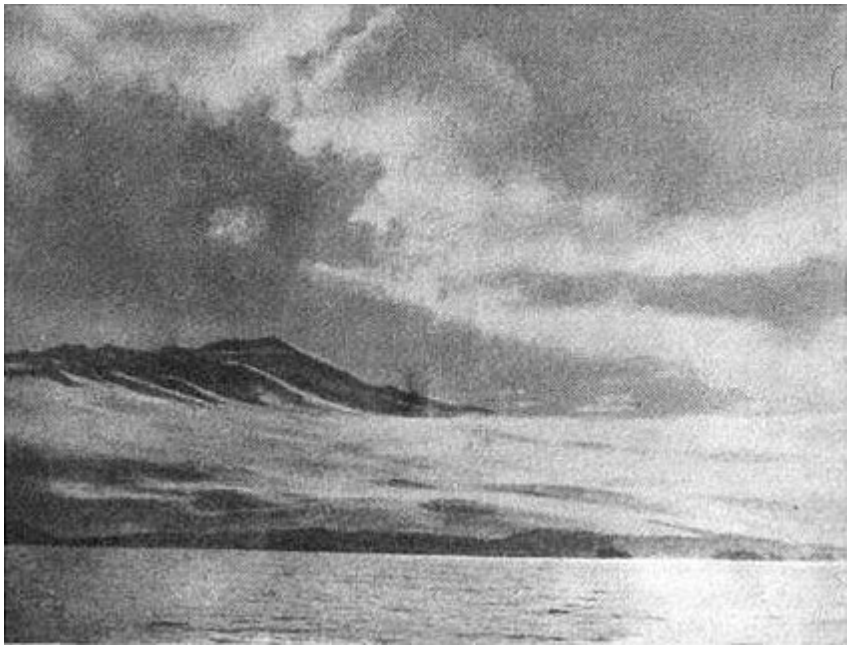
Южной партии в составе Шеклтона, Маршалла, Адамса и Уайлда потребовалось двадцать пять дней, чтобы достигнуть

самой южной точки, до которой дошел Скотт. Затем, хотя продвижению вперед мешал горный хребет, о существовании которого они и не подозревали, они приблизились к своей цели еще на шесть градусов широты (360 миль [579 км]). От полюса их отделяли всего лишь 97 миль [156 км]. Это было выдающимся достижением, исследователи сделали все что могли в тех условиях, не щадя своих сил и преодолевая большие лишения; достаточно сказать, что в самом конце похода им пришлось два дня идти голодными, пока они не достигли нижнего склада на огромном леднике Бирдмора. Будь погода хуже, их могла бы постичь катастрофа, подобная случившейся в 1912 году, но в экспедиции Шеклтона самое поразительное то, что ей неизменно сопутствовала удача. Когда, в начале марта, участники Южной партии, хотя и не выполнившей свою главную задачу, но поставившей блистательный рекорд, совершенно обессиленные вернулись к месту стоянки «Нимрода», они узнали, что группа профессора Дейвида добилась не меньшего — она таки достигла Южного магнитного полюса. Шестого октября ее участники вышли с мыса Ройдс — главной базы экспедиции на острове Росса, — пересекли пролив Мак-Мёрдо, заложили склад на мысе Баттер и проделали 200 миль [322 км] вдоль побережья. Отсюда, по их мнению, начинался наиболее прямой путь к их цели. Они повернули в глубь континента, по небольшому выводному леднику поднялись на прибрежный хребет, вышли на плато и направились к полюсу. Если вспомнить, что у них не было иных средств передвижения кроме влекомых людьми саней, нельзя не признать, что их подвиг до сих пор не имеет себе равного в истории современных географических открытий.

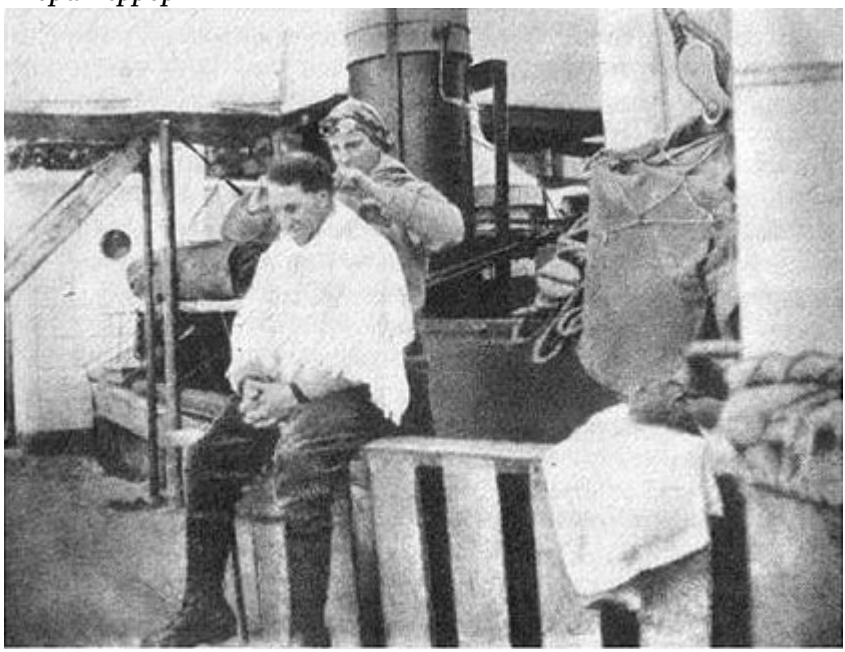
Обратный путь, как и у Южной партии, был очень труден: продовольствия оставалось в обрез, одежда плохо защищала от морозов, царящих на плато, и все же они благополучно достигли побережья, хотя и с опозданием на несколько дней, и вскоре взошли на борт «Нимрода».

Между тем капитан Скотт, возвратившись на родину, не переставал думать о новой экспедиции в Антарктику, которая завершила бы его успешное начинание 1901 года. В конце концов ему удалось осуществить свои замыслы: в 1910 году вторая экспедиция Скотта — ее чаще называют последней экспедицией капитана Скотта — покинула берега Англии. Наш руководитель Роберт Скотт был прежде всего ученым, и этому обстоятельству обязана своим существованием в виде самостоятельной группы наша Северная партия. Хотя он с самого начала не скрывал, что его главная цель — достижение Южного полюса, он хотел, чтобы экспедиция принесла как можно больше пользы науке, а для этого

были необходимы два отряда. И вот в декабре 1910 года «Терра-Нова» с шестьюдесятью человеками на борту — такого грандиозного предприятия еще не знала история Антарктики — пробивается сквозь паковые льды у входа в море Росса. Пересечение зоны паковых льдов, необычайно сплоченных в том месте, где мы пытались пройти, заняло три-четыре недели, и только 4 января 1911 года мы вышли на открытую воду. Здесь судно взяло курс на мыс Крозир, северо-восточный выступ острова Росса, но, обескураженные сильным прибоем, который затруднил бы высадку, мы произвели разведку берега с одной из наших китобойных шлюпок и медленно двинулись вдоль него, одновременно занимаясь наблюдениями. Удобная зимовочная база могла быть построена дальше, на мысе Ройдс, где базировалась экспедиция Шеклтона, но, обогнув мыс и пройдя дальше в пролив Мак-Мёрдо, мы увидели, что в этот сезон открытой воды было больше обычного и лед отступил намного дальше, чем мы предполагали. Это позволило нам достигнуть другого места на суше — небольшого полуострова сглаженных очертаний, который капитан Скотт назвал в честь своего старшего помощника мысом Эванс. Мы высадили несколько человек, они убедились, что мыс довольно хорошо защищен и есть удобные площадки для дома и станции, и тут же началась переброска грузов на санях по еще сохранившемуся в заливе морскому льду, образовавшему как бы естественный причал, у которого ошвартовалась «Терра-Нова». Высадка и связанные с ней происшествия относятся скорее к истории главной партии, поэтому мое повествование о Северной партии начинается немного позднее, с момента ухода вспомогательной Южной партии, которой предстояло заняться устройством промежуточных складов.



Гора Террор



Все мы парикмахеры

Это краткое введение, где изложена, с момента открытия по сей день, история Земли Виктории (или австрало-азиатского сектора Антарктики), о которой пойдет речь в нашей книге, поможет читателям, не знакомым с предыдущими экспедициями, понять, где находятся географические пункты, называемые в ходе

повествования, и лучше представить себе те события, с которыми они связаны.

Глава I
Первое расставание

Прощание с партией по устройству складов. — Расставание. — Историческое место. — Зов Юга. — Собаки и пони рвутся в путь. — Северная партия: планы и люди.

Двадцать шестого января 1911 года небольшая группа людей стояла на морском льду к югу от ледникового языка. Спускаясь в море со склонов Эребуса, он образует нечто вроде огромной естественной дамбы — достойный монумент могущественному морозу, всесильному владыке Антарктики.

По крайней мере шестерым из тех, кто остался в живых, суждено запомнить происходившее до конца своей жизни: здесь мы, участники Северной партии, прощались с нашими товарищами, которым предстоял последний решительный штурм Южного полюса. Хотя никакие мрачные предзнаменования не нарушали безмятежной атмосферы прощания, судьба распорядилась так, что мы больше никогда не увидели пятерых человек, которых с гордостью числили среди своих друзей.

После бурного плавания «Терра-Нова» благополучно достигла берегов острова Росса. Мы помогли главной партии устроиться на удобную зимовку в таком месте, откуда, как мы полагали, открывался благоприятный выход на снежную равнину, по которой путешественникам предстояло пройти первые триста миль [483 км] на пути к полюсу. Их снаряжение и припасы были выгружены с потерей всего лишь одних моторных саней, и вот теперь они должны сделать первый рывок в атаке на полюс.

Людям из Южной партии не терпится приступить к делу, да и животные — собаки и пони — в лучшем состоянии, чем можно было бы ожидать после столь длительного морского путешествия. Все полны самых радужных надежд. Участники санной партии уверены, что не ударят лицом в грязь, да и все остальные, на чью долю выпала более будничная работа, тоже надеются с ней справиться.

Этот день объявлен выходным, и весь экипаж, кроме тех, кто не мог покинуть свое рабочее место, высыпал на лед пожелать путешественникам счастливого пути. Такого скопления народа, можно сказать толпы, Земля Виктории еще не видела, да, наверное, и нескоро увидит снова. День выдался на славу, погода ясная, и только холодный ветерок напоминает нам, где мы

находимся, и не дает нашим мыслям разбегаться в стороны.

Этому участку Антарктики суждено войти в историю — здесь на протяжении всего лишь 20 миль [32 км] расположены базы трех крупных английских экспедиций, из которых только одной удалось достигнуть конечной цели: водрузить «Юнион Джек» в самой южной точке земного шара. У входа в пролив Мак-Мёрдо находится мыс Ройдс, где базировалась экспедиция Шеклтона 1907–1909 годов. Семью милями [11,3 км] южнее — наш лагерь, где большинству присутствовавших предстояло провести следующий год. Еще дальше на юг, приблизительно на расстоянии дневного перехода от мыса Эванс, лежит мыс Хат, где первая экспедиция капитана Скотта поставила хижину для санных партий на случай, если бы «Дисковери» пришлось по какой-либо причине сняться с якоря.

Все три черные площадки скальных выходов, приютившие зимовки, постепенно повышаясь к востоку, переходят в склоны Эребуса, которые милях в десяти [16 км] от моря резко сближаются на высоте около 5 тысяч футов [1525 м] и венчают гору огромным куполом. На краю континента, закованного в лед, он являет собой беспримерное свидетельство мощи огня.

Из действующего кратера, скрытого в обрушившейся вершине конуса, тянутся на север и запад изящные тонкие перышки дыма. Конус возносится ввысь на 13 тысяч футов [3965 м], его склоны покрыты ледниками, которые то спокойно спускаются по ровному ложу, то низвергаются ледопадами сераков[20] по пересеченному рельефу. От этого зрелища глаз не оторвать, но с красотой вулкана может поспорить все, что нас окружает.

Если обратить взор на юг и запад, он прежде всего остановится на длинном выступе мыса Хат, сложенном черными и красными базальтами. Те из нас, кто там бывал, живо представляют себе стоящий на мысу одинокий деревянный крест в память человека, отдавшего свою жизнь ради того, чтобы вырвать у природы тайны этой земли. Пройдет немного времени — и рядом встанет другой крест, повыше, в ознаменование гибели уже не одного человека, а пятерых, которые безропотно погибли во имя идеи[21]. Дальше видны возвышенности и снежная равнина ледника, по которой пролегает дорога на юг, а еще дальше к западу вздымается на высоту 10 тысяч футов [3050 м] совершенно правильным конусом вершина горы Дисковери. За ней во всех направлениях простираются горы, вершина теснится к вершине, складываясь в могучие хребты. Они будут служить ориентиром нашей партии, когда она вдоль берега устремится на север, и в то же время помогут найти путь к полюсу тем, кто пойдет в южном направлении, хотя, по свидетельству Шеклтона,

первопроходца здешних мест, в нескольких сотнях миль к югу горы резко поворачивают и преграждают дорогу покорителям полюса, образуя почти непреодолимое препятствие.

Те, кому посчастливилось любоваться подобным зрелищем, могут — пусть отчасти — понять, что такое «зов Юга», но на самом деле подобные экспедиции привлекают не столько красотами природы, сколько особыми взаимоотношениями между небольшой группой офицеров и остальными участниками. В антарктической экспедиции дисциплина соблюдается строже, чем где бы то ни было, и все же здесь как нигде начальник и подчиненный находятся на равных, и тот и другой должны обладать душевными качествами, необходимыми для успеха дела. В Антарктике люди сближаются как нигде, и их потом до конца жизни влечет край, где возвышение или уничижение зависело только от твоих собственных заслуг и где ты познал нерушимую дружбу.

Сцена старта очень оживленная. Сани с собачьей упряжкой стоят наготове в ожидании сигнала, псы выражают свое нетерпение непрерывным лаем и, чтобы скоротать время и повлиять на ход разговоров, пытаются сбиться в один клубок. На порядочном расстоянии от собак, в недосягаемости от их пагубного воздействия, выстроились конные упряжки. Пони относятся ко всему происходящему куда более равнодушно, и их погонщики, каждый в окружении своих болельщиков, спокойно стоят рядом. Капитан Скотт прощается с руководителем Северной партии Кемпбеллом, дает ему последние напутствия и советы, как лучше устроиться на зимовку.

Больше всего людей окружает — кто стоя, кто сидя на санях с грузом — доктора Уилсона, самого популярного участника экспедиции, которого любовно называют «дядя Билл». За каких-то пару месяцев знакомства все настолько к нему привязались, что разлука с ним воспринимается как трудно восполнимая утрата.

Северная партия на мысе Адэр. Верхний ряд: Абботт, Дикасон, Браунинг;
нижний ряд: Пристли, Кемпбелл, Левик

Но вот время, отведенное на прощание, истекло, мы, с шапками в руках, выкрикиваем последние пожелания уже вслед устремившейся на юг партии, и только в наших сердцах продолжают звучать врезавшиеся навсегда в память слова нашего начальника, который каждому пожелал удачи и поблагодарил за все, что тот успел сделать для успеха экспедиции.

Итак, группа капитана Скотта отбыла, положив начало дроблению нашего немногочисленного отряда на постоянные партии. Нам же теперь предстояло возвратиться на борт судна и приготовиться к расставанию еще с тремя группами товарищей. После этого мы, шестеро участников Северной партии, будем предоставлены самим себе в течение двадцати месяцев, если не считать четырех дней на борту судна в начале января 1912 года.

В этой книге речь пойдет в основном о маршрутах Северной партии и испытаниях, выпавших на ее долю; поэтому пора мне уже познакомить читателей с моими товарищами и представиться самому. Капитан Скотт, еще только замышляя экспедицию, решил, что, хотя ее главной целью будет завоевание Южного полюса, никоим образом нельзя пренебрегать и другими географическими исследованиями. В результате была создана

отдельная партия во главе с лейтенантом Кемпбеллом, которая должна была действовать совершенно независимо от Южной партии.

Под началом Кемпбелла находились двое офицеров и трое матросов, в его распоряжение был предоставлен сборный дом и припасы на два года. Вот состав Северной партии:

Лейтенант военно-морского флота Виктор Кемпбелл — начальник.

Реймонд Пристли — геолог и метеоролог.

Военный врач Муррей Левик — врач, зоолог, фотограф.

Унтер-офицер военно-морского флота Джордж Абботт.

Унтер-офицер военно-морского флота Фрэнк Браунинг.

Матрос военно-морского флота Гарри Дикасон.

Глава II
В поисках места для лагеря

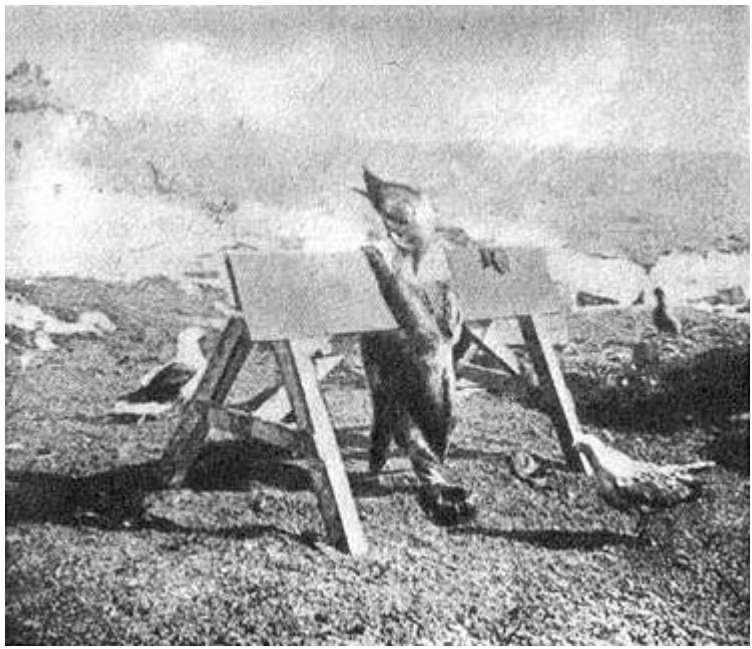
Подготовительные работы. — Обеспечение судна водой. — Ледниковый язык. — Высадка Западной партии. — Мыс Баттер. — О складах. — Высадки на мысе Эванс и мысе Ройдс. — В окружении пингвинов Адели. — Вдоль Великого Ледяного Барьера. — Рождение айсбергов. — Невозможность высадки на Земле Короля Эдуарда VII. — Встреча с Амундсеном. — Наши впечатления от норвежской экспедиции. — Собаки. — Возвращение на мыс Эванс. — Отправка пони на берег. — К мысу Адэр. — Семь дней шторма. — Мыс Адэр.

До ухода Южной партии по устройству складов все мы были заняты тем, что строили на мысе Эванс хижину для основной партии, выгружали припасы и всячески улучшали зимовочную базу, обеспечивая ее всем необходимым на год-два и даже больше. Вдруг судно не сможет вернуться за это время!

Целых три недели мы трудились из всех сил, но зато, как показало время, сделали все на совесть. Теперь «Терра-Нове» оставалось лишь найти место для зимовки нашей партии, после чего она покинет Антарктику и направится в Новую Зеландию; за зиму она подремонтируется и пополнит свои запасы к следующему сезону.

Вечером 26 января мы дружно «поили» корабль. Естественный ледяной причал, о котором я уже упоминал, был образован одним из самых активных ледников, спускавшихся со склонов Эребуса. Подобные ледники окаймляют почти весь берег острова Росса. Наш «причал» получал от ледника столь обильное питание, что его конец выдвигался в море быстрее, чем его успевали разъесть и уничтожить набегавшие волны. И вот возник характерный для Антарктики плавучий выступ льда, какие известны под названием ледниковых языков. Первым мы окрестили так наш «причал», наиболее типичный в своем роде.

Лето на мысе Эванс



Их дерзость беспредельна

Ясно, что ледниковый язык, состоявший из пресного льда, как нельзя лучше подходил для того, чтобы наполнить водой судовые цистерны, тем более что он был сравнительно невысок, почти вровень с леером[22]. «Терра-Нова» еще раньше пришвартовалась

к нему — иначе бы не выгрузить сани и провиант для партии по устройству складов, и, попрощавшись с Южной партией, мы перекинули с палубы на лед широкие сходни, сбросили лопаты и ломы — и работа закипела. Одни сгребали лед и складывали в огромные цинковые баки или же выламывали большие ледяные глыбы и по сходням скатывали на палубу, другие перетаскивали лед в цистерны, примыкавшие к машинам. Здесь он таял, превращался в воду, которую ведрами уносили в носовые цистерны. Еще одна группа в это время возила на санях корм и сухари для собак — мы оставляли здесь большой склад. Работа и тут, и там спорилась, и утром 27 января мы окончательно покинули ледниковый язык. Осенью того же, 1911 года, язык, который, судя по всем признакам, не изменялся с 1901 года, стал короче на три-четыре мили [4,8–6,4 км] из-за того, что его конец оторвался и в виде огромного айсберга поплыл вдоль западного побережья. Здесь его видела в сентябре санная партия капитана Скотта, но когда в 1912 году наша группа совершала по берегу переход на санях, айсберга уже и в помине не было.

На сей раз «Терра-Нове» предстояло высадить геологическую партию под руководством Гриффиса Тейлора как можно ближе к леднику Феррар на западном берегу пролива Мак-Мёрдо. Спустя несколько часов мы уже бросили якорь у кромки припая[23], еще покрывавшего бухту у выхода ледника. Левик с несколькими матросами пошел охотиться на тюленей, неживших на льду, а Кемпбелл, Дебенхэм и я поднялись к подножию ледника напротив гор, что к югу от Феррара, чтобы осмотреть старый склад экспедиции Шеклтона. Склад был цел и невредим, и мы без труда нашли его по бамбуковому шесту и вылинявшим лохмотьям, в которые метели превратили наш черный флаг над складом.

Мыс Баттер — так называл его капитан Скотт — также слывет местом историческим. Сюда прибывали все партии, направлявшиеся на ледник Феррар или через него на плато. В 1902 и 1903 годах и Скотт, и Армитедж прошли через мыс на пути к западному проходу. Своим названием[24] он обязан банке с маслом из первого склада на склоне мыса. Предполагалось, что на обратном пути санная партия, соскучившаяся за много месяцев по свежей пище, поджарит на нем мясо тюленя. Здесь же несколько лет спустя заложила свой первый склад группа профессора Дейвида из экспедиции Шеклтона — они оставили на мысу все, без чего могли обойтись в походе к Южному магнитному полюсу. Двумя месяцами позднее участники Западной группы, в числе которых был и я, нашли на мысе Баттер письмо профессора Дейвида. Следуя его рекомендациям и указаниям нашего начальника, мы провели близ мыса много

дней, хотя и томились бездействием; однажды, сонными, были унесены на льдине и целые сутки болтались в море. Когда по нашему сигналу пришел «Нимрод», мы оставили на мысу недоеденные продукты и лишние вещи, которые могли понадобиться партии Дейвида. Вот этот-то склад мы и осматривали теперь.

«Западный тракт»

Провизия оказалась в хорошем состоянии, и большую ее часть мы положили обратно — для партии Тейлора, чей обратный путь пролегал через мыс Баттер. Я же взял кое-что из своей одежды, и пару лет спустя она оказалась весьма ценным подспорьем к моему снаряжению. Кроме того, матросы вынули из склада пачку сигарет, припрятанную для заядлого курильщика Маккая[25], и разделили между собой — как сувениры.

Хижина Шеклтона на мысе Ройдс

Пока мы осматривали склад, с «Терра-Новы» подоспели ящики с провиантом для Западной партии, мы показали Дебенхэму, куда их поместим, и он, попрощавшись, ушел — к своей партии. Мы тем временем закопали ящики, как следует укрыли склад, поставили над ним новый черный флаг и возвратились на судно. К этому времени санная партия уже была в нескольких сотнях ярдов от берега и быстро двигалась к долине ледника. Эта величественная впадина, прямая как римская дорога, тянется на 30 миль [48,3 км] между утесами высотой в несколько тысяч футов, и, вглядываясь в ее дали, я думал, какие сюрпризы она готовит путешественникам. Я чуть ли не завидовал моим товарищам. Ведь они направлялись в самое сердце этого живописного континента, где два года назад был и я в составе летней санной партии. Дел тогда, притом интереснейших, было по горло, и эти шесть-семь недель оставили у меня самые приятные воспоминания.

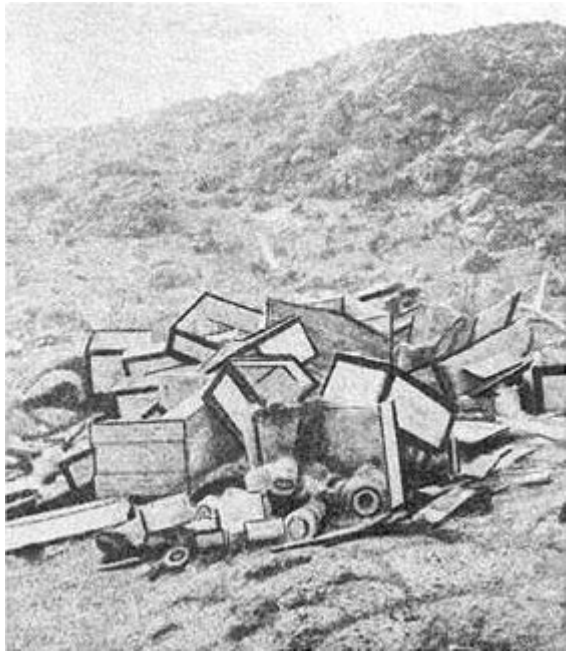
Несколько минут спустя меня вывел из раздумья грохот поднимаемых ледовых якорей. Следующей нашей целью был мыс Эванс, где высаживались Нельсон и Понтинг. И эта операция прошла без сучка, без задоринки, мы снова прощались, и снова «Терра-Нова» покидала берег, как многим из нас казалось — навсегда.

Затем мы взяли курс на мыс Ройдс, где находился зимний лагерь Шеклтона и где в третью неделю января Кемпбелл, Левик

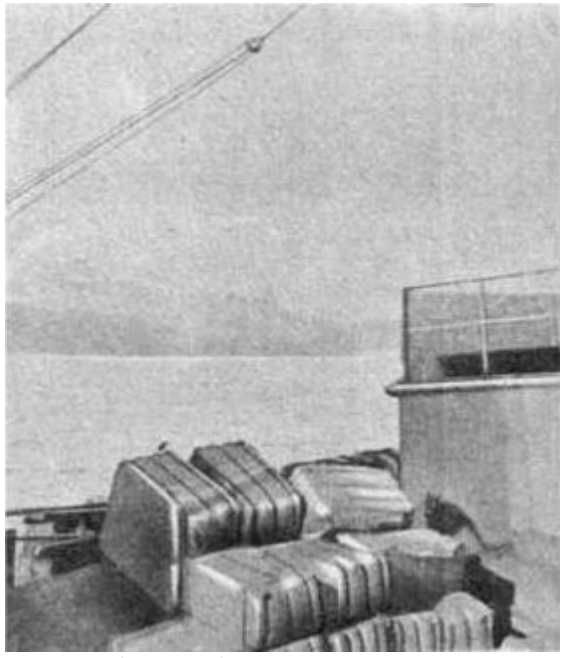
и я закопали собранные поблизости геологические образцы. Примерно через час «Терра-Нова» приблизилась к мысу Флагшток — выдвинутому в море выступу полуострова с флагштоком на нем, спустили лодку, и Кемпбелл с несколькими людьми погреб к берегу. Высадились они легко — прибой в бухточке у птичьего базара был несильный, склад тоже нашли и отрыли быстро, труднее всего оказалось изгнать из лодки пингвинов. Мы поставили ее вдоль кромки льда, преградив таким образом доступ к гнездовьям, но это, по-видимому, ничуть не смутило птиц. Они как ни в чем не бывало выходили из воды в нескольких ярдах от нас, но, заметив лодку, которую несомненно принимали за приблудшую льдину, тут же исчезали. Я-то по опыту прошлых лет знал, что последует дальше, и с интересом ждал развязки, но матрос, помогавший мне грузить образцы, не был знаком с причудами пингвинов Адели[26]. Не берусь судить, кто больше удивился, — он или пингвины, когда те начали шестерками пикировать на дно лодки. Поняв, что попали впросак, они рассвирепели не на шутку и с яростью набросились на беднягу, он же изо всех сил отбивался и сбрасывал птиц в море. Помню аналогичный случай: пингвин выпрыгнул из воды и, приняв сидевшего на корме рулевого за удобную для отдыха глыбу льда, уселся к нему на колени. Тут он взглянул человеку в лицо, издал истерический вопль ужаса и бросился обратно в воду. Заснять бы этот эпизод, получился бы бесценный документ для изучения мимики: никогда, ни прежде, ни потом, я не видел такого беспредельного удивления, как на лице у нашего уважаемого рулевого, разве что у самого пингвина.

Мы поймали и убили несколько птиц для стола, одного или даже, кажется, двух птенцов взяли для коллекции, в дополнение к пингвиньим трупикам и геологическим образцам прихватили с собой два комплекта «Скетча» в переплетах, попавших сюда в 1909 году с «Нимрода». Как мы и предполагали, они явились достойным дополнением к нашей библиотеке, небогатой иллюстрированными изданиями.

Едва прошел час после спуска лодки на воду, а мы уже поднялись с трофеями на борт, и судно пошло к Земле Короля Эдуарда VII. Берега острова Росса постепенно исчезли из поля зрения, и многие думали, что не увидят его во всяком случае год.



Следы бывших обитателей хижины



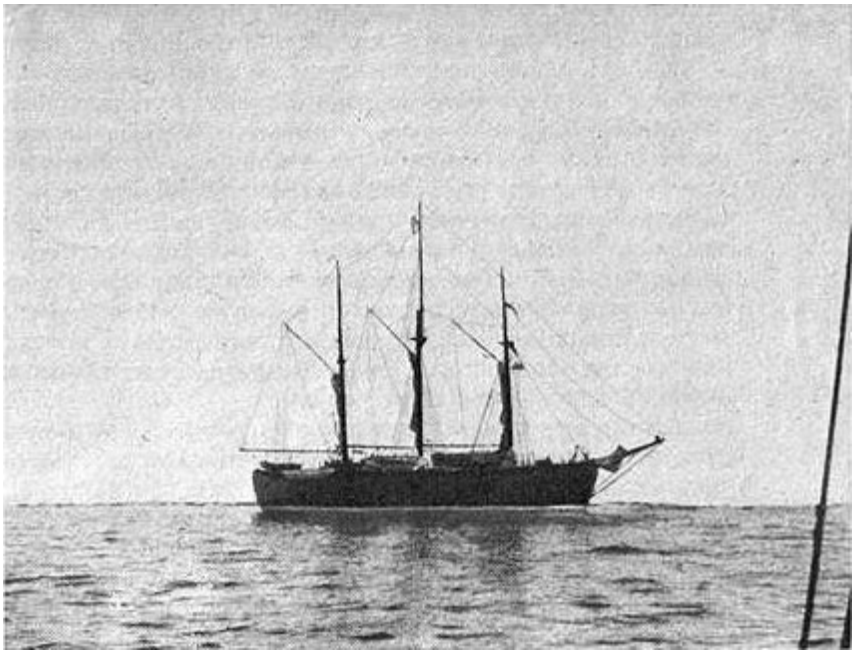
Фураж для пони Северной партии

Несколько дней мы двигались вдоль Барьера, следуя всем его изгибам и нанося их на карту, чтобы проверить, не изменилось ли их положение с тех пор, как было в последний раз зафиксировано

офицерами «Нимрода». Плавание всем доставляло удовольствие. Погода стояла вполне сносная, море было довольно спокойным, и хотя мало что нарушало монотонность будней, ее скрашивало то, что все с утра до позднего вечера трудились. Людей на борту сильно убавилось, стало намного просторнее, и это имело двоякие последствия: мы могли больше заниматься физической работой и не теряли потому формы, приобретенной за время выгрузки на мысе Эванс, а кроме того, ели теперь с бо́льшими удобствами. В кают-компании «Терра-Новы» свободно размещалось до двенадцати человек, но когда экспедиция еще была в полном составе и к столу являлось чуть ли не в два раза больше офицеров, они по необходимости жались друг к другу как сельди в бочке. Кемпбелл воспользовался высвободившимся помещением, чтобы переместить наши припасы и снаряжение поближе к выходу, и мы целый день перетаскивали вещи с места на место, отвлекаясь от этого занятия лишь когда надо было помочь тянуть канат, поколоть часок-другой уголь или покачать насос.

Положение Барьера в основном не изменилось по сравнению с прошлым разом, хотя даже за три-четыре дня плавания мы по многим признакам убедились в том, что он все время находится в процессе преобразования. Не раз мы видели, как от него откалывались небольшие айсберги. Вода непрестанно подмывает Барьер, под напором волн от него время от времени отделяется кусок и с грохотом, напоминающим гром при грозе, падает в воду, вздымая на сотни ярдов брызги и обломки льда.

Мы не особенно старались высмотреть на стене место для высадки, так как Кемпбелл предпочитал сойти на берег прямо на Земле Короля Эдуарда VII, но это оказалось невозможным: мыс Колбек мы прошли по необычно большому участку открытой воды, но как только обогнули его, паковые льды снова сомкнулись вокруг корабля и в конце концов заставили нас повернуть обратно. До этого же мы видели лишь неприступную стену, сколько ни вглядывались в ледяные утесы, окаймляющие землю.



«Фрам»

Слово «земля» безусловно неправильно в применении к Земле Короля Эдуарда VII. Одно название этого острова[27] немедленно воскрешает в памяти голые скальные выходы вперемежку со льдом. С палубы нашего судна были видны только ровные ледяные склоны высотой приблизительно от 700 до 1000 футов [214–305 м], кое-где разорванные трещинами. О том, что под ледяным покровом есть земля, можно было только догадываться по его высоте и по трещинам: они убеждали нас в том, что он лежит непосредственно на неровной поверхности.

Плотные паковые льды, делавшие продвижение на восток от мыса Колбек слишком рискованным, заставили Кемпбелла и Пеннелла изменить курс. В конце концов мы могли высадиться где угодно. «Терра-Нова» повернула на сто восемьдесят градусов и пошла обратно вдоль Барьера, мы же внимательнее, чем прежде, вглядывались в берег в поисках доступного места.

Вот так мы продвигались на запад, вечером 3 февраля обогнули восточный мыс Китовой бухты и вдруг увидели в бухте корабль, к нашему величайшему удивлению. И было чему удивляться! Суда не так уж часто посещали море Росса, чтобы можно было ожидать случайной встречи, а в то время на борту «Терра-Новы» скорее всего никто и не подозревал, что у нас есть соперники в этой части Антарктики, хотя большинство слышало о намерении Амундсена достигнуть полюса.

Мы немедленно отдали ледовый якорь недалеко от

незнакомца, в котором многие теперь узнали известный по книгам Нансена[28] или виденный ими «Фрам», самый знаменитый полярный корабль. Сначала он не подавал никаких признаков жизни, но потом на палубе появился человек, и Кемпбелл направился к нему. Вахтенный — ибо это оказался вахтенный, оставленный сторожить корабль, — сообщил, что Амундсен расположился поблизости на зимовье и с минуты на минуту должен появиться. И в самом деле, вскоре подоспели норвежские исследователи и пригласили Кемпбелла, Пеннелла и Левика позавтракать с ними на следующий день и осмотреть «Фрам».

Приняли их очень любезно, и в тот же день Амундсен, Нильсен и еще один лейтенант, имени которого никто не запомнил, пришли к нам на ленч.

После ленча все, кто был свободен, пошли с гостями осматривать «Фрам», а двое наших остались на борту и показали «Терра-Нову» людям с «Фрама». Когда обмен любезностями закончился, «Терра-Нова» подняла якоря и, продолжая попутное траление, медленно поплыла из бухты.

Встреча с Амундсеном заставила нас задуматься и коренным образом изменить наши планы. Впечатление, которое она произвела на меня да, наверное, и на всех моих товарищей, лучше всего передает запись в моем дневнике:

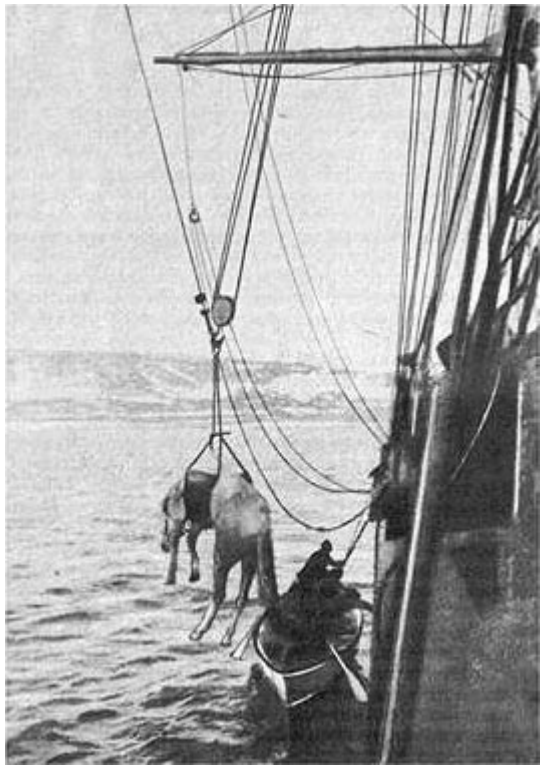
> «Итак, мы расстались с норвежцами, но все время думаем, вернее, не можем не думать о них. Все они показались мне людьми с яркой индивидуальностью, упорными, не пасующими, конечно, перед трудностями и неутомимыми в ходьбе, легкими в общении, с чувством юмора. Сочетание всех этих достоинств делает их опасными соперниками… Мы узнали новости, неприятные и для нас, и для Южной партии, но весь остальной мир будет, конечно, с напряженным интересом следить за гонкой к полюсу, которая может иметь любой исход. Зависит он и от случая, и от упорных усилий, которые приложат обе стороны… Если норвежцы перезимуют благополучно, то в числе их преимуществ будут собаки, которых у них много, энергия нации того же северного типа, что и наша, опыт путешествий по снегу, не имеющий равного себе на земле. Остается ледник. Смогут ли их собаки преодолеть его, а если смогут, то кто же пройдет его первым?
>
> Одно я знаю твердо: наша Южная партия сделает все возможное и невозможное, лишь бы не уступить

первенства, и мне представляется, что скорее всего в будущем году полюса достигнут обе партии, но кто окажется первым, известно одному господу богу».

Главным козырем норвежцев несомненно были их великолепные собаки, и мы даже тогда хорошо понимали, что если Амундсен выиграет гонку, то в значительной мере именно благодаря им. На что способны их упряжки, мы видели, когда Амундсен приехал к нам с визитом. Его собаки бежали хорошо, и он их не подгонял, пока не поравнялся с судном. Здесь он свистнул, и вся упряжка остановилась как вкопанная, разом, словно это был один пес. Затем по его команде собаки развернули сани, он же поднялся к нам и оставил их без присмотра; и они ожидали его возвращения на этом самом месте. Это все были сильные зверюги, отлично вымуштрованные, а как известно, в полярных условиях нет лучшего тяглового животного, чем хорошая собака.

Как только мы покинули бухту, офицеры собрались в кают-компании на совещание, и Кемпбелл с Пеннеллом приняли решение немедленно возвратиться на мыс Эванс и известить Южную партию о прибытии Амундсена. Оно нашло единодушную поддержку, и уже вечером восьмого февраля мы сидели в хижине и рассказывали о встрече с норвежцами.

В свое время капитан Скотт оставил нам двух пони, которые были бы очень нужны при работе на Земле Короля Эдуарда VII, где нет больших возвышенностей и преобладает покрытая льдом равнина. Но теперь, когда мы отказались от попытки достичь Земли Короля Эдуарда VII и взяли курс дальше на север, на Землю Виктории, что нам было проку от лошадей среди ее крутых гор, ледников, ощетинившихся неприступными ледопадами и почти вертикальными спусками к морю, даже просто на подходах к Земле Виктории по припаю, усеянному высокими торосами, непроходимыми для этих животных? Иное дело ровная заснеженная местность, простирающаяся к югу от острова Росса на несколько сотен миль, здесь пони могли принести большую пользу Южной партии. И Кемпбелл решил выгрузить их и таким образом содействовать планам завоевателей полюса.



Спуск пони в воду

К моменту прибытия на мыс Эванс залив очистился от припая, служившего нам естественным причалом. Мы стояли перед выбором — оставить пони у себя или доставить их до берега вплавь. Кемпбелл выбрал второе, благо было не очень холодно. Приготовили канат, завязанный в виде петли, на воду спустили китобойную лодку с гребцами. Первую лошадь подвели под лебедку с канатом, петлю пропустили ей под брюхо. Оба конца каната зацепили за крюк лебедки, канат натянулся, оторвал лошадь от палубы и перенес за борт в целости и сохранности, хотя она отчаянно сопротивлялась всеми четырьмя. Лебедка погрузила лошадь по шею в воду, рулевой обхватил ее голову руками, а другой матрос снял с нее петлю для следующей операции. Лодка отвалила и потащила пони к берегу.

Там уже ждал конюх, русский парень по имени Антон[29]. Он до упаду гонял несчастного пони по пляжу, пока тот не согрелся как следует, затем обтер почти досуха, влил ему в глотку полбутылки бренди и лишь тогда стреножил. Первая лошадь, слишком ленивая для каких-либо действий, безучастно дала протащить себя к берегу, вторая же, видно умница, хотя и доставила нам при спуске с палубы много хлопот, в воде храбро размахивала всеми конечностями и вообще по мере своих сил и

возможностей помогала команде.

К этому времени от мыса Хат возвратились те, кто доставлял для Скотта весть о встрече с Амундсеном, и «Терра-Нова» немедленно двинулась в путь, теперь на север. Надо было найти место для зимовки нашей партии, прежде чем иссякнут запасы угля, иначе нам пришлось бы возвращаться в Новую Зеландию. Угля и без того оставалось мало, а тут еще как на грех, не успели мы пройти и двухсот миль [370 км] на север от мыса Эванс, как непогода сделала наше положение и вовсе критическим. Двенадцатого с юга налетел шторм, и через пару часов корабль тяжело перекатывался в бурном море с борта на борт. Мы легли в дрейф под грот-марселем, но ветер все равно день за днем медленно, но упорно гнал судно на север. Когда же он стих настолько, что мы могли бы ему сопротивляться, нас уже отнесло на 96 миль [178 км] к северу от мыса Адэр. Облегченный к этому времени корабль утратил остойчивость, и многие на борту испытывали не только беспокойство, но и физические страдания. Одним словом, эти четыре дня принесли нам одни неприятности.

Наконец шестнадцатого буря утихомирилась, мы смогли идти своим ходом и взяли курс на берег. Подошли к нему в районе бухты Смит, милях в пятидесяти [92,6 км] к северу от мыса Адэр — ближе нас не подпускал плотный пак и штормовой прибой, с силой швырявший льдины о борт корабля и грозивший ему пробоинами.

«Терра-Нова»

Хочешь не хочешь, пришлось из бухты Смит повернуть на юг, в залив Робертсон. Медленно шли мы вдоль берега, обшаривая его глазами: нельзя ли где высадиться но увы! ничего подходящего не было. Скалы круто обрывались с большой высоты в море, даже ледники отгораживались от него вертикальными стенами, уходившими далеко вверх, самые низкие футов на пятьдесят, не меньше [более 15 м].

Берег изменялся только в тыловой части залива Робертсон: понижение на леднике Дагдейла около острова Дьюк-оф-Йорк казалось как будто более гостеприимным. Кемпбелл, однако, подумав, преодолел искушение и решил здесь не высаживаться. И слава богу. Та часть ледника, которую мы было облюбовали для своего пристанища, несколько месяцев спустя весело проплыла мимо нашего лагеря на мысе Адэр по направлению к более теплым широтам.

Нам решительно не везло, и в конце концов остались только две возможности. Выбор между ними Кемпбелл предоставил Левику и мне.

Итак: мы можем, конечно, высадиться на мысе Адэр, хотя там нет ни достаточно удобного места для лагеря, ни необходимого простора для санных вылазок. Если нет, то нам остается пойти в бухту Вуд или попытаться сойти на сушу поблизости от острова Коулмен, но если мы не найдем стоянки за два-три дня, придется возвращаться в Новую Зеландию. Нужно ли говорить, что мы остановились на первом варианте, и таким образом наша судьба была наконец решена. Восемнадцатого февраля в 3 часа утра «Терра-Нова» пристала к берегу у мыса Адэр, и наши странствия на время закончились.

Погода была для высадки прекрасная, и в этот день мы убедились в том, что если Южная партия ступила на землю в самом известном месте Восточной Антарктиды, то мы обоснуемся в самом красивом. Сразу же за бухтой прибрежные скалы вздымаются до высоты 4 тысяч футов [1220 м], на фоне составляющих их черных и красных базальтов резко выделяются белые пласты снега, избороздившие вершины и склоны гор. Перед нами возвышается хребет Адмиралти, красотой не уступающий хребту Ройал-Сосайети напротив горы Эребус, а может, даже соперничающий с ним. Горы Сабин, Минто и Адам тянутся ввысь на 12 тысяч футов [3660 м], а между ближайшими вершинами круто стекают в море изрезанные трещинами ледники. Почти полная луна, которая светит намного ярче, чем у нас в Англии в полнолуние накануне осеннего равноденствия, отбрасывает золотую дорожку на тихую гладь воды к северу от нас, а на юге гор уже касаются первые лучи восходящего солнца. Повсюду

разлит покой, воздух прозрачен.

Все говорило о том, что это место изобилует животными, которые водятся в наиболее благоприятных районах Антарктики. Вокруг корабля резвилась стая косаток, над нами кружили любопытные поморники, пролетали гигантские буревестники, изредка стремительно проносился грациозный силуэт снежного буревестника, а с птичьего базара на берегу доносились своеобразные, ни на что не похожие звуки, издаваемые пингвинами Адели. Казалось, счастье наконец повернулось к нам лицом.

Глава III
Высадка на мыс Адэр и строительство зимнего лагеря

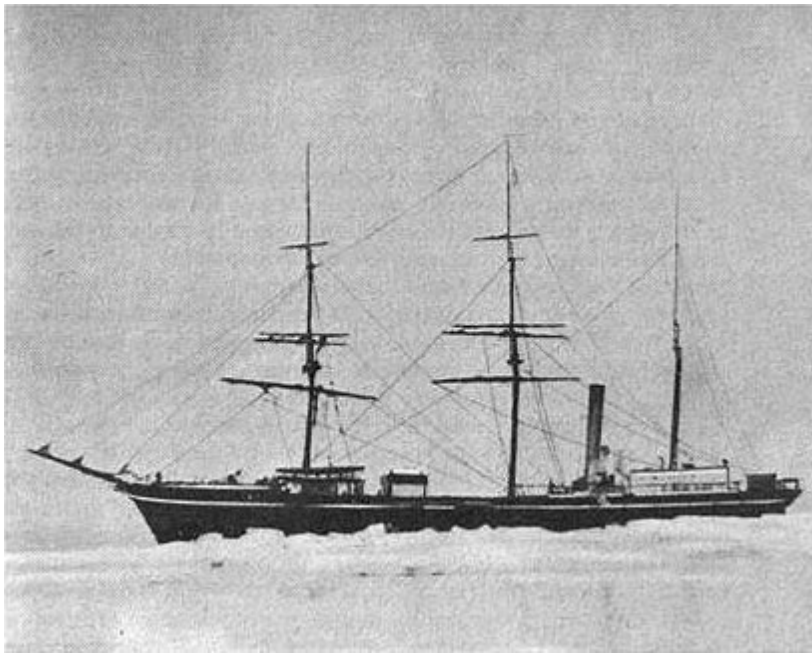
Выгрузка. — Возведение каркаса хижины. — Уход «Терра-Новы». — Первый шторм. — Постройка хижины. — Трудности плотников-любителей. — Мы гордимся своей работой. — Укрепление дома. — Хлорная известь против гуано. — Противоядие опаснее самого яда. — Строительство холодильника. — Охота на пингвинов. — Можно обходиться без свежего мяса из Новой Зеландии. — Наступление моря.

Пеннеллу надо было не теряя времени уходить на север, да и сезон надежной погоды неуклонно близился к концу, — и было решено произвести высадку как можно быстрее.

Прежде всего высадили нашу шестерку зимовщиков и судового плотника Дэвиса. Под его началом Абботт и Браунинг, едва ступив на берег, начали копать котлован под фундамент для дома. Кемпбелл, Левик и я разгружали лодки, а Дикасон принялся колдовать над старой печкой, оставленной в полуразобранной хижине Борхгревинка. На борту «Терра-Новы» команда работала, как всегда, вахтами, одна выносила грузы из трюма и твиндека, другая принимала их в лодках. Не прошло и получаса, как первый груз прибыл на берег.

Среди первых грузов преобладали деревянные детали для дома. Строители перенесли их к котловану и установили с такой быстротой, что несколько часов спустя, к радости работавших на льду, перед их глазами вырос собранный каркас — скелет будущего дома. Дэвис и его помощники трудились, не покладая рук, так что внешние стены были готовы еще до конца рабочего дня 19 февраля. Теперь нам был не страшен никакой буран: имея хоть какую-то крышу над головой, мы даже в непогоду сможем отделывать свое жилище изнутри.

Пока же, занятые разгрузкой лодок, мы не очень-то могли любоваться чужой работой.



«Терра-Нова» среди льдов

Судовая партия непрерывно нагружала обе шлюпки — китобойную и спасательную. Каждая вмещала от трех четвертей до одной тонны, и мы из сил выбивались, чтобы успеть разгрузить одну до прихода другой. Восемнадцатого февраля мы впервые разогнули спины в 2 часа дня, и то лишь потому, что паковый лед не дал шлюпкам подойти к берегу. Впрочем, и эту передышку мы использовали для переноски грузов за пределы досягаемости прибоя. Едва мы с ней справились, как отливная волна отжала лед от берега, и шлюпки смогли, сделав крюк, снова достигнуть берега. Последний рейс был сделан около половины двенадцатого ночи, но переброску снаряжения в безопасное место мы закончили только через два часа, когда уже валились с ног от усталости.

Этот день стал для меня самым тяжелым с начала экспедиции. Мы были на ногах с трех утра, за двадцать два с половиной часа перенесли на берег 30 тонн грузов — и это при малоблагоприятных условиях. Труднее всего было даже не поднимать ящики, а все время напряженно следить за шлюпками. Несмотря на все старания команды, они могли в любой момент совершить неожиданный поворот — и тогда горе тому, кого бортом прижало бы к краю припая. Мы бы наверняка лишились пары рабочих рук.

К счастью, погода была сравнительно теплая. Мы застали сильный прибой, который за день не стих, и нам приходилось

разгружать шлюпки, подчас стоя по пояс в холодной воде. Даже высокие сапоги не спасали от нее. Чаще всего волны перехлестывали через их верх, и за несколько минут они превращались в резервуарчики ледяной воды. Единственная польза от сапог была та, что в них ноги омывались все же более теплой водой, чем остальные части тела.

Несмотря на тяжелую работу — а может, именно благодаря ей, — все были в отличном настроении. Дикасон, который, по-моему, сумел бы высечь огонь даже из куска льда, к завтраку починил старую печку Борхгревинка. На ней сварили горы еды и котел какао, все наелись до отвала и согрелись после ледяной морской ванны.

Спальные мешки были, естественно, в числе первоочередных вещей, прибывших с «Терра-Новы». После всех тягот первого дня на суше мы разместились на ночь в обоих домах, неважно, что один был полуразрушен, а второй — недостроен.

На следующий день в 7.15 уже приступили к работе. Наш багаж почти весь находился на берегу, и вместо привычных ящиков шлюпки доставили сильную рабочую бригаду. С ее помощью мы до наступления темноты сделали невероятно много. Все строительные материалы были перенесены к каркасу дома и сложены в нескольких ярдах от него, продукты спрятаны в небольшие склады вдали от берега, пять тонн брикетного топлива сгружены на берег и размещены вдоль припая — тогда нам казалось, что волны не достигнут их здесь даже в бурю.

Днем тяжелые паковые льды заставили капитана Пеннелла вывести судно из залива в западном направлении. «Терра-Нова» не вернулась и к ночи, и наши товарищи ночевали у нас, завернувшись в первые попавшиеся под руку одеяла и мешки. Хилд и я просидели всю ночь у печки в хижине Борхгревинка, поджидая «Терра-Нову». Около 4 часов утра судно появилось вблизи берега, а через полчаса за людьми из судовой партии пришла шлюпка. Мне не удалось присутствовать при прощании — именно в этот момент я вступил в отчаянное единоборство с засорившимся дымоходом, — но, судя по доносившемуся шуму, оно прошло весьма оживленно.

Трудно переоценить усилия, которые прилагал каждый из участников экспедиции в последние два дня. Ну, наше рвение, положим, было вполне естественным — хотелось поскорее обосноваться на берегу, — но что сказать о людях с «Терра-Новы», которые, не имея таких стимулов, тем не менее работали, не разгибаясь, вот уж действительно — не щадя своих сил, как если бы речь шла об их собственных удобствах.

Мы с искренней грустью следили за тем, как корабль, многие

месяцы служивший нам домом, исчезает за горизонтом, хотя к чувству грусти безусловно примешивалась радость от того, что нас на нем нет и мы не плывем в Новую Зеландию.

До тех пор удерживалась тихая погода, но, провожая глазами все уменьшающийся силуэт корабля, мы услышали первые вздохи южного ветра[30] и забеспокоились, что, впрочем, не помешало нам влезть обратно в спальники. И в самом деле, когда мы утром неохотно поднялись после короткого сна, дул, правда умеренной силы, ветер. Кемпбелл приказал всем подняться на крышу и закрепить ее на время вместо опор проволочными тросами.

Шторм, к счастью не очень сильный, продолжался весь день, но опоры выдержали, и хотя меня один раз сдуло с крыши над крыльцом, вполне можно было работать под открытым небом.

Небольшой этот шторм был даже в какой-то мере нужен — он выявил наши слабые места, но любезно дал возможность их устранить. К исходу дня наше недостроенное жилище было надежно укреплено, все, что могло быть сдвинуто с места ветром, убрано в заветренные места около домов, а над лишенной крыши частью хижины Борхгревинка Кемпбелл укрепил брезент для защиты спальников и мешков с одеждой. Дикасон, взявший на себя временно обязанности кока, вымел многолетний мусор, и нежилое помещение приобрело очень уютный вид. Там мы жили до 4 марта, пока не перебрались в собственный дом.

Последующие несколько дней мы были целиком поглощены его строительством. Результаты делают нам честь, особенно если вспомнить, в какой обстановке мы работали.

Конечно, в обычных условиях, находясь в удобной позе и имея под рукой настоящий плотницкий молоток, вбить гвоздь сумеет каждый. Иное дело правильно его вогнать, когда вы стоите на стремянке, откинувшись на 60 градусов, обе ваши руки заняты — одна гвоздем, другая — двух- или трехфунтовым [0,9–1,4 кг] геологическим молотком, одной ногой вы упираетесь в ступеньку стремянки, а другая просунута между двумя другими ступеньками и для верности упирается в стропила каркаса. Я даже сегодня со стыдом вспоминаю, сколько напортачил в своей части крыши. Руки мои две-три недели были в ссадинах — геологический молоток предназначен для ударов по породе, а не по рукам. Как справедливо заметил кто-то из моих товарищей, «Северная партия превратилась в общество по приданию гвоздям S-образной формы».

Но хуже всего в нашей хижине было то, что никак не удавалось наложить шпунтовые сваи на слой Гибсоновской изоляции (мешковина, набитая морскими водорослями). Как мы ни старались, выход был один — срезать со сваи большую часть

шпунта. Гибсоновский слой впоследствии оказался прекрасным изоляционным материалом, но в тот момент он не вызывал у нас особого восторга. Стоило разок, другой приложиться к мешковине ножом, и уже почти не отличить, где у него острие, а где тупая сторона. Тут надо было с невиннейшим выражением лица попросить нож у соседа. Успех предприятия полностью зависел от того, достаточно ли безмятежно выглядела ваша физиономия и был ли уже хозяин ножа лично знаком с прослойкой. Если был, то он с готовностью ссужал свой ножик — почему бы, мол, не дать, — и подходил поближе, чтобы лучше слышать, какие слова вы произнесете при попытке его использовать.

И все же, несмотря на трудности, а главное — нашу неопытность, работа неуклонно продвигалась вперед. Природа нам благоприятствовала: после первой бури две недели стояла необычайно теплая для этого времени года погода, и к 1 марта хижина была готова. Оставались мелкие недоделки, например сложить печь, настелить линолеум и еще кое-что в этом роде.

Мы были очень горды своей работой и, как показало будущее, имели на то все основания. Кое-где, правда, хижина получилась кривоватая, но зато она мужественно выдержала даже такие штормы, каких я прежде не видал, и уступила им только три-четыре доски из обшивки с наветренной стороны.

А как было приятно обойти вокруг готового дома и полюбоваться творением своих рук! Тщеславие плотников-любителей зашло столь далеко, что, прислушиваясь до наступления зимних бурь к постаныванию и покрякиванию дома под порывами ветра, мы позволяли себе усомниться только в прочности каркаса, вышедшего из рук профессионалов. Правда, стоило взглянуть на дом с определенной точки, откуда его кривизна особенно бросалась в глаза, как на лице невольно появлялась улыбка, но к концу года мы сами почти уверовали в то, что сделали эту линию кривой нарочно, якобы для красоты.

Приступая к работе над крышей, мы, конечно, сняли временные опоры, но, покончив с внешней отделкой, не только водрузили их обратно, но и дополнили новыми. Всего мы наложили на крышу три ряда проволочных тросов — один вертикальный и два горизонтальных. Вертикальный трос был привязан одним концом к якорю, тому самому, который Борхгревинк использовал для такой же цели в своей хижине, другим — к огромной бочке с рапсовым маслом, врытой в гравий и залитой сверху водой. Вода быстро замерзла и образовала нечто вроде необычайно прочного цемента. Горизонтальные же тросы мы по обеим сторонам дома обвили вокруг стропильной балки, позади крыши связали их, а концы крепко соединили с якорями,

опущенными в «цемент» из песка и воды.

Мало того, мы подперли подветренную сторону дома прибитым к ней намертво здоровенным бревном, а основные наши припасы уложили в штабель с наветренной стороны, оставив между ним и стеной проход шириной в два ярда [1,83 м]. Этот штабель и так служил прекрасным заслоном от ветра, но мы не поленились еще перекрыть сверху проход досками, подымавшимися к крыше. Получился хороший навес, направлявший поток воздуха вверх.

Выгороженный таким образом тамбур образовал очень удобную кладовую для наших продуктов, откуда кок и интендант могли доставать их без особого труда даже в самые суровые метели.

Эти предосторожности могут показаться излишними тому, кто не знаком с яростными антарктическими ветрами, но мы-то испытали уже их силу на собственной шкуре. Крыша, сорванная с хижины Борхгревинка, и отчеты об экспедиции на судне «Южный крест» также служили нам грозным предупреждением. В последующие два года изредка случались такие ураганы, что, не имей я реальных доказательств их мощи, многие не поверили бы, что такое бывает. Да и мы время от времени начинали опасаться за прочность нашего жилища — после всех-то принятых мер! Это ли не самое убедительное доказательство необходимости опор и подпорок?

Строительство дома было омрачено одним неприятным эпизодом. Известно, что если из-под пола дует, топи, не топи, в доме все равно будет холодно, поэтому Кемпбелл решил вырыть около хижины ров глубиной в несколько дюймов и вынутой из него землей заложить основания стен. Работа эта была пренеприятная, так как грунт состоял из базальтовой гальки вперемешку с гуано и разложившимися трупами пингвинов. Вонь от них поднялась такая, что, прежде чем настилать полы, Левик щедро посыпал землю хлорной известью. Ее запах вскоре перебил более неприятные ароматы, но увы! лекарство оказалось хуже самой болезни.

Первым проявлением этого был сильный кашель, напавший на тех, кто работал в доме. Кашель и сопровождавшая его боль в горле вскоре прошли, но в тот же день Левик лишился дара речи, а затем его глаза так опухли, что он перестал видеть. Прошло два дня, прежде чем он полностью оправился от воздействия газа.

Первые две недели были почти целиком посвящены строительству дома, но когда оно в основном было завершено, один, а то и два человека могли заниматься и другими важными делами.

Приближалось лето, снега на берегу становилось все меньше, и очень скоро мы поняли, что нам будет чрезвычайно трудно сохранить наши запасы свежего мяса. Эту задачу Кемпбелл поручил решить мне.

Я выбрал место на склоне большой горы у подошвы припая и довольно высоко над уровнем моря вырубил во льду пещеру, которая должна была служить нам ледником.

Однако стремительное наступление моря вскоре подмыло пещеру, и мне пришлось чуть ли не вплавь спасать те несколько пингвиньих тушек, что я успел заготовить. Значит, подошве припая доверять нельзя, а надежный сугроб ближе чем в полумиле [805 м] от нашего лагеря не найти. Оставалось только самим соорудить ледник.

Мы собрали пустые ящики — наследие экспедиции Борхгревинка, — уложили их по периметру квадрата и заполнили льдом, выбитым из айсбергов и льдин у подошвы припая. Три ряда ящиков, поставленных один на другой, составили стену высотой в пять футов [1,53 м] — и холодильник был готов. Внутри мы уложили на землю, вернее на гравий, слой льда толщиной в несколько дюймов, а на него — первую партию свежего мяса. Сверху его плотно накрыли осколками льда. По мере того как мы добывали животных, мы наращивали новые слои, пока наше хранилище не заполнилось до отказа.

В первый месяц солнце стояло еще довольно высоко, так что приходилось следить за состоянием льда и время от времени возобновлять его запасы. Но зато мясо сохранялось прекрасно, особенно после того как первые зимние ветры намели у подветренной и наветренной стен ледяного дома плотные сугробы.

Пингвины Адели у воды

Теперь, когда ледник был готов, остановка была за малым: надо было наполнить его большим количеством мяса, притом свежего. Кемпбелл и Левик день или два спустя после высадки забраковали нашу баранину, и мы всю ее выбросили в море. Пока осенняя непогода не заставила птиц покинуть эти края, мы должны были запасти вдоволь пингвиньего мяса. Иными словами, предстояло уничтожить несколько сот пингвинов — операция необходимая, но крайне неприятная. Спору нет, путешественник должен уметь охотиться, иначе он не путешественник, но отвратительное избиение пингвинов Адели и охотой-то не назовешь.

Несчастные птицы так доверчивы, что на них не поднимается рука, а тут еще не всегда удается уложить их одним ударом — так сильна в них жажда жизни. Но что поделаешь — свежее мясо было необходимо для нашего здоровья, и за несколько дней мы убили, ощипали и положили на лед несколько сот птиц. С тюленьиной нам повезло меньше: до осени, когда станет лед, тюлени на побережье — редкость, но мы все же ухитрялись добывать их и лишь изредка дополняли рацион пингвинами.

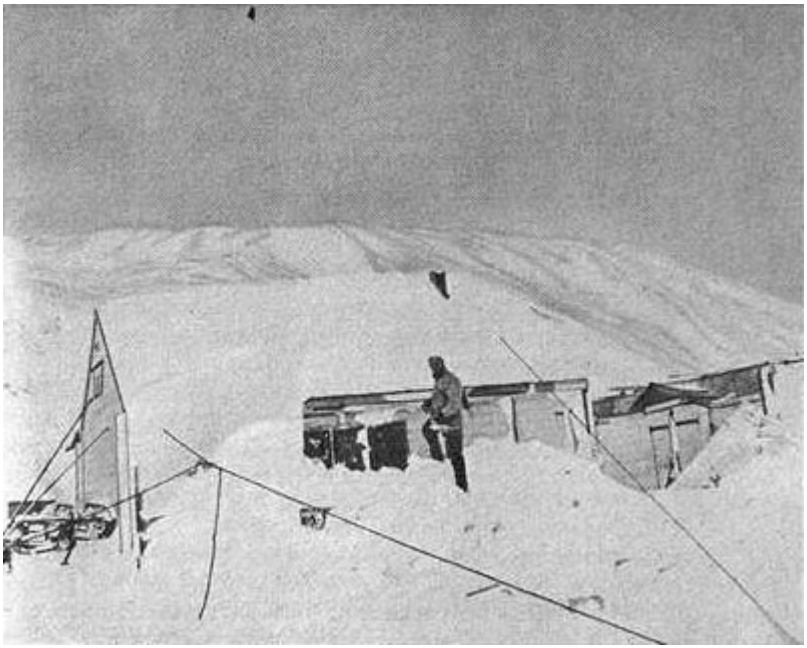
Опыт этого года убедил нас всех в том, что экспедициям необязательно и даже излишне тратить энергию на то, чтобы запастись новозеландским мясом. По своим качествам мясо пингвинов Адели и тюленей ничуть не уступает баранине и говядине, пахнет пингвинятина не хуже любой другой дичи, а

тюленина вполне съедобна, хотя довольно безвкусна.

Как я уже говорил, волны все время размывали подошву припая, окаймлявшего южный берег мыса Адэр. За первые десять дней нашего пребывания на нем море местами продвинулось до двадцати ярдов [18,3 м]. Как только выдавалась свободная минутка, мы кидались спасать наши вещи, стремясь оттащить их в глубь от берега, подальше от прибоя.

Тем не менее некоторые вещи из нашего багажа, виденные однажды кем-то на берегу, впоследствии уже не смог увидеть никто, и в их исчезновении бесспорно повинно только море. Серьезные потери случились лишь в самые первые дни, ибо мы очень скоро поняли, какая опасность угрожает нашим припасам. Но ведь мы в это время переносили оборудование, то есть перетаскивали тонны груза на несколько ярдов от берега, а это требовало много времени и сил.

Если бы те две недели, что мы строили для себя дом, нам пришлось ночевать под открытым небом, мы бы, наверное, гораздо лучше прочувствовали, каким недостатком является его сложная конструкция. Мы, однако, с первого же дня расположились со всеми удобствами в покинутой хижине Борхгревинка, а Кемпбелл и Левик — большие любители свежего воздуха — предпочли устроиться в бывшем складе, натянув над головой вместо сорванной крыши брезент. Но они с самого начала не были там безраздельными хозяевами. Еще выметая мусор, мы потревожили и выгнали пингвина, который облюбовал это уединенное место для линьки. Он вернулся, его снова выдворили, и так продолжалось до тех пор, пока, из уважения к его отваге и упорным попыткам выжить новых соседей, мы не заключили с пингвином перемирие и не позволили ему делить жилье с нами. Он, конечно, не мог не видеть, что мы убили и бросили в холодильник десятки его сородичей, приходивших к нему с визитом, но не придавал этому значения и больше двух недель ни на шаг не отходил от дома.



Хижина Борхгревинка на мысе Адэр

Мы прозвали его Перси. Иногда казалось, что пингвин реагирует на свое прозвище, что не мешало ему, хотя он никогда не спускался к морю за едой, упорно отказываться от нашей пищи, даже когда мы соблазняли его сардинами. Какая его постигла участь — неизвестно, боюсь, после того как он кончил линять и появился в новом обличье, мы его не узнали и убили. Так или иначе, он исчез, и несколько дней нам очень не хватало этого растрепанного чудака с забавной физиономией и неизменным пучком перьев в клюве.

Глава IV
Осень на мысе Адэр

Восхождение на скалу. — Следы, оставленные пингвинами. — Эрратические валуны и их значение. — Могила Хансена. — Признаки приближения зимы. — Образование новой подошвы припая. — Осеннее море. — Пингвины, покалеченные прибоем. — Внутреннее убранство нашей хижины. — Ее размеры. — Кабинки. — Порядок мытья и стирки. — Исчезновение пингвинов. — Первый настоящий осенний буран. — Потеря палатки. — Фотографирование в Антарктике. — Снежные горы и айсберги.

Теперь, когда у нас была крыша над головой и хоть немного налажен быт, не грех было выкроить время для осмотра ближайших окрестностей.

До сих пор мы не выходили за пределы низкого берега — очень небольшой территории, как видно из фотографий, — на котором стоял наш дом. Но вот в воскресенье 5 марта, после краткой утренней молитвы, Кемпбелл, Левик, Абботт и я взобрались на скалу, венчающую мыс Адэр, и достигли ее восточной оконечности, откуда открывается прекрасный вид на море Росса.

Подъем был крутой, до высоты 850 футов [259 м], но вид с вершины щедро вознаградил нас за труды. Карабкаясь вверх, мы обратили внимание на то, что вся земля вокруг усеяна гуано и трупами пингвинов, значит, летом они обитают даже на такой крутизне. Некоторые еще и сейчас сидели в своих гнездах — скорее всего это были молодые особи выводка этого года, еще не кончившие линять. Честь и хвала их родителям, у которых хватило энергии высидеть и выкормить птенцов на высоте около тысячи футов [305 м] над уровнем моря. Смертность здесь была, вероятно, чудовищная — на скале валялось в среднем гораздо больше тел пингвинов, чем мы встречали внизу на птичьем базаре, так что, по-видимому, только скученность тамошней популяции могла заставить несчастных гнездиться так высоко.

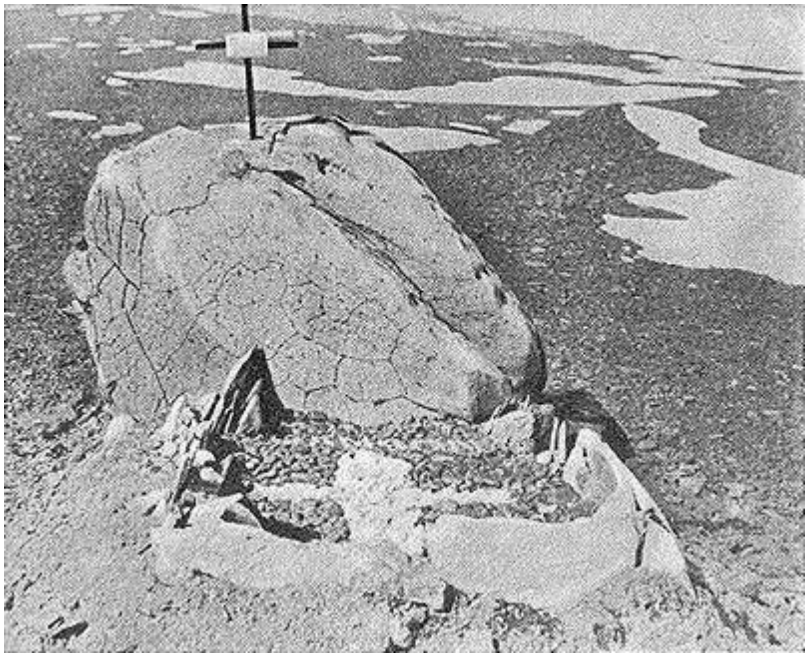
Поднимались мы легко, если не считать одного-двух снежников, где неплохо было бы иметь кошки. Кроме того, раза два мы попадали на мелкие осыпи, которые ползли у нас под ногами. Неприступную с первого взгляда крутизну мы преодолевали без особого труда только благодаря пингвинам,

превратившим путь наверх в твердую дорогу.

Не доходя вершины мы заметили несколько гранитных и кварцитовых глыб, которые, очевидно из-за быстрого выветривания базальтового слоя под ними, скатились вниз по склону. Сама вершина, довольно плоская, была усыпана этими чужеродными камнями. «Эрратические валуны»[31] — так их называют геологи — на фоне черной вулканической породы резко бросались в глаза. Они имеют для науки неизмеримое значение, ибо красноречиво, как если бы мы собственными глазами видели лед, свидетельствуют о том, что некогда из глубин континента надвинулся гигантский ледник толщиной во много тысяч футов, несший на поверхности огромные куски гранита и другие камни с больших горных хребтов. Когда видишь отложения, оставленные этим могучим потоком льда, начинаешь понимать, почему здесь полностью отсутствуют наземные животные и растения, если не считать мелких видов, занесенных, вероятно, ветром из северных краев с более благоприятными условиями жизни[32]. Именно оледенение — главная причина скудости видов, характерной для Антарктического континента.

На мысе Адэр скончался норвежский биолог из экспедиции Борхгревинка. Исполняя последнюю волю доктора Хансена, его тело подняли на вершину скалы и здесь предали земле. В этот раз нам не удалось найти могильный крест, но впоследствии мы его отыскали. На следующее лето Дикасон, прожив несколько дней на вершине, расчистил могилу, выровнял ее и на гладкой черной базальтовой пластинке выцарапал осколком кварца надпись. Она хорошо видна на снимке.

Температура начала упорно падать, да и другие признаки говорили о приближении зимы. Несильные штормы, налетавшие время от времени, приносили с собой снег, но он таял, как только стихал ветер, теперь же с подветренной стороны дома и холодильника образовались прочные сугробы, которые сильно увеличивали безопасность одного и эффективность другого. Вдобавок к этому, охлаждались и суша, и море; и оно уже не разъедало прошлогодний припай, а напротив, наращивало его новыми отложениями льда.



Могила Хансена на мысе Адэр

Следить за постепенным образованием новой подошвы припая было чрезвычайно интересно. Эта часть антарктического побережья выступает на север почти до области влияния мощных западных ветров, свирепствующих между сороковыми и шестидесятыми южными широтами по всему земному шару[33]. Они бушуют почти без перерыва круглый год и составляют главную опасность для путешествий в Антарктику. И не только потому, что дуют с необыкновенным упорством и силой: не встречая никаких препятствий в виде суши, они разгоняют на этих широтах гигантские волны, каких больше нигде в мире не увидеть.

У северных берегов нашего мыса, имевшего форму треугольника, постоянно неистовствовал могучий прибой. Зрелище было замечательное. Колоссальные величественные валы, увенчанные на гребне осколками льдин, непрерывно катились к берегу, вздыбливаясь на десять и даже двадцать футов [3–6 м] перед тем, как удариться в него. Здесь они закручивались и водоворотами белой пены разбивались о гальку, обрушивая на нее куски льда, пронесенные на много ярдов выше нормального уровня воды, и катапультируя льдышки размером с крокетный шар через наши головы на каменный пляж, где они разлетались ледяными брызгами. О размерах наиболее крупных ледяных глыб дает представление фотография и то обстоятельство, что три-четыре таких глыбы обеспечили нас на целый год пресной водой

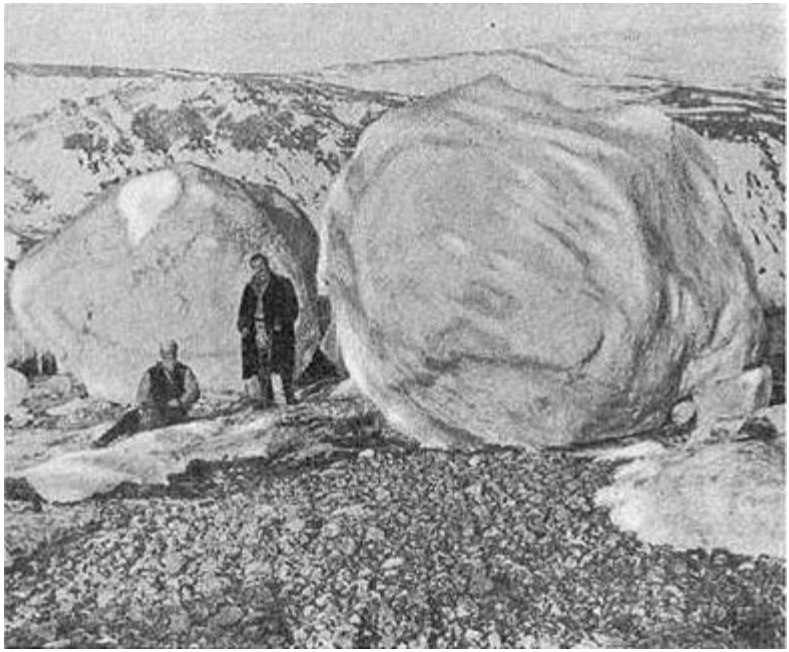
для мытья и нужд кухни.

Расхаживая по берегу и любуясь грозными волнами, мы обратили внимание на несколько темно-красных пятен. Они оказались кровью пингвинов. Мы присмотрелись к нескольким птицам, еще остававшимся на берегу, и поняли, что они сильно изранены. Это, несомненно, было последствием ударов: пингвины при всей их необычайной подвижности в воде не могли совладать с сильным прибоем, перемалывавшим хаос крупных и мелких кусков льда. День или два спустя, когда прибой был намного слабее, я наблюдал за пингвинами, которые пытались усесться на проплывавшую мимо берега льдину. Их усилия очень забавляли меня, но нетрудно было себе представить, что будь море чуть беспокойнее — и действия пингвинов уже казались бы не смешными, а трагичными, и многие из них, как говорится, «пали бы смертью храбрых». Да и в этот раз, при относительно тихой погоде, один пингвин едва успел вскарабкаться на льдину, как прибой его сбросил и засосал, хотя он изо всех сил старался удержаться, отчаянно работая когтями, крыльями и даже клювом.

Добыть на мысе Адэр пресную воду было нелегкой задачей. Ураганы, обычные для холодного времени года, под конец чаще всего бесснежные, почти начисто смели снег с берегов. Уцелевшие же на суше сугробы настолько пропитались пылью гуано, что снег из них не годился для приготовления пищи.

В конце концов нам пришлось воспользоваться глыбами льда из подошвы припая. Большинство из них были образованы морским льдом и насыщены морской водой, но в начале зимы мы отыскали две глыбы с сердцевиной из глетчерного[34] льда. После того как мы стесали с них верхнюю оболочку, мы получили лед превосходного качества. Позднее мы убедились, что из ледяных глыб, бесспорно морского происхождения, соль постепенно выходит и лед сохраняет лишь едва заметный солоноватый привкус.

К концу марта наша хижина выглядела внутри вполне обжитой. Все повесили у себя над койками фотографии и санные вымпелы, расставили книги по полкам. Кроме того, Браунинг смастерил несколько полок для общей библиотеки.



Глыбы льда, выброшенные прибоем на берег

Камбуз тоже имел опрятный вид. Печь работала довольно хорошо, и в относительно спокойную погоду мы поддерживали в помещении температуру между 50 и 60°[35] [между +10 °C и +15,6 °C]. При сильных буранах, однако, по нашему дому гулял ветер, и во время метелей частенько бывало, что верх печи и первые несколько футов дымохода раскалялись докрасна, а в комнате было ниже нуля.

При подготовке к экспедиции я предполагал, что каждый из нас выгородит себе занавеской как бы кабинку длиною в шесть футов [1,83 м], свои личные, так сказать, владения, и закупил для этой цели очень красивую ткань. Но со временем выяснилось, что никто не испытывает потребности в таком уединении, и материя была использована для других нужд. Каждый мог расставить предметы обстановки и украсить свой угол, как хотел, но поскольку наши вкусы совпали, достаточно описать мою кабинку — и можно представить себе их все.

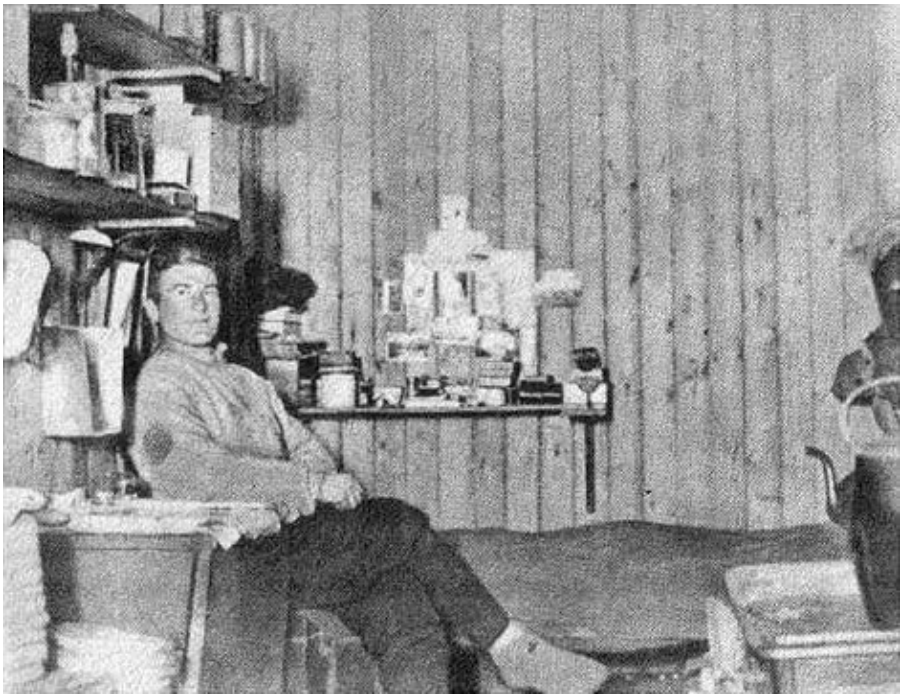
Официальными границами, отделявшими меня от соседей справа и слева, считались две карандашные отметки на стене. Воображаемые прямые линии длиною в шесть футов [1,83 м] от них к центру комнаты определяли пределы моей территории. Одну линию я сразу отметил, поставив вдоль нее койку, но зона между Кемпбеллом и мной осталась разграниченной условно, так что я с полным правом пользовался столиком для морских карт, вторгавшимся на мой участок. Койка занимала добрую половину

моей площади, а под ней в деревянных ящиках лежали геологическое снаряжение, смена одежды и образцы пород, с которыми я иногда работал. Таким образом, ни один дюйм пространства не пропадал зря. Но это имело и отрицательные последствия: панцирная сетка не казалась мне таким уж благом. На койке, составленной из ящиков, какую я имел в экспедиции Шеклтона, спать было не хуже, чем на панцирной сетке, которой упиравшиеся в нее рукоятки геологических молотков и ледорубов, а также края различных консервных банок придавали очертания, сильно смахивавшие на пересеченный рельеф Вест-Кантри в Англии.

Рядом с койкой на ящике из-под муки размещались подсвечник и книги, скрасившие мне многие часы досуга. Вот и вся обстановка.

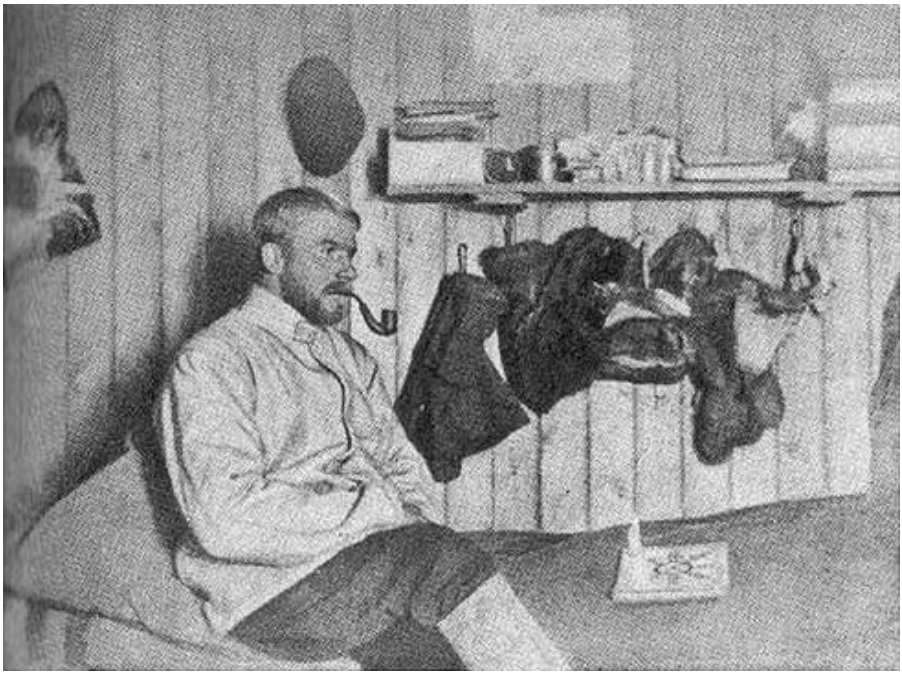
На стене над изголовьем койки висели три полки — мой дамоклов меч на протяжении всей зимы. Они были забиты книгами по геологии и другой литературой и всевозможными геологическими приборами, притом бьющимися. К счастью, и здесь качество наших столярных изделий было намного лучше их внешнего вида, и если наша хижина сохранилась до сих пор, то скорее всего и полки целы. Под ними располагалась картинная галерея в миниатюре, а еще дальше я прибил к стене — исключительно для уюта — красочную карту Антарктики. На нескольких гвоздях висели вещи, которые я надевал каждые два часа, чтобы выйти наружу и произвести метеорологические наблюдения.

В нашей жилой комнате было двести квадратных футов [18,6 м^2], и после выделения кабинок — шесть на шесть футов каждая [3,35 м^2] — еще оставалось вполне достаточно места для общего пользования, так что нам никогда не приходилось тесниться[36]. Сравнительно большие размеры дома сослужили нам во многом хорошую службу, это следует помнить при возведении жилья всем экспедициям, которые ставят перед собой серьезные научные задачи. Благодаря просторному помещению и наличию хижины Борхгревинка мы могли в основном работать у себя дома, а это куда приятнее, чем под открытым небом. Но вот большая высота дома была явным недостатком. Из-за нее строительство потребовало значительно больше времени и материалов, она же лишь делала его более уязвимым для ветров.



Абботт в своей кабинке

Из плана видно, что кабинки матросов и камбуз располагались на одной стороне комнаты, а кабинки офицеров и хронометр в футляре, находившийся в ведении Кемпбелла, — на другой. Печь нарочно поставили как можно ближе к двери — чтобы легче было подносить к ней топливо и лед, — и трубу дымохода пришлось сделать довольно длинной. Впрочем, это было скорее преимуществом, чем недостатком, так как она давала больше тепла, а опасность пожара уменьшалась. Обеденный стол расположили как можно дальше от окон.

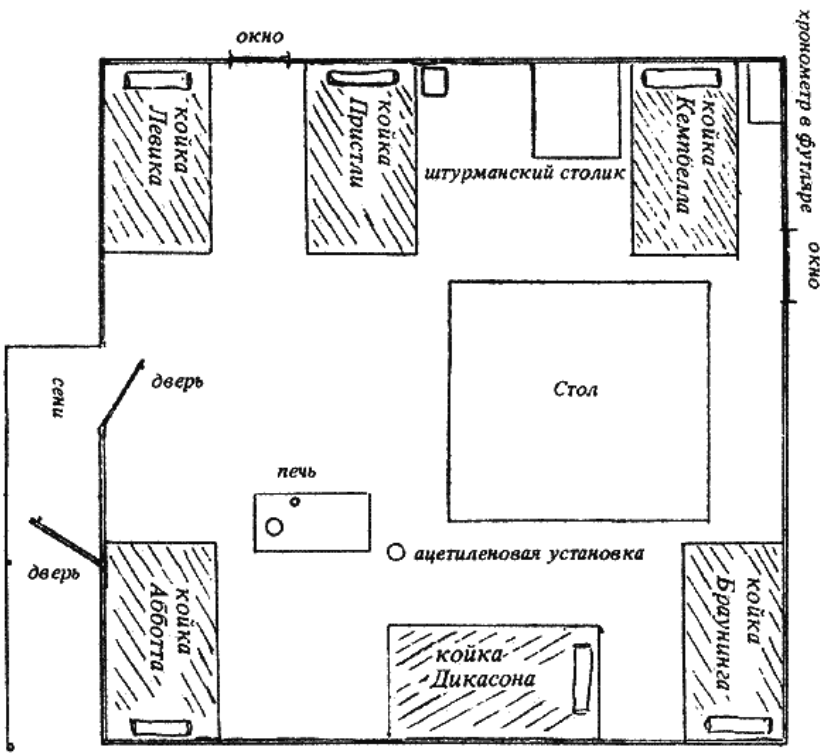


Дикасон в своей кабинке

Важнейшей деталью нашей обстановки была бельевая веревка, протянутая от центральной балки к гвоздю над дверью. Поскольку нас было шестеро, установить очередность мытья и стирки не составляло труда. Каждому отвели для банно-прачечных дел один день недели, и если он не менялся с товарищем, то в этот день стирал что хотел и при желании мылся сам. Предварительно требовалось лишь принести ведро льда, вырубленного из подошвы припая. Таким образом, хотя мы мылись не чаще раза в неделю, а то и реже, воздух был всегда насыщен водяными и мыльными парами. Если кто-нибудь из-за работы отказывался от мытья, он по крайней мере имел удовольствие наблюдать между делом, как моется другой, что почти так же приятно. Но вот стирку одежды, особенно антарктического снаряжения, уже не назовешь удовольствием, это скорее прекрасное силовое упражнение. Однажды я стал свидетелем того, как четверо здоровых мужчин выжимали свитер. Они вкладывали в свое занятие столько усилий, что с моих уст невольно сорвалась моряцкая припевка, какой мы подбадривали себя на «Терра-Нове» при особенно тяжелых работах.

Последние пингвины ушли с мыса Адэр лишь в конце марта, когда зима окончательно заключила нас в свои объятия. Они кончили линять за неделю или десять дней до этого, но, пока море не начало замерзать, оттягивали, по-видимому, свой уход,

стараясь задержаться на берегу, где было вдоволь пищи. Ухудшение погоды заставило их поторопиться. Вслед за ними улетели и поморники, в рационе которых значительное место занимают пингвины. Нам даже казалось, что поморники покинули бы мыс намного раньше, если бы мы их время от времени не подкармливали, когда пополняли свой холодильник. Поморники отличаются поразительной прожорливостью. Незадолго до их отлета Браунинг заметил поморника со странным отростком, торчавшим из клюва, и пристрелил его: участникам экспедиции было строго-настрого приказано доставлять в лагерь все необычные живые существа и неорганические образования. В желудке поморника нашли полупереваренную вильсонову качурку. Ее лапы и были тем странным отростком. Тем не менее, презрев неудобства, поморник энергично клевал выброшенную на помойку баранью лопатку.



План хижины Северной партии на мысе Адэр

Девятнадцатого марта мы впервые поняли, что такое близзарды[37] мыса Адэр. Успокоенные месяцем затишья, мы были застигнуты во время сна врасплох и дорого за это поплатились. Кемпбелл и я установили на берегу для магнитных

наблюдений одну из наших походных палаток и за неимением снега закрепили ее базальтовым гравием. Покидая палатку накануне шторма, мы решили, что она выстоит против любого ветра, а если даже остов сломается, то гравий не даст ей улететь. Но мы решали без хозяина — и утром палатки на месте не оказалось, больше мы ее не видели. О том, что произошло, нам поведали прерывистые глубокие борозды на пляжном гравии между местом, где она стояла, и морем. Ветер несколькими рывками буквально протащил ее по берегу и унес в воды Тихого океана.

Другие потери были незначительными. Больше всего мы боялись за дом, получавший боевое крещение. Он дрожал и сотрясался, словно живое существо, посуда градом сыпалась с полок. Я понял в ту ночь, чем это мне угрожает, когда рядом с моей головой приземлился тяжеленный немецкий словарь, а за ним последовали неиссякаемым потоком бутылки с чернилами, карандаши, ручки, книги… Потом-то, сравнивая этот близзард с некоторыми другими штормами, мы поняли, что это был детский лепет, но в то время он показался нам очень сильным, и я, увидев на анемометре[38] 84 мили в час [135,2 км/ч], не успокоился, пока не обошел вокруг дома и не убедился, что в нем нет трещин.

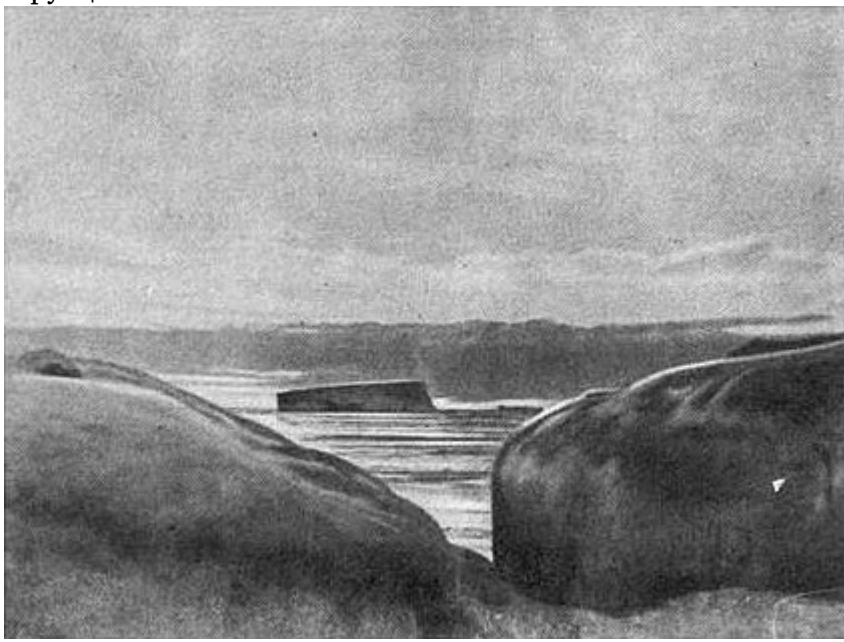
Теперь солнце каждую ночь скрывалось на несколько часов за горизонт, и стало ясно, что если мы хотим успеть сфотографировать окрестности, то это надо делать немедленно: весной нам будет не до того: санные вылазки займут почти все время. Левик и я сделали десятки снимков, и некоторые из них понравились бы самому Понтингу. Снимали мы в основном различные формы льда, встречающиеся на подошве припая.

Фотографировать в Антарктике хорошо профессионалу, но для такого любителя, как я, располагающего очень скудным оборудованием, эта работа сопряжена с большими трудностями. В старом хламе из хижины Борхгревинка и у нас в мусоре я раскопал три банки — из-под соли, с «Южного креста», из-под сливочного джема и от наших якорных сетей — и приспособил их в качестве бачков для промывания пленок.

Вначале мы были вынуждены обрабатывать снимки в нежилом доме Борхгревинка, а работать с проявителем и водой в помещении, где температура градусов на десять ниже точки замерзания, крайне неудобно.

«Начинаешь, как и дома, с того, что подготавливаешь растворитель, заворачиваешь пленку в апрон[39] и погружаешь в раствор. Растворитель должен быть как можно более горячим, но в то же время не чрезмерно, иначе он вызовет отслаивание эмульсии. Поскольку раствор быстро охлаждается, оставляешь

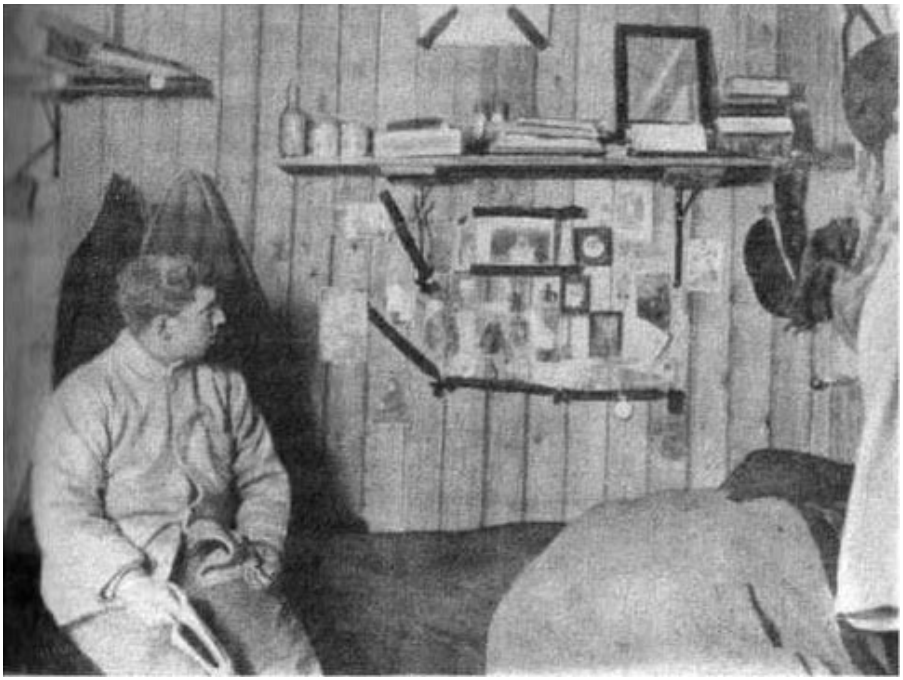
пленку в растворителе значительно дольше, чем рекомендовано инструкцией.



Вид на север с мыса Адэр

Не имея при наших приспособлениях достаточно воды для промывания пленки на этой стадии, приходится опускать ее в кислый фиксаж плохо очищенной от проявителя. Но и фиксажа у нас нет в нужных количествах, один и тот же растворитель используешь многократно, пока он не становится бесполезным. Одновременно заворачиваешь следующую пленку в еще влажный апрон и, чтобы он не успел замерзнуть, как можно быстрее погружаешь в свежий растворитель. Бывали, однако, случаи, когда мне приходилось заворачивать пленку в апрон, покрывшийся льдом после первого же промывания.

После того как в фиксаже пленка становится почти прозрачной, разрезаешь ее ножницами на полоски, чтобы раствор покрывал ее более равномерно. Когда надо освободить место для очередной порции, пленку вынимаешь и кладешь в воду для первой промывки примерно на полчаса. Затем перекладываешь ее в банку из-под джема для второй промывки и добавляешь туда раствор перманганата калия, пока в воде не появляются красные пятна нерастворившейся марганцовки. Тут вынимаешь пленки и кладешь в третью воду».



Браунинг в своей кабинке

Камбуз

Этот процесс имел тот недостаток, что никак не удавалось удалить с пленок коричневые пятнышки от окисления марганцовки. После нескольких попыток я от нее отказался,

предпочитая оставлять пленки на ночь во второй воде.

Наконец, надо было высушить пленку — и это в лачуге, где даже при несильном ветре температура падала ночью ниже точки замерзания. Мы разрешили эту проблему с помощью спирта. Погруженная в него на несколько минут, пленка высыхала за полчаса, спирт же ничего не терял от своих качеств и по-прежнему был годен для сохранения биологических образцов. Позднее мы приспособились проявлять и печатать снимки у себя дома, и тогда многие трудности отпали сами собой.

Пока море не покрылось припаем, пак все время дрейфовал вместе с отливами и приливами. Иногда мимо мыска, названного нами Спит[40], проплывали большие айсберги, некоторые из них садились на прибрежную мель и обламывали свое основание. Столообразная форма айсбергов, отколовшихся от Барьера, произвела на исследователей Антарктики столь сильное впечатление, что стала — и по праву — символом антарктических айсбергов. Не следует, однако, забывать, что во многих районах Антарктики, и в том числе в районе мыса Адэр, встречаются айсберги обычных очертаний, притом во множестве и в большом разнообразии форм. Если у нас выдавалась свободная минутка, то не было лучше развлечения, чем отправиться на мыс Спит и полюбоваться оттуда «южными дредноутами».

Глава V
Наш быт и научная работа

Распорядок дня. — Граммофон. — Состязания в стрельбе. — Субботняя уборка. — Зимовка в Антарктике уже не страшна. — Ацетиленовая установка. — Научные занятия. — Моряки-ученые. — Метеорология и биология. — Вылазки на плоскодонке. — Только общие усилия приносят успех в работе.

Как только мы перебрались в свой дом, у нас установился твердый распорядок дня, которого мы придерживались всю зиму, вернее, до первого санного похода. Достаточно поэтому описать один день, чтобы составилось представление о том, как мы провели зиму.

Пока мы не ввели ночную вахту, завтрак, боюсь, не всегда начинался точно в назначенное время. В нашем багаже не было будильника, и мы зависели от случайности — авось кто-нибудь проснется в половине восьмого и разбудит кока. К счастью, у моряков вырабатывается привычка просыпаться в определенное время, и Дикасона очень редко приходилось будить, да и все остальные только раз или два намного проспали время подъема.

Проснувшись сам или будучи разбужен в половине восьмого, кок прежде всего раздувал огонь в печи. Ложившийся накануне последним закладывал в нее большие куски брикетного топлива, и они потихоньку тлели, так что разводить огонь заново обычно не приходилось. Затем кок варил овсяную кашу и жарил на беконе бифштексы из мяса пингвина или тюленины — почти неизменный наш завтрак — и без десяти восемь объявлял побудку. Все без сожаления покидали уютную постель, мигом вскакивали и бежали умываться. Умывание состояло в том, что каждый набирал горсть снега из сугроба с подветренной стороны дома, энергично обтирал им лицо и шею, а затем не менее энергично вытирался насухо полотенцем. Опыт показал, что снег растворяет грязь, а полотенце впитывает бо́льшую ее часть. Можете не сомневаться, эта водная процедура освежала хорошо, даже слишком хорошо, и, наверное, только дух подражания и нежелание отстать от Кемпбелла заставляли меня всю зиму скрести свою физиономию таким образом.

Каждый стирает по-своему

Завтрак состоял, как я уже сказал, из тарелки овсяной каши и жареного мяса — лучшего меню не придумаешь. В Антарктике никто не страдает отсутствием аппетита, к тому же пингвинья грудка в приготовлении Дикасона или Браунинга была деликатесом, ради которого стоило совершить такое далекое путешествие. Чаще всего мы расправлялись с едой меньше чем за полчаса, но каждая трапеза все равно растягивалась на час, как то и предусмотрено морским уставом.

После завтрака все садились на койки или располагались вокруг печи и выслушивали распоряжения Кемпбелла на день.

От завтрака до ленча, который бывал в час дня, все были заняты на общих работах — носили лед для кухни, раскапывали очередной склад, мастерили или ремонтировали что-нибудь из оборудования, — дел всем было по горло. Кемпбелл в девять часов утра заводил хронометры, после чего до вечера занимался картами. Я каждые два часа производил метеорологические наблюдения, ставил эксперименты со льдом и проверял результаты. Левик же занимался складами, а улучив свободную минуту, фотографировал.

В час дня в дверях дома появлялся кок и свистел в свисток. Его вопль «Ле-е-е-нч!» неизменно вызывал живейший отклик. От работы на морозном воздухе в осенние и зимние месяцы развивается чудовищный аппетит, и задолго до приближения следующей еды все мы были голодны как волки. Тем не менее мы спешили к обеденному столу еще и для того, чтобы пообщаться друг с другом. Ленч обычно состоял из хлеба с сыром, джема или

меда, иногда нескольких ломтиков вареного мяса, холодной тюленины или же половины жареного поморника — мы старались побольше налегать на местные продукты. Мясо поморника, даже хорошо зажаренное, жестковато и имеет специфический запах, но мне и в условиях цивилизации доводилось есть бифштексы пожестче, что же до запаха, то поморнику наверняка далеко до некоторых видов английской дичи.

За ленчем следовало «Переку-у-уур!», после чего все опять расходились по своим рабочим местам. В четыре часа пили чай с гренками или с печеньем. На этом рабочий день считался законченным, каждый мог делать что хотел — отдыхать, работать, гулять…

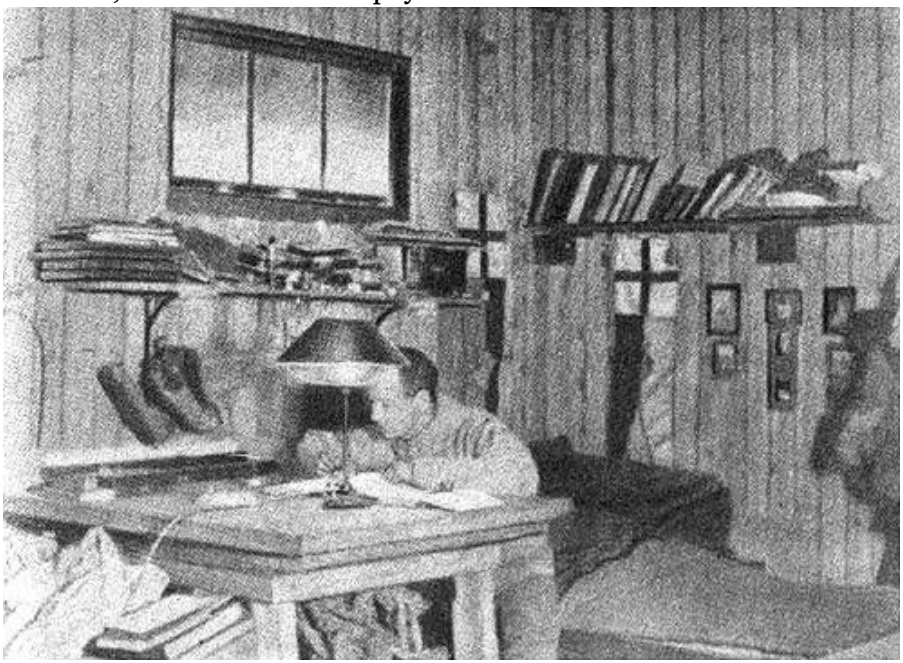
Иногда мы брали лыжи и шли кататься на подветренную сторону мыса, где, в глубине залива, склоны занесло снегом, но его было мало для настоящего катания и, пожалуй, больше удовольствия доставляли просто пешие прогулки к берегу и обратно. Но и тут, пока в начале зимы море не замерзло, маршруты ограничивались узкой полосой пляжа — это было одним из недостатков нашего зимовья.

В семь часов вечера — обед, последняя наша еда, состоявшая из двух блюд: мяса с овощами и нехитрого десерта. На десерт подавались консервированные фрукты или столь дорогой сердцу моряка пудинг — с нутряным салом или со сливами. Он, как, впрочем, и остальные кушанья, был хорошо приготовлен и обед достойно венчал дневные хлопоты нашего кока.

После обеда читали или слушали граммофон, в десять часов ложились спать.

Тем, кто слушает граммофон у себя дома, трудно представить, какую роль играет такой инструмент в жизни людей, находящихся вдали от цивилизации. Человек с хорошим музыкальным вкусом предпочитает слушать, конечно, скрипку или рояль, но Северная партия, хотя и не лишенная музыкальности, в целом больше склонялась к популярному жанру, чем к классике, граммофон же имел то огромное преимущество, что позволял по желанию аудитории ставить попеременно то инструментальную музыку, то вокал, удовлетворяя таким образом все вкусы. Этой зимой мы устраивали концерты каждый вечер, и хотя некоторые любимые пластинки повторялись без конца, никто на это не жаловался. Единственное, что плохо, — трудно было найти желающего менять пластинки, особенно зимой. Ведь для этого надо было каждые несколько минут отрываться от работы или книги, то ставить пластинку, то снимать, то крутить ручку… Куда приятнее было читать, развалившись на постели и дожидаясь своей

любимой пластинки, чтобы для разнообразия послушать ее. Меня с самого начала освободили от этой повинности, так как вечерами мне приходилось записывать результаты наблюдений, но боюсь, что я несколько преувеличивал свою занятость.



Комфорт в Антарктике

Свет и тени в паковых льдах

К концу зимы положение стало критическим, одно время даже казалось, что концерты и вовсе прекратятся, но тут кому-то пришла в голову гениальная мысль. У нас было маленькое ружье, и те, кто считал себя хорошим стрелком, все время состязались в стрельбе. Было предложено, чтобы показавший наихудшие результаты ставил на протяжении недели двадцать пластинок. После этого мы уже не знали никаких забот с граммофоном, а вскоре даже пришлось скостить штрафникам часть задолженности из опасения, как бы они не стали запускать граммофон в свою ночную вахту. Но если говорить серьезно, ничто, наверное, не доставляло нам в эту зиму столько радости, как граммофон. И что самое забавное — в нашем репертуаре были песни, откликавшиеся почти на все происходящие события, буквально на тему дня.

Систематическое отступление от режима происходило только в субботу утром, когда каждый втаскивал все вещи с пола на койку и трое матросов старательно скребли пол хижины. Нас, офицеров, в любую погоду выставляли из дому, и мы развлекались как могли, в погожие дни — под открытым небом, во время бурь — в тамбуре, служившем складом. Сколько раз, топая в нем ногами, чтобы согреться, я проклинал пристрастие моряков к чистоте! Тем не менее все мы, и в первую очередь те, кто убирал, гордились тем, что Кемпбелл содержал дом в такой чистоте.

Для меня субботние утра были связаны с особыми переживаниями. На время уборки я взгромождал на койку сотни фунтов геологических образцов и оборудования, рискуя тем, что по возвращении найду ее обрушившейся, а под ней — одного из наших людей со сломанной спиной.

Из моего описания видно, что зима на мысе Адэр была для нас ничуть не страшна. И в самом деле, трудно себе представить более благоприятные условия. Да и вообще то время, когда полярная зима — при нормальных обстоятельствах — таила в себе ужасы для исследователей, отошло, по-видимому, в прошлое. Современное снаряжение восторжествовало над темнотой и морозом, а главное — над смертельным врагом путешественников — цингой. Лишений можно ожидать лишь в те месяцы, когда полярник покидает свою хижину, имея при себе минимальное снаряжение, мало чем отличающееся от того, каким столетия назад пользовались аборигенные народы Дальнего Севера.

Упоминание о темноте, которая в прошлом отравляла существование всем полярным экспедициям, естественно вызвало в моей памяти наши осветительные средства. В качестве газа мы

пользовались ацетиленом, который с большим успехом применялся двумя предшествующими экспедициями. У Шеклтона весь газ поступал из генераторов в общий резервуар, помещенный в специальный стояк внутри дома, у самого входа, чтобы вода, с помощью которой образуется газ, не замерзала. У нас каждая горелка имела свой небольшой генератор, а общего резервуара вообще не было. Это, конечно, экономило много места, но было связано с некоторыми недостатками, которые нам так и не удалось устранить до конца. Но виной тому только отсутствие у нас опыта, а никак не авторы идеи.

Хуже всего было то, что из-за отсутствия резервуара установка требовала постоянного наблюдения. Как только давление внутри генератора превышало некий предел, пузырьки газа поднимались сквозь воду, окружавшую газгольдер с карбидом кальция, и выходили наружу. Одно было спасение в таких случаях — вынести генератор за дверь и дать ему замерзнуть. Эта же причина вызывала засорение горелок продуктами сгорания карбида кальция, которые сильный поток газа выносил по трубке из генератора. Если бы газ поступал из генераторов через воду в резервуар, а уже оттуда — в газопроводы, мы бы не знали этих неприятностей.

Тем не менее когда установка действовала, у нас было вполне сносное освещение, не требовавшее к тому же особых усилий с нашей стороны. Оно бесспорно было очень экономичным — ведь карбид кальция фактически не расходовался. Зимой свет зажигали, как только вставал кок, а вечером генератор вынимали из воды и свет постепенно угасал. Бывало, однако, что он упорно не желал тухнуть, никак не давая нам заснуть. Об этом красноречиво рассказывает выдержка из моего дневника:

> «Не так давно благодаря ацетилену появился новый и весьма изощренный способ пытки. Как правило, граммофонный сигнал будит в 4 часа утра, кроме намеченной жертвы, еще несколько человек, и именно в это время газ, который увы! невозможно выключить, начинает медленно умирать. Трубопроводы забиваются сажей, и при пониженном давлении газу сквозь нее не пройти. Из-за этого он то и дело производит шум, больше всего напоминающий грохот мотоцикла, который где-то очень далеко мчится по шоссе со скоростью 30 миль в час [48 км/ч]. Однако мотоциклист, проехав, больше не возвращается, а в четыре часа утра даже на главных магистралях Англии мотоциклы не идут сплошным потоком. Газ проявляет куда большее усердие.

Вот прошел один мотоцикл, ты изрыгаешь проклятия, завертываешься поплотнее в одеяло и закрываешь глаза, но не тут-то было. Появляется вторая машина, она идет на той же скорости, что и первая, но, как ни странно, остается в пределах слышимости в семь раз дольше. Снова интервал — на этот раз выезжает целая стая машин, скорее всего это клуб мотоциклистов на утренней тренировке. Иногда кто-нибудь один вдруг резко тормозит — нарвался, наверное, на полицейскую засаду. Минут этак через тридцать ты чувствуешь, что близок к помешательству, тебя так и подмывает вытащить из-под койки что-нибудь потяжелее и запустить в горелку. К счастью, до этого еще не дошло, но в один прекрасный день наше терпение лопнет и газ потухнет навсегда».

Нам никогда не казалось, что время тянется чересчур медленно, — мы были слишком заняты. В такой немногочисленной партии, как наша, каждому приходится следить за двумя-тремя статьями снаряжения. Кроме этих повседневных обязанностей, все свободное время поглощала научная работа, которой было очень много, честно говоря, намного больше, чем мы предполагали.

Затопляемая приливом полоса на мысе Адэр

Глыбы на припае у мыса Адэр

О моральном состоянии любой экспедиции лучше всего говорит то, как ее участники выполняют работу, не представляющую для них прямого личного интереса. В нашей экспедиции в момент прощания с Новой Зеландией только одного из шести членов Северной партии можно было назвать человеком науки. В первые несколько месяцев плавания «Терра-Новы» наука, представленная береговыми партиями, не была на борту судна в особом почете, и научные работники обеих партий могли проявить свои способности только в мореходстве. Как и всю судовую команду, их разделили на вахты, и они наравне со всеми принимали деятельное участие в жизни корабля: кололи уголь, качали насосы, разворачивали реи и т. д. Со стороны Северная партия могла показаться командой военно-морского флота: в нее входили один офицер, один военный хирург, три унтер-офицера и только один участник не поднялся выше простого матроса. Однако теперь, когда мы осели на берегу, все изменилось, и человеку непосвященному только привычная манера выражаться лаконично и резковато выдала бы профессиональную принадлежность большинства зимовщиков. В одиночку невозможно было верно служить даже одной науке, мы же должны были добиться хороших результатов в трех отраслях знания или расписаться в собственной несостоятельности. Поэтому к научной работе были привлечены все. Офицеры и матросы на равных вели по очереди наблюдения, и записи,

сделанные в судовом журнале учеными наблюдателями из кубрика, отличались от остальных только чрезмерной аккуратностью и излишней полнотой.

Как только мы закончили высадку и установили метеорологическую будку, мы приступили к двухчасовым наблюдениям. За год, проведенный на мысе Адэр, мы прерывали их лишь дважды: один раз — на три дня, другой — на четыре, когда все шестеро ушли в санный поход. Чтобы вести наблюдения, около хижины постоянно должен был находиться человек. Тем не менее мы почти ничего не упустили, особенно после того как Дикасон и Браунинг, деливший с ним обязанности кока, научились правильно считывать показания термометров и барометров.

В хорошую погоду производить наблюдения не так уж сложно, но в метель… Случалось, и не раз, что наблюдатель просто чудом успевал уклониться от подхваченного могучим порывом ветра деревянного ящика или бревна, которые убили бы его наповал. Ножки метеорологической будки мы прикрепили к ящику, наполненному камнями, и поместили в 80–100 ярдах [73–92 м] от хижины, чтобы она не влияла на показания термометров и не мешала правильно определять направление ветра. Всякий раз на пути к экрану приходилось преодолевать это расстояние, а чтобы наблюдатель в метель не потерял ориентировку, между хижиной и наблюдательным пунктом мы натянули леер. В самые яростные вьюги у наблюдателя иногда уходило на дорогу десять, а то и пятнадцать минут, иногда же он вообще только благодаря лееру мог найти свой дом.

Наши труды на ниве геологии также были вознаграждены богатым научным урожаем, чего никак нельзя сказать о биологии моря. Вот уж где было редкостное несоответствие между вложенным трудом и полученными результатами! Мы располагали, конечно, лишь самым примитивным снаряжением, но главной причиной плохих уловов было, наверное, не оно, а сильные приливо-отливные течения. Они, что ни день, проносили мимо берега множество айсбергов различной величины, и на мелководье эти чудовища давно соскребли со дна моря все живое. Так или иначе, но за двенадцать раз, что мы опускали драгу, мы вытащили одного морского ежа, одного многощетинкового червя и одного морского паука, после чего отказались от надежды добиться от моря чего-нибудь путного с нашим скудным снаряжением. Мы продолжали выходить в море на единственном нашем суденышке — норвежской плоскодонке, но эти вылазки, интересные, иногда даже захватывающие, не приносили плодов, а выходы в море были сопряжены с большими трудностями.

Представление о них дает выдержка из моего дневника от 28 марта:

> «Когда мы спустили плоскодонку, было около 18°, и спокойное море замерзало прямо у нас на глазах. Не прошло и двух часов, как на совершенно чистой недавно поверхности воды образовались длинные полосы льда толщиною около трех четвертей дюйма. Сформировавшись, то есть достигнув определенной толщины и размера, они попадали во власть течения, которое подхватывало их и несло навстречу плоскодонке. Нам оставалось продираться сквозь них или уходить дальше от берега, но тогда на обратном пути пришлось бы преодолевать несколько сот ярдов прибрежного льда. Риск был слишком велик. Ведь столкновение даже с небольшой полоской льда отнимало у нас полчаса времени и все рабочие руки, каждые несколько ярдов приходилось отвлекаться от драгирования и проталкивать лодку. Соприкоснувшись со льдиной, мы подтягивали к себе драгу и лески, один из нас подгребал на корме веслом, другой следил за лесками, третий, перегнувшись через нос, отталкивал льдину деревянной лопатой, оставленной Борхгревинком, или, на тонком льду, старался ею грести. Последнее требовало больших усилий, которые, к тому же, все время приходилось соразмерять с действиями других, чтобы не сломать весло или не превысить нагрузку на среднюю часть судна. Вскоре я убедился, что в поединке с более толстыми льдинами, которые не поддавались лопате, лучше пользоваться деревянным ковшом для наших трофеев — им легче разбивать лед».

Чем больше неблагодарной работы мы делали, тем выше я ценил троих моих верных помощников. Кемпбелл готов был предоставить в мое распоряжение любого из людей, а если понадобится — то и всех сразу, но я никогда не изменял принципу добровольности. По опыту я знал, что совсем нетрудно привлечь людей к работе, которая незамедлительно приносит интересные результаты — выявляет, например, новые виды животных, неизвестные каменные породы, что-нибудь красивое. Но если ты раз за разом не получаешь вообще никаких результатов или во всяком случае результатов ощутимых, то найти для такого дела помощников чаще всего очень непросто. Мне же необычайно повезло с товарищами — они всегда сами вызывались производить систематические наблюдения и нередко

жертвовали обедом, орудуя киркой и лопатой или вытягивая драгу. И та, и другая работа, как правило, бывала бесплодной, тем не менее никто не унывал и не бросал ее, пока я сам не приходил в отчаяние от морской биологии и всего, что с ней связано, и не отправлялся решительно к дому, хотя кому-кому, а мне уж никак не подобало первому падать духом. Поэтому достижения в этой и других областях науки в значительной мере заслуга Абботта, Браунинга и Дикасона. Не будет преувеличением сказать, что Северная партия, которая по прибытии в Антарктику состояла из пяти офицеров и унтер-офицеров военно-морского флота и одного матроса, к моменту возвращения спустя год насчитывала шесть научных работников. И каждый из них внес в науку свой вклад в виде оригинальной работы.

Глава VI
Замерзание моря и великая майская метель

Несмотря на ветры, море замерзает. — Блинчатый лед. — Мы расширяем наши прогулки. — Один из складов Борхгревинка. — Его склад угля и провизии — важное подспорье для нас. — Драже с лимонным соком и «джемоклей». — Начало метели. — Каменные ливни. — Муки метеоролога. — Незначительные потери. — За водой для мытья. — Что опаснее — порывы ветра или внезапное затишье? — Работа в стенах дома. — Буря испытывает наше терпение. — «Карузофон». — Гимн ночного дежурного. — Восходы солнца. — Горная пещера. — Случай с порошком магния. — Граммофон, как всегда, откликается на происшествие. — Лучшее полярное сияние из виденных нами.

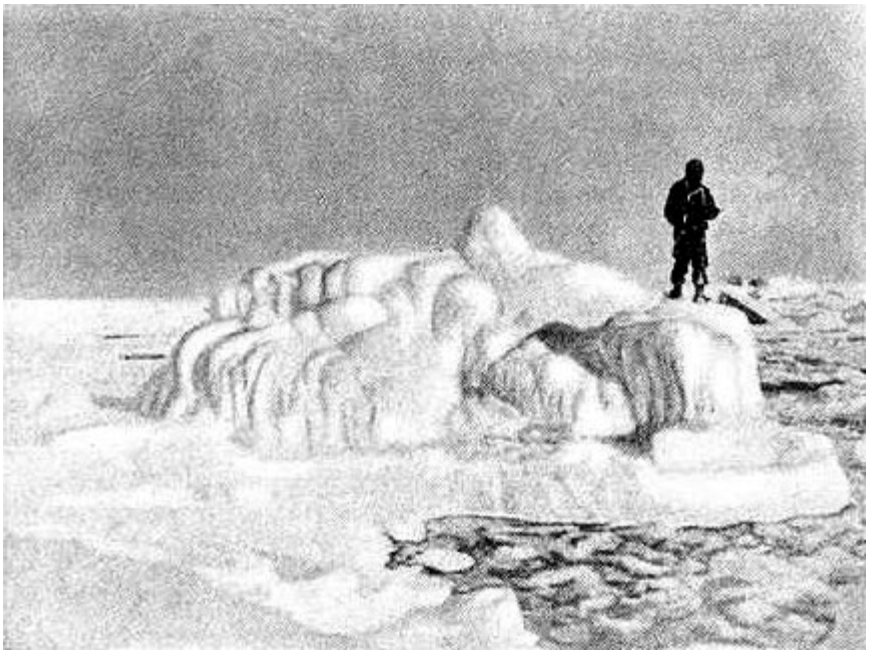
Замерзание моря в Антарктике — всегда захватывающее зрелище, но, пожалуй, нигде мы не увидели бы его в такой полноте, как на мысе Адэр в бурную осень 1911 года. Как только мороз крепчает, на поверхности воды при первой же благоприятной возможности появляются кристаллы льда, которые вскоре образуют ледяное сало. Сначала этот процесс происходит медленно, любой мало-мальски сильный ветер отгоняет сало, но чем ниже опускается ртуть на градуснике, тем быстрее оно формируется, и в конце концов даже после самого свирепого шторма море остается открытым не больше нескольких минут.

Только наблюдая эту картину и своими глазами видя, как быстро лед усмиряет и даже убивает прибой, проникаешься сознанием всесилия мороза.

Девятнадцатого апреля бушевавший несколько часов шторм отогнал лед, сковавший залив в последние дни. Проснувшись на следующее утро, мы услышали, как сильные порывы ветра то и дело сотрясают хижину. Залив превратился в котел бурлящей белой воды, близ берега верхушки волн разбивались о подошву припая и мириадами брызг разлетались в стороны. Смельчака, подходившего к берегу на расстояние нескольких ярдов, они окатывали с головы до пят и замерзали на нем. Судя по морозному воздуху и быстроте, с какой у подошвы припая брызги превращались в ледяные гирлянды, мы решили, что температура

очень низкая, но прошло совсем немного времени — и мы получили зримые доказательства этого. Полюбовавшись заливом, посмотрев на прибой чуть дальше к югу, мы пошли завтракать, а когда после еды отважились выйти снова, нашим глазам предстала совсем иная картина. Белых гребешков как не бывало, только кое-где у самой подошвы припая изредка вскипала белая пена да остатки прибоя тяжело дышали под покровом ледяных кристаллов и вздымали его.

Замерзание моря. Блинчатый лед



Нагромождение льда на припае

Со смотровой точки на склонах мыса, с высоты нескольких сот футов над уровнем моря, залив под косыми лучами солнца выглядел точь-в-точь как пашня, запущенная после многолетней обработки под пастбище, с той разницей, что неподвижные на поле борозды ожили и непрестанно двигались на север.

Прибой становился все тише и тише, и наконец его вздохи совсем ослабли. Но даже эти еле заметные движения были невыносимы для льда, который затвердевал и утолщался. Они разбивали его на небольшие остроугольные куски диаметром в один-два фута [31–62 см]. От слабого трения друг о друга их углы стачивались, края загибались кверху, одним словом, на наших глазах происходило образование блинчатого льда, этого чуда полярных морей, давно известного путешественникам. Все эти метаморфозы со льдом произошли в течение одного дня, ночью же прибой затих совсем, отдельные «блины» срослись воедино, море снова покрыл сплошной лед, только местами прошитый трещинами, идущими от одного заблудшего айсберга к другому или соединяющими два выступа близ берега.

Таким образом, мы воочию убедились, что высокие широты земного шара бо́льшую часть года находятся во власти всемогущего мороза, который способен сковать и обессилить даже моря, по праву считающиеся самыми бурными в мире. У них, однако, есть союзник, никогда не смиряющийся с поражением, и, как будет видно из последующего рассказа,

зимний ветер время от времени взламывает лед и относит его на север, предоставляя воде долгожданную свободу, которой она пользуется, пока длится шторм.

Около берега лед удержался, несколько дней постепенно рос в толщину, и 25 апреля мы убедились, что он выдерживает вес человека, хотя за пределами залива Робертсон приносимый приливом пак то и дело разбивал ледяной покров. Наконец-то мы могли покинуть наш пятачок на мысу! Только тот, кто многие месяцы был ограничен в своем передвижении тесным пространством, способен понять, какое чувство облегчения мы испытали. Ведь к этому времени мы уже исходили окрестности зимовки вдоль и поперек, изучили каждый дюйм земли поблизости, естественно, что теперь мы кинулись осматривать побережье к югу от нас. Наши маршруты удлинились на несколько миль. Мы с радостью продолжали эти прогулки и в последующие дни, сожалея лишь о том, что у нас мало свободного времени и мы не можем забраться еще дальше.

И вот тогда-то, проходя вдоль скалистого берега залива, я наткнулся на склад, оставленный экспедицией на «Южном кресте» у подножия мыса, — наверное, на тот случай, если приливная волна снесет хижину и все вокруг. Склад, очевидно, сильно пострадал от ветров и обвалов со скал, но многие продукты сохранились вполне хорошо. У нас не было надобности его распечатывать, но многими вещами с «Южного креста» мы воспользовались с большой благодарностью в тот год, который провели на его зимовке. Нам, например, очень пригодились остатки каменного угля, пощаженные бурями, а два-три ящика древесного угля в виде брикетов, привезенного, вероятно, для какой-то специальной печи, оказались незаменимыми для поддержания огня ночью. Древесный уголь горит очень медленно, и если перед сном положить несколько пластов на раскаленные угли, кок утром наверняка застанет в золе непогасшие искры. Из продуктов экспедиции на «Южном кресте» самые приятные воспоминания оставили у участников Северной партии несколько тысяч шоколадных драже из хижины Борхгревинка, обильно пропитанных лимонным соком, которыми мы утоляли жажду во время летних переходов на санях, и твердый коричневый мармелад в глиняных банках, имевший вкус солода и слив. Никто из нас никак не мог припомнить название этого лакомства, и мы единодушно окрестили его джемоклеем, что очень к нему подходило — это в один голос подтвердят все, кому посчастливилось его испробовать. Он пользовался у нас большой популярностью и весьма успешно конкурировал с вареньями из наших собственных запасов.

Кое-что из наследия предыдущей экспедиции долго вызывало у нас величайшее недоумение. Ну зачем, к примеру, им были нужны, да еще в таком огромном количестве, боевые патроны, лежавшие в ящиках около хижины? Но поразмыслив, я решил, что людей Борхгревинка можно понять. Они были пионерами Антарктики, первыми перезимовали на материке. Мы-то теперь хорошо знаем, что главная особенность здешних животных — их полная безобидность, но ведь всего несколько лет назад Антарктика была совершенно неизведанным краем, и, как ни трудно нам это сейчас себе представить, вполне естественным было предполагать, что ее ледовые просторы могут быть населены кровожадными зверьми, такими же, какие обитают на уже известных материках, а то и более страшными.

Очень скоро нам представилась возможность убедиться в том, что рассказы Борхгревинка и его спутников о погоде в Антарктике никоим образом не были преувеличением. До сих пор на нас обрушивались бури не сильнее тех, что я наблюдал в течение года около мыса Ройдс, и, признаюсь, я уже стал подумывать скептически о сообщениях наших предшественников, будто во время ураганов ветер избивал их взметенными в воздух камнями. Но после того, что нам пришлось пережить, я могу только задним числом извиниться за то, что хоть на минуту усомнился в правдивости людей с «Южного креста». Близзард, который я опишу ниже, перевернул все мои представления. Надеюсь, что мои читатели окажутся более доверчивыми, чем я.

Итак, близзард, который мы прозвали десятидневным ураганом, начался в ночь на 5 мая. В 4 часа утра меня разбудил шум ветра. Несмотря на то что вся наша хижина трещала и стонала и в унисон ей бились о стены висевшие на них вещи, я отчетливо различал отдельные порывы ветра, очевидно страшной силы, сопровождавшиеся грохотом. Я сразу вспомнил рассказ Борхгревинка о каменных ливнях, а когда в восемь часов утра пошел производить очередные наблюдения, у меня уже не осталось ни капли сомнений в его правдивости. Должен заметить в свое оправдание, что у меня хватило мужества мысленно извиниться перед ним, даже когда я, стоя спиной к ветру, был озабочен одним — как бы вдохнуть поглубже. Небольшая прогулка, ярдов так на сто [92 м], к метеорологической будке, впервые дала мне почувствовать на собственной шкуре, какие метели бывают на мысе Адэр. Для полноты впечатления меня в относительном затишке за хижиной подхватил ветер, ноги мои подкосились, и ярдов двадцать [18,3 м] я проехал на пятой точке. В этот момент я поверил бы любой небылице. Сказали бы мне, когда я висел всем телом на леере, выплевывая гравий и

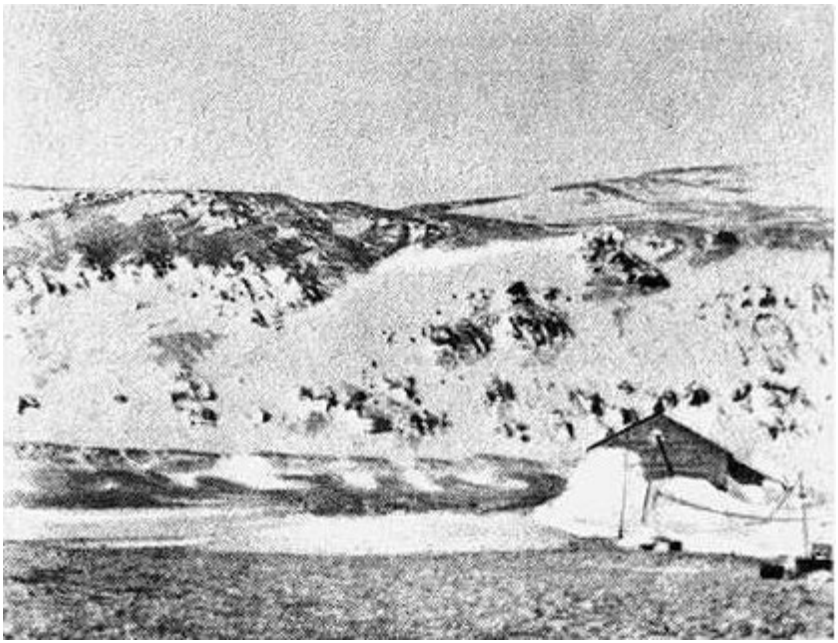
проклиная ветер, что его скорость — тысяча миль в час [1609 км/ч], я бы даже подумал, что больше. Мне казалось, что я и сам превратился в несомый ветром обледеневший камень, весь в бороздах от скольжения по земле.

Остальную часть пути я проделал более успешно, так как понял, что в такую бурю передвигаться можно, только всей тяжестью повисая на леере, а главное — повернувшись лицом к ветру, тогда он шаг за шагом относит тебя к цели, ты же в промежутках между его порывами делаешь глубокий вдох, а затем стараешься задержать дыхание, чтобы он не продул твои легкие насквозь. Достигнув будки, я и вовсе возгордился, убедившись, что всю дорогу судорожно сжимал в руке блокнот и карандаш, так что мне теперь не надо возвращаться и начинать путешествие сызнова. Обратный путь дался мне трудно, но обошелся без особых происшествий — все, что могло быть сдвинуто с места, давно уже было унесено в море, и я благодаря этому избежал главной опасности, которая угрожает наблюдателю в начале бури. Счастье наше, что этому необычайно сильному бурану предшествовало несколько штормов послабее и покороче: наученные горьким опытом, мы на сей раз не лишились ничего более или менее нужного. Осмотр окрестностей после утреннего выхода к экрану показал, что наши потери ограничиваются наполовину обработанной тюленьей шкурой, которую отнесло на несколько ярдов за хижину, частью тамбура и меховой варежкой, оторвавшейся от тесемки, когда я упал.

Утром седьмого мая ветер на несколько часов немного стих, и я, следя за его порывами и пригибаясь под ними, сумел сойти к подошве припая. Оттуда открывался прекрасный обзор в сторону юга, и мне сразу бросилось в глаза, что буран повернул часы на двадцать дней назад. Запись в моем дневнике о состоянии моря 19 апреля как нельзя лучше подходила к нему сейчас. Нигде ни льдинки, весь залив — в хаотическом нагромождении белопенных волн, которые словно догоняют и никак не догонят острые жала брызг, срывающихся с их гребешков.

Назавтра буря скорее усилилась, но снегопад полностью прекратился, и мы, хотя и с большим трудом, выходили из дому. Был мой банный день, я же и так не мылся на той неделе, а потому отважился отправиться с ведром на мыс Спит за льдом. Но игра не стоила свеч. Я это понял задолго до того, как мне удалось благополучно доставить в хижину ведро с теми жалкими остатками льда, что не успел отнять у меня ветер. Будь ведро для нас меньшей ценностью, будь их у нас побольше, не миновать бы ему плыть на север и в конце концов успокоиться на дне морском.

Бритье с удобствами



Мыс Адэр и хижина Северной партии

В такую погоду трудно решить, что опаснее — порывы ветра или неожиданное затишье. Вот ты всеми силами напрягаешься, чтобы выстоять против ветра, — и вдруг он прекращается;

удержаться на ногах невозможно. Но и внезапный порыв швыряет тебя оземь с такой силой, что только кости трещат. Каждые два часа мы обогащались новыми синяками и шишками. Высовываешься из тамбура, ветер тебя подхватывает и несет к метеорологической будке если не вполне со скоростью метеора, то уж во всяком случае намного быстрее, чем нужно для твоего удовольствия.

И все же мы свыклись с ветром и почти не обращали внимания на завывания в вентиляторе. Бо́льшую часть времени приходилось, конечно, проводить в стенах дома, но каждому было чем занять себя. Левик, весь в муках творчества, рожал эпическую поэму в стиле легенд, Кемпбелл заканчивал карту побережья, Абботт и Браунинг смастерили нечто вроде затычки для вентилятора на время метелей, Дикасон по обыкновению стряпал и пек хлеб (никакая погода не могла поколебать наши аппетиты). Я же — последний по счету, но не по важности (с моей точки зрения, во всяком случае), — руководствуясь антарктическим эквивалентом принципа «коси, коса, пока роса», приводил в порядок записи в журнале.

Девятого буря не ослабевала, она уже надоела нам дальше некуда, и записи за этот период в метеорологическом журнале отражают отчаяние наблюдателей. В графе «Замечания» то и дело появляются прилагательные, казавшиеся единственно уместными в той обстановке. К ней вполне применимо Дантово описание ада, надо только слово «души» заменить на «метеорологи»:

> И словно воет глубина морская,
> Когда двух вихрей злобствует вражда.
> То адский ветер, отдыха не зная,
> Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
> И мучит их, крутя и истязая.

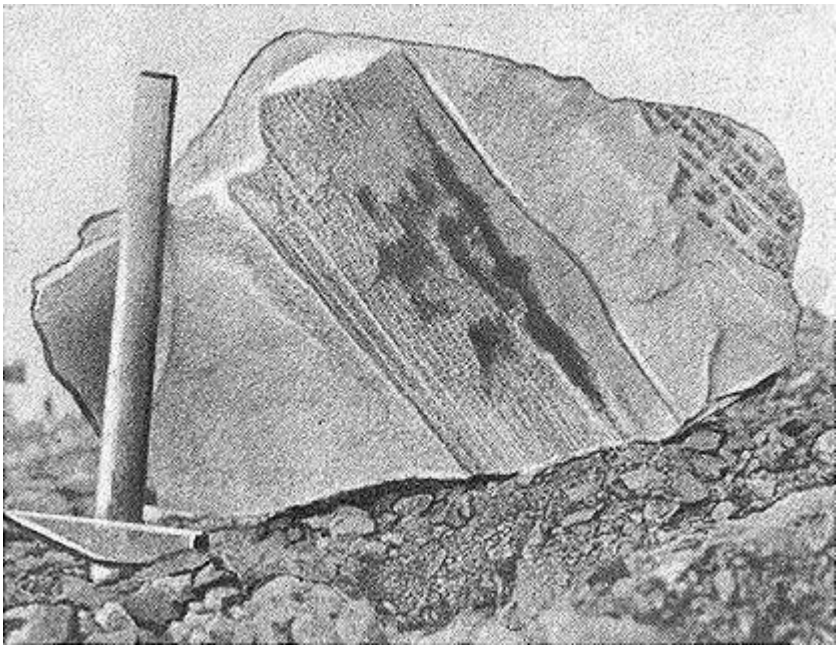
Вечером ветер достиг своего апогея и, хотя продолжался до тринадцатого, потом уже не проявлял такого неистовства. Но, теряя постепенно силу, он изменил направление, подступился к нам с юга, и теперь брызги прибоя, не ограничиваясь более кромкой берега, осыпали его целиком. Вскоре появились гирлянды заледеневшей водяной пыли, имевшие близ моря два-три фута [61–92 см] в длину. Местами она проникала в глубь суши на сто и более ярдов [92 и более метров], мы, например, если выходили на наветренную сторону хижины, непременно попадали под ледяной душ. Замерзшие брызги остались воспоминанием о буре даже на скалах, и потому во всех выемках и сугробах на берегу снег приобрел солоноватый вкус.

За всю свою жизнь я не видел такой бури. С ней может сравниться разве что шторм, в который едва не погиб «Нимрод» во время первого плавания из Новой Зеландии в 1908 году, но и то не силой и упорством ветра, а произведенным впечатлением. Непреходящим ощущением опасности, нависшей над судном, этот первый антарктический шторм врезался в память навсегда и затмил остальные пережитые бури.

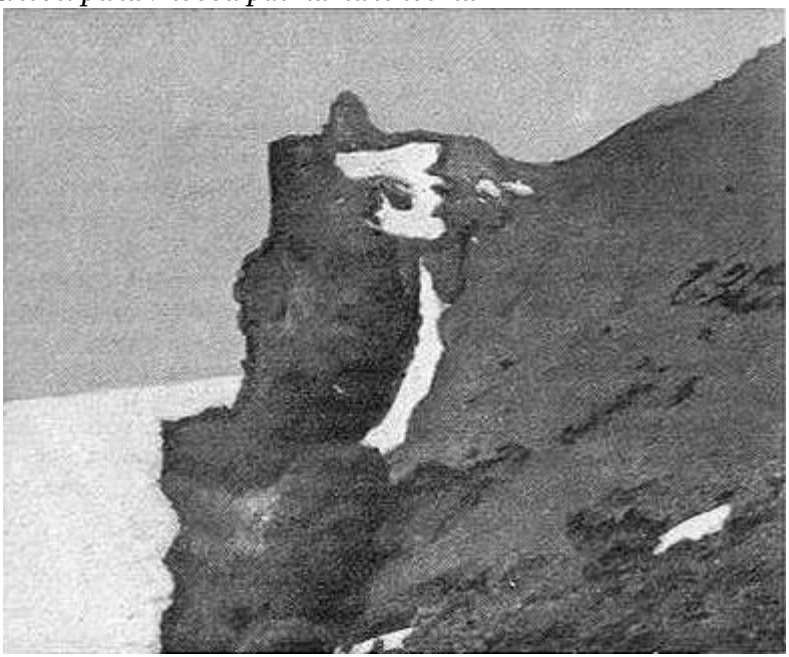
Теперь мы убедились в том, что наша хижина с честью выдержала испытание на прочность, и в дальнейшем нам пришлось поволноваться за нее лишь однажды. Выявилось, однако, одно неудобство — в бури трудно было открыть входную дверь. Дело в том, что, когда дом был готов, мы увидели, что дверь находится на наветренной стороне, и чтобы ветер не дул прямо в нее, вывели стенку тамбура за наветренную сторону так, что преобладающее направление ветра было перпендикулярно его выходному отверстию.

Это превосходное решение проблемы имело, однако, тот недостаток, что в буран стремительный поток воздуха, устремлявшийся мимо входа в тамбур, внутри него создавал разрежение, а это в свою очередь во много раз увеличивало давление на внутреннюю сторону двери. Поэтому, чтобы раскрыть дверь, надо было налечь на нее как следует, а когда она наконец раскрывалась, усиленный грохот ветра был так страшен, что трудно было преодолеть искушение сделать шаг назад и возвратиться под кров дома.

Из метеорологического журнала экспедиции на «Южном кресте» я узнал, что в зимние месяцы наши предшественники ввели ночные дежурства. Мне хотелось, чтобы наши наблюдения были по возможности такими же полными, хотя при немногочисленности Северной партии это было нелегко. Тем не менее Кемпбелл с готовностью откликнулся на мое предложение, и с 16 мая мы установили ночные вахты — по два часа каждая. Первая ночь прошла вполне благополучно, вторая — тоже, но все сильно недосыпали, — хватит ли нас так надолго? И тут Кемпбелл обещал приз за лучшую систему сигнализации взамен забытого на родине будильника.



Следы реликтовой растительности



Оконечность мыса Адэр и море Росса

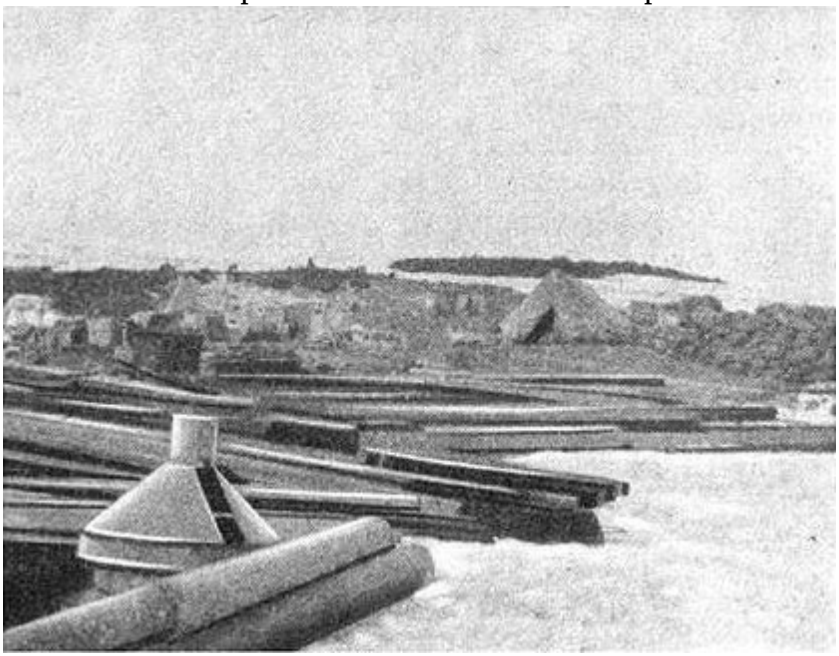
Моряк, лишенный изобретательности, — это не моряк, и приз в тот же день был присужден Браунингу. Он уверял, что его «карузофон» — приспособление безотказное. На одном конце доски длиной около трех футов [92 см] он укрепил вертикальную стойку, на другом — бамбуковую палочку, заменявшую пружину.

Посередине между ними поместил подставку со свечой, в которой пробуравил сквозь воск и фитиль отверстия. Интервалы между ними он определил экспериментальным путем — каждый соответствовал двум часам горения. К вертикальной стойке Браунинг привязал кусок веревки, пропустил его через верхнее отверстие в свече и накрепко прикрутил другим концом к туго натянутой палке-пружине. Другой веревкой он подсоединил ее к спусковому устройству граммофона. Оставалось только завести его до предела, поставить иголку в положение наготове — и вот она, сигнальная система!

В полночь последний дневной дежурный, придя с обхода, зажигал свечу в карузофоне. Пока она тихо и мирно горела положенные два часа, мы спали сном праведников. В два часа ночи отмеренный кусок свечи прогорал, огонь прожигал веревку, она отпускала соединенную с ней бамбуковую пружину, та расслаблялась и высвобождала иголку граммофона. Пластинка начинала вращаться, постепенно наращивая скорость, под аккомпанемент адского шума, который, казалось, и мертвого поднял бы на ноги. На тот случай, если она все же не разбудит привыкшего к шумовым эффектам дежурного, мы выбрали для этой почетной миссии арию Хосе из «Кармен» в исполнении синьора Карузо. Нами руководило отнюдь не пристрастие к классической музыке — просто это была самая громогласная из имевшихся пластинок. Потому-то мы и окрестили будильник карузофоном. Сие совершенное изобретение не сработало один-единственный раз, когда в бурную ночь гулявший по хижине сквозняк задул свечу, и не было случая, чтобы оно не подняло на ноги ночного дежурного. Правда, на первых порах, судя по раздававшимся комментариям, вместе с ним просыпались все, но мы были так горды нововведением, что высказывались довольно сдержанно, а спустя неделю-другую он уже только создавал шумовой фон для наших сновидений.

Благодаря карузофону ночные дежурства стали менее обременительными, их тяготы почти целиком легли на плечи тех, кто испытывал особый интерес к погоде. Кемпбелл, Левик и Абботт вызвались поочередно бодрствовать до полуночи и зажигать свечу карузофона. В два часа ночи по сигналу вставал я, снимал показания приборов, возвратившись домой, читал у огня или стирал, в четыре часа снова снимал показания, после чего заводил карузофон, поворачивал граммофон рупором к следующей жертве и ложился спать. В шесть часов утра сигнал поднимал Браунинга, который стал моим постоянным помощником. Он делал шестичасовой обход, заносил данные в журнал, а затем разводил огонь. В семь часов утра он будил

Дикасона, так что ночные дежурства имели еще и то преимущество, что, когда кок точно в семь вставал, печь уже пылала вовсю и завтрак появлялся на столе своевременно.



Материалы для строительства дома

Сугробы с подветренной стороны хижины на мысе Адэр

Ночной дежурный, по сигналу вскакивавший с койки и

выходивший в бурную ночь, крайне нуждался в отдушине для выражения своих чувств. Ею явилась наша излюбленная песня, немного переделанная. Во второй год пребывания в Антарктике на острове Инекспрессибл я часто старался представить себе выражение лица Симпсона, читающего этот эпиграф к метеорологическому журналу:

Я слышал твой призыв;
Был ветра вой страшней твоих рулад,
И перед тем, как выйти в этот ад,
Я подошел к тебе и от души
Пихнул разок,
Жестокой мести рад.

Я слышал твой призыв;
Журнал заветный взяв и наугад
Одевшись, я побрел, вцепясь в канат,
Вернулся: щеки — в корке ледяной
И на усах
Висят сосульки в ряд[41].

Мы придерживались такого расписания до конца июля, и благодаря ему в течение всех этих месяцев могли круглые сутки не только изучать погоду, но и систематически наблюдать полярные сияния. Южное полярное сияние чаще всего являет собой жалкое зрелище по сравнению со своим северным собратом, и я, хорошо помня малоинтересные свечения неба около мыса Ройдс с преобладанием серовато-зеленых тонов, только изредка разбавляемых малиновым у самого основания лучей, уже начал сомневаться в том, бывают ли на юге вообще полярные сияния, достойные этого названия.

Замерзшая водяная пыль на стене каменной пещеры

Однако в описаниях путешествий Уилкса и Дюмон Д'Юрвиля в западную часть Антарктики[42] прямо говорится, что на северной оконечности континента, где находилось наше зимовье, в сравнительной близости к Южному магнитному полюсу, полярные сияния могут быть более красочными. Вскоре мы убедились, что это действительно так.

Всю зиму, ночь за ночью, час за часом, мы были свидетелями таких полярных сияний, которые, безусловно, очень немногим уступают знаменитым сияниям Севера. Правда, преобладали опять же цвета зеленый и темно-желтый золотистого тона, но они были необычайно яркими, сочными, к ним часто добавлялись другие краски, среди которых особенно выделялись ярко-малиновая и фиолетовая. Описать сияние трудно, так же как невозможно зарисовать или сфотографировать дрожание лучей, составляющее главную его прелесть, но оно производит сильнейшее впечатление, и тот, кому довелось пережить темное время года в Антарктике, никогда его не забудет.

Пещера в айсберге

«Последнюю неделю в ночные часы постоянно светила яркая луна, — писал я в своем дневнике, — и сегодняшняя ночь была так же прекрасна. Несомненно, нет другого края, где природа так красива, как в Антарктике, но и нигде эта красавица не проявляет столь явно свой суровый и строптивый нрав. Представьте себе: тихий вечер, ни ветерка, мороз 40° [-40 °C], воздух совершенно сухой, на сине-фиолетовом небе ярко выделяется луна в ореоле гало[43], которое дважды повторяет все цвета радуги, а свет луны отражается от каждой точки каждого снежного и ледяного кристалла.

Сначала луна царствует на небе безраздельно, но вдруг с севера вспыхивают зеленые и золотые лучи полярного сияния, ярко-малиновые на конце, и с невероятной скоростью устремляются к зениту. Когда головная часть достигает зенита, хвост только-только появляется над горизонтом, и полудуга спиралью поворачивает на юго-восток и исчезает за мысом Адэр, освещая оттуда небо словно лучами прожектора. Сияние появилось, прошло и исчезло в течение нескольких секунд, оставив, однако, яркий след в памяти того, кто его видел. Едва его не стало, как на юге так же внезапно возникает светящееся кольцо, быстро движется на восток

и в свою очередь исчезает за темной громадой мыса, и тут же по небосводу мелькают одна за другой дуги в направлении с севера и северо-запада на восток, там меркнут, распадаются на отдельные занавесы и скрываются за мысом. И снова луна единовластно царит на небе.

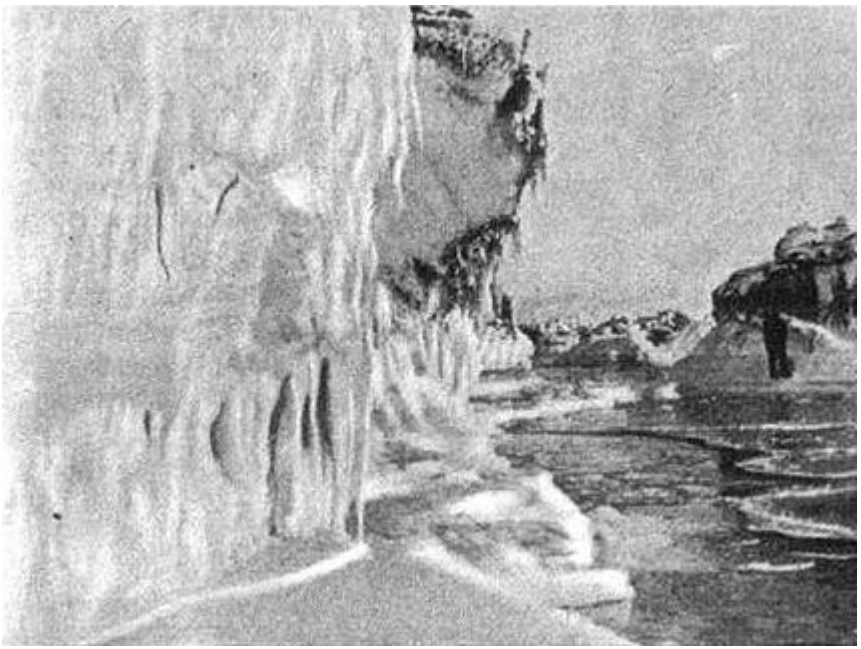
Температура понижается, и с западной части небосклона к мысу Адэр и дальше наплывает пушистый слой перистых облаков, окутывающий землю тонким покрывалом переливчатого опалового оттенка от лунного света. Все вокруг становится еще красивее. Но заволакивание неба облаками предвещает приближение легкого бриза, который пронизывает метеоролога до мозга костей и заставляет его поспешить домой, где ему еще предстоит закончить массу дел, прежде чем он со спокойной совестью сможет лечь спать».

Вскоре после метели, о которой шла речь выше, образовался лед, который уже удерживался всю зиму, благо она выдалась необычайно спокойной, и мы еще больше расширили радиус прогулок. Эти вылазки под ясным зимним небом, время от времени освещавшимся прекрасными полярными сияниями, относятся к нашим лучшим воспоминаниям о зиме. Экскурсии обычно преследовали определенную цель, мы избирали маршруты поочередно то в южном, то в северном направлении, стараясь подробно осмотреть скалы, подошву припая, возвышенности, разбросанные на прибрежной отмели. Перед уходом запасались порошком магния, чтобы иметь возможности фотографировать в красивых гротах, которыми изобиловали наиболее изъеденные штормами айсберги. Из-за этого у нас произошел инцидент, один из тех, что внесли если не приятное, то все же разнообразие в нашу жизнь, впрочем, и так не слишком монотонную.

Прежде всего мы обследовали айсберг, сидевший на мели в нескольких сотнях ярдов к западу от мыса Спит. Внутри он представлял собой одну огромную залу с несколькими выходами. Подобной красоты я видел в своей жизни немного, да и то больше в детских мечтах о волшебных замках. Изнутри открывался вид сразу через три входных отверстия, и в каждом нежно-фиолетовым цветом светилось небо, гармонично сочетавшееся с темно-синими нишами самой ледяной пещеры. Пещера имела верных двадцать ярдов [18,3 м] в длину и пятнадцать [13,7 м] в ширину, один из ее колодцев уходил вглубь не меньше чем на сорок футов [12,2 м], одним словом — идеальный объект для

фотографирования со вспышкой магния.

Хребет Адмиралти



Подошва припая у мыса Адэр

При первой же возможности мы снова отправились к айсбергу, вооруженные на сей раз фотоаппаратами. Установили штатив, нашли выгодную позицию для бачка с магнием,

подсоединили к нему фитиль. Я поджег его, но вспышки не последовало. Ждал, ждал, наконец мое терпение лопнуло, я наклонился к фитилю, проверить, не случилось ли с ним чего, — и именно в этот миг весь фейерверк взлетел мне в лицо. Он сильно ожег его, опалил мне брови и ресницы, на какое-то время я даже ослеп, но вскоре зрение частично вернулось ко мне, и мы с грехом пополам доковыляли по морскому льду до хижины. Однако во влажной атмосфере нашей комнаты утихшая было на морозе боль стала просто невыносимой. Левик тут же промыл ожоги раствором борной кислоты, дал мне болеутоляющее, и через несколько минут только следы ожогов напоминали о неприятном происшествии. Остаток дня мне пришлось, разумеется, провести дома, но это было даже к лучшему, так как у меня накопилось очень много вещей для починки, да на две пары сапог надо было срочно поставить подметки.

Как я уже писал, в нашей коллекции пластинок можно было найти песни на все случаи жизни. В этот вечер, когда я забивал последний гвоздь в сапог, Браунинг — по-моему, решительно безо всякой задней мысли — начал концерт граммофонной записи со своей любимой пластинки «Завет любви». Первая фраза — «О, нет очей, чей лучезарный пламень не омрачали б слезы тихие страданий», пришлась очень к месту и вызвала бурное веселье, хотя только свидетельские показания Левика заставили всех поверить, что пролитые мною утром слезы были и в самом деле тихими.

Из-за несчастного случая мы, конечно, ушли с айсберга что называется не солоно хлебавши, но день-два спустя повторили попытку сделать на нем несколько снимков, на этот раз с бо́льшим успехом. Вот тогда-то нам посчастливилось увидеть самое красивое за зиму полярное сияние, которое во всех отношениях могло поспорить с сияниями, описанными Нансеном и другими известными путешественниками в Арктику:

> «Сегодняшнее полярное сияние, хотя и не такое обширное, как некоторые из виденных мною раньше, было изумительно окрашено. В нем были представлены кроме синего все цвета радуги и некоторые сложные цвета, например лиловый, пурпурный, розовый, яркий золотисто-зеленый. Они сменялись с невероятной быстротой, сливаясь почти незаметно для глаза, и не только концы лучей, но и занавесы становились целиком то темно-малиновыми, то ярко-розовыми, то фиолетовыми, причем временами дуги казались как бы расчерченными на квадраты — ярко-зеленые и желтые,

красные и розовые. Я бы назвал это сияние переливающимся. Парад красок длился минут десять, затем сияние приняло свой обычный зеленоватый цвет с добавлением красного у основания лучей и, хотя оно и тогда было необычайно красивым, показалось нам тусклым после того, что мы видели».

Глава VII
Середина зимы. Подготовка к санным походам

Книги, шахматы, карты. — Бокс при температуре ниже нуля. — Болезнь Браунинга. — Ветер уносит инструменты. — Картошка — в тазу, сухари — на койках. — Праздник Дня середины зимы. Замороженное шампанское. — Подготовка к санным походам. — Упряжь. — Мешки для продуктов. — Продукты. — Да здравствует личная инициатива! — Чтение литературы об Антарктике. — Наш рацион на время санных походов. — Кухня. — Загрузка саней.

К началу июня все свыклись с ночными дежурствами, и новый распорядок дня внес лишь то изменение, что мне больше, чем когда-либо, хотелось по утрам поваляться в постели, вместо того чтобы вскакивать к завтраку, и урвать час-другой сна после бессонной ночи. Время шло незаметно, всю зиму работы хватало на полный день, вечера же мы коротали самыми разными способами. Как принято в подобных экспедициях, у нас была хорошая библиотека, а когда еще, как не на зимовке, читать классическую литературу? Мне, например, в обычной обстановке трудно выкроить время, чтобы не спеша, в свое удовольствие, насладиться Скоттом, Диккенсом, Теккереем, но за две зимы в Антарктике я прочитал полные собрания сочинений этих авторов и много других классических книг, более трудных для восприятия. Особенно популярной у участников нашей партии была книга Маркуса Кларка «Вся его жизнь». Впечатление от нее очень точно воспроизвел Абботт, сказавший о герое: «Бедняге повезло один-единственный раз в жизни — когда он утонул». Против этого уничтожающего вывода нечего было возразить.

А вот играми мы почему-то не увлекались. Правда, Кемпбелл и Левик время от времени сражались в шахматы, воскресный же белот Браунинга и Дикасона стал событием недели, за результаты которого «болели» все. Абботт предпочитал развлечения с большей физической нагрузкой. Каждый день после чая он уходил в старую хижину Борхгревинка и при мерцающем свете свечи проделывал цикл гимнастических упражнений по шведской системе. Изредка, когда мне удавалось урвать время от наблюдений и записей, я присоединялся к нему, и в таких

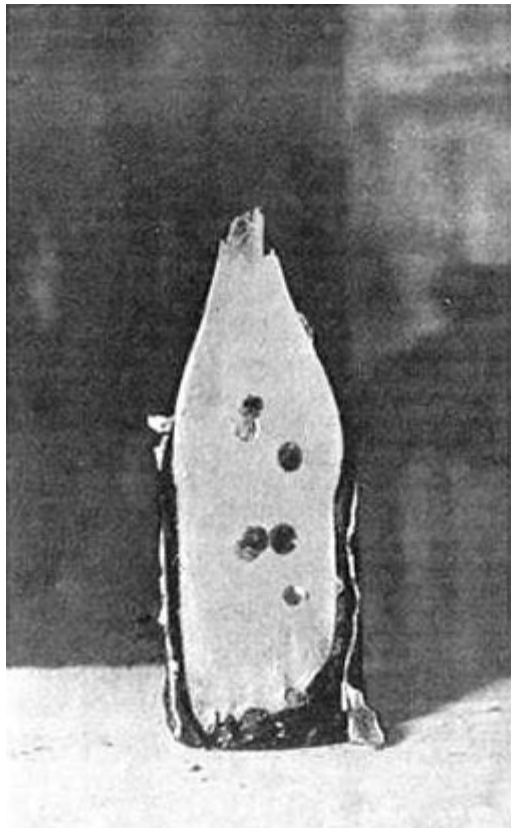
случаях мы разнообразили программу. У нас была боксерская груша с «Терра-Новы», и одно время мы много с ней работали, но с наступлением морозов ее резиновая оболочка стала ломкой и вскоре лопнула. Чинить ее было бессмысленно, и мы сделали единственно разумную в тех условиях вещь: набили ее водорослями из обшивки Гибсона, и она, хоть и совершенно теперь безжизненная, все же еще послужила нам. Кроме того, теми же водорослями мы набили несколько шерстяных рукавиц, внутрь вшили рукавицы, надевавшиеся прямо на руку, — получились две пары боксерских перчаток. За зиму мы провели несколько встреч. К сожалению, рукавицы были связаны из очень грубой шерсти и при ударе сдирали с носа добрую часть кожи. Эти ссадины не доставляли мне удовольствия, когда я ночью в ветреную погоду ходил снимать показания метеорологических приборов.

Двое мужчин в старой заброшенной хижине, раздевшиеся до фуфаек и тузящие друг друга кулаками при свете двух-трех огарков свечи, закрепленных по верху комнаты, — зрелище, наверное, довольно комичное. Больше всего мне запомнилось острое чувство удивления и обиды, вызванное обилием углов в хижине. Температура была намного ниже нуля, от наших разгоряченных тел подымались облака пара, и к концу трехминутного раунда мы уже не видели друг друга. Приходилось устраивать тайм-аут и, прислонившись к краю нар, тянувшихся по стенам дома, выжидать, пока воздух очистится и станет видно хотя бы куда бить. Не раз случалось, что я, различив сквозь туман лицо Абботта и с радостью убедившись, что оно не защищено, спешил нанести удар, вкладывая в него по советам моего тренера вес всего моего тела, — и с силой обрушивал кулак на сотрясавшуюся от удара дверь или опору нар. И все же, несмотря на все эти неприятности, напряженные встречи скрасили нам не один вечер и только возросший объем работы заставил отказаться от них.

Пятнадцатого июня Браунинг заставил нас поволноваться: с трудом переступив порог дома, он сообщил, к нашему ужасу, что плохо себя чувствует, и тут же потерял сознание. Уложили его в постель, установили около него круглосуточное дежурство, и на следующий день ему стало лучше. По-видимому, у него было отравление угарным газом, правда, не очень сильное: он весь день проработал в хижине Борхгревинка, раз-другой, по его словам, освещавшие помещение свечи гасли, но он, не придавая этому особого значения, зажигал их снова. Газ образовался при горении древесного угля, которым обогревалась хижина, когда в ней работали. Браунинг распахнул для проветривания дверь, окно

же оставалось закрытым. Погода как на грех была совершенно тихая, сквозняка не получилось, а Браунинг ушел нескоро. Счастье его, что он не потерял сознания на месте: один, он мог бы там просто умереть.

Нам повезло: июнь и июль за одним-двумя исключениями выдались безветренные, иначе участь ночного наблюдателя-метеоролога была бы весьма незавидной. Как трудно ночью единоборствовать с метелями, воочию доказал буран 19 июня, за несколько минут превративший работу метеоролога в пытку. Метель началась в тот самый момент, когда Кемпбелл снимал показания приборов, и его пальцы так онемели, что он разбил максимальный термометр. Не ожидая ветра, он вышел без шлема и меховых рукавиц, нос и пальцы у него мгновенно окоченели и руки перестали повиноваться. Увы, он был не первым — при сходных обстоятельствах Браунинг разбил минимальный термометр, а я — максимальный. Ветер продолжал дуть в течение обеих моих вахт — в 2 и 4 часа утра, я промерз до мозга костей, а вернувшись домой — был вынужден еще и обороняться от падающих с полок вещей. Пакет сухой картошки угодил в стирку Браунинга, коробки с сыром и сухарями попадали на койку Дикасона, мне же, пока я пытался восстановить порядок, на затылок приземлился едва начатый пятифунтовый [2,3 кг] сливовый пудинг. Придя с обхода, я застал в комнате температуру 13°, но между четырьмя и шестью часами ночи наше отопление заглохло окончательно, и она упала до 9°[44]. Дом так стонал и скрипел под напором ветра, что я расхаживал по комнате и подбирал вещи, не рискуя никого разбудить. Буря стоила нам нескольких кусков обшивки с наветренной стороны, которые мы заменили запасными.



Замороженное шампанское

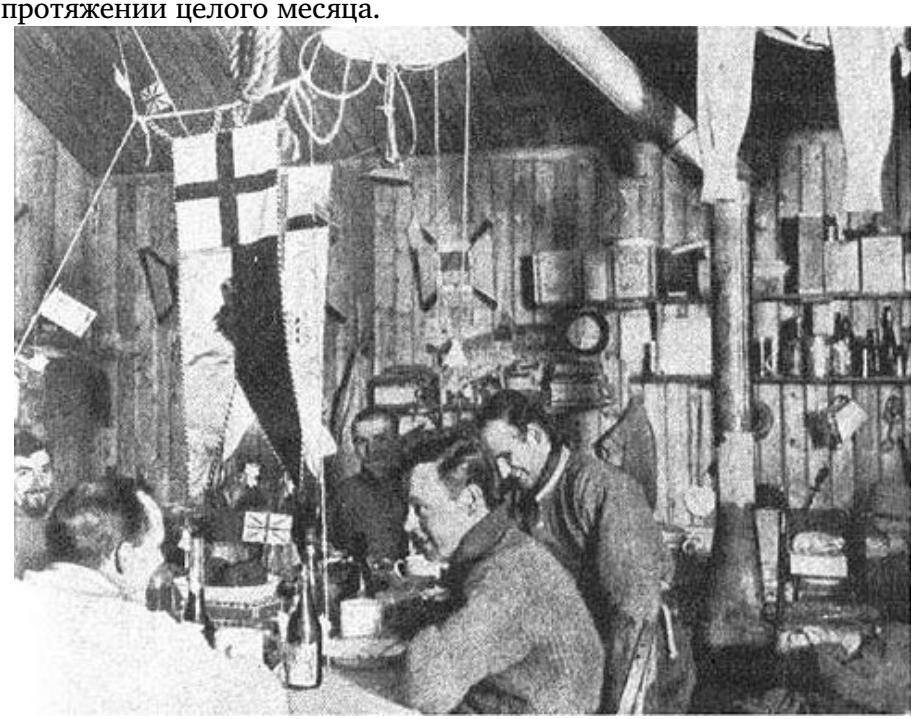
В Антарктике большим праздником считается день зимнего солнцестояния. Рождество, конечно, тоже отмечают, но оно приходится на середину лета, самый разгар пригодного для санных экспедиций сезона, поэтому отпраздновать его как подобает обычно не удается. Этот пробел восполняется в какой-то мере торжествами по случаю зимнего солнцестояния. Мы начали к нему готовиться заранее. Извлекали и рассматривали подарки, приготовленные для этого случая родственниками и друзьями на родине, обдумывали ужин, а Кемпбелл даже рисовал карточки с меню и пригласительные билеты, развешивали украшения, вытащили наконец на свет божий наши запасы шампанского. Давно признано, что алкоголь не только безполезен, но и вреден в холодных широтах, но экспедиции все же берут с собой некоторое количество спиртного для торжественных случаев, и наша партия не была исключением из этого правила. Мы нарушили сухой закон, чтобы отпраздновать День середины зимы (день зимнего солнцестояния), щедрая порция вина выдавалась каждому в дни рождения, а по субботам мы, следуя морской традиции, выпивали по стакану портвейна или хереса за здоровье

наших жен и любимых.

День середины зимы был объявлен выходным, мы отметили его очень вкусным обедом, за ним последовал более или менее музыкальный вечер, на котором каждый был обязан исполнить хотя бы одну песню. Нам впервые удалось уговорить Кемпбелла спеть куплет из «Корабельной батареи». Впоследствии он исполнялся на всех наших концертах в санных экспедициях и навсегда остался в нашей памяти связанным с Кемпбеллом.

После обеда мы фотографировались за праздничным столом, потом разыгрывали красивые крышки от коробок из-под печенья. Бочонок с отрубями[45] от леди Скотт оказался наполненным приятными и полезными вещами — например, очень нужными карандашами и красками. Особенно благодарно за пополнение ресурсов было метеорологическое бюро, страдавшее от рассеянности метеорологов-любителей. Браунингу предназначалась палитра с красками, пригодившаяся всем нашим «художникам», а сладости из бочонка радовали нас несколько недель.

После праздника все наши помыслы были направлены на подготовку к весенней санной экспедиции: шили упряжь, чинили сани, готовили мешки для еды, взвешивали и упаковывали продукты. Трудоемкая эта работа отнимала почти все время на протяжении целого месяца.

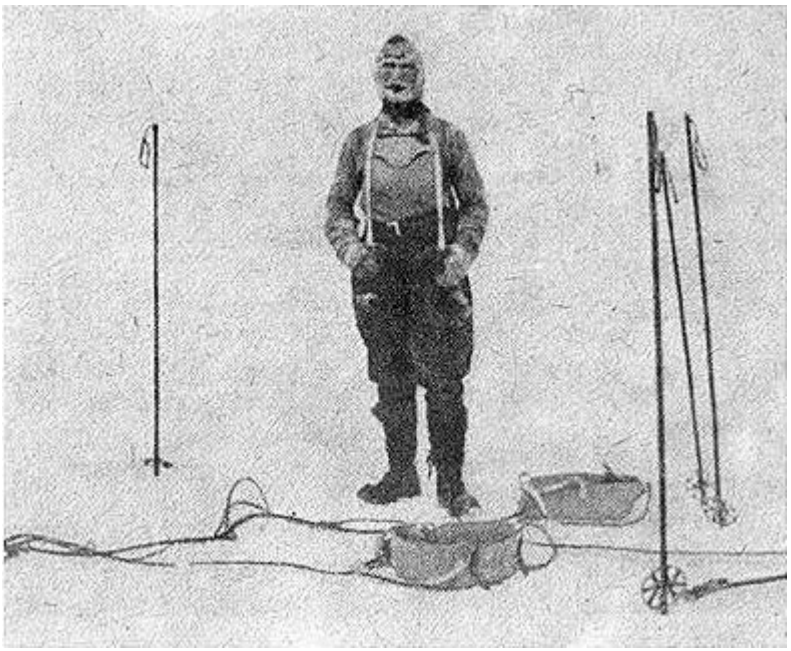


Торжественный обед в День середины зимы

Помимо этих общих дел, каждый занимался своими личными вещами, стараясь одновременно внести те или иные изменения в общепринятое экспедиционное снаряжение. Благодаря подобным изменениям — если только они не сопряжены с радикальными переделками, — походное снаряжение постепенно совершенствуется. Если обратить внимание, как каждый участник партии воплощает в личном багаже свой идеал рационального снаряжения в начале санного сезона, а после его окончания снова встретиться с этой же партией, то нетрудно убедиться в том, что наиболее разумные идеи в основном восприняты всеми. Изменения к лучшему выдерживают проверку временем и остаются в снаряжении, изменения в худшую сторону просто отбрасываются, таким образом каждая экспедиция — через посредство литературы или из уст в уста — передает свой опыт последующим исследователям.

Приведу типичный пример подобных стихийных изменений, внесенных в самом начале подготовительных работ. У Абботта, Левика, Дикасона, в меньшей мере у Кемпбелла нос был весьма уязвимым местом. И вот в один прекрасный июньский день Абботт, несколько часов подряд шивший что-то в своем углу, вышел из него в шлеме с поперечной полосой спереди, ниже глаз, закрывавшей щеки и нос. Сначала он пришил эту маску к шлему с обоих концов, но, по моему предложению, с одной стороны отпорол ее и снабдил пуговицей: хочешь — ходи с ней, а не хочешь — можешь расстегнуть и откинуть с лица. Наносник оказался очень удобным и стал обязательной частью нашей экипировки в весеннем санном сезоне. Между тем, такое простое приспособление несомненно применялось и раньше, но мы о нем не слыхали. Это доказывает, как важно, чтобы каждая экспедиция публиковала — не обязательно в популярных изданиях — сведения о всех предметах своего снаряжения и о внесенных в них усовершенствованиях.

На блинчатом льду



«Наносник» в действии

Санный сезон был на носу — недаром офицеры и матросы прилежно изучали литературу об Арктике и Антарктике. К сожалению, ее у нас было маловато — как-никак наша партия являлась вспомогательной, — но даже из немногих имевшихся

книг мы ухитрились почерпнуть много ценной информации. «Антарктический справочник», например, содержал подробные выдержки из описаний путешествий Уилкса и Д'Юрвиля, чьи маршруты пролегали немного западнее нас, а также других полярников, действовавших в иных районах Антарктики. Только прочитав в порядке подготовки к санному сезону 1908 года судовые журналы Джона Биско[46] и Баллени[47], ясностью и точностью не уступающие достоинствам самих плаваний, я понял, что исследование Антарктики очень многим обязано таким фирмам, как Эндерби[48], и командам их китобойцев. Раньше я этого и не подозревал. Остается сожалеть, что из-за незначительных коммерческих результатов подобные предприятия прекратились[49].

В начале июля Абботт и Браунинг получили задание подготовить упряжь для людей и сани для первого нашего похода втроем. Спустя несколько дней все было готово, и мы занялись развешиванием продуктов. Упряжь мы точно скопировали с той, что применялась в экспедиции Шеклтона 1907–1909 годов. Она представляла собой широкий нагрудный корсет из двойной парусины, сзади с петлей, в которую вдевалась постромка из альпийской веревки. Поскольку основная нагрузка приходилась на корсет, его поддерживали на плечах лямки из кожи и парусины, крепившиеся к пряжкам главного пояса. Заканчивалась постромка прочной петлей, которая подсоединялась к основной санной постромке с помощью клеванта. Зная, что скорее всего нам придется все время передвигаться по пересеченной местности, мы усилили пояс корсета и постромку запасной петлей и тяжем из альпийской веревки.

При определении нормы питания на время санных вылазок с мыса Адэр мы исходили в основном из данных Шеклтона, скорректированных профессором Дейвидом при походе к Южному магнитному полюсу. Вот эти нормы.

Дневной рацион на одного человека в береговом санном походе Кемпбелла

Сухари	16 унций	[476,8 г]
Пеммикан[50]	8 унций	[238,4 г]
Сыр	1,5 унции	[44,7 г]
Изюм	1,5 унции	[44,7 г]
Шоколад	2,14 унции	[63,8 г]
Сахар	3,14 унции	[93,6 г]
Молотые сухари	1,14 унции	[34 г]

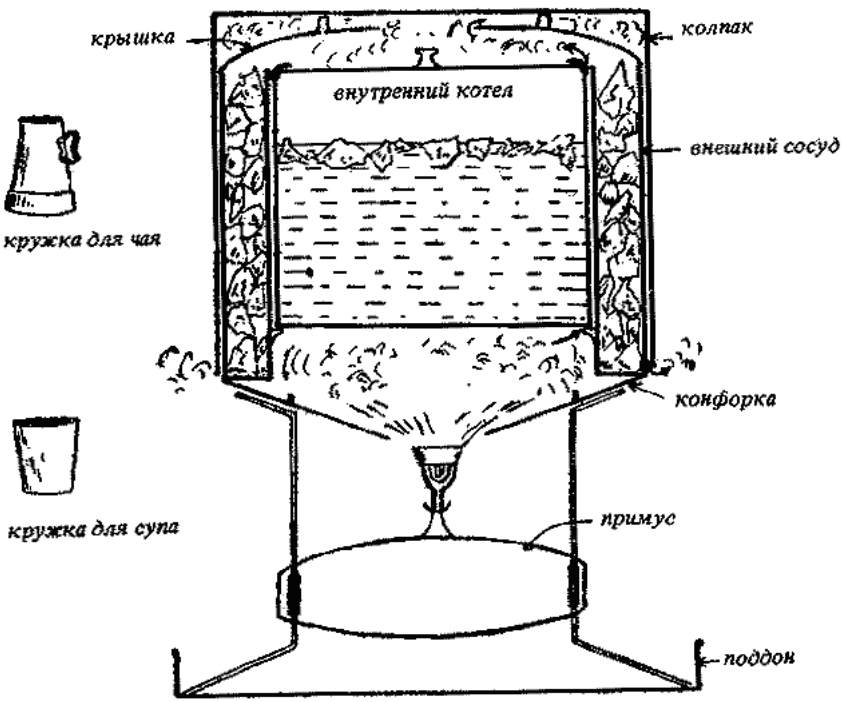
Какао	0,7 унции	[20,9 г]
Чай, соль, перец		
Итого	34,1 унции	[1 кг 16 г][51]

От рациона Южной партии при переходе через Барьер и плато наш отличался тем, что сухарей мы взяли больше, а пеммикана меньше. Оно и понятно: мы рассчитывали на то, что, передвигаясь вдоль побережья, сможем в случае необходимости добывать мясо, которое с лихвой восполнит недостаток пеммикана.

После того как рацион был установлен, не составляло особого труда подобрать из наших запасов продукты для двухнедельной рекогносцировочной поездки. Сложнее всего оказалось размельчить сухари. Попробовали разбивать их геологическими молотками в ящике, получалось хорошо, но это занятие требовало слишком много времени. Тогда мы обратились к мясорубке. Она прекрасно выдержала испытание, перемалывала кусочки сухарей не хуже, чем мясо, и с приличной скоростью. Мне часто приходилось слышать плохие отзывы об экспедиционных сухарях, они, мол, и твердые, и несъедобные, но я, испробовав теперь и специальные сухари для антарктических экспедиций, и сухари из неприкосновенного пайка, пришел к выводу, что твердые-то они твердые, но на вкус вполне приятные. Впоследствии мы считали их твердость величайшим достоинством, но это время еще не наступило, а в весенний сезон, о котором идет речь, большинство из нас, наверное, предпочли бы что-нибудь помягче.

Приведение записей в порядок

Экспедиция Скотта пользовалась для приготовления пищи приспособлением, мало чем отличавшимся от тех, что использовались в других английских экспедициях, а именно последним, улучшенным, вариантом кухни Нансена. Она состояла из пяти частей: поддона, на котором помещался примус; двух котлов для нагревания воды и варки пищи, причем внешний кольцом охватывал внутренний котел; крышки из тонкого листового алюминия на оба котла; и наконец, внешнего колпака, который для большей теплоизоляции насаживали осторожно на всю верхнюю часть прибора. Все это было сделано из алюминия. Для перевозки на санях кухня складывалась так, что одна часть входила в другую, и сверху накрывалась большой крышкой.



Кухня и кружка для санных походов

Во внутреннем котле помещались четыре двойные кружки, помеченные инициалами их владельцев. Каждая состояла из двух совмещавшихся частей: одна, побольше, — для похлебки из пеммикана, другая — для какао или чая[52]. Ложки и ситечки для чая — иной утвари у нас не было — мы держали в кольцеобразном сосуде.

Покончив с этими делами, мы за несколько дней до выхода в

путь снесли сани на припай и уложили на них весь груз, чтобы проверить, не забыто ли что-нибудь необходимое из снаряжения. Тут уместно рассказать, как были загружены сани.

По ширине саней крепился прямоугольный ящик из легкого, но прочного материала, разделенный на два неравных отсека. В один ставили кухню со всеми запасными частями, в другой — все хрупкие приборы, теодолиты[53] например, фотокамеры и т. д., а также спички и спирт для разжигания примуса.

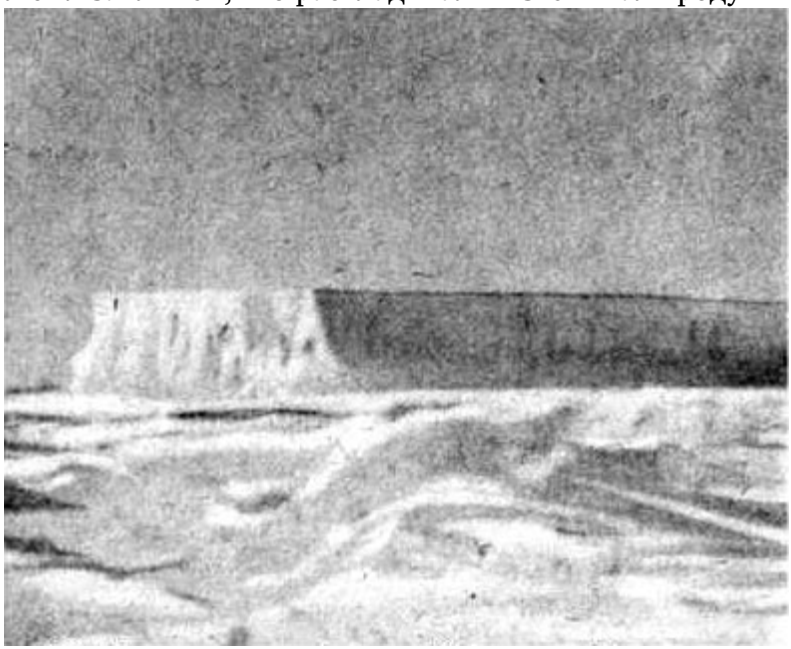
Ящик был намертво принайтовлен к каркасу саней. В его крышке были проделаны пазы, в которые свободно вставлялось дно кухни. Кроме того, ее обвязывали брезентовыми ремнями и крепили ко дну ящика. За ящиком ставился большой контейнер из зеленой парусины, заполненный мешками с продуктами. Его также крепили к каркасу саней. Далее привязывали две длинные жестяные коробки, каждая с 42 фунтами [19 кг] сухарей, то есть с двухнедельным рационом на троих. Связанные легкой веревкой, они лежали вдоль саней. На коробки укладывали еще один зеленый контейнер с инструментами и небольшие полотняные мешки с запасом личной одежды не тяжелее 10 фунтов [4,5 кг], который каждому участнику похода разрешалось нести на спине. В хвосте, закрепленные на легком деревянном поддоне, помещались галлонные банки с запасом керосина на весь поход.

Продукты тоже были разложены по полотняным мешкам, в каждом — недельный рацион на три-четыре человека, а запас для повседневного потребления хранился в небольшом зеленом же мешке. Его, палатку, стойки для нее, лопату и ледорубы — ими пользовались при разбивке лагеря — грузили на сани поверх остальных вещей, стараясь, чтобы все нужное было под рукой и в то же время нигде ничего не торчало. Чрезвычайно важно было наиболее весомую часть груза разместить посередине саней. Мы старались класть в центр продукты — самую компактную нашу поклажу. В геологических санных походах, а большинство наших вылазок и преследовали геологические цели, мешки из-под провизии по мере их опорожнения заполняли образцами горных пород и складывали обратно в контейнер, так что центр тяжести не смещался.

Солнце должно было возвратиться 28 июля, и Кемпбелл решил, что мы, не мешкая, уже на следующий день выступим в пробный поход за пределы залива Робертсон. С Кемпбеллом отправлялись Абботт и я, уходили мы дня на четыре, и последние дни на мысе Адэр я без устали наставлял Браунинга: ему предстояло вести метеорологические наблюдения вместо меня не только в следующую неделю, но и всегда в мое отсутствие.

Кроме того, я был занят изготовлением санного вымпела. У

каждого участника партии был небольшой шелковый флажок, который он вывешивал в особых случаях, — единственная бесполезная вещь во всем снаряжении. Присоединившись к экспедиции в последний момент, я не успел обзавестись флажком дома, но теперь, не желая отставать от других, взял у Левика белый шелковый платок, разрезал его на две части, сшил их, а затем обрезал по форме. Два куска широкой красной тесьмы, споротой с собачьих попонок из хижины Борхгревинка, я приляпал в виде креста Св. Георга. Издали это выглядело вполне пристойно. Флажок так мне понравился, что я не рискнул портить его каким-нибудь изречением или узором. При внимательном рассмотрении вымпела некоторые стежки казались сделанными не иглой, а топором, но могу сказать в свое оправдание, что мне пришлось шить при очень плохом освещении и в спешке — весь день я был занят тем, что раскладывал и взвешивал продукты.



Айсберг, вмерзший в лед близ нашей зимовки

Урок геологии

Солнце приближалось с каждым днем, и небо выглядело так, словно оно беспрестанно озарялось восходами и заходами. Погода день за днем стояла тихая и ясная, на небе — ни облачка, весь горизонт купается в ярких красках. На юге, юго-востоке и юго-западе пурпурные, розовые и темно-синие полосы смыкаются с пурпурно-черной тенью от мыса Адэр, а на севере, северо-западе и северо-востоке широкие полосы малинового, желтого и зеленого цвета, только высоко вверху сливающиеся с синевой неба, не покидают его весь день. К вечеру краски немного тускнели, но зато приобретали более нежные оттенки.

К югу от нас розовое сияние доходило иногда по утрам до 40 градусов высоты, а прямые солнечные лучи к полудню окрашивали ярко-розовым вершины гор Адмиралти.

Двадцать шестого июля Абботт сообщил, что к северу от залива видел на припае полыньи. Я в тот же день пошел посмотреть на них. Небольшие участки открытой воды точно на запад от вмерзших в лед небольших айсбергов были совершенно незначительными, хотя, судя по могучим скоплениям кучевых облаков на севере, в том направлении открытой воды могло быть гораздо больше. Нарушения целостности ледяного покрова в тот момент не вызвали у нас беспокойства, хотя впоследствии аналогичное явление заставило отказаться от длительных санных вылазок и ограничить свое поле деятельности заливом Робертсон.

Двадцать седьмого я прошел миль восемь [12,9 км] на юг, по

тому самому маршруту, по которому мы собирались через день-другой пойти на санях. Уже тогда я убедился, что дорога для саней — хуже не придумаешь. Пройдя шесть миль [9,7 км], я на оконечности мыса Адэр нашел труп старого тюленя-крабоеда[54]. Он погиб не позднее трех месяцев, очевидно из-за опухоли в глотке. Прогулка показала, что я в хорошей форме, разве что сильно вспотел. Я с удовольствием обтерся водой и сменил одежду, прежде чем влез в спальный мешок. Эта разминка после вынужденной зимней неподвижности укрепила мою уверенность в своих силах.

Глава VIII
Весенние санные походы

Обычный походный день. — Разбивка лагеря. — Приготовление ужина. — Тяжкая участь кока. — Раздача пищи. — Казусы с коком. — Преимущества черного котла. — Как лучше спать в спальнике — вывернув его мехом наружу или наоборот? — Утренний подъем и завтрак. — Старт 29 июля. — Плохая дорога. — «Ледяная чечевица». — Остров Дьюк-оф-Йорк. — Мои неприятности. — Пропажа мешка с солью. — Птичий базар на острове. — Метель. — Палатка-парус. — Aurora Frigidissima. — Возвращение.

Возвращение солнца знаменует начало весеннего санного сезона — и вот тогда-то, впервые за все время экспедиции, участь полярника становится незавидной! Снаряжение у нас теперь настолько совершенное, что при нормальных условиях зима больше не страшна путешественникам, и обычно партия встречает конец длинной ночи в такой же хорошей форме, в какой она ее начала. Иное дело санные походы зимой или весной. Они как ничто до предела изматывают человека в самый короткий срок. Чтобы дать читателю представление о многочисленных неудобствах, связанных с санными вылазками при низкой температуре, я опишу один обычный день такого похода.

Представьте себе партию на маршруте, которой осталось в этот день еще несколько ходовых минут. Начальник уже оглядывается по сторонам — нет ли подходящего места для ночевки. Партия идет хорошо, все, конечно, устали, но тем не менее рады, что двигаются, не щадя своих сил, и поэтому не мерзнут.

Место для ночлега должно отвечать двум требованиям: это должна быть ровная или сравнительно ровная площадка таких размеров, чтобы на ней свободно поместилась палатка; она должна изобиловать снегом, который накидывают на борта палатки, иначе налетевший ветер может ее перевернуть или даже совсем унести. Чаще всего такая площадка в скором времени отыскивается, хотя на ледниках или морском льду, постоянно обдуваемом штормовыми ветрами, партия идет лишних два-три часа, пока находит достаточно большие сугробы, а иногда так и не находит.

Завидев подходящее место, начальник кричит «Ла-а-а-герь!», все разом останавливаются как вкопанные, сбрасывают с себя постромки и освобождают клевант[55].

Палатка, стойки для нее, лопата всегда кладутся поверх остальных вещей, их снимают с саней и, если дует ветер, снова завязывают грузы, хотя и не так тщательно. Каждый из троих участников партии берет две стойки, по команде их одновременно вбивают на несколько дюймов в снег. Если сугроб оказывается слишком твердым, приходится прибегать к помощи ледоруба, и тогда двое держат стойки, а третий вырубает для них ямки в снегу. Между стойками расстилают пол палатки, один человек становится на него и пригибает стойки, а его товарищи достают тент и с подветренной стороны накидывают на стойки. Ветер, если он есть, подхватывает и раздувает тент, остается только с наветренной стороны натянуть его на стойки до самой земли. Один человек изо всех сил прижимает его к низу, а другой лопатой выламывает глыбы снега и накидывает на борта палатки. Когда напротив каждой стойки вырастает снежная куча, он заканчивает возведение вокруг палатки стены из снега, которая защитит ее от метелей, уже один, а его напарник тем временем отправляется за кухней, чтобы наполнить котлы снегом. Самое главное — хорошо поставить палатку: когда она уже обведена снежным валом, ее борта полностью скрыты под ним, иначе, как многие из нас познали на собственной шкуре, ветер пробирается в малейшую щель, использует ее как трамплин для дальнейшего продвижения, вмиг забивает палатку толстым слоем всепроникающего рыхлого снега, а в конце концов может даже и сорвать борта, отдав спящих путешественников на милость яростных вихрей.

Кок, до сих пор изнутри палатки поддерживавший стойки, теперь освободился, может принять примус и спирт и приступить к своим непосредственным обязанностям. Прежде всего он ставит примус на специальный поддон алюминиевой кухни и выбирает для него место на полу поровнее и поближе к центру палатки. В чашечку вокруг горелки он наливает немного метилового спирта, вынимает из нагрудного кармана спички и осторожно поджигает его. Когда спирт почти выгорает, он завинчивает насос примуса и для пробы нажимает на него один раз. Это критический момент. Если керосин в трубках еще не достаточно нагрелся, он выходит вслед за воздухом и кверху взвивается язык ярко-желтого пламени. Во избежание пожара приходится до конца открыть насос, выпустить весь воздух и начать сначала. Но если кок проявит терпение, выждет, чтобы трубки прогрелись как следует, наружу вырывается лишь смесь паров керосина и воздуха и под

горелкой загораются язычки синего пламени. Теперь остается увеличить давление воздуха — и готово: вокруг горелки образуется венчик очень сильного синеватого огня, а палатка оглашается веселым пением примуса.

Те двое, что находятся снаружи, уже наполнили котлы снегом или льдом, передали их коку, и через несколько минут палатку заполняют пары от согреваемого снега и воды.

Это плотное облако пара относится к наиболее серьезным неприятностям, с которыми приходится бороться коку. А если обстановка усугубляется быстро приближающейся ночной темнотой, как это бывает в начале весны, то несчастный вообще не в состоянии видеть, что он делает, даже при свече. В результате в первые дни похода все идет шиворот-навыворот, пока палаточный быт не войдет в свою колею и кок не научится узнавать предметы наощупь.

Работа кока в зимний и весенний сезоны — это сплошные тернии и шипы. Те, кто имел удовольствие испробовать свои силы на этом поприще, предпочитают, даже в плохую погоду, трудиться на открытом воздухе. И немудрено — эти обязанности заканчиваются, как только вы поставите палатку, навалите на нее достаточно снега и обеспечите безопасность саней. Конечно, от работы лопатой на руках часто появляются кровавые мозоли, но что они в сравнении с многочисленными ожогами и обморожениями, которые получает несчастный кок, возясь с примусом и кухней. К концу похода его пальцы более или менее привыкают ко всем этим невзгодам, но сколько ожогов прежде выпадает на их долю! Об их количестве можно судить по настроению кока. И не вздумайте подшучивать над ним, во всяком случае пока он не справится с первой порцией супа.

Но вот внутренний котел и внешний кольцеобразный сосуд заполнены снегом или — еще лучше — льдом. Когда последний, по мнению кока, вполне растаял, он осторожно снимает сначала внешний колпак, потом крышку с внутреннего котла, отливает или наоборот доливает воды, чтобы получилось нужное число кружек похлебки. Затем засыпает воду пеммиканом и молотыми сухарями и закрывает варево крышкой и внешним колпаком. Начинающему повару легко ошибиться в пропорциях воды и продуктов, но поразительно, какой точности он достигает в результате длительного опыта. Затем он накачивает примус до предела, и через несколько минут по палатке разносится запах пеммикана. Это опять-таки критический момент: если кок не успеет вовремя уменьшить пламя, часть бесценной еды выбежит из котла, и тогда партия, особенно если она давно покинула свою базу, вряд ли преисполнится к нему теплыми чувствами.

Предположим, что в тот день, о котором мы говорим, кок благополучно разлил похлебку по кружкам, начисто выскреб котел — это его священная привилегия, — налил воды для какао во внутренний котел из наружного, а его снова набил снегом во избежание перегревания. Примус накачан, крышки водворены на место, и кок может наконец-то приняться за свою порцию супа, который за это время уже порядком остыл. Здесь снова отчетливо выступает все значение опыта: новичок в своем деле, торопящийся поскорее приняться за суп, в спешке может слишком резко опустить колпак и созданный таким образом ток воздуха задует примус.

Бывает, что неловкий кок опрокидывает котел с супом или рассыпает пеммикан — в представлении участников похода эта катастрофа равносильна падению империи. Если котел опрокидывается на кока, никто не гнушается соскребать пищу и с него самого, и с пола, смесь пеммикана, крошек и оленьих волос собирают ложками и охотничьими ножами, и пеммикана становится вроде бы даже больше, а не меньше. Но, бесспорно, горячая пища в результате всех этих злоключений перестает быть горячей и ее вкусовые качества отнюдь не улучшаются.

После какао котел выносят из палатки и, заполнив для утреннего завтрака снегом, ставят у порога, на борт палатки, под продуктовый мешок, чтобы его не унес шальной ветер.

Здесь мне хочется дать всем будущим экспедициям совет, и я рекомендую к нему прислушаться: внешний алюминиевый котел следует окрашивать в *черный цвет*. В таком случае он, будучи извлечен из кухни, испытывает максимальное воздействие солнечных лучей, и снег в нем тает еще во время перехода. Это дает большую экономию топлива и обеспечивает полярников на марше питьевой водой, хотя лично я противник того, чтобы пить между привалами.

Ну, а теперь, не теряя ни минуты, — на боковую. Еще дожевывая последний кусок, люди начинают дрожать от холода в пропотевшей за день одежде. Двое выходят из палатки, понадежнее закрепляют сани и добавляют лопату-другую снега на борта палатки, третий же метелкой или сложенными рукавицами смахивает со стен иней и подметает пол. Ему передают спальные мешки, он раскладывает их на полу. Затем его товарищи заползают в палатку и застегивают вход.

Каждый раскатывает свой мешок, садится на него и стягивает с себя обувь, носки и ветрозащитную одежду. Носки и финеско[56], в которых шли весь день, насквозь мокрые от пота, закладывают под рубашку, чтобы за ночь просушить теплом своего тела. Ботинки же подвешивают к стойке, поближе к

верхушке палатки — по крайней мере никто на них не уляжется и к утру они замерзнут по форме ноги. Горе новичку, который пренебрежет этими предосторожностями! Его носки придется оттаивать над котлом, но и после этого он час или два будет чувствовать себя весьма неуютно, а чтобы влезть в финеско, ему придется не меньше получаса упорно работать над ними. Раза три такое случалось и со мной, и смею вас заверить, большей муки не придумаешь. Не говоря уже о почти невыносимой боли, тебя мучает еще и сознание того, что ты заставляешь лишние полчаса мерзнуть товарищей, которые, если они не отъявленные добряки, вымещают на тебе обычное по утрам плохое настроение и отзываются о твоей персоне далеко не лучшим образом.

Первую ночь санного похода, будь то летом или весной, участники, как правило, проводят без сна — требуется известное время, чтобы привыкнуть спать, спрятавшись с головой в мешок, практически без доступа свежего воздуха. Но не высунешь же голову из мешка при температуре ниже нуля, и это причиняет наибольшие неудобства в весеннем санном походе умеренной продолжительности. Пар от дыхания спящего оседает инеем на горловине спальника, пропотевшая от тяжелой дневной работы одежда под влиянием тепла отдает свою влагу, которую, естественно, поглощает спальник, день ото дня становящийся все тяжелее. (Спальные мешки из оленьих шкур мехом внутрь, которыми мы пользовались в экспедиции Шеклтона, к концу путешествия весили на 10–20 фунтов [4,5–9 кг] больше, чем в начале.) Заснуть удается лишь после того, как весь лед, образующий дополнительный вес, стает и спальник нагреется. В итоге к концу первой недели похода его участникам казалось, что они вообще не спят. Ночи казались бесконечными, люди вставали утром не отдохнувшие. На самом деле они, конечно, хоть и плохо, но все же спали, однако две недели такого режима могут свалить с ног и самого сильного человека.

Увидишь или пощупаешь такой мешок — и начинаешь верить рассказам о том, что, бывает, в спальник приходится влезать несколько часов или же он замерзает до такой твердости, что никак не удается свернуть его для погрузки на сани. Нам, к счастью, не пришлось испытать ничего подобного благодаря двум обстоятельствам, связанным между собой: во время нашего похода ни разу не было чрезмерно низкой температуры и, кроме того, мы вывертывали спальные мешки мехом наружу. Волосяной покров весь день проветривался, влага, скапливавшаяся у горловины, постепенно испарялась, а образовавшийся внутри лед мы ломали, нажимая сверху на мех, и вытряхивали из мешка.

Много спорят о том, как лучше пользоваться спальным

мешком — мехом внутрь или наружу, и до сих пор в этом важном вопросе нет единодушия. Мой опыт подсказывает, что в длительных путешествиях предпочтительнее выворачивать мешок шерстью внутрь. При температуре ниже –45° [–42,8 °C], наверное, лучше, чтобы мех был ближе к телу. Если термометр показывает больше 15° [–9,4 °C], влага внутри мешка не собирается, и тогда опять-таки приятнее ощущать внутри мех. Температуру ниже –45° мне самому испытать не пришлось, но люди бывалые утверждают, что в такой мороз согреваешься только в спальнике мехом внутрь.

Утром события разворачиваются в обратном порядке. По сигналу побудки путешественники влезают в дневную одежду, сворачивают и специальным ремнем завязывают спальные мешки. Кок разжигает примус, товарищи подают ему снаружи котлы и, пока готовится завтрак, поправляют багаж на санях. Чтобы согреться, они притоптывают ногами и даже боксируют по несколько минут в меховых рукавицах вместо боксерских перчаток.

И тут у них снова преимущество перед коком — бедняга вынужден сражаться с примусом до того, как сумеет восстановить кровообращение. Когда примус разгорается и можно не опасаться, что он затухнет от малейшего дуновения воздуха, кок расстегивает вход, впускает товарищей в палатку, и при благоприятном стечении обстоятельств минут через двадцать все уже едят похлебку, а во внутреннем котле закипает какао.

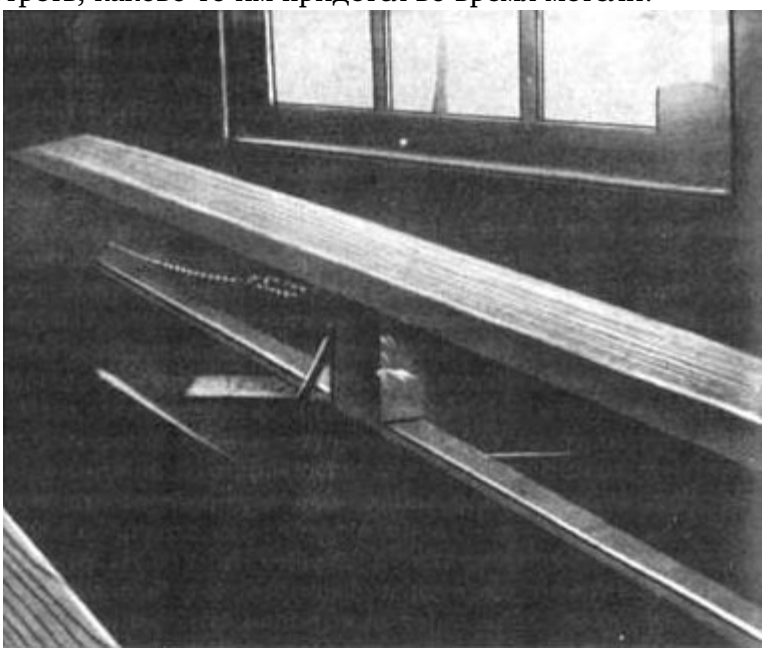
Выпивают его немного позднее, после того как сменят ночную обувь и носки на походные, а ночной набор одежды спрячут в спальник. Затем снимают палатку, грузят вещи на сани и через несколько минут партия снова пускается в путь.

Первый весенний поход Северной партии начался 29 июля в 8 часов утра. Мы взяли курс с мыса Адэр на остров Дьюк-оф-Йорк, в глубине залива. Солнце должно было показаться на горизонте 28-го в полдень, но из-за морозного тумана, подымавшегося от открытых полыней на севере, мы увидели его только через два дня, когда огромный красный шар на несколько минут выкатился точно над горизонтом.

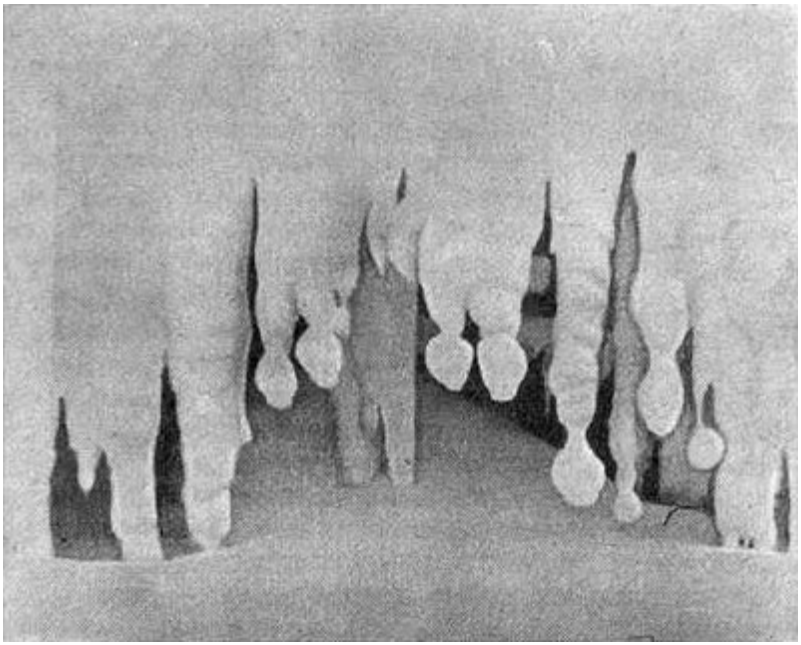
В эту первую нашу вылазку светлого времени, когда мы могли передвигаться, было еще мало, что усугубляло тяготы похода: приходилось лежать в спальных мешках помногу часов кряду, притом из этого времени во сне мы проводили не более четверти.

При таких вылазках, когда не вся партия снимается с места, неизбежно оставляешь что-нибудь нужное в лагере. На этот раз, однако, мы паковались так внимательно, что забыли взять только черпак для раздачи пеммикана. Но очень скоро выяснилось, что

не все вещи отвечают нашим требованиям. На второй же день путешествия мы убедились, что кое-что из нашей одежды требует переделки до начала основных весенних походов. Вот один пример, показывающий, что удобства путешественников на маршруте часто зависят от ничтожных, казалось бы, мелочей. Ветрозащитные брюки были заужены так сильно, что не налезали на финеско. Известные неудобства от этого мы испытывали еще в хижине — ведь каждый раз перед выходом из дому, натягивая штаны, приходилось снимать обувь. Но, конечно, никогда на головы творцов этой бесценной одежды не сыпалось столько искренних проклятий, как в походе, особенно в этот день. Вот бы отправить их, голубчиков, в легких летних костюмчиках и узких лакированных ботинках в такой весенний поход на санях и посмотреть, каково-то им придется во время метели!



Поломанные санные полозья



Ледяные сосульки со снежными «набалдашниками»

Залив был покрыт преимущественно «ледяной чечевицей», как я окрестил поверхность такого рода в экспедиции Шеклтона. Не защищенная от ветра поверхность льда изобиловала маленькими выпуклостями, пропитавшимися морской водой. Для деревянных саней нет ничего хуже, чем эти неровности. Недаром путешественники по морскому льду боятся их больше, чем могучих заструг[57], рыхлого снега, ледяных гряд, образовавшихся от сжатия льда, — подобные препятствия легко обходятся. А подобная рябь ведет себя так, словно каждая ее морщинка вооружена присосками, которые впиваются в сани и не пускают их вперед. Поэтому нам потребовалось трое суток, чтобы достигнуть острова Дьюк-оф-Йорк, хотя от нашей зимовки на берегу бухты Ридли до него было рукой подать — всего-навсего 18 миль [29 км].

Первые двенадцать миль [19,3 км] мы прижимались к скальному выступу мыса Адэр, но точно напротив ледника Уорнинг резко отклонились от берега и пошли к нашей цели напрямик через залив. Тут впервые после старта мы сумели развить приличную скорость на полосе снега, покрывавшей морской лед напротив ледника.

Но счастье наше длилось недолго — снежная полоса имела в ширину не больше мили [1,6 км] — и вскоре мы снова вступили на адский лед, снова начали тащиться со смехотворной скоростью и провели вторую ночь похода на морском льду, на полдороге

между островом и мысом. Эта часть залива открыта ветрам, дующим из долины ледника Сэра-Джорджа-Ньюнса. Они пощадили лишь сугробы за случайными ледяными гребнями, но этот снег, принесенный сюда за много миль по морскому льду, весь пропитался солью. Полученная из него вода, по сути дела, не годилась в пищу. Похлебку из пеммикана мы просто не посолили, и она получилась более или менее съедобной, но чай и какао имели отвратительный, вкус. Что поделаешь, оставалось надеяться, что мы утолим жажду на следующий вечер, уже на острове.

Назавтра к концу дня нас стали беспокоить ледяные гряды, примерно такой же высоты, что и у мыса Адэр, и раз или два сани перевернулись. Это бы еще полбеды, но, осматривая грузы после особенно резкого толчка, мы увидели, что один из контейнеров порван по всей длине и из прорехи торчит аптечка, а лыжный ботинок Абботта из запасной пары валяется на льду ярдах в ста [92 м] позади. В довершение бед штатив фотоаппарата провалился между поперечными перекладинами саней и был раздавлен всмятку. Скорее всего именно заостренные концы его ножек прорвали парусину контейнера — никакой лед, я думаю, не был бы ей страшен. Этот случай имел и положительную сторону — он убедил нас в том, что в основном путешествии необходимо по примеру экспедиции Шеклтона сделать на санях борта из винесты[58]. Такие борта абсолютно прочны, почти невесомы и для большей надежности могут находить один на другой.

Вечером этого дня (31 июля) мы достигли острова Дьюк-оф-Йорк. Лагерь разбили на подветренном берегу его западного мыса, между скалистыми утесами и выходом ледника Дагдейла, превратившего припай перед ним в беспорядочное нагромождение льдов. Где-то неподалеку должен находиться зимний лагерь Борхгревинка, но мы не заметили его следов.

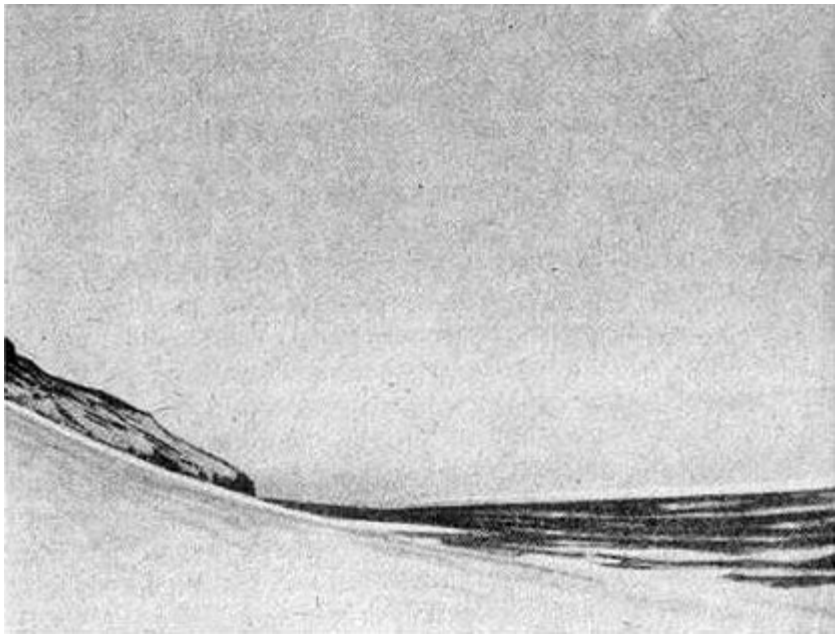
На протяжении всего похода держалась температура от –20° до –30° [от –28,9 °С до –34,4 °С], для весны — это не мороз, но тем не менее наши спальники к этому времени пропитались влагой, что отныне грозило нам беспокойными ночами. Наутро мы проснулись мокрые, а пока сворачивали спальные мешки, верхний и нижний концы, голова и ноги, превратились в лед.

Примус в это утро издавал пренеприятнейший запах, такого я еще не знал, хотя знавал запахи отвратительные, — он чуть не выкурил нас во время завтрака из палатки: пеммикан попался жирнее обычного, а когда Абботт и Кемпбелл разожгли свои трубки, судовой табак и вовсе доконал меня. Я не раз слышал, что замерзших людей находят иногда совершенно голыми, среди

разбросанной одежды, как если бы перед кончиной они ощущали нестерпимую жару. Одолевавшая меня тошнота оказала такое же действие: выскочив из палатки на свежий воздух, я сорвал с себя всю одежду до нижней сорочки — и это при –48° [–44,4 °C]. Это был тот редкий случай, когда я пожалел, что не курю. Запретить товарищам курить — невозможно, а дым судового табака всегда был моим злейшим врагом в санных походах, надышавшись им, я не раз пропускал завтрак, который все равно не пошел бы мне впрок.

В тот день пеммикан показался невкусным не только мне — его нечем было посолить, так как мешок с солью куда-то запропастился. Человеку, который знает палатку на троих только с виду, покажется странным: как это так, мешок с солью, не соломинка, — и вдруг затерялся. Но тот, кто сам жил в такой палатке и участвовал в подобных трапезах, когда три человека сидят на скатанных спальниках среди разбросанной в беспорядке одежды и перед одним стоит продуктовый мешок, а перед другим — кухня, тот способен лишь удивляться тому, что в такой обстановке вообще удается что-нибудь отыскать.

Старт похода на запад в сентябре 1911 г.



Дрейфующие льды на подходе к мысу Адэр

Стоит снять рукавицу, чтобы развязать или завязать продуктовый мешок, как она при малейшем неосторожном движении в мгновение ока исчезает. Пальцы начинают мерзнуть, а ты не можешь ее найти, как ни шаришь вокруг. То же самое относится к ложкам и кружкам. Добавьте к этому, что в палатке царит полумрак, в котором с трудом удается что-нибудь различить, и тогда легко понять, почему пропавшие вещи отыскиваются только после еды, при сворачивании лагеря. Поиски затруднены еще и тем, что в такой мороз не хочется браться голыми руками за холодные предметы, тем более что вслепую их и не узнать, если только ты не научился уже распознавать их наощупь.

После завтрака мы все вместе прошлись к бухте Кресчент — хотелось получить общее представление об острове и собрать образцы пород. Остров был сложен из обрывисто падающих пластов твердого зеленого кварцита, почти со всех сторон ограниченных крутыми утесами. В глубине бухты склон был более пологим. Большая коричневая прогалина на нем, покрытая гуано, свидетельствовала о том, что на острове гнездится или гнездилась когда-то небольшая колония пингвинов Адели.

В самой низкой точке этой прогалины мы набрели чуть позже на трупик пингвина Адели, привязанного веревкой за лапу. Птица лежала лицом к морю, натянув веревку до предела — немой укор жестокой забывчивости, из-за которой несчастная была обречена

умереть, видя и слыша свою родную стихию, где все ее желания были бы удовлетворены.

Второго августа мы сняли лагерь, перепаковали сани и отправились в обратный путь. Погода не предвещала ничего хорошего, поэтому мы взяли курс на ближайшую к нам точку на мысе Адэр, находящуюся в нескольких милях к югу от ледника Уорнинг. Лагерь мы разбили на ровном участке припая под утесом. Заструги вокруг нас, направленные в диаметрально противоположные стороны, не позволяли судить о преобладающем здесь направлении ветров. Сильный порыв ветра, налетевший вскоре после того, как мы остановились, заставил нас передвинуть сани к северной стороне палатки. Южная, считали мы, вполне надежно закреплена снегом, наваленным на борт палатки. Решив, что мы достаточно обезопасили себя от атак ветра и с юга, и с севера, мы залезли в палатку в надежде отдохнуть, насколько это позволят влажные спальники.

Только мы улеглись и нас уже как будто начало клонить ко сну, как вдруг с востока-юго-востока на палатку налетели яростные вихри. Сразу стало ясно, что метель неизбежна. Я лежал с наветренной стороны и спустя несколько минут почувствовал, что палатка прижимает меня к Абботту, зато вверху она раздувается и становится больше. Это меня не насторожило: сколько раз, когда я вот так лежал в палатке, снегопад делал ее тесной для троих, а сейчас тоже шел снег, я отчетливо слышал удары снежинок о стенки. Прошло еще полчаса, я уже впал в приятную дремоту, как вдруг услышал громкий голос Кемпбелла. Я расстегнул мешок и увидел, что палатка забита снегом, подветренный борт оторван от земли и отчаянно полощется на ветру. И тут же я понял, что наветренный борт вместе с наваленным на него снегом медленно сползает вниз по льдине, угол наклона которой слегка изменился из-за отлива. Я исхитрился наполовину высунуться из мешка и после нескольких секунд упорной работы вклиниться, как был, в мешке, под только что наметенный сугроб. Теперь борт палатки был надежно прижат ко льду моим телом. Но неистовый ветер успел набедокурить: наветренный полог надувался не хуже паруса и то проваливался глубоко внутрь палатки, то с громким хлопаньем вырывался наружу. Хорошо еще, что палатки были сделаны из прочного уиллесденского брезента — другая ткань наверняка порвалась бы. Край борта уже поднялся от земли дюймов на пятнадцать, и я не мог ни на секунду изменить положение тела, иначе он бы мигом взлетел вверх.

Кемпбелл в свою очередь удерживал на месте подветренный борт, иными словами, мы оба были прикованы к палатке, выйти

из нее мог только Абботт. Он начал поспешно одеваться, что было нелегко, так как на этой стадии похода дневное обмундирование замерзало, как только мы сдирали его с себя, но все же за несколько минут он влез в смерзшуюся ветрозащитную одежду и выполз наружу.

Он нашарил в темноте лопату и попытался выпрямиться во весь рост, но с трудом удержался на ногах. Один раз ветер одолел его и повалил, когда он вышел на подветренную сторону, но он дополз до саней и, опираясь на них, поднялся. И все же ему удалось дотащить до палатки и навалить на борта несколько больших ледяных глыб, а с наветренного полога, наоборот, — снег сбросить, так что палатка почти вернулась к первоначальной форме. После этого я приложил все старания к тому, чтобы снова втиснуться в пространство между двумя наветренными плоскостями, но мне удалось лишь частично вернуться на исходные позиции.

После того как Абботт сделал все, что мог, мы расстегнули вход и, дождавшись кратковременного затишья, впустили его внутрь. Ветрозащитные вещи, меховые рукавицы, записные книжки мы засунули к себе в спальные мешки и приготовились провести ночь без сна, всем телом удерживая борта палатки, пока ветер не уляжется. Когда Абботт влез в мешок, я препоручил ему участок стенки, который придерживал ногами, и сосредоточил свои усилия на том ее участке, где находились мои голова и плечи и где палатка снова ходила ходуном. Абботт каким-то чудом сумел сразу занять удобное, вернее, относительно удобное положение, и через час я услышал его храп. Мне повезло значительно меньше, я так и не сомкнул глаз и все время старался изо всех сил прижимать палатку головой, плечами и одним локтем, наполовину высунувшись из мешка. Впрочем, это скорее было преимуществом, так как в палатке было тепло, а кроме того, нас согревали физические усилия — удерживать палатку на месте было вовсе не легко. Кемпбелл тоже не спал всю ночь и лежал очень неудобно: при первых попытках выйти из палатки он порвал свой спальный мешок в головах. Около 4 часов утра я поменялся местами с Абботтом, чтобы дать отдых уставшим мускулам, но не успел выведать у него секрет погружения в сон. Мне же удары развевающегося брезента в затылок так и не дали заснуть.

С 5 часов утра ветер начал понемногу стихать, и мы воспользовались затишьем для того, чтобы выйти из палатки и оглядеться. Но вскоре налетел страшный вихрь, затем еще и еще. Не меньше получаса над нами свирепствовал ветер ураганной силы. После этого заключительного аккорда шторм исчерпал свои

последние силы, и все успокоилось. Теперь мы смогли сползти с бортов палатки и отдохнуть, но я все равно не мог заснуть от усталости и решил взять реванш ночью.

На следующий день мы сделали несколько миль вдоль берега по отвратительной дороге, но к югу от ледника Уорнинг были вынуждены заночевать. Здесь после бессонной ночи мы выспались на славу. Кемпбелл решил подняться пораньше, чтобы успеть добраться до хижины за дневной переход. И действительно, мы встали в пять часов утра, в полной темноте, чтобы к рассвету уже выйти, и хотя воздух был сырой и холодный, без всякого сожаления расстались с влажными спальниками. Когда мы выползли из палатки за примусом и котлами, нашим взорам предстало полярное сияние. Таких холодных красок я еще никогда не видел. Это было само воплощение холодности, и я понял, что впредь буду иметь в виду, говоря о холодном свете. Одна-единственная дуга яркого зеленовато-серого цвета пересекала небосклон с юга на север подобно кривому лезвию турецкой сабли, сверкающему в свете луны. Подобные утренние сияния я видел и раньше на мысе Адэр, когда снимал в 2 часа ночи показания приборов, но я выходил из теплого помещения тепло одетый и оно казалось мне иным. В это утро мне привиделось в нем нечто демоническое, и оно напомнило мне две строки из книги, прочитанной двумя неделями раньше. Стихи эти говорят о том, что и на севере полярное сияние порой производит на путешественника такое же впечатление:

> И, отсветом геены озарен,
> Янтарный, фиолетовый, багряный,
> Пылает полуночный небосклон.

В это утро мы согрелись не сразу, потому что довольно сильно промерзли еще до подъема, но тем не менее управились с завтраком быстрее обычного. Может быть, подстегивала мысль, что если не случится ничего экстраординарного, следующий раз мы будем есть уже на мысе Адэр.

После завтрака мы протащили сани около пяти миль [8 км] до самой выдающейся точки мыса Адэр, здесь их оставили, а сами взвалили на плечи спальные мешки и прошагали еще 12 миль [19,3 км].

Левик, Дикасон и Браунинг, последние два дня выходившие нам навстречу, встретили нас милях в четырех [6,4 км] от дома. Мы не без удовольствия отдали им бо́льшую часть груза и спустя полтора часа уже сидели в хижине, уписывая огромные бутерброды и запивая их горячим чаем. Вечером нас поставили на

весы. Кемпбелл потерял за время похода три фунта [1,36 кг], я — пять [2,3 кг], Абботт же, который в момент выхода находился в наихудшей форме, похудел на девять фунтов с четвертью [4,2 кг].

Глава IX
Август на мысе Адэр

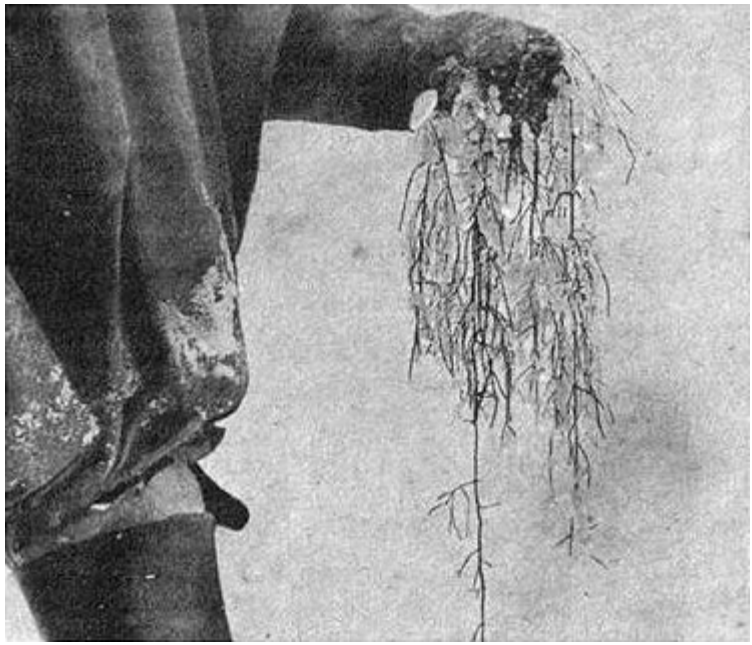
Умеренность — вот лучший пир. — За санями. — Веселый поход. — Прекрасная погода и виды ей под стать. — Разводья на морском льду. — Невиданный ураган. — Склады разгромлены, морской лед унесен. — Термометр пробит камнем. — Утрата мареографа. — Сооружение гидросаней. — «Картодиаграмма» урагана. — Памятка наблюдателям. — Солнце пригревает.

Потребовался всего один день после возвращения из похода, чтобы мы втянулись в привычный ритм жизни, и он напоминал о себе только возросшими аппетитами и стремлением есть сахара значительно больше, чем это полезно. Впрочем, нас вскоре и вовсе отвернуло от сладкого, камнем ложившегося на желудок.

После нескольких дней отдыха Кемпбелл предложил мне сопровождать Левика, Дикасона и Браунинга в походе за оставленными санями. Восьмого августа мы вышли из залива, взяв с собой только спальные мешки, а из еды — немного сухарей и шоколада для ленча. По первоначальному замыслу мы должны были идти со вторыми санями, поставив их на железные полозья. Битых три часа их терли наждаком и парафином, и все только для того, чтобы убедиться, что сани надо сначала укоротить, а потом уж ставить на полозья. Мы отложили это занятие на другое время, взвалили мешки на плечи и пошли.

Из ткани, предназначавшейся для перегородок между нашими закутками, и белого полотна Абботт смастерил заплечные мешки для спальников, настолько удобные, что в пути я почти забывал про свой груз. Не сравнить с нашим возвращением из похода, когда мы в его последней пешеходной части несли спальные мешки на лыжных палках через плечо. Из этого следует, что упаковка личных вещей должна быть продумана не хуже остального экспедиционного снаряжения.

Боюсь, что на этот раз я утратил репутацию человека, безошибочно определяющего расстояния. Я сказал Дикасону и Браунингу, что до саней осталось не больше мили [1,6 км], а на самом деле нам пришлось прошагать намного больше двух миль [3,2 км]. Меня извиняет лишь то, что в Антарктике расстояния очень обманчивы.



Кристаллы льда на морских водорослях

Один комичный случай из нашего тройственного похода доказывает, что без соответствующего антарктического опыта судить о дальности нельзя, даже с приблизительной точностью. На второй день пути утром я между прочим заметил, что при наших темпах передвижения мы достигнем острова Дьюк-оф-Йорк примерно через два дня. Абботт решительно заявил, что мы придем к цели до наступления ночи, и так настаивал на своем мнении, что в конце концов мы заключили пари: если проиграю я, то ставлю бутылку пива, если Абботт — он угощает меня лимонадом. В этот вечер мы ночевали в восьми милях [12,9 км] от острова, на месте же были назавтра к вечеру. Но дело-то в том, что, определив на глаз предполагаемый путь до острова, я умножил его на два и только таким образом получил почти правильное решение.

По дороге мы сделали лишь два привала и подошли к саням засветло, когда можно было разбить лагерь на снегу и сварить ужин, не пользуясь свечами, что и всегда-то намного удобнее, особенно же если кашеварит неопытный кок, как это было в этот вечер. Мы, наверное, перестарались — накидали слишком много снега и льда на борта палатки, — но события недавней бурной ночи были еще свежи у меня в памяти, а мои спутники находились под впечатлением наших красноречивых рассказов.

Девятого мы проделали несколько миль на север вдоль берега, но поверхность льда по-прежнему была настолько плохой,

что при всем желании идти быстро мы продвигались со скоростью черепахи и стали лагерем в нескольких милях от дома. Пока мы устраивались под защитой большого выступа, погода ухудшилась, поднялся сильный ветер. Был момент, когда казалось, что не миновать повторения последней метели, но, к счастью, ветер вскоре улегся. На следующий день благополучно вернулись на зимовку. В миле [1,6 км] от берега нас встретил Кемпбелл и сообщил, что Абботт потянул ногу и был вынужден весь день пролежать, но растяжение быстро проходит и через пару дней он снова будет на ногах. Наша вылазка, как и положено, опять закончилась позорной оргией из чая с бутербродами.

Такой непродолжительный поход не угрожает участникам серьезными неприятностями, хотя температура воздуха оставалась низкой и на обратном пути оба дня нам докучал отвратительный ветер с северо-северо-востока. Главной особенностью похода было необыкновенно веселое расположение духа всех его участников, и когда я обращаюсь к нему памятью, стараясь припомнить какие-нибудь инциденты, в частности когда пишу эти строки, в моем сознании немедленно возникает некий приятный фон. И, по мере того как память моя проясняется, он принимает форму припева к песенке, которую непрестанно мурлыкал себе под нос Браунинг, разжигая примус или готовясь к ночлегу. Слова у него такие:

Мы уходим в поход, мы уходим в поход,
Мы хозяйкам давно за квартиры должны,
Но, увы, после нас там оценщика ждет
Грязный пол, потолок да четыре стены.
Еще темь за окном, ровно в три мы уйдем,
Ровно в три мы уходим в поход.

День-два после возвращения мы занимались только тем, что делали записи об обоих походах и лишь изредка выходили размяться. Погода оставалась хорошей, в течение двух или трех дней Антарктика была повернута к нам своей лучшей стороной.

Особенно прекрасно было утро 12 августа. Когда мы вышли из дому, луна висела низко над западными горами и казалась в три раза больше, чем в Англии. Она была темно-желтого цвета с золотистым оттенком, игра теней и света подчеркивала неровности ее поверхности и хорошо их выявляла.

Горы на нашем мысу виднелись совершенно отчетливо, казалось, что долины и хребты вырезаны из камня, как на камее. Хотя гряды облаков бо́льшую часть дня скрывали от нас солнце, горы и холмы перед ними в продолжение трех или четырех часов

купались в солнечном свете. Они словно хотели в это утро вознаградить нас сторицей за трудности, выпавшие на нашу долю в санном походе. Но падение температуры воздуха утром и накануне вечером сопровождалось возникновением вихрей и столбов морозного тумана к северу от нас — это означало, что на морском льду открылись старые разводья.

Несколько дней спустя мы с Левиком отправились посмотреть на такой участок чистой воды, замеченный недалеко от мыса, и впервые поняли, что наши санные походы находятся под угрозой. На полпути до окончания мыса дорогу нам преградила полоса воды со снежурой[59], где на волнах покачивались небольшие льдины и айсберги. Если такие разводья встречаются и дальше на запад, то прощай санные экспедиции, по крайней мере в ближайшее время. Было настолько холодно, что вскоре после разрыва льда вода покрылась мешаниной из ледяных кристаллов. Они не дали бы нам пересечь водное пространство на легкой лодке, но и саням здесь, конечно, не пройти. Мы бы попали, фигурально выражаясь, между двух огней и были вынуждены остановиться. Но не исключено, что разводья открываются и затягиваются в зависимости от местных условий, возможно даже, что на этот процесс влияет специфический рельеф мыса Адэр, и тогда на севере и на западе может быть такая же обстановка, какую застала на участке морского льда от мыса Баттер до бухты Рилиф Северная партия экспедиции Шеклтона. Борхгревинк, к сожалению, не оставил никаких записей, из которых явствовало бы, сталкивалась ли с подобной ситуацией экспедиция на «Южном кресте». А нам так важно было это знать! Никого из нас почему-то не прельщала перспектива утонуть в море и стать печальным примером неосторожности в назидание другим мореплавателям.

Вскоре, однако, все сомнения отпали. Проснувшись утром пятнадцатого, мы почувствовали, что с востока-юго-востока задул ветер. В течение дня он усилился, а к вечеру достиг ураганной силы. Почти все выходы к метеорологической будке и обратно пришлось совершать на четвереньках, но и в этой позе невозможно было обойтись без помощи леера, хотя он мало ускорял продвижение. Это было не легче, чем травить брасы[60] на «Терра-Нове». На судне выпадали такие моменты, когда казалось, что тянешь из последних сил. Так было, например, когда мы однажды долго, но без малейшего успеха, выбирали подветренные брасы, пока не выяснилось, что вахтенный забыл отдать наветренные.

Особенно трудно было пробираться вдоль стены дома, где ветер всегда бушевал с особой яростью. А тут еще под ногами

санные полозья, которые никто и не думал убирать до прекращения ветра. Я дважды ударился о них ногой, а ведь этого во всяком случае можно было избежать. Дикасон во время шестичасового дежурства потерял электрический фонарь, а так как другие имевшиеся фонари, слюдяной например, в бурную погоду не годились, мы впервые за все время признали себя побежденными и отказались от наблюдений, требовавших света. Да и, говоря по чести, многие приборы, словно в предвидении этой последней катастрофы, вышли из строя еще в начале дня. Дверца метеорологической будки отказалась закрываться, мы поставили на нее крючок, но ветер его немедленно вырвал, и я начал опасаться, как бы мы вообще не лишились термографа.

Трудно отобразить на бумаге силу ветра. Во всяком случае я, наверное только находясь около метеорологических приборов, понял, что такое настоящий ураган. Даже когда я пишу эти строки, у меня при одном воспоминании о нем перехватывает дыхание, каково же было дышать на этом ветру! Камни маленькими пулями летали по пляжу, и хижина, несмотря на все подпорки, сотрясалась и стонала, словно живое существо. В наш домашний быт некое разнообразие вносили лавины вещей, то и дело сходившие со стен и полок, и ночью мука просыпалась в масло, а сухари попадали в шпинат. Температура в комнате весь день колебалась между 20 и 10° [между –6,7 °C и –12,2 °C]; замерзли чернила в автоматической ручке и вода в ведрах, а простая железная ручка, которой я делал записи в дневнике, больно пощипывала пальцы. В этот день была моя очередь мыться, но в кухне кончилась вода, а так как принести лед в такую погоду не представлялось возможным, пришлось мне пожертвовать предусмотрительно сделанным банным запасом.

Испытание «Великой западной»

Опускание верши

Когда я дошел в дневнике до 15-го, мне показалось, что буря ослабевает и вскоре прекратится совсем. Она действительно близилась к концу, это было видно из того, что периоды затиший увеличивались, но порывы ветра, став более редкими, набрали больше силы. От 23 часов до 23.30 они были всесокрушающими.

Наверное, именно в течение этого получаса, в кульминационный период, ураган нанес зимовке главный ущерб. Хижина раскачивалась и скрипела так сильно, что мы опасались за ее судьбу, а в комнате, несмотря на раскаленную докрасна печь, быстро холодало. Мороз начал пробирать нас даже в спальных мешках из гагачьего пуха. И неудивительно — ветер гулял по комнате. Любопытно, что из-за изменений силы ветра давление в хижине то повышалось, то падало, перо барографа[61] колебалось вслед за этими изменениями и вместо прямой вычерчивало зигзаг шириною от двух до трех десятых дюйма. Скачки давления причиняли невыносимую боль барабанным перепонкам.

Утром всюду виднелись следы необычайной ярости пронесшейся над мысом бури. С хижины Борхгревинка, превращенной нами в склад, сорвало крышу. Соединенные треугольником деревянные балки, каждая размером три дюйма на шесть [7,62x15,24 см] при длине 12 футов [3,66 м], которые мы смогли поднять только общими усилиями всей партии, ветер сорвал и отнес на 30–40 ярдов [27,5–36,6 м]. Внутри склад имел такой вид, словно ураган хозяйничал там всю ночь.

Счастье еще, что на складе хранились такие вещи, которые не могли сильно пострадать, и наши потери были незначительными. Но чтобы читатель представил себе, какой на складе воцарился хаос, достаточно сказать, что даже мои тяжеленные ящики с геологическими образцами оказались опрокинутыми.

С наветренной стороны нашего жилого дома стенки ящиков были вдавлены внутрь, вокруг валялось множество консервных банок, но они, по счастью, почти все остались целы и невредимы. Два двенадцатифунтовых [5,4 кг] брикета топлива, которые Браунинг уронил, заворачивая за угол дома, ветер отнес на подветренную сторону, а один из флагштоков Борхгревинка, могучий столб высотой 15 футов [4,6 м] и 5 дюймов [12,7 см] в диаметре, буря носила взад и вперед, пока тот не зацепился за леер, натянутый между обеими хижинами. Нам необычайно повезло, что никто не был ранен, хотя во время бури по воздуху, должно быть, носились десятки предметов. Не говоря уже об опустошенных ящиках и бесчисленных банках, весь берег был усеян обломками.

Метеорологическая служба понесла значительно более серьезные потери. Кроме легко заменимых гелиографа[62] и флюгера, камень угодил точно в актинометр[63], находившийся, по-моему, в затишке, проделал две аккуратные дырочки во внешнем вакуумном шарике и отбил кусочек от зачерненного шарика внутри. Камень двигался, очевидно, с огромной скоростью — на уцелевшем стекле почти не было трещин. Что же

касается минимального термометра, то он, боюсь, во время метели был ненадежен из-за сильной вибрации будки. Во всяком случае при снятии показаний он неизменно показывал около минус 120° [–84,4 °C].

Все происшествия, хотя и представлявшие известный интерес как свидетельства силы ветра, раздражали нас лишь потому, что заставляли делать лишнюю работу и мешали вести наблюдения. В них не было ничего из ряда вон выходящего, и мы относились к ним с полным равнодушием. Но попытайтесь представить себе — ибо описать это я не в силах, — что мы почувствовали утром, когда увидели, что морской лед в открытом море, за пределами залива, — единственное, что давало надежду на санные походы, — за ночь исчез. С наблюдательного пункта у двери хижины все выглядело даже хуже, чем было на самом деле, из-за того, что густая пелена морозного тумана ограничивала обзор и мы не видели ничего, кроме открытой воды.

Нас и прежде немного тревожило то, что в последнее время к северу от хижины периодически возникали промоины и полыньи, но вряд ли кто-нибудь предполагал, что во льду может появиться такой огромный разрыв. Когда днем туман рассеялся, мы немного успокоились, так как полоса воды имела в ширину не больше одной, местами двух миль [3,2 км]. Но она тянулась на запад от мыса Адэр, сколько хватал глаз. Отныне, конечно, мы уже не отважимся на продолжительные вылазки.

Исчезновение части припая внесло опустошение в наш и без того скудный запас научных приборов. Вместе со льдом уплыл единственный надежный мареограф[64], и теперь мы были вынуждены прибегать к услугам приливомера устаревшего образца, который закрепляли в щели у подошвы припая. Судьба этого приливомера, великодушно подаренного нам гидрографом администрации Нового Южного Уэльса, сложилась печально с того самого момента, как его даритель, профессор Дейвид и я вломились в министерство общественных работ в Сиднее, горя желанием его осмотреть. Невзгоды приливомера начались с того, что в момент выгрузки на берег мы его искупали в ледяной воде прибоя. В течение нескольких месяцев после этого мы никак не могли решиться установить его — лед казался недостаточно прочным. Наконец в июне продолбили во льду отверстие и вставили в него приливомер, но на следующий же день лед вместе с прорубью и нашим неудачником отошел от берега на сто ярдов [92 м]. Пришлось ожидать, пока полынья сомкнется. Только мы собрались снова установить злосчастный прибор, как наступил июль, и мы, не успев его отладить, ушли в поход на остров Дьюк-оф-Йорк. После возвращения мы время от времени

возились с ним по несколько часов на льдине, но трос, пропущенный через трубку, защищавшую его ото льда, из-за отсутствия парафина приходилось покрывать рапсовым маслом и при очень низкой температуре она плохо ходила.

И вот наконец в августе мы получили от него долгожданный полный набор данных… Но тут налетел ураган и — прощай навеки, приливомер. Браунинг, взявший теперь на себя вместо Дикасона обязанности кока, узнав о потере, сказал: «Ну, затонуть он не мог, иначе его вес удержал бы лед на месте». Поскольку приливомер весил около 60 фунтов [27,2 кг], это замечание можно было воспринять только как остроту. Ее следует поместить в один ряд с другим высказыванием Браунинга. Однажды в сильный мороз, когда обледеневшие термометры особенно сильно пощипывали руку, я возмутился: «Какое бездушие! Ни капли сочувствия бедному метеорологу». «О нет, сэр, — возразил Браунинг, — в некоторых термометрах души хоть отбавляй!»[65].

Семнадцатого августа мы вышли на мыс Адэр и осмотрели море с высоты более тысячи футов [305 м]. Картина открылась безрадостная: к северу от мыса Барроу вода простиралась до самого берега и, хотя она уже затягивалась, было ясно, что этому льду доверяться нельзя.

Внимательно осмотрев окрестности мыса к востоку и западу от него, мы собрали несколько эрратических образцов, Левик положил в сумку труп замерзшего пингвина, чтобы произвести вскрытие, и мы направились к дому. Под влиянием солнечных лучей со склона утеса уже начали сходить камни. Это означало, что в летний сезон здесь следует ожидать камнепада.

Испытание скорости «Адели»

Зная по опыту, как долго образуется морской лед около мыса Адэр — наша партия наблюдала этот процесс еще осенью, — мы без долгих размышлений решили, что для путешествий по морскому льду на север необходима лодка или другое плавучее средство. Наша тяжелая норвежская лодка, почти совершенно плоскодонная, для использования вдали от побережья не годилась, и Кемпбелл задумал сделать взамен нее какую-нибудь посудину, которая обладала бы двумя важнейшими качествами: легкостью и плавучестью. Врожденная изобретательность, уже не раз выручавшая нас, подсказала ему мысль сделать из прочного брезента покрышку в виде кокона с отверстием посередине для гребца, пропитать ее для непроницаемости рапсовым маслом и натянуть на походные сани. Первые «гидросани» мы окрестили «Адели». Осенью, когда их спустили на воду, они оказались вполне остойчивыми и очень легкими — при помощи тонкого бамбукового шеста, заменявшего весло, на них можно было развить вполне приличную скорость. Однако для перевозки грузов они были слишком малы. Пришлось создать еще одну модель, усовершенствованную. Брезентовую покрышку сделали намного больше — между ее верхом и санями теперь свободно помещался скатанный спальный мешок, — а кроме того, значительно увеличили высоту надводного борта. Вторая лодка получила название «Великая западная» — мы собирались ее использовать в следующем походе, на запад[66]. Она сидела очень

высоко в воде, было видно, что в ней помимо команды поместится несколько сот фунтов груза. И действительно, когда ее попробовали нагрузить до верха, она оказалась на удивление остойчивой — в ней можно было спокойно передвигаться, не рискуя упасть в воду. Таким образом, при очень незначительных затратах труда и времени мы получили лодки, на которых могли со снаряжением в несколько приемов перебираться через разводья. Абботт тут же, не теряя времени, начал мастерить аналогичную, но более легкую покрышку на сани для второй партии. Для нее он использовал все тот же шторный материал, попавший в немилость. Покрышки «каяк»[67] для главной партии, хорошо пропитанные маслом, весили соответственно всего 15 и 20 фунтов [6,8 и 9,1 кг] и в сложенном виде занимали на санях очень мало места.

Тогда в походах нам не пришлось воспользоваться самодельными лодками, но они очень пригодились летом на мысе Адэр. Годом позднее, когда партии надо было перебросить склад из глубины бухты дальше по берегу, предприятие увенчалось успехом несомненно лишь благодаря аналогичному каяку, сделанному по модели Кемпбелла. На нем участники партии пересекли быстро расширявшуюся полынью.

Восемнадцатого августа южный ветер снова грозил превратиться в бурю, но, к счастью, этого не случилось и не окрепший еще морской лед уцелел. Ветер на несколько минут достиг ураганной силы и так же внезапно, как налетел, стих. На этот раз мы стали свидетелями явления, наглядно продемонстрировавшего коварное поведение ветров всякого рода на участках, находящихся под высокими утесами мыса и защищенных ими. Незадолго до кульминационной точки урагана наступило полное затишье, взорвавшееся вихрями, которые неслись со скоростью уж никак не меньше 60 узлов. Мы видели вихри своими глазами, как на картодиаграмме[68], так как в них и за ними двигались столбы осколков льда и снега, взметенные ветром на огромную высоту — их конец терялся где-то в тумане, нависшем над этой необычной картиной. Формой снежные столбы сильно напоминали водяные смерчи, двигались параллельно друг другу, разделенные большим расстоянием, одновременно мы видели их не меньше двенадцати.

Было очень странно стоять в абсолютном затишке около хижины и смотреть, как справа и слева в нескольких ярдах от нас несутся белые колонны. Когда ближайшая к нам пролетала мимо, воздух слегка подался по направлению к движущейся массе. И все же казалось, что эти красивые завихрения лишены силы, пока одно из них не направилось прямо на нас. Все мигом влетели в

дом, а когда через несколько секунд вихрь достиг хижины, по ней словно ударил могучий кулак и все вокруг окуталось бешено крутящимся снегом.

Теперь с каждым днем становилось светлее, и с возвращением солнца следовало ожидать появления животных и птиц, в первую очередь тюленей Уэдделла[69], на следы пребывания которых мы наталкивались в течение всей зимы, и императорских пингвинов[70]: им пора было выходить на поиски богатых пищей вод, где они могли бы подкормиться перед ежегодной линькой.

Борхгревинк сообщает в своей книге, что первые партии этих птиц появляются весной, и Левик, ведавший у нас зоологическими наблюдениями, завел журнал и распорядился, чтобы все старались записывать в него как можно больше. Журнал начинался с памятки авторам записей, я ее приведу, поскольку она в сходных обстоятельствах может быть полезна будущим морякам-естествоиспытателям:

> «Участникам партии предлагается заносить в журнал все интересные наблюдения над птицами, тюленями, китами и т. д., и помечать записи своими инициалами. Следует помнить:
>
> 1. Не выдавай за факт ничего, в чем у тебя нет абсолютной уверенности. Если у тебя есть хоть какие-то сомнения, пиши: „Мне кажется, я видел“, а не „Я видел“; или „Я думаю, это было“, а не „Это было“. Но всякий раз дай понять, сильно ты сомневаешься или не очень.
>
> 2. Наблюдая за животными, постарайся их не тревожить. Это особенно относится к пингвинам, так как чрезвычайно важно дать им обосноваться в совершенно естественных условиях, без каких-либо помех с нашей стороны, и к гигантским буревестникам, которые осенью, после того как мы на них охотились, стали более пугливыми.
>
> 3. Заметки о самых ничтожных происшествиях имеют иногда большое значение, но только если факты изложены с предельной точностью.
>
> P. S. Помни: есть все основания полагать, что птицы страдают от боли не меньше нас, поэтому лучше полчаса помучиться, преследуя раненого поморника, и добить его, чем предоставить ему умирать медленной смертью».

Последнее замечание особенно важно и, к сожалению, совершенно необходимо. Хочешь — не хочешь, но за год или два жизни в примитивных условиях человек черствеет и сострадание

к животным тогда становится добродетелью, требующей непрестанного поощрения.

Последние дни августа и первые дни сентября снова были заполнены подготовкой к санным походам. Для начала мы все утро провозились с десятифутовыми [3,1 м] санями, с которыми проделали тренировочный поход, — прилаживали к ним железные полозья. Результаты нововведения, как показали последующие испытания, превзошли все ожидания. Испытывали сани на одном из соленых озерков на побережье. Даже на его льду, покрытом «чечевицей» и снегом, каждый мог везти до 382 фунтов [173,3 кг] поклажи. Если сани и на морском льду поведут себя так же, неудобств в путешествии будет вполовину меньше, чем в походе к острову Дьюк-оф-Йорк. Следующая вылазка обещала быть более легкой и в других отношениях. Солнце уже светило вовсю, это было видно хотя бы по снежным сугробам на мысу, обнажившим черные скалы, кое-где прочерченные белыми сверкающими проблесками соли в расселинах.

Левик и я каждую свободную минуту использовали для прогулок, благо свежий морской лед сделал море снова проходимым, и за это время нащелкали несколько серий прекрасных снимков мыса и окрестностей.

Абботт и Дикасон однажды пошли посмотреть на тюленей, лежавших на льду, и увлеклись рыбной ловлей. Делали они это с помощью импровизированного сачка — носового платка, привязанного к концу лыжной палки, но так ничего и не поймали. Рыбки вроде бы и не проявляли страха, но спокойно уплывали за пределы досягаемости сачка.

Глава X
Поход на запад для устройства складов

Подготовка пеммикана. — Пожарная тревога. — Колосники в трубе. — «Двухпалубник». — Железные полозья — большое подспорье на морском льду. — Экипировка. — Старт на запад. — Мыс Пенелопе. — Труднопроходимая бухта Рилей. — Прекрасные виды. — На лыжах — и то две мили в день. — Возвращение с мыса Вуд. — Концерт в пещере Эбби, — Тюлени Уэдделла. — Зона покоя. — Метели задерживают Левика на леднике Уорнинг. — Вылазка на ледник в конце месяца. — Мы едва не потеряли кухню. — Буря с метелью. — Бегом на мыс Адэр

В первые дни сентября мы подготавливали сани и развешивали продукты для предстоящей вылазки на западный берег залива Робертсон. Рацион был примерно тот же, что и в тренировочном походе, но подготовка его требовала гораздо больше времени, потому что теперь с собой брали провизию на шесть недель. Самой трудоемкой операцией, как и в прошлый раз, было размалывание сухарей для супов. И все же эта кропотливая работа не шла ни в какое сравнение с подготовкой пеммикана. На фабриках пеммикан в жидком или полужидком виде заливают в круглые жестяные банки весом от 12 до 14 унций [от 357,6 до 417,2 г] и герметически запаивают. Мы решили взять с собой 84 фунта [38,1 кг] пеммикана, то есть надо было открыть и опорожнить около ста банок. Делалось это тонким консервным ножом с металлической ручкой, и к концу наши руки покрылись порезами, словно от острого тростника. Еще хуже то, что и ладони у каждого были поранены, и кровь из ранок, как ни старайся, попадала в пеммикан. Нашим рекордным достижением, засеченным по часам, висевшим в хижине, было семнадцать банок на двоих за четверть часа. И это при том, что надо было открыть банку, скалкой вытащить полузамерзший пеммикан, разрубить его секачом, выбросить пустую жестянку в кучу у хижины. Секачом служил длинный нож для разделки мяса, в рукоятке которого просверлили дырку, вставили в нее гвоздь и прибили к деревянной доске. Секач действовал по тому же принципу, что нож для резки табака: одной рукой поднимаешь нож, второй —

подкладываешь пеммикан на доску.

Продуктами занимались Браунинг и я, Абботт и Дикасон прилаживали настил из винесты к двенадцатифутовым [3,66 м] саням, которые мы брали с собой, Левик проверял фотокамеры и менял пластинки, Кемпбелл взвешивал сани, одежду и т. д.

Кемпбелл решил, что в поход для устройства складов с ним пойдут Абботт, Дикасон и я, а Левик и Браунинг проводят нас до ледника Уорнинг, там два-три дня поснимают окрестности, а затем вернутся на зимовку к своим обычным обязанностям.

Третьего октября[71] работа была сорвана внезапной пожарной тревогой. Утром налетел южный ветер, тяга в печи, и всегда-то хорошая, усилилась, а во время завтрака кто-то заметил на стыке трубы с крышей красный свет. Одновременно распространился резкий запах горящего дерева, вмиг отбивший у нас аппетит. Надо было спасать дом. Счастье еще, что на плите в этот момент грелось много воды, и пока трубы охлаждали мокрыми полотенцами и салфетками, Абботт по веревке забрался на крышу и вылил с полведра воды прямо в дымоход. Огонь не погас совсем, но заметно спал, и две-три лопаты снега с подветренной стороны дома довершили дело. Причиной пожара несомненно явилось скопление сажи в дымоходе, и Кемпбелл распорядился снять поочередно все трубы и хорошенько прочистить. Эти решительные меры дали совершенно неожиданный результат, пожар оказался в какой-то мере даже благодеянием: при чистке мы увидели, что одно из колен трубы полностью забито запасными колосниками. Скорее всего их туда засунули из экономии места еще на «Терра-Нове», а вынуть забыли. Теперь огонь в печи горел гораздо лучше и равномернее охватывал духовку. Когда наш кок понял, что впредь в дни выпечки хлеба ему больше не придется допоздна засиживаться у печки, на камбузе воцарилось ликование.

Шестого октября я приводил в порядок метеорологические записи, а Кемпбелл, Левик, Абботт и Дикасон на первых санях с грузом в 500–600 фунтов [226,8–272,2 кг] прошли около двух миль [3,2 км] по берегу, миновав самые трудные торосы. На следующий день стартовали Браунинг и я. Мы тащили сани на железных полозьях с остальным снаряжением и небольшие санки, где лежало все необходимое для фотографов.

Дойдя до первых саней, мы их разгрузили, поставили на наши, также освобожденные от вещей и предварительно усиленные настилом из лыж, и связали намертво. При загрузке мы старались вещи поменьше и потяжелее класть между санями. Все уложилось как нельзя лучше, и кладь была ненамного выше, чем на обычных одинарных санях.

Ледоруб, лопату, бамбуковые стойки, треножники от теодолита и фотоаппарата разместили по длине саней, что придало нашему «двухпалубнику» сходство с фургоном странствующего торговца мелкими товарами. Несмотря на столь легкомысленный вид, он оказывал нам в течение двух сезонов неоценимые услуги, и когда четырнадцать месяцев спустя его спинка сломалась, мы его горько оплакали как верного старого друга.

После нескольких первых шагов стало ясно, что Кемпбелл не зря старался, ставя сани на железные полозья. Сейчас, имея 1140 фунтов [517 кг] груза на четверых, мы делали две мили в час [3,2 км/ч] на таком же припае, на каком в предыдущем походе три человека, тащившие маленькие сани с двухнедельным запасом продуктов, проходили за восемь часов от четырех до пяти миль [6,4–8,0 км].

Сознание того, что мы быстро продвигаемся вперед, окрашивало в розовые тона даже трудный весенний поход, и всю его первую часть нас не покидало хорошее настроение: мы в упряжи, идем вперед — чего же еще желать! Через полчаса после старта, разогревшись, партия обычно останавливалась на пять минут, чтобы освободиться от лишней одежды, с которой никто не торопился расставаться при выходе, когда ветер еще ощущался слишком сильно. Эти вещи, которые сбрасывают с себя на ходу и кидают на сани, теряются чаще всего. Кемпбелл в одном из походов лишился таким образом ветрозащитной куртки и три-четыре часа в ожидании приближающегося ветра чувствовал себя весьма неуютно. Наученные горьким опытом, мы прикалывали к свитеру с десяток английских булавок и, снимая с себя почему-либо различные предметы одежды, пришпиливали к главной санной постромке.

Шли мы всегда налегке, вещевые мешки нас не обременяли, хотя в них лежало все необходимое на любую погоду. Все девять недель, что я провел весной в походах, самой теплой частью моего костюма было шерстяное егеровское[72] белье. На него я надевал рубашку из темно-синей шерсти или синий рыбацкий свитер. Для ног было достаточно шерстяных носков и финеско. Завершал мое походное обмундирование ветрозащитный костюм из легкого габардина. Брюки плотно обвязывались поверх финеско, куртка находила на штаны, шлем стягивался шнурком под подбородком и защищал шею. На ночь я снимал промерзший ветрозащитный костюм, натягивал на егеровское белье шерстяную пижаму и брюки, а поверх — полный костюм из тонкой ветрозащитной ткани.

Фронт ледника Дагдейла

Предгорье хребта Адмиралти

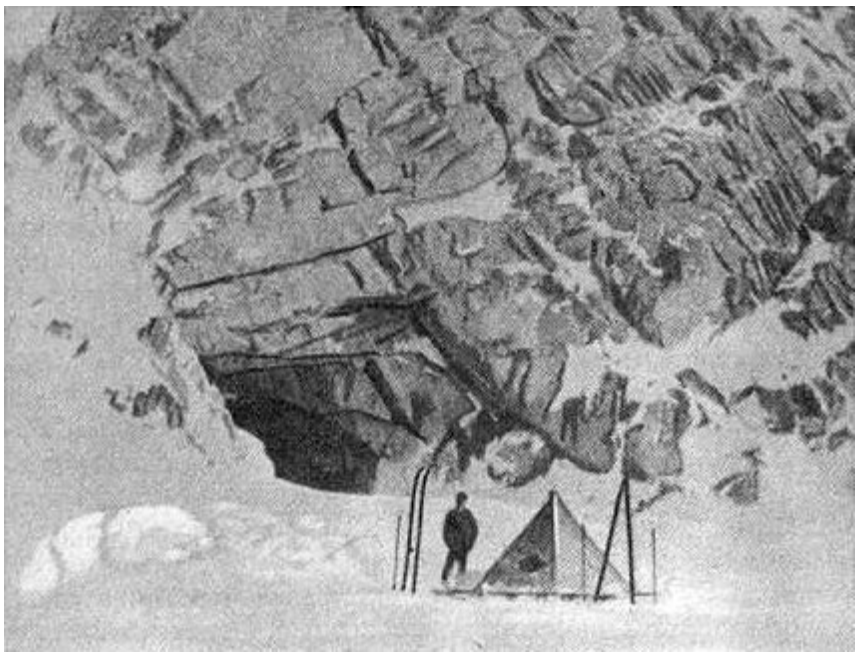
Девятого сентября мы оставили Левика и Браунинга в лагере у ледника Уорнинг, а сами двинулись на запад. После дня хорошей ходьбы на ночевку стали на другой стороне залива, под выступом языка, отходящего от ледника Дагдейла. Язык —

плавучее продолжение ледника, какие часто встречаются в Антарктике. Ограничивающие его с боков ледяные скалы словно слеплены из гипса. У конца языка лежало несколько тюленей, и у одного я заметил на спине шесть параллельных шрамов дюймов в пятнадцать или даже больше — свидетельство того, что он едва не попал на обед к косатке.

На следующий день партия по западному берегу залива устремилась на север. Привал сделали за первым значительным выступом, впоследствии получившим название мыс Пенелопе. Обогнув мыс, мы открыли на северной стороне пещеру, вымытую морем в круто обрывающемся к воде зеленом пласте кварцита, который здесь, как во многих местах Антарктики, образует прибрежные утесы. Мы провели в пещере Эбби на мысе Пенелопе не одну ночь, и смело могу сказать — такой уютной ночевки я больше нигде не встречал. Как ни бушует ветер, в пещеру не проникает ни малейшее волнение воздуха, только доносится приглушенный рев бури, действующий убаюкивающе, да перед входом непрестанно движется завеса снега, выдуваемого вихрями из-за утеса и постепенно образующего у входа сугробы.

До этого времени партия продвигалась вперед быстрее, чем предполагалось, но бухточка, лежащая перед нами, имела совсем иную поверхность. Раньше мы шли по льду, теперь же нас ожидал снег, сначала глубиной в один фут, затем в два и даже в три [92 см], без наста, рыхлый, мы и сами-то двигались по нему с большим трудом, не говоря уже о тяжелых санях. Оставалось одно — перетаскивать вещи поочередно. «Двухпалубник» разгрузили и разобрали на составные части — «сани на железном ходу» и «старые деревяшки», и началась самая трудная работа, какая только может выпасть на долю партии, которая на себе тащит сани. Переброску грузов по принципу челнока начали в 2.30 дня и к шести вечера, когда стали на ночлег, не одолели и мили [1,6 км].

Нагромождение льда



Наш лагерь у входа в пещеру Эбби

На следующее утро, 11 сентября, мы поняли, откуда берется толстый слой рыхлого снега, оказавшийся столь серьезным препятствием. С наветренной стороны видимость на восток преграждала стена снежных надувов, образованная ветром,

который с большой скоростью налетает с юго-юго-востока и проносится мимо входа в залив. Мы же находились в мертвой зоне, где состояние снежного покрова явственно говорило о том, что ветер не посещал ее с момента образования морского льда. По мере того как мы продвигались вдоль берега на север, зона покоя становилась все более ярко выраженной, и уже не оставалось никаких сомнений в том, что в этот исключительно благодатный уголок никогда не забредают бури, отравлявшие нам существование на мысе Адэр. День за днем продвигаясь вдоль берега, я видел все ту же непроницаемую снежную стену, тянувшуюся в восточном направлении. Между тем сравнение наших заметок с записями, которые вел на востоке бухты в период этого и последующего похода Браунинг, убедительно доказывает, что в то самое время, как здесь ни малейшее дуновение ветерка не нарушало постоянной тишины и не тревожило девственной поверхности снега, там с обычным упорством и яростью неистовствовали равноденственные бури.

В этот день ценой необыкновенного напряжения воли и нечеловеческих усилий мы прошли четыре, а может, даже пять миль [8,0 км] по такому же рыхлому снегу, прикрывавшему, к тому же, могучие торосы, из-за которых сани несколько раз переворачивались. Погода совсем не менялась, и дымка, неизменно появлявшаяся при плохой погоде в восточной части залива, не позволяла видеть горы на западе. Впереди виднелся еще один мыс, самая северная точка небольшой впадины, которую мы впоследствии назвали бухтой Рилей. Достигли ее двенадцатого, к завтраку. Недалеко от мыса находились три острова пирамидальных очертаний — самый большой нарекли Фараоном, — и еще один мыс, которому было дано наименование мыс Айлендс.

День выдался более ясный, и впервые мы смогли с близкого расстояния полюбоваться прекрасным видом, которому было суждено стать для нас на много недель чуть ли не единственной усладой. Маленькую полукруглую бухту почти по всей линии берега обрамляли крутые ледяные утесы, являвшиеся фронтом двух ледников. Один ледник, довольно большой, живописно спускался террасами по крутым уступам очень изрезанного ложа, другой же, поменьше, представлял собой ледопад, сбегавший со снежничка, который притулился к предгорьям на высоте двух тысяч футов [610 м]. Между ледниками и по их сторонам возносились почти по вертикали скальные отроги гор. Камень и лед, открывшиеся нашим взорам, исключали самую мысль о возможности пересечь горы и достигнуть лежащей за ними местности.

Снега в этот день было даже больше, чем накануне, и я, собирая или, точнее, пытаясь собирать образцы на скалах мыса Айлендс, бо́льшую часть времени не видел собственных ног. Пришлось поневоле встать на лыжи — хотя лыжники мы никудышные, — иначе вообще было невозможно сдвинуться с места. Впредь на участках с обильным снежным покровом неизменно выручали лыжи, и, со временем приноровившись к ним, мы не только сами передвигались быстрее, но и успешно тянули сани, привязанные к лыжам веревками или постромками из тюленьих шкур. В поисках геологических образцов я наловчился на лыжах переходить крутые рыхлые сугробы около прибрежных скал, хотя при этом нередко падал. Случись рядом зрители, мои маневры навели бы их на мысль, что они встретили землеройное животное неизвестного вида с очень длинными и сильными деревянными лапами.

Тринадцатого обогнули мыс Айлендс и увидели еще одну бухту, забитую айсбергами и большими ледяными полями. Так ее и назвали — бухта Берге. Высокие горы за бухтой отличались хорошо выраженным высокогорным ледниковым куполом, который довольно толстым пластом спускался с вершин двух гор в долину между ними, близ моря разрастался в высоту до 50–100 футов [15,3–30,5 м] и заканчивался отвесной скалой. Она, как и другие возвышенности в этой спокойной местности, состояла из двух отчетливых слоев: верхнего, представляющего собою фирн[73], и нижнего, более толстого, пласта льда. Их разделяла четкая граница, которая некогда была, вероятно, поверхностью ледника. Вечером тринадцатого мы разбили лагерь на северном склоне мыса Вуд — северной оконечности бухты Берге. Поскольку мы продвигались вперед очень медленно, а поверхность бухты перед нами была с виду еще хуже прежней, Кемпбелл решил заложить здесь главный склад и только недельный запас продуктов перевезти через бухту и поместить на северном берегу.

Утром мы выступили в путь с лагерным снаряжением и запасом продуктов на восемь дней. До мыса Барроу, северной оконечности залива Робертсон, хотели их довезти на санях с железными полозьями, но, пройдя с полмили [805 м], убедились, что по такому плохому льду эти сани не идут.

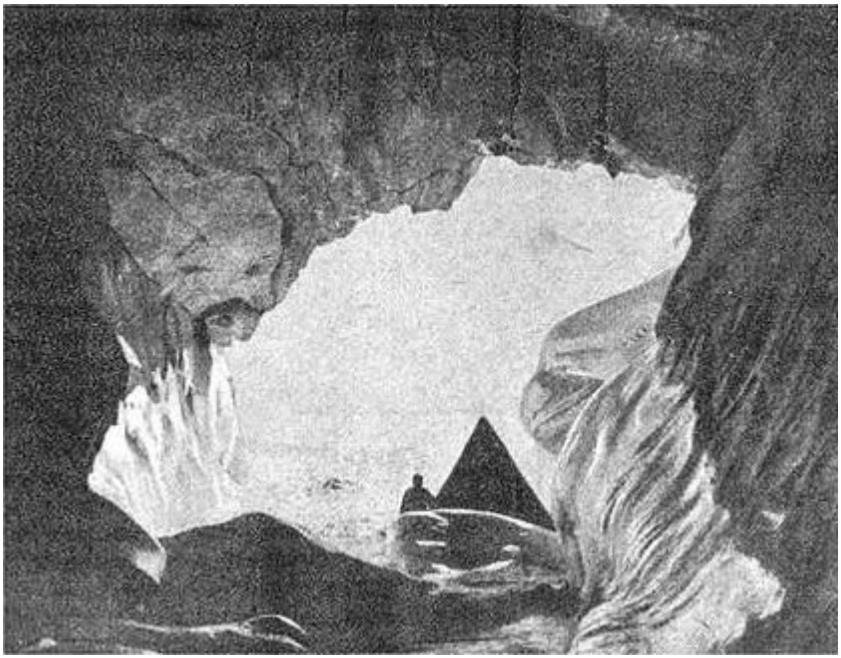
Пришлось возвращаться на место стоянки за «старыми деревяшками» и перекладывать вещи. После полного дня тяжелой работы, проделав в общем две с половиной мили [4 км], мы пересекли маленькую бухту под названием Прешер и разбили лагерь на припае у мыса Вуд. Весь день мы страдали от нестерпимо яркого света. При этом своеобразном голубоватом освещении, которое при высоком стоянии солнца часто

порождает снежную слепоту, не отличить заструги от впадин. Между тем бухта была забита большими осколками пакового льда, запорошенного сверху снежным слоем толщиною в три-четыре фута [0,92–1,22 м]. Преобладал рыхлый снег, лишь кое-где с тонким настом, и хотя мы шли на лыжах, а груз на санях был легкий, то и дело приходилось оборачиваться лицом к саням и, подтягивая руками главную постромку, проводить сани. И все равно, попадая на бугор, они, несмотря на все уговоры, зарывались носом в снег и останавливались.

Мыс Вуд был покрыт льдом, зимой с него сходили на припай лавины, и мы даже за то короткое время, что стояли лагерем под защитой скалы, стали свидетелями одной ледяной и нескольких снежных лавин.

Лед становился все хуже, в конце дня я несколько раз втыкал лыжную палку на три-четыре фута [0,92–1,22 м] в снег и не находил твердой опоры. Идти дальше без провизии было бессмысленно. Мы заложили еще один склад и на следующий день повернули обратно к зимовке.

В этом походе было намного холоднее, чем в предыдущем, утром 13-го наши приборы зарегистрировали самую низкую температуру за год: –42,8° [–41,6 °C], принесшую богатый урожай обмороженных лиц, рук и ног. И тем не менее солнце светило вовсю, день стал намного больше, главное же — отсутствовал ветер, наш основной противник, а потому эта вылазка была гораздо приятнее и настроение нам портили только отсутствие твердого грунта под палатками и отвратительная поверхность льда. Очень трудно сохранять хорошее расположение духа, если сани то и дело превращаются в снеговой плуг, а рыхлый снег скатывается под ногами и каждый час-два приходится останавливаться и счищать с подошв примерзшие катышки.



Пещера Эбби на мысе Пенелопе

Семнадцатого сентября мы без особых происшествий вышли снова на мыс Пенелопе и впервые разбили лагерь в пещере Эбби[74]. Тогда-то она и получила свое название: ее потолок и стены служили своего рода огромными акустическими экранами, и традиционный воскресный концерт звучал необычайно торжественно. Мы и здесь запрятали склад, перепаковали «двухпалубник» и прямо через залив двинулись к зимовке на мысе Адэр. Примерно на полпути до хижины около трещины лежало шесть тюленей Уэдделла, позднее же нам повстречалось много их сородичей. Значит, сезон размножения не за горами, а если тюлени нежатся под лучами солнца на льду залива, то ледяной покров между двумя замыкающими мысами — Барроу и Адэр — совершенно надежен. Из наблюдений известно, что тюлени Уэдделла в период кормления детенышей редко попадают в разводья, ибо это грозит им неминуемой бедой: малыши становятся добычей косаток, которые стаями рыщут среди обломков пака.

На последних сотнях ярдов пути я заметил два или даже три участка, где под влиянием солнца уже образовались наледи. Подобные приметы близости летнего сезона попадались и раньше, в основном около мыса Адэр. Может быть, это объясняется тем, что сдуваемая ветром с мыса черная пыль поглощает больше солнечного тепла, чем светлый морской лед.

Последний непродолжительный поход открыл очень много

новых интересных явлений. Правда, по первоначальному замыслу мы должны были по морскому, не защищенному от ветра, льду без труда дойти до мыса Норт и дальше, но после августовской метели ни у кого уже не было уверенности в прочности льда. Открытие безветренной зоны имело большое значение для науки: сравнение данных о погоде в восточной и западной частях залива может оказать большую услугу ученым при решении вопроса о том, носят ли антарктические метели локальный характер и порождают ли их локальные причины.

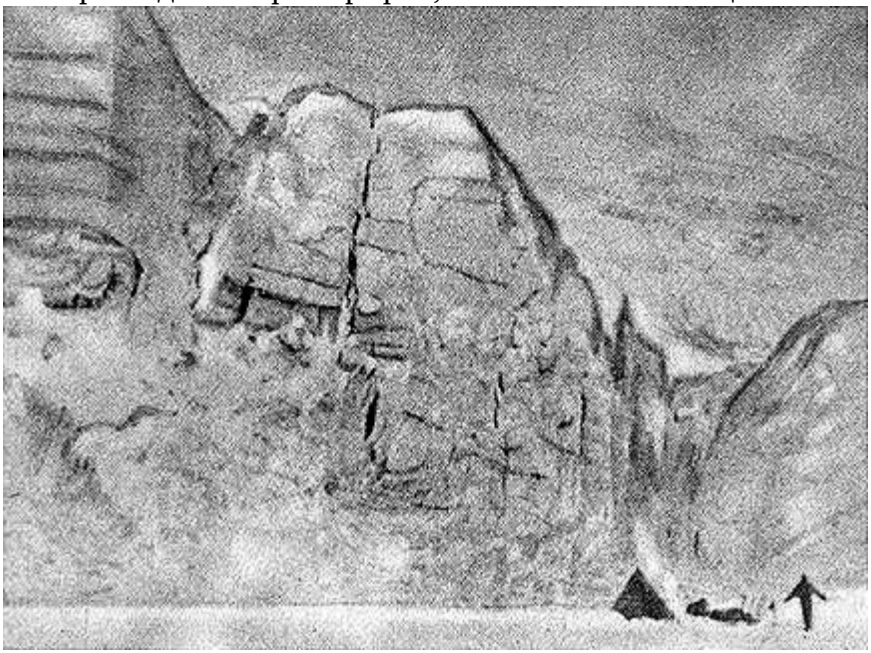
Метель, которую мы наблюдали с запада, на несколько дней задержала Левика и Браунинга в лагере на леднике Уорнинг, и едва они, дождавшись тихого, но облачного дня, вернулись на зимовку, как снова поднялась метель и бушевала до нашего прихода. На обратном пути они обронили с саней фотоаппарат и банку с маслом, но без нас не могли отправиться на поиски. До начала метели Левик успел сделать несколько общих снимков ледника, а Браунинг в непогоду все время вел метеорологические записи. Когда они находились в палатке на морском льду перед ледником, сильное волнение несколько раз вызывало заметные колебания льда, заставившие их всерьез обеспокоиться за свою безопасность. Волнение ощущалось и в западной части залива, но я склонен объяснять его скорее непосредственным влиянием порывов ветра на морской лед, чем воздействием моря из-за пояса льдов[75].

Через день или два после окончания похода на берегу появились первые императорские пингвины. Их было не то четверо, не то пятеро, все в хорошем состоянии, но, почти не имея жира, они весили крайне мало — самый крупный тянул чуть больше 50 фунтов [22,7 кг], тогда как вес взрослого пингвина этого вида, защищенного в начале зимы хорошим жировым слоем, достигает 90 фунтов [40,8 кг]. Мои товарищи убили и ощипали трех птиц — великолепное дополнение к нашему мясному меню, так как грудка императорского пингвина весит от 15 до 17 фунтов [6,8–7,7 кг].

Двадцать второго Браунинг и я прошли около пяти миль [8 км] на юг от бухты Прешер и подобрали утерянную фотокамеру. К счастью, она мало пострадала. Футляр и кассеты ветер отнес на 30–40 ярдов [27,5–36,6 м] ближе к земле и прижал к гряде торосов.

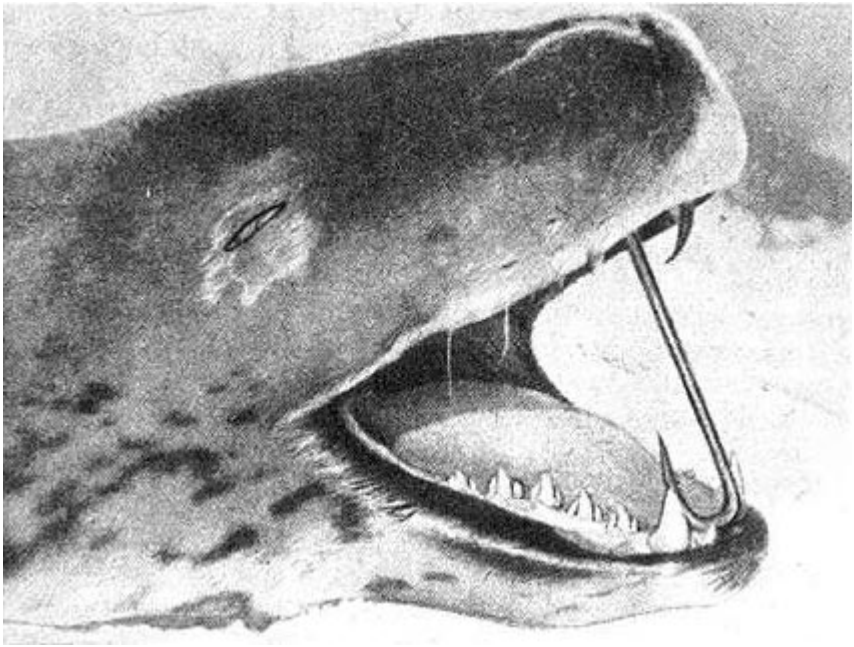
День спустя Левик, Дикасон, Браунинг и я отправились с недельным запасом еды на ледник Уорнинг, чтобы сделать обстоятельные снимки структуры поверхности ледника. Сани на железных полозьях быстро доставили нас к цели, и мы заночевали под частичной защитой северного языка ледника. Здесь мы

прожили до 27-го и в промежутках между сильно досаждавшими нам ветрами делали фотографии, оказавшиеся очень ценными.



Лагерь под ледником Уорнинг

Бахрома из сосулек на оконечности ледника



Голова морского леопарда

Ленч в весеннем санном походе

Как-то раз, когда мы возвращались из очередной фотоэкскурсии по леднику, налетели первые сильные порывы приближающегося бурана. Мы припустились бегом, и тут мимо промчались и скрылись в направлении моря каких-то три

предмета. С первого взгляда нам показалось, что это детали кухни, но чем мы могли им помочь, если были вынуждены немедленно опуститься на четвереньки, чтобы не быть опрокинутыми вихрем. В лагере подозрения подтвердились: унесло поддон для примуса, крышку от внешнего котла и большой колпак, надевавшийся сверху на всю конструкцию. По словам Браунинга, он и Дикасон наполнили котлы льдом, поставили перед палаткой, сверху прижали продуктовым мешком, но как только отошли в сторону, поднялся ветер, опрокинул мешок и унес детали кухни. К счастью, ветер дул пока что лишь порывами, и мне удалось, пробежав с полмили [805 м], поймать крышку и колпак, а Браунинг и Дикасон схватили поддон около самой скалы. Таким образом мы получили совершенно недвусмысленное предостережение — если какой-нибудь участник Северной партии позволит себе подобное же легкомыслие в такой ветер — пусть он пеняет только на себя. Злосчастные детали после неприятного происшествия погнулись, и впредь эту кухню было нелегко наладить, хотя при известном старании все же удавалось сварить на ней обед.

Всю ночь дул порывистый ветер с юга, часто достигая 12 баллов. Между его порывами воцарялось затишье, если не считать глухого шума, доносившегося с ледника, где буря почти не унималась. Внезапно шум усиливался, превращался в нечто среднее между грохотом и скрежетом, и вихрь с ревом налетал на скалу прямо над нами. Иногда буря доходила и до нас. Обращенная к северу стенка палатки втягивалась внутрь, южная раздувалась так, что, казалось, вот-вот лопнет, а на наветренную обрушивался град обломков льда и снега. Порывы ветра продолжались не больше пяти минут, так же внезапно, как налетали, они прекращались, и снова становилось тихо. Иногда, наоборот, ветер обходил нас стороной, мы только слышали, как он проносится мимо и замирает вдали, пока тишину снова не разрывал приглушенный рев, доносившийся с южного конца ледника, и мы не напрягались в ожидании следующего удара. О себе могу сказать, что в такую ночь мне даже труднее заснуть, чем при постоянном сильном ветре: я все время жду его атаки и подсознательно готовлюсь ее встретить. Левик и Браунинг, по-видимому, разделяли мои чувства, чего никак не скажешь о Дикасоне: бо́льшую часть ночи он мирно храпел.

Назавтра мы свернули лагерь и пошли к хижине, чтобы подготовиться к следующему походу на запад. Первые две мили [3,2 км] идти мешали мелкие камушки, нанесенные ветрами на снег, но потом мы вышли на участок льда, совершенно свободный от снега. Весь день в спины дул сильный южный ветер, и на

чистом льду мы развили такую скорость, что Левику, растянувшему ногу, пришлось бросить постромки и поспевать за нами с помощью лыжных палок. На третьей миле я сообразил, что можно еще больше ускорить продвижение. Остановившись на минуту, чтобы перевести дух, мы завели упряжь за спинку саней, и теперь Дикасон и Браунинг бежали по их сторонам, а я рулил, держась за стойки палатки, очень кстати выступавшие сзади. До мыса Сил мы шли со скоростью семь или восемь миль в час [11–13 км/ч], причем значительную часть времени Дикасон и Браунинг сидели на санях, а два раза при особенно сильном попутном ветре присаживался и я. Впрочем, долго кататься не удалось: ветер то и дело менял свое направление, и налетевший откуда-то сбоку вихрь опрокинул сани, а Браунинга бросил на поклажу.

На мысе Сил дождались Левика, и они с Браунингом позавтракали. У меня же и Дикасона ветер отбил аппетит, да и дом был близко. Мы вырубили изо льда труп тюленя-крабоеда и привязали поверх вещей. Двигаясь тем же способом, к чаю достигли хижины. Крабоед придал неустойчивость грузам, они то и дело грозили упасть, и только бдительность боковых ездовых спасала положение, но в конце концов после особенно сильного толчка сани все же перевернулись. Тогда за несколько сот ярдов от дома тюленью тушу сбросили наземь — отсюда Левик, собиравшийся произвести вскрытие, мог и сам ее дотащить.

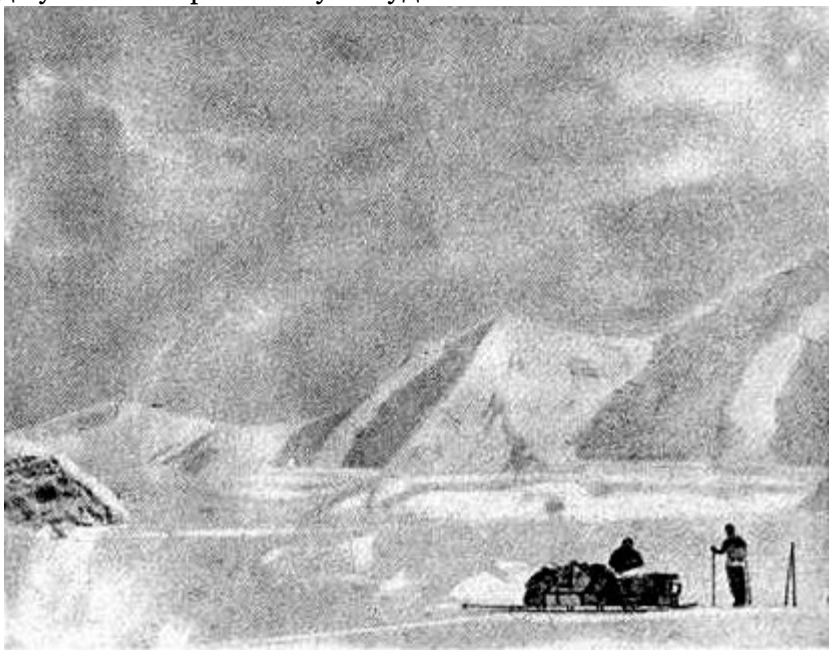
Глава XI
Второй поход на запад и появление пингвинов Адели

Разница в скоростях движения. — Торосы и аварии. — Новый способ управления санями. — Фотографирование на лыжах. — Местность за мысом Барроу. — Вой сирены, лавина. — Предательский лед заставляет нас возвратиться. — Съемка побережья у входа в залив. Сбор геологических образцов. — Рождение детеныша тюленя Уэддела. — Жилище снежных буревестников. — Снова дома. — Появление пингвинов Адели. — Спаривание. — Драки. — Хищение строительных материалов

Подготовка к следующему путешествию закончилась 3 октября, и четвертого, в 7.30 утра, мы выступили через залив к мысу Пенелопе. Если сфотографировать переход, сделанный на другой день, получился бы очень интересный фильм, наглядно демонстрирующий разницу между теперешним способом передвижения на железных полозьях и предыдущими нашими вылазками в восточную часть залива, пусть с более ровной поверхностью льда. Возьмем, к примеру, фотографическую партию из Левика и Браунинга, сопровождавшую нас до мыса. Их 9-футовые [2,8 м] сани везли меньше 200 фунтов [90,7 кг] груза, тем не менее они с трудом поспевали за нами без постоянной помощи. Наша же главная партия имела на 10-футовых санях [3,1 м] 1000 фунтов [453,6 кг] про довольствия и снаряжения, и двое, самое большее, трое участников везли их с хорошей скоростью. Поэтому мы могли помогать саням Левика. Двое из головной группы подтягивали сани фотографов, они нас догоняли, тогда один наш человек возвращался к десятифутовым саням и мы снова намного опережали Левика.

За две мили [3,2 км] от мыса взяли чуть вправо и, пройдя еще милю [1,6 км], разбили лагерь. Левик и Браунинг продолжали путь и остановились на ночевку в пещере Эбби. После обеда Кемпбелл извлек теодолит, произвел визирование луны и измерил углы, а я с двумя товарищами загрузил сани на железных полозьях двухнедельным запасом продуктов и запрятал в пещере. Левику и Браунингу предстояло провести здесь один день, а затем медленно двинуться вдоль берега, делая на ходу

снимки. С нашей же точки зрения, главная их задача заключалась в том, чтобы убить и разделать тюленя и заложить в пещеру, тогда у нас на обратном пути будет свежее мясо.



Ледник Шипли

Наша хижина и навес на мысе Адэр

На следующее утро стартовали прямо на мыс Барроу. Шли на север, подгоняемые южными ветрами, по довольно твердому льду, а потому быстро двигались вперед. Мешали только гряды торосов, то и дело попадавшиеся на пути. В этот день мы изменили метод тяги и применили новый способ, который с тех пор всегда использовали на торосистом льду. Прежде все четыре человека тянули постромку спереди, и двое рулевых при виде препятствия отскакивали назад, стараясь не дать саням перевернуться. Это имело ряд неудобств: в частности, ослабленные постромки рулевых могли зацепиться за бугорок на льдине и вызвать падение саней. Главное, однако, то, что, отбегая на значительное расстояние, рулевые сводили на нет усилия передней пары.

Нововведение заключалось в том, что постромки двух впереди идущих крепятся к нижнему крюку саней — это дает возможность лучше регулировать направление хода. Те двое, что идут сзади, крепят упряжь к задней распорке саней, благодаря чему при движении последних оказываются чуть впереди средней части груза. Работая одной из постромок, они получают прекрасную точку опоры и сбоку и спереди саней, что позволяет благополучно перевозить, вернее переносить, сани через самые опасные места. Этот метод, однако, требует укладывать вещи так, чтобы центр тяжести нагруженных саней находился как можно ниже. Иначе неожиданное падение саней может стоить путешественникам поломанной руки или ноги. Впрочем, идущие сбоку должны сохранять бдительность во всех случаях жизни, чтобы не быть застигнутыми врасплох при спуске саней с крутых заструг или торосов.

Лед здесь был гораздо лучше, чем в бухтах, и во второй половине дня мы уже очутились напротив мыса Вудбар, оставили сани и пошли за продуктами, спрятанными в прошлый раз. Тут мы получили окончательное доказательство полного отсутствия ветра в бухте Прешер: санный след трехнедельной давности ничуть не запорошило снегом.

Мы встали милях в двух [3,2 км] за мысом Вудбар, очень довольные проделанной за день работой. У нас были на то все основания, особенно если сравнить с предыдущим походом. И погода стояла все время ясная, хотя температура воздуха упорно держалась намного ниже нуля: термометр показывал от –20° до –28° [от –28,9 °С до –33,3 °С], но в сочетании с ярким солнцем не страшен никакой мороз. Он дал о себе знать только вечером, когда солнце зашло за хребет Адмиралти.

К полудню 6 октября поравнялись с мысом Вуд, самой дальней точкой, достигнутой при закладке складов, и несколько часов спустя оказались среди торосов в районе мыса Барроу, северной оконечности залива Робертсон. Издали казалось, что тяжело нагруженные сани здесь не пройдут, но по мере приближения ледяной хаос раскрывался, и в конце концов мы нашли вполне удобный обход. Вот здесь-то, пытаясь с нагромождения льдов сфотографировать мыс, я впервые понял, как коварны могут быть лыжи в руках, вернее на ногах, новичка.

Всякий раз как мы останавливались, чтобы сфотографировать окрестности или взять что-нибудь нужное с саней, после нашего ухода место выглядело так, как если бы здесь на протяжении недели квартировала целая армия. Из всех нас только Кемпбелл умел ходить на лыжах, остальным предстояло учиться теперь — на мысе Адэр для этого не было снега. Хуже всего приходилось фотографу. Чтобы получить желаемый снимок, он смотрит в видоискатель и, в зависимости от того, что он в нем видит, меняет свою позицию, для чего ему надо всякий раз или закрыть камеру и повесить на руку или же расхаживать с аппаратом в одной руке и лыжными палками в другой. Снег противопоказан камере и линзам, и если фотоаппарат упадет, им уже до конца похода не снимать. Среди нагромождений торосов приходится передвигаться очень осторожно и медленно, особенно при обходе сильно выгнутых надувов, без палок тут не обойтись. И все это время беднягу гнетет сознание того, что остальные участники похода говорят друг другу: «Какого черта он не идет?» или — что хуже — жалеют за неловкость, а может, даже посмеиваются над его усилиями сохранить равновесие. Естественно, фотограф бывал счастлив, когда испытание заканчивалось и он мог присоединиться к товарищам, хотя, конечно, попутно он учился ходить на лыжах.

Пройти торосы близ мыса Барроу не представляло особого труда, к 5 часам вечера мы обогнули мыс и впервые смогли обозреть местность за ним. Не будет преувеличением сказать, что она того вполне заслуживала. Прежде всего бросался в глаза язык ледника, простиравшийся от тыловой части мыса и ограниченный с севера островком зеленого кварцита. Его фронт представлял собой вертикальную стену высотой около 90 футов [27,5 м], сложенную из горизонтальных слоев белого льда с вкраплениями круглых и удлиненных льдин красивого синего цвета. Между стеной и мысом образовалась узкая бухта, разделенная примерно посередине каменной косой на внутреннюю и внешнюю части. Когда мы вступили в бухту, чтобы там переночевать, вершины предгорий еще были окутаны легкими слоистыми облаками, но

под ними виднелись дно и отдельные участки стенок двух глубоких ущелий, разделенных великолепно отшлифованной скалой. Ущелья просматривались лишь частично, но видимая их часть была во много раз увеличена глубоким пурпуром тени от облаков.

Мы уютно устроились на ночь в бухте и уже хлебали честно заслуженный суп, как вдруг тишину прорезал звук, чрезвычайно похожий на настойчивый вой пароходной сирены. Меня он тут же заставил насторожиться — я сразу же вспомнил один эпизод из времен своего участия в Западной партии экспедиции Шеклтона, когда мы чудом спаслись со льдины, на которой были унесены в море. Тогда мы слышали точно такой же звук, но он исходил от косаток, резвившихся в море. Откуда же им взяться здесь? На следующий день высказывались предположения, что подобный шум мог издать тюлень, попавший в беду. Мне тоже кажется, что это — сигнал бедствия, подаваемый тюленем Уэдделла, который располагает, как известно, очень богатым словарем. Так или иначе, этот своеобразный крик и не менее своеобразная красота местности побудили нас дать бухте название Сирен[76].

Ночь выдалась беспокойная. Едва мы улеглись спать, как шум ледяной лавины разбудил Кемпбелла, а он в свою очередь растолкал нас — ему казалось, что морской лед вокруг палатки испытывает большое давление.

На следующий день мы с утра несколько часов рассматривали край ледникового языка, измеряли углы и брали магнитный азимут для съемки побережья. Выступили лишь в полдень. Несмотря на поздний старт хорошо продвинулись по направлению к видневшемуся на нашем маршруте другому ледниковому языку и в конце концов разбили лагерь на ровной ледяной площадке милях в семи [11,3 км] от мыса Барроу. Лед был грязный, мокроватый, мы заметили это, еще ставя палатки, но только лежа уже после обеда в мешках и слыша, как скребется подо льдом тюлень, сообразили, что под нами слишком тонкий слой льда. Тогда Кемпбелл попросил Абботта, не успевшего влезть в палатку, проверить ледорубом толщину ледяного покрова, и вскоре, к своему удивлению, мы узнали, что лежим на льду толщиной 8 дюймов [20,3 см], пропитанном водой.

Кемпбелл решил перенести лагерь, тем более что подымался ветер, и попросил Абботта, пока остальные натягивают на себя походную одежду, поискать более толстый лед. Тот в двух-трех местах расчистил снег и сделал замеры, но с тем же результатом, прошагал с четверть мили [403 м] и набрел вроде бы на более надежный участок. Увы! и здесь льда было всего-навсего 18 дюймов [45,7 см]. Кемпбелл и я прошли еще четверть мили и

наконец нашли место, где на глубине 15 дюймов [38,1 см] ледоруб упирался в твердый лед. Здесь и заночевали.

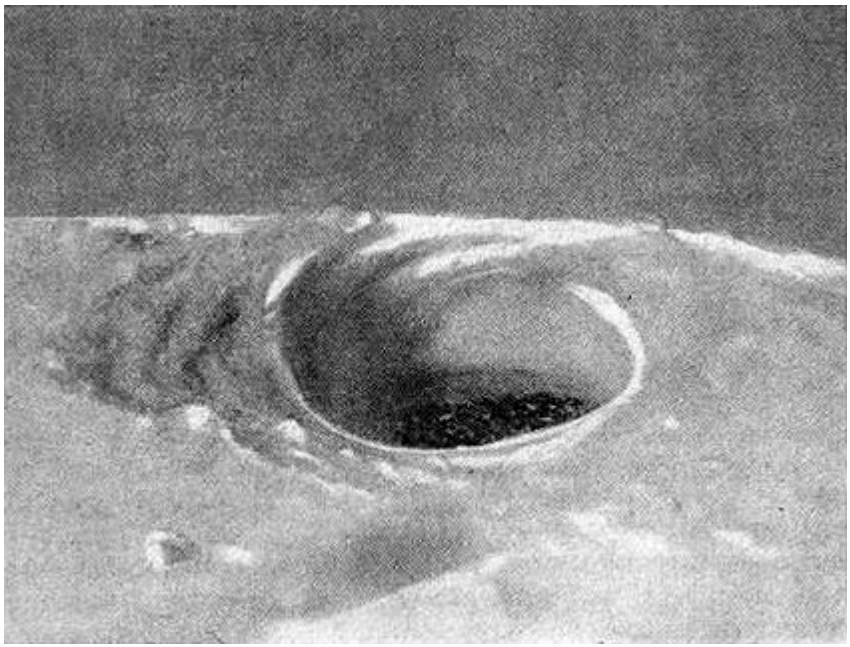
Внимательное исследование льда вокруг палаток и дальше к северу выявило всюду все тот же пропитанный водой ненадежный лед. В одном месте ледоруб Кемпбелла вошел в снежуру чуть ли не по самую рукоятку, не встретив никакого сопротивления.

Кроме того, каждую торосистую льдину окружало кольцо молодого льда или еще мокрой снежуры. Сомнений не оставалось — августовская буря похозяйничала и здесь и разметала зимний ледяной покров, мы же теперь шли по плохо смерзшимся обломкам пака, из которых не все выдержали бы наш вес. При первом же устойчивом повышении температуры лед вскроется, более тонкие блинчатые льдины быстро растают, и, окажись мы в это время перед языком ледника, десять шансов против одного, что нам не вернуться на зимовку до следующего сезона. Взвесив все за и против, Кемпбелл счел за благо вернуться. Будущее доказало правильность этого решения: месяцем позже обозревая в бинокль окрестности с вершины мыса Адэр, мы повсюду, от мыса Барроу до ледника Шипли, видели только открытую воду.

Итак, решив возвращаться, мы сняли лагерь и вернулись к предыдущей стоянке между языком ледника Шипли и мысом Барроу. Пришли мы туда уже к вечеру, уставшие, недовольные и событиями дня, и собой, хотя понимали уже тогда, что поступили единственно правильным образом. Иначе, успокаивали мы себя, капитану Скотту пришлось бы снаряжать спасательную экспедицию, хотя скорее всего мы бы перезимовали без особых трудностей. Здесь мы провели три дня.

Утром я чуть свет отправился на лыжах искать Левика и Браунинга, чтобы они сфотографировали местность вокруг лагеря. У склада на мысе Вудбар их не оказалось, а на мысе Айлендс я нашел лишь место бивака, где они, очевидно, стояли на пути домой. Идти дальше было бесполезно, да и небезопасно, и я повернул к палатке. По дороге поднял несколько образцов пород.

Тюлень Уэдделла с детенышем



Тюлений «лаз»

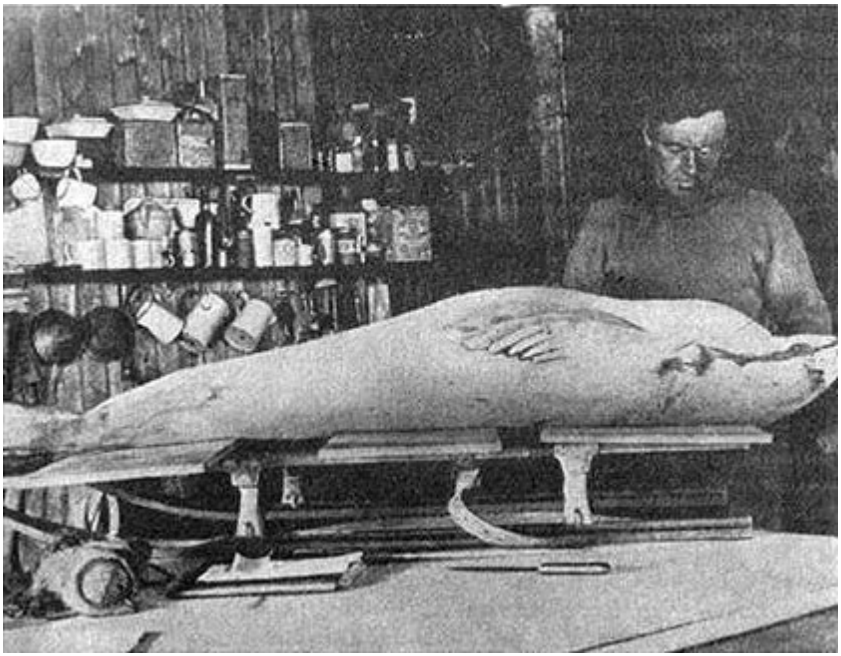
Следующие два дня мы обследовали побережье к северу от мыса Барроу, наблюдали за состоянием льда и собирали образцы пород. Здесь, как и во всех других местах побережья, где я побывал, преобладают обрывистые склоны, сложенные зелеными

кварцитами с горизонтальными жилками кварца и кальция. Но включений металлических минералов здесь нет, и единственной интересной находкой была плесень пунцового цвета на стенках трещин в местах их соединений, оказавшаяся одноклеточным растением.

Теперь постоянно встречались следы птиц, а над нашими головами часто кружили стаи снежных, или антарктических, буревестников. Было известно, что они гнездятся в этих местах — Борхгревинк вывез отсюда несколько яиц, а в походе мы убедились, что все прибрежные пещеры населены буревестниками. В одной пещере я насчитал до ста птичьих трупиков, разбросанных среди множества каменных осколков. Птицы явно стали жертвами лавины, сошедшей в период гнездования. Другую пещеру Левик и Браунинг так и назвали — Бёрдснэст[77], а в нескольких пещерках поменьше валялись остатки яиц буревестника.

Одиннадцатого октября мы вышли из бухты Сирен, протащили сани до мыса Вудбар и здесь провели два дня. Большую часть времени я один обследовал берег бухты Прешер и собирал образцы горных пород со скальных выходов в заливе. Перемещаться по льду было очень трудно, я по колено увязал в рыхлом снегу и кончики лыж увидел один-единственный раз — когда поднял ноги, чтобы повернуть к дому. Желая сделать шаг вперед, я был вынужден поднимать не только ногу с шестифунтовой [2,7 кг] лыжей, но и фунтов десять [4,5 кг] налипшего на нее снега. К тому же в тот первый день я попал на скрытый снегом участок льда, залитый водой, выступившей около трещины, и лыжи вообще перестали идти. Это, конечно, спасло меня, но в результате на лыжи намерзло дюйма два [5,1 см] льда, от которого в это утро я так и не смог избавиться.

На следующий день тюлень Уэдделла, лежавший с момента нашего прибытия у кромки припая, произвел на свет детеныша. Мы радостно его приветствовали — это была первая бесспорная примета лета. И действительно, вскоре температура подскочила до нуля [–17,8 °C], и в последующем если и опускалась ниже, то лишь на несколько часов. Сезон весенних походов закончился, спальные мешки начали просыхать, отныне ночи были нам приятнее, чем дни. Это верный признак, отличающий весну от лета. Если партии, которая тащит сани на себе, больше нравится время, проводимое в упряжи, значит, весенняя или осенняя температура еще не отступила.



Перед вскрытием

Тринадцатого мы снялись с места, дошли до острова Фараон близ мыса Айлендс, но тут нас на три дня задержал ветер, мешавший производить съемку побережья и собирать образцы. И здесь было трое самок тюленей Уэдделла с детенышами, но они решительно не подпускали нас близко. Убедившись, что последние шторма прошли намного ближе к берегу, чем предыдущие, и поверхность льда в результате сильно улучшилась, мы решили попытаться пройти к мысу Пенелопе не в обход бухты, по твердому льду, а напрямик. Мы так и сделали, когда буря позволила закончить съемку местности, и 17-го уже стояли лагерем в пещере Эбби. В ней нашли запасы продуктов, сани и части двух освежеванных тюленей — охотничьи трофеи Левика. Они внесли приятное разнообразие в наш стол после двухнедельной пеммиканной диеты.

Восемнадцатого занимались съемкой южной части бухты Рилиф, 19-го забрали почти все продукты, на санях доставили к горе, находящейся на полпути между ледником Дагдейла и мысом Пенелопе, и оставили там. Они могли понадобиться впоследствии, при работах в глубине залива. На обратной дороге видели поморника, привлеченного, очевидно, останками тюленей. По-моему, он был крайне поражен тем, что его появление вызвало сенсацию.

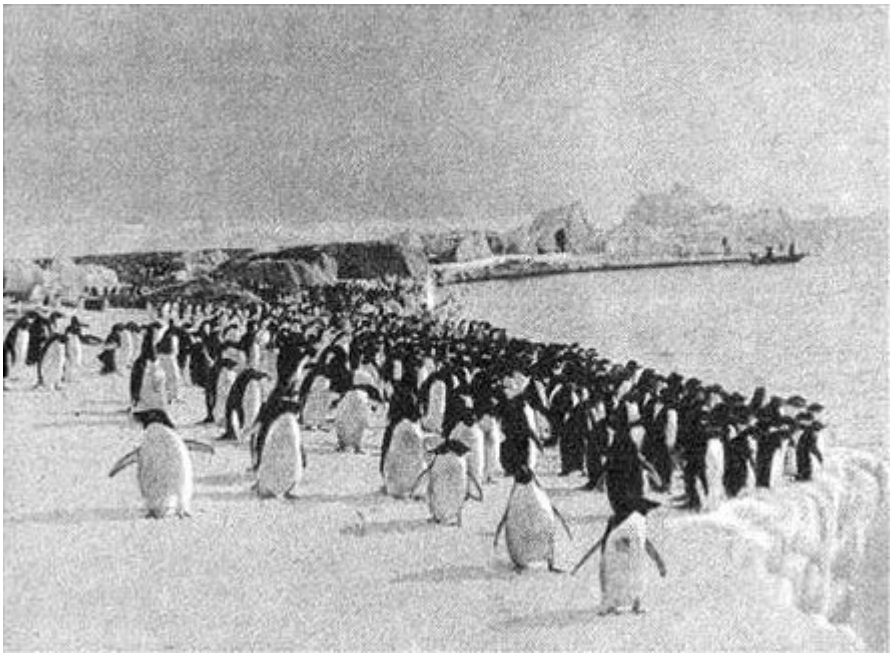
После того как мы избавились от основного груза и 12-футовых [3,66 м] саней, поход через залив к мысу Адэр был всего-

навсего увеселительной прогулкой, и, к удивлению Левика, партия появилась в дверях хижины точно к чаю. По пути мы насчитали не меньше двадцати тюленей, а ближе к берегу увидели, что морской лед буквально усеян следами мириадов пингвинов Адели. Веселый шум птичьего базара разносился далеко вокруг.

Левик и Браунинг возвратились неделю назад, и опять же, только они перешагнули порог дома, как поднялась метель, продлившаяся несколько дней. Но их это не волновало, слишком они были заняты вскрытием тюленя-крабоеда и набивкой чучела из шкуры императорского пингвина — оно стояло у моего изголовья, — а Левик, кроме того, еще и записями начатых им систематических наблюдений над повадками пингвинов Адели. Это, наверное, самая подробная работа такого рода.

Снова потребовался всего лишь один день, чтобы втянуться в привычный ритм жизни. Думаю, контраст между небольшими передышками в хижине и экскурсиями составлял главную прелесть нашей походной жизни в Антарктике весной и летом. Основным событием этих дней был нескончаемый поток пингвинов, которые непрерывно устремлялись с северной части мыса Адэр к птичьему базару, спеша обзавестись семьей и домом. За мысом их стаи несколько рассеивались, но все они двигались лицом к побережью и лишь очень немногие, переборов стадный инстинкт, отклонялись от своего пути, чтобы взглянуть на незнакомцев.

Припай был испещрен их следами, в проталинах истоптанный снег превратился в грязь. Абботт, придя с вершины мыса, сообщил, что колонна пингвинов растянулась не меньше, чем на три мили [4,8 км], и что они продолжают прибывать в таких же количествах. Сам птичий базар так и кипел, вовсю шла подготовка к брачной жизни. Самцы и самки, уже нашедшие своих избранников, суетились около гнезд и воровали строительный материал друг у друга. Птицы группировались небольшими колониями, насчитывавшими от десяти до нескольких сот особей и занимавшими все бугорки и выступы, даже мало заметные. Надо полагать, что при таком огромном количестве птиц, гнездящихся на склонах и скалах мыса Адэр, летом при оттепели на пляже очень сыро.



Променад пингвинов на мысе Адэр

В общем пингвины нам не мешали, не пытались строить гнезда слишком близко к дому, хотя время от времени группы лазутчиков перебирались через сугробы к подветренной стене дома и заглядывали в окна. Нас они обычно не трогали, но о нашем появлении рядом с гнездами возвещали громкими криками, долго несшимися нам вслед. Иногда находился смельчак, а может, просто индивидуум, страдающий несварением желудка или печеночной коликой, который при виде незваного гостя срывался со своего гнезда еще за много ярдов от пришельца, кидался прямо ему в ноги, цеплялся за них как можно выше и изо всех сил молотил по ним ластами.

Забавнее всего был их страх перед санями, в которых мы доставляли лед. Наверное, они принимали их за морского леопарда[78] или косатку. К человеку они относились, в зависимости от настроения, то со снисходительным безразличием, то с добродушным любопытством, то с оскорбительной бранчливостью или откровенной враждебностью, перед санями же отступали волнами, оставляя гнезда пустыми на двадцать — тридцать ярдов [18,3–27,5 м] с обеих сторон санной колеи.

Бросалось в глаза, что каждая прибывавшая стая испытывала огромную усталость. Большинство, найдя места для гнезд, немедленно падали и погружались в сон, сотни других засыпали еще раньше на подступах к припаю или у его кромки. Довольные

тем, что они достигли места назначения, они, видимо, мирились с тем, что им достанутся худшие места.

За несколько дней птичий базар заполнился, и тем не менее поток птиц, прибывающих с морского льда, не иссякал. На первых порах серьезных столкновений не было, но к концу октября самцов стало, по-видимому, намного больше, чем самок, и начали возникать драки, почти всегда из-за посягательств холостяков на чужих подруг. Мне запомнились две раненые птицы, на примере которых видны разные методы борьбы: молодой самец с окровавленным ластом и большим красным пятном на белых перьях груди, к которым он его прижимал, и самка с выклеванным глазом и большой раной на голове. Птицы, сидящие на яйцах в гнездах, сражаются клювами, те же, что не заняты насиживанием, пускают в ход ласты.

Поражало, что птицы ходили за строительным материалом, не смущаясь большими расстояниями. Я видел однажды, как пингвин приволок камень не меньше чем за 50 ярдов [46,8 м]. Положив его на землю, он отправился за следующим, и сосед, воспользовавшись этим, захватил один «кирпич», но уронил его, словно горячий уголь, и с невинным видом уставился на небо, когда законный владелец неожиданно вернулся. Одна супружеская чета попыталась обосноваться на куче камней, но частые лавины и потоки воды не давали ей покоя. Одно время они пытались сопротивляться жизненным невзгодам, но в конце концов перебрались «со всеми пенатами» на другое место.

Глава XII
Два коротких летних похода на санях

На ледник Сэр-Джордж-Ньюнс. — Ветры. — Восхождения в финеско не рекомендуются. — Посещение гнездовий на острове Дьюк-оф-Йорк. — Кладки яиц на мысе Адэр. — Птичник Кейзи. — Воздушные пираты. — Работа на острове Дьюк-оф-Йорк. — Поход на мыс Пенелопе. — Снежные буревестники. — Возвращение Кемпбелла на мыс Адэр. — Усыновление в семействе тюленей Уэдделла. — Окончание последнего санного похода

Нам хотелось максимально использовать время, пока можно было доверять льду в заливе, и Кемпбелл вскоре отправил еще одну группу на съемки местности. Двадцать восьмого октября Левик, Браунинг, Дикасон и я вышли с мыса Адэр в район ледника Сэр-Джордж-Ньюнс. На лед спустились без всяких происшествий и, без труда проделав по идеальной для железных полозьев ледяной поверхности двадцать две мили [35,2 км], вечером разбили лагерь под ледяной стеной глетчера. Морской лед вокруг палаток был усеян камушками диаметром до полудюйма, унесенными, наверное, с морен[79] ледника ветром. С какой же силой и постоянством он, очевидно, дул! К югу от лагеря ледник круто возносился вверх каскадом ледопадов, к западу утесы достигали высоты 3000–4000 футов [915–1220 м], в одном месте их разрывало узкое ущелье, по которому тек маленький ледничок, вливавшийся в главный около его фронта. Длинный гребень морены свидетельствовал о том, что когда-то ледник Ньюнса вдавался в залив Робертсон значительно глубже, то есть простирался дальше на север.

Работе у ледника сильно мешал ветер, но все-таки благодаря довольно теплой погоде путешествие с начала и до конца было приятным. Двадцать девятого Левик и я детально засняли все особенности рельефа ледника, в частности, сфотографировали очень красивое ущелье, пропаханное недавно большим дочерним ледником. Браунинг и Дикасон весь день лазили по осыпям и моренам и принесли большой кусок кварцита, содержавший, по их словам, золото. В камне оказалось очень много железного колчедана, но, по-моему, они до сих пор этому не верят и

считают, что я нарочно скрыл свой восторг.

В летнем санном походе

Ледниковый ручей

Назавтра сильный ветер с камнепадом заставил нас весь день пролежать в мешках, но 31-го мы разделились на две партии: Левик и Браунинг пошли осматривать птичий базар на острове Дьюк-оф-Йорк, а Дикасон и я попытались взойти на вершину гор, находившихся справа от лагеря. К сожалению, мы не запаслись другой обувью, кроме мягких меховых сапог, и потому восхождение не оставило о себе приятных воспоминаний. Первые полторы тысячи футов [458 м] мы шли по осыпям из острых камней, правда более или менее устойчивым, но все же оживавшим достаточно под нашими ногами, чтобы причинять боль сквозь тонкие финеско. Затем мы карабкались на скалистые хребты, которые возвышались над осыпями квадратными массивами зеленого кварцита, круто обрывающимися к юго-западу. Лезть было труднее, но не так больно. Кварцитовую башню венчали перед самой вершиной 700 футов [214 м] базальта, взбираться по нему было легко, но подошвы горели огнем. Именно они, а не поздний час, заставили нас с вершины в 3600 футов [1098 м] быстро повернуть вниз: худшее — спуск по живым осыпям — был еще впереди. Мы бегло осмотрели вершину, и пока Дикасон, усевшись под защитой валуна, раскуривал трубочку, я собрал довольно много образцов местных

пород. Увлекшись, я поскользнулся на гладком наклонном камне, упал и сильно стукнулся о край булыжника головой, которая была защищена только шарфом, повязанным в виде тюрбана. На несколько секунд я потерял сознание, но минутный отдых привел меня в чувство, а еще через три минуты, на спуске, боль в ногах вытеснила все другие неприятные ощущения.

В лагерь спустились к обеду, вскоре подоспели и Левик с Браунингом. Птичий базар на острове, сообщили они, приютил от одной до двух тысяч пингвинов, которые чище и спокойнее, чем пернатая популяция мыса Адэр. Можно подумать, что перенаселенность и скверные жилищные условия влияют на пингвинов не меньше, чем на людей. Возможно и другое толкование: островитяне превосходят своих собратьев, так как только сильные характеры могут найти в себе достаточно мужества, чтобы оторваться от традиционных гнездований.

Конечно, пингвины с мыса Адэр, особенно обитатели Птичника Кейзи — так мы прозвали перенаселенную колонию около кучи камней, — занимавшиеся все время драками или любовью, не шли ни в какое сравнение с моими старыми друзьями с мыса Ройдс.

Первого ноября мы свернули лагерь и пошли на ледник Уорнинг, где я хотел только поснимать и собрать образцы пород, но нас снова на два дня задержала буря. Рассчитывая на недельный переход, провизии взяли в обрез, и теперь мы вынуждены были обходиться без пеммикана. Но в таком кратковременном походе участники чаще всего не съедают свою норму сухарей, и они остаются на последние дни. Четвертого ветер спал достаточно для того, чтобы мы могли двинуться в путь, и железные полозья доставили партию на мыс за шесть часов. Неплохие темпы, если учесть, что мы везли 300–400 фунтов [136–181 кг] геологических образцов.

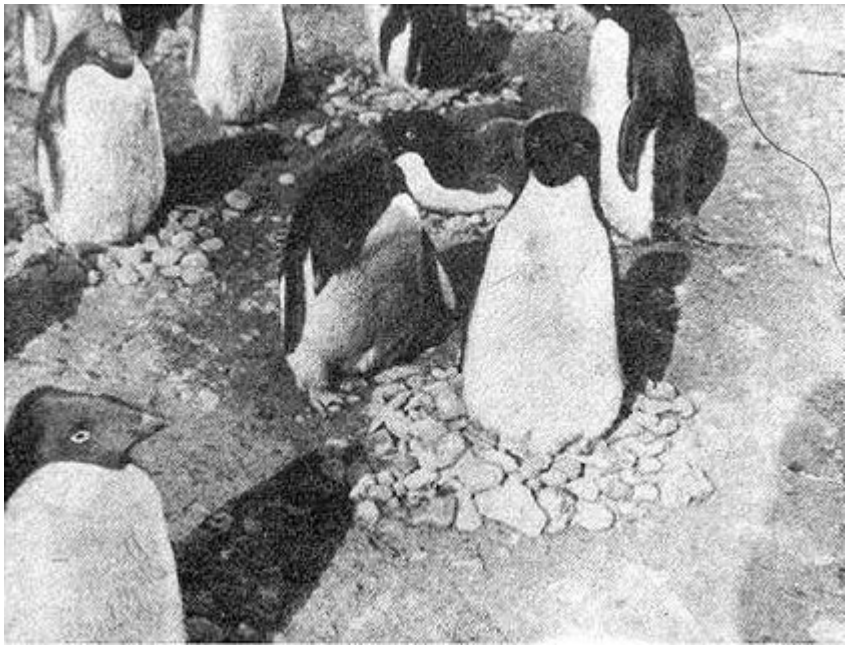
В хижине нас ждало приятное известие: пингвины уже отложили яйца, отныне они будут обязательной принадлежностью нашего стола. Кроме того, мы собрали несколько тысяч штук на тот случай, если за нами не придет судно. Яйцо пингвина по виду имеет сходство с утиным, но намного больше его, желток маленький, белок прозрачный, по вкусу напоминает индюшачье. Яйца внесли приятное разнообразие в наше питание. Птичник Кейзи, неизменно во всем запаздывавший, отложил яйца лишь в день нашего приезда. Во время ленча мы услышали странный шум и выскочили из дому. В одном углу Птичника царила невероятная свалка. Двадцать — тридцать птиц дрались не на жизнь, а на смерть, а в нескольких ярдах от колонии на земле валялось вызвавшее конфликт яйцо,

грязное, замерзшее, с трещиной посередине. С уверенностью, конечно, не скажешь, но мы решили, что супруг явился домой, выкатил яйцо из гнезда и принялся избивать жену. А в такой тесноте невозможно ударить одну птицу, не задев других, в результате возникла общая драка. Как ни странно, рядом с этими отщепенцами гнездятся лучшие птицы базара, колония довольно чистоплотных пингвинов, которые все время заняты тем, что строят себе огромные гнезда. Камни из них частенько воруют бродяги из Птичника Кейзи.

После появления яиц чрезвычайно оживились поморники. Они охотятся парами, одна птица выманивает пингвина из гнезда, а вторая немедленно пикирует на него сверху и выхватывает яйцо. Жаль, конечно, пингвина, но нельзя не восхищаться воздушными пиратами, в которых пристрастие к разбою сочетается с грацией и независимостью характера.

Седьмого ноября партия снова отправилась с берега в глубь залива, возглавлял ее на этот раз сам Кемпбелл, на зимовке же остался Левик, желавший продолжать наблюдения над пингвинами. Нашей целью был остров Дьюк-оф-Йорк, но по пути мы сделали крюк, чтобы забрать склад со склона горы у ледника Дагдейла. За один день добрались до острова, где, как обычно, разгуливал сильный южный ветер.

Пират Антарктики — поморник

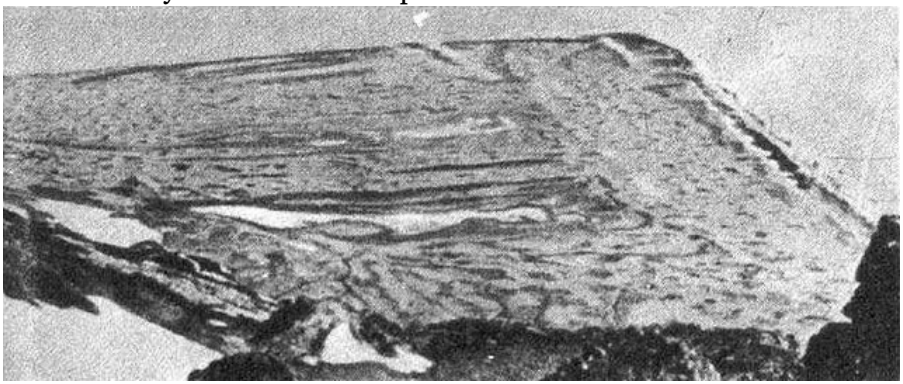


Пингвин в гнезде

Ветер дул с таким постоянством, что мы решили не обращать на него внимания — если только он не усилится — и в последующие дни совершали довольно продолжительные экскурсии. В нашу задачу входило закончить съемку этой части залива и исследовать обращенные к морю участки ледников Сэра-Джона-Мёррея и Дагдейла.

Девятого Абботт и я, взяв с собой завтрак, дошли до пещеры на мысе Пенелопе, а оттуда прошли к бухте Рилей, где я хотел сфотографировать айсберг, отколовшийся от большого ледника. В момент откола он погрузился глубоко в море, а вынырнув, вынес на своей поверхности слой морского льда толщиной 50–100 футов [15,3–30,5 м]. Прогулка была приятной, ее очень оживляло непрестанное щебетанье снежных буревестников, гнездившихся в прибрежных скалах. Их голоса напоминали мне то сверчка, то коростеля. Несколько пар этих птиц обосновались в бухте Кресчент на островке около лагеря, где построили гнезда в пещере, или между двумя глыбами кварцита, упавшими навстречу друг другу и образовавшими естественное укрытие. Будучи потревожены, буревестники отчаянно плюются, изрыгая желтую жидкость вида желчи с отвратительным запахом. Однажды Абботту удалось поймать снежного буревестника, и тот опрыскал руку своего врага и себя самого с таким усердием, что, когда его выпустили на волю, это был уже не снежный буревестник, а оранжевый.

С базового лагеря на острове Дьюк-оф-Йорк мы намеревались предпринять вылазки на высокие морены в месте слияния ледников Дагдейла и Мёррея, в сухую долину, некогда заполненную льдом, сходившим с последнего ледника, и на ледник Ньюнса. Надо было продублировать неудавшиеся снимки, сделанные в последнем походе. Для этого требовалось несколько часов хорошей погоды, приходилось ее ждать, и Кемпбелл, сделавший все намеченное для себя, решил вернуться на зимовку. Мы протащили сани девять с половиной миль [15,3 км], затем Кемпбелл забрал свой спальный мешок и теодолит и отправился домой. По дороге мы видели погибшего тюленёнка — поморник выклевал ему глаза и он замерз.



Птичий базар на мысе Адэр

У приливной трещины около острова Дьюк-оф-Йорк всегда находилось несколько тюленей с детенышами, и однажды нам посчастливилось стать свидетелями того, как тюлениха приняла в свою семью чужого малыша. Я и раньше слышал о таких случаях, но ни одного не наблюдал собственными глазами. По-видимому, у тюленей принято, чтобы детеныш, потерявший мать, прибивался к другой семье поблизости. Как мы смогли убедиться, она не возражает. Мы видели очень забавное зрелище — обучение приблудшего малыша плаванию. Старая тюлениха стояла в воде вертикально, ее голова и плечи возвышались над морем, голова была наклонена к туловищу под прямым углом. Гладкая кожа блестела, видит бог, она напоминала изображения крупных анаконд или водяных змей Амазонки. Походила она и на морского леопарда, разницу между ним и тюленем Уэдделла в воде способен уловить только специалист, а Борхгревинк, не относящийся к их числу, их перепутал. Старший детеныш уже погрузился в воду и теперь звуками и прикосновениями к голове малыша старался увлечь его за собой. На наших глазах он набрался храбрости и нырнул, но это, видимо, ему не понравилось. Мы долго не могли оторвать глаз от животных,

резвившихся у припая, — так грациозно они двигались в воде. На суше они напоминают огромных черных слизней, вызывающих сострадание своей неповоротливостью, но в воде словно преображаются и изяществом движений не уступают большинству других живых существ.

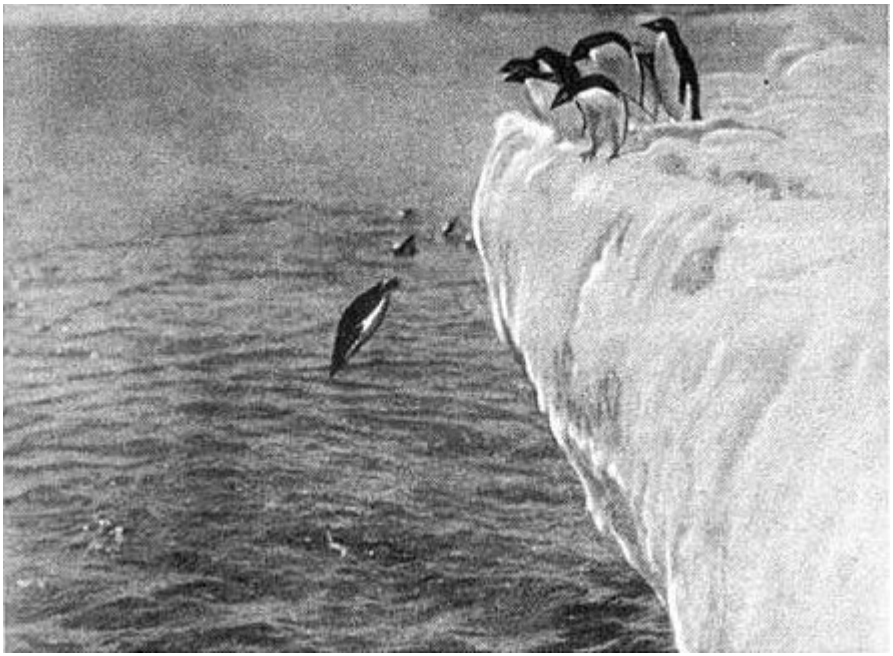
Шестнадцатого ветер почти утихомирился, и мы смогли пойти на ледник Ньюнса. Сделав там все, что намечали, 17-го уложили вещи и взяли курс на мыс Адэр. Так закончился санный сезон этого года.

Глава XIII
Идеальное антарктическое лето

Бои пингвинов. — «Хулиганы». — Забавное зрелище у кромки воды. — Смесь табака и чая «Кресчент-Бей». — Дни рождений. — «Ежегодник Адели». — Несчастье на птичьем базаре. — Затопленные и засыпанные пингвины. — Пингвиньи сборища на припае. — Первая косатка. — Насекомые. — Морские леопарды у кромки припая. — Пингвины предлагают нам дружбу и даже брачный союз. — Катастрофа уничтожает несколько колоний пингвинов. — Спасательные работы. — Подготовка к летним санным походам. — Наблюдательный пункт на мысе Адэр. — Прибытие судна. — Прощание с мысом.

Следующие шесть недель, пока мы ожидали прибытия «Терра-Новы», стояла прекрасная погода — день за днем ярко светило солнце, ветра почти не было. Пингвины неизменно служили нам источником развлечений, поэтому вторая половина ноября и весь декабрь составляют самый приятный период нашего пребывания в Антарктике.

Между пингвинами, как обычно, происходили яростные бои, сказывавшиеся самым пагубным образом на состоянии насиживаемых яиц. Нередко можно было увидеть, как яйца по 15–20 минут катаются около родных гнезд, а самцы, на чьем попечении их оставили ушедшие подкормиться самки, яростно дерутся. На птичьем базаре в то время обращало на себя внимание огромное число бездомных птиц, изуродованных так или иначе, иногда с одним глазом, но не терявших боевого задора — настоящие «хулиганы». Но вот что странно — по сравнению с шумом на острове Дьюк-оф-Йорк на нашем мысу было просто тихо. Словно у пингвинов сильная индивидуальность непременно связана с сильными легкими.



Прыжок с высоты

Девятнадцатого ноября, заметив, что к северу от нас лед во многих местах разошелся, мы с Левиком дошли до края припая, чтобы сфотографировать полынью. Там перед нашими глазами разыгралась любопытнейшая комедия. С мыса Адэр к полынье приближались сорок или пятьдесят пингвинов. Ярдов сто [92 м] они шли торопливо, с деловитым видом, затем останавливались и начинали сплетничать, пока самый энергичный не устремлялся вперед, увлекая за собою остальных. Но самое смешное началось, когда они достигли края припая. Каждому хотелось, чтобы в воду первым вошел его сосед. Точно так же ведут себя иногда компании мальчишек, решивших искупаться в холодный осенний день. То один задира, то другой начинал подталкивать своих соседей, но шутливо, безобидно, — не сравнить с расправами, чинимыми над соперниками в брачный сезон. Целью усилий, по-видимому, было столкнуть противника в воду, и одному особенно шустрому забияке удалось-таки загнать своего товарища на край льда, а затем и в море. Но мы и ойкнуть не успели, как он выскочил на лед в нескольких ярдах от места погружения и быстро заковылял обратно к стае, улыбаясь, если только пингвин может улыбаться, во всю свою физиономию. Он с такой скоростью проплыл это расстояние и так быстро появился на льду, что я никак не признал бы в нем того самого пингвина, если бы не своеобразное пятно гуано на груди и шее.

Наконец всеми овладел порыв решительности, и они дружно

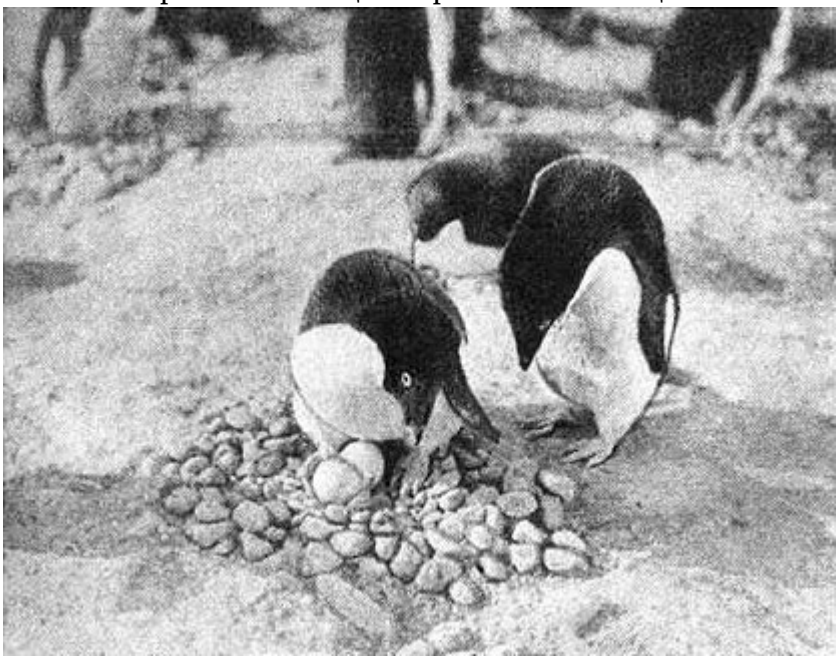
кинулись на довольно ненадежный выступ льда, который под их тяжестью тут же прогнулся. Тут я смеялся до колик в животе: почувствовав под ногами колебания льда, пингвины в панике повернули обратно и кинулись к берегу, кудахча и ругаясь, толкая и опрокидывая друг друга в стремлении достигнуть твердого припая, прежде чем льдина под ногами разломается окончательно. Трудно понять мотивы их поведения. Скорее всего после длительного пребывания на берегу требуется определенное мужество, чтобы нырнуть в воду. Выйдя на твердый лед, птицы некоторое время стояли, оживленно переговариваясь. Затем один пингвин собрался с силами, всем своим видом как бы говоря: «Ну я пошел», одним движением прыгнул в полынью, а уже за ним поскакали в воду и все, за исключением шести. Они следовали один за другим с такой быстротой, что звук, производимый падением их тел в воду, напоминал громкое бульканье воды, текущей из бутылки с узким горлышком.

С этого времени и до конца месяца, то есть пока мы ожидали судно, научной работы не хватало на троих. Объем наблюдений сократился, и я с успехом справлялся один. Взамен появилось много иных занятий, главными из которых были стрельба в доморощенном тире и изыскание новых видов курева. Не будучи курильщиком, я мог бы и не упоминать об этой проблеме, но ее трудно обойти вниманием. Первоначально потребности участников партии в табаке были обеспечены не хуже иных: на берег выгрузили большой запас табачных листьев, табака трубочного и резаного. Последний, однако, недавно кончился, и некоторые из наших курильщиков, не выносившие флотского табака в чистом виде, разбавляли его разными примесями. У каждого была своя излюбленная смесь.

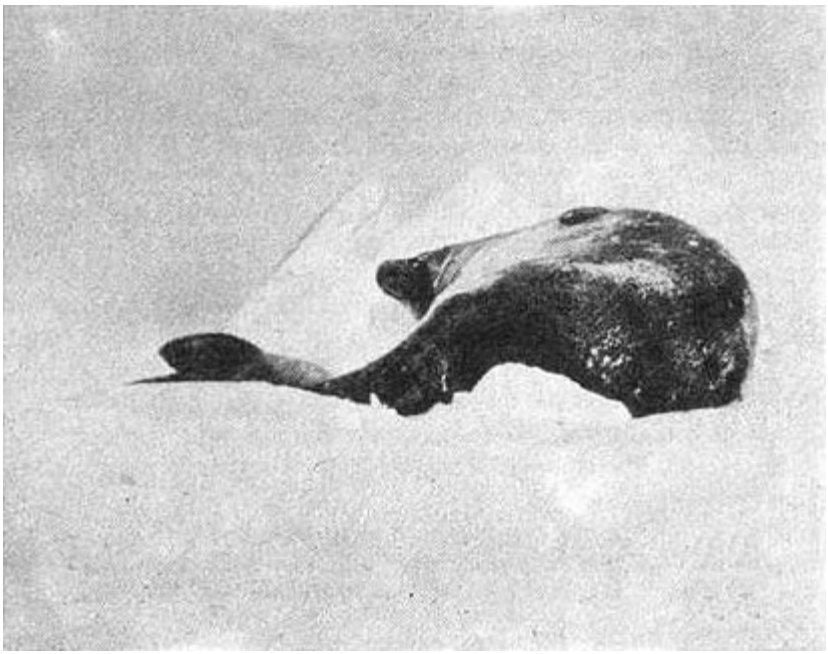
Мне лучше всего запомнилась смесь под названием «Кресчент-Бей», изобретенная Абботтом и Дикасоном на острове Дьюк-оф-Йорк, когда у них вышел весь табак. Она состояла, если не ошибаюсь, из одной доли флотского табака и двух долей чайных листьев и считалась среди курильщиков вполне достойным заменителем[80]. Как беспристрастный наблюдатель не могу не отметить, что пахла она безусловно на порядок лучше, чем чистый флотский табак в старой трубке Дикасона, закопченном, видавшем виды ветеране, привезенном, возможно, еще сэром Уолтером Рейли с первой партией табака.

Двадцать пятого ноября был день рождения Дикасона, отпраздновали его по обыкновению торжественным обедом и рюмочкой вина за здоровье именинника. В тот же день Браунинг сообщил мне, что он родился двадцать седьмого января. Обе даты представляют большой интерес, потому что в следующем году

дни рождения всех шести участников партии пали на период от марта до сентября. С тех пор я все думаю, не обратить ли внимание астрологического общества на странное расхождение, или же это скорее компетенция корабельного священника.



Супруги



Тюлень Уэдделла с детенышем

Теперь, когда у нас стало больше свободного времени, можно было думать и об издании журнала или газеты по примеру предыдущих экспедиций. Потенциальные авторы собрались на совещание, все обещали посильное участие, я был назначен главным редактором — так появился на свет «Ежегодник Адели». Мы не претендовали на высокий литературный уровень, но помещаемые материалы носили в основном актуальный характер, были нам интересны, и издание всех забавляло. В поэме за подписью «Блюбелл», посвященной нашей хижине, разбирались ее достоинства и недостатки.

Сдается

Недавние жильцы, покинув этот дом,
Спешат вам сообщить — сдается он внаем.
Безмерна их печаль — такой оставить рай,
Но срочные дела велят сказать «прощай».
И вот сей особняк плюс на окрестность вид
Оставлены тому, кто хапнуть их решит.
И уверяю вас, коль вы и есть герой,
Что маклеров зудеть вокруг не будет рой.
Не надо здесь платить квартплату и налог
И ждать суровых мер за неуплату в срок,
Здесь не потащат в суд — похоже, что сюда
Еще не добралась истцов-писцов орда.
Короче, даже принц тут зажил бы в охотку,
Вот так-то! как бы вам не упустить находку!
Дом явно удался! Хотя, конечно, в нем,
Чуть ветер посильней, и сразу все вверх дном.
Мы сами строили… Теперь секрет другой:
Все доски — в трещинах и гвозди все — дугой.
Последнее, клянусь, хитрейшая уловка
(Прямой — сгибается, кривой же входит ловко).
Итак, все это — вам! Скорей пускайтесь в путь,
Боюсь, еще сезон ему не протянуть.

В другой поэме, принадлежащей перу того же автора, говорилось о науке с точки зрения исследователя.

Чуть ветер стих, мы приняли решенье
Магнитные проделать измеренья.
Мороз был крут, ни охнуть, ни вздохнуть,

Но согревал нас тонкой стрелки путь.
Да и потом, когда прибор к восходу
Повернут, кто там смотрит на погоду?
Итак, работа шла, и что за прыть —
Мы пробовали даже пошутить
И, снег вокруг треноги обминая,
Кричали стрелке: «Ну, живей, родная!»
Но вот на запад обращен прибор,
И тут она пошла во весь опор
Скакать… О, Боги! Да в таком аллюре
Как не узнать самой магнитной бури?!
А вот в чем дело было: подзастыв,
Один из нас все топал и штатив
Лягал — ведь это в школе, по программе,
Зубришь: тренога — стул с тремя ногами,
У нашей-то, казалось, хватит их
На три сороконожки небольших.
В конце концов надежную опору
Вернув многострадальному прибору,
Виновнику же высказав сполна,
На стрелку вновь мы глянули. Она
Качаться принялась и к нам склоняла
По очереди оба острых жала,
Мы отмечали сумму двух углов
И среднее — вот вам и весь улов!
Уже давно закоченели пальцы,
Носы же, эти главные страдальцы,
Белели так, что боязно смотреть,
А ведь еще по меньшей мере треть
Нам оставалась. Да, мы не забыли
О — черт ее дери! — магнитной силе —
Я думаю, поймет меня знаток,
(Ведь обе стрелки смотрят на восток).
Но вот разобрались мы с полюсами
И, ледяными жертвуя носами,
Продолжили термометру назло
Вносить в таблицу за числом число.
И наконец момент настал великий,
И воздух огласили наши крики,
Все позади! А нам пора вперед —
Внушительный обед нас дома ждет!

Пингвины принимают на припае солнечные ванны

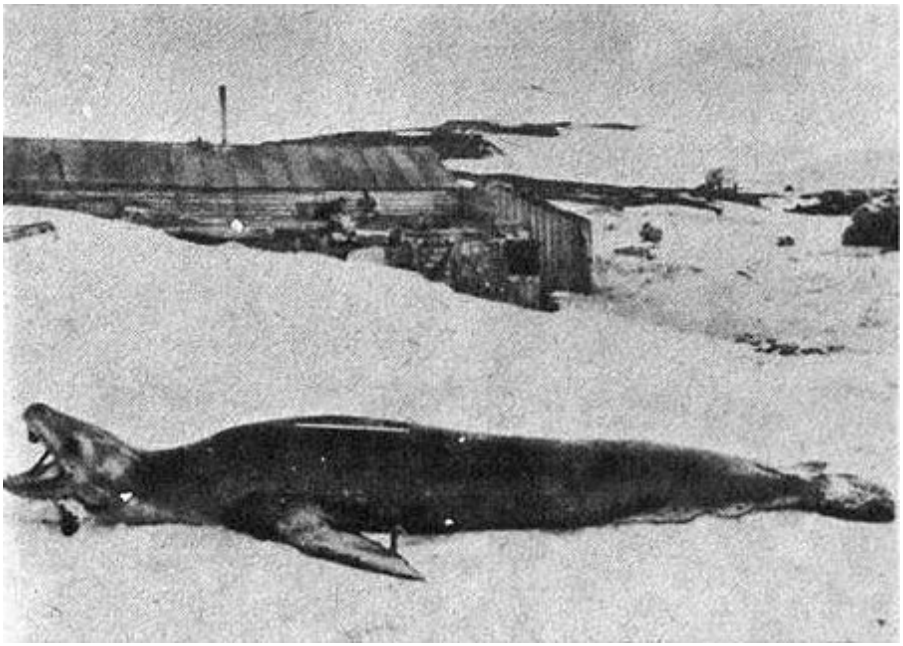
Зимой снег причинял мало беспокойства, разве что в начале буранов, теперь же, хотя штормило реже, снегопады стали более обильными и обернулись настоящим бедствием для птичьих базаров. Несколько дней ветра со снегом причинили гнездовьям страшный урон. Гнезда в низинах часто полностью скрывались под водой, и кое-где родители по грудь в воде упорно насиживали холодные, конечно, как камень, яйца. Встречались и покинутые пингвинами гнезда, где яйца плавали в воде, если поморники не успевали еще их похитить, разбить на каменной осыпи рядом и съесть. В подветренных местах плотные надувы, оледенев, на несколько дней отгораживали пингвиньи пары непроницаемым панцирем от внешнего мира. Мы не раз видели пингвинов, которые сидели в занесенных снегом гнездах за таким ледяным заслоном и взирали на мир сквозь узкое отверстие точно на уровне головы. Одну самку, оставшуюся за пределами надува, по другую его сторону ожидал супруг, и она энергично возмущалась тем, что никак не может попасть к себе в дом. Когда я разрушил сугроб, разгневанная жена при виде мужа решила, что он прятался нарочно, схватила его за голову, потрясла и задала ему клювом безжалостную выволочку. Пришлось вмешаться и лыжной палкой отогнать скандалистку. Но как только я освободил папу из ледяного плена, они моментально поладили между собой, и было очень забавно наблюдать, как он уговаривал ее занять свое место в гнезде, чтобы он мог пойти на промысел.

Яйца уже были отложены, пингвины теперь питались довольно регулярно, и огромные скопления пингвинов — в несколько тысяч голов — на морском льду к западу от залива, откуда они отправлялись в походы за рыбой, стали привычным зрелищем. Появлялись, конечно, и меньшие стаи, было немало даже индивидуалистов, предпочитавших рыбачить в одиночестве, но чаще всего все-таки мы наблюдали настоящие столпотворения.

Гнездовья теперь совсем не походили на оживленный птичий базар в период спаривания. Издали виднелись только черные спины образцовых родителей, насиживающих яйца (хотя в каждой колонии было несколько исключений), которые поворачивались белыми жилетами навстречу непрошеным посетителям, едва те вступали на их территорию.

То тут, то там по колонии шагал пингвин, направлявшийся на рыбалку или уже возвращавшийся домой. Это можно было определить безошибочно по виду его оперения — белая после купания грудка быстро меняла свой цвет из-за грязи в гнездовье. Иногда на прогулках к западу от залива встречались отряды пингвинов в двадцать или тридцать экземпляров, направлявшиеся к острову Дьюк-оф-Йорк. Как же у них должно быть развито чувство долга и ответственности перед семьей, если они покидают богатые рыбные угодья на мысе Адэр и ковыляют восемнадцать миль [29 км] до дома!

Тридцатого ноября Левик заметил первую в этом сезоне косатку. Она подошла очень близко к берегу, где собрались толпы пингвинов, которые не обращали на нее ни малейшего внимания. Это утвердило меня в первоначальном впечатлении, что пингвинам косатка в воде не страшна. Иначе хищницы вместо того, чтобы колесить по морю в поисках отбившихся от стада тюленей, поджидали бы пингвинов поблизости от птичьего базара, пока не истребили бы их всех через несколько лет.



Морской леопард

Второе декабря стало знаменательной датой в зоологических изысканиях партии: в этот день, собирая образцы на склонах мыса Адэр, я впервые обнаружил огромное количество маленьких красных насекомых, обитающих среди мхов или на нижней стороне камушков. К вечеру того же дня Кемпбелл застрелил двух морских леопардов, и с помощью «Великой западной» мы пришвартовали льдину с тушами к берегу и освежевали их. Всего за лето мы убили девять таких животных. Наблюдая во время прогулок по краю припая, как эти существа свирепого вида высовывают из воды голову и плечи, высматривая на припае зазевавшихся пингвинов, или же прячутся у его подножия, мы поняли в поведении пингвинов многое из того, что прежде казалось необъяснимым. Почему, например, пингвины не любят первыми входить в воду, а оставшиеся на берегу вытягивают изо всех сил шею, стараясь узнать судьбу смельчака. Мы располагали убедительными доказательствами того, что леопарды ежегодно уничтожают сотни пингвинов. На двух или трех птицах зубы леопарда оставили неизгладимый след, одной он содрал всю кожу с грудины. Несколько раз мы видели, как леопард охотится на пингвина, описывая вокруг него круги в воде, или, выпрыгивая из воды, играет с ним, как кошка с мышкой. В желудке у убитого морского леопарда мы нашли останки по крайней мере двенадцати пингвинов Адели.

В тот же вечер после чая я пошел на берег и часок-другой

полежал на теплом базальтовом пляже, головой на округлой скале, греясь на солнце и наблюдая, как пак непрестанно движется на восток и огибает выступ мыса, где его подхватывала приливная волна и отбрасывала на запад. Это был один из тех дней, о которых впоследствии всегда вспоминают с удовольствием и грустью те, кому посчастливилось побывать в Антарктике.

Было совершенно тихо, ярко светило солнце, воздух, бархатисто-мягкий, в то же время пьянил как вино. Спокойное море без единой морщины, непрерывный ход осколков льда и маленьких льдин неправильной формы, с неровной поверхностью успокаивали равно и взор, и мысли. Невдалеке возвышалось несколько величественных айсбергов различных очертаний, начиная от типичных для Антарктики столовых и кончая жертвами процесса выветривания с фантастическими фигурами на них. Позади просматривались с одной стороны обрывистый утес мыса Адэр, с другой — округлые снежные вершины материка, которые теперь, когда мы твердо знали, что нам не суждено на них подняться, влекли к себе еще больше, чем прежде.

Выход пингвинов на пляж Ридли

Но, конечно, в этот и другие летние дни особое очарование пейзажу придавала прекрасная погода. Представьте себе тот же самый вид почти с теми же деталями (за исключением только бурного сердитого моря), но добавьте завывающий шторм, нагоняющий тучи снега, — и вот перед вами картина

величайшего уныния и зимнего запустения.

Необычайно сильные теперь приливы и отливы достигали приблизительно пяти футов [1,53 м], и в местах с низким при отливе стоянием воды за мористым краем припая обнажался сравнительно твердый пляж. Возвращаясь в отлив с рыбной ловли, пингвины не могли вскарабкаться на лед и выжидали, пока он снова не станет доступен. Пока я любовался ледоходом, уровень воды постепенно повысился настолько, что птицы могли взобраться на припай. Они прибывали уже непрерывным потоком, и любопытство заставило меня подняться со своего места и пойти посмотреть на них. Прямо подо мной, в трех футах от воды [92 см], нависла небольшая полочка около двух футов [62 см] длиной, в полфута [15 см] шириной, единственное на протяжении четверти мили [403 м] доступное для птиц место подъема. Пингвины, приблизившись группами по десять — двадцать особей, один за другим выпрыгивали из воды, пытаясь приземлиться на полку. Результаты получались самые разные, сценка была комичной донельзя. Примерно половина прыгавших попадала на полочку, но из них около половины делали слишком сильный прыжок, а потому ударялись о стенку сзади и, издав негромкий возглас удивления, падали обратно в море. Другие и вовсе не достигали полки и после отчаянных усилий также оказывались в воде. Чаще всего падавший вниз сталкивался с тем, что взлетал вверх, и за этим следовало прямо-таки вулканическое извержение ругательств. Один из пяти вскакивал точно на полку, но из их числа девять из десяти при виде меня очертя голову бросались в мелкобитый лед, обрамлявший окно чистой воды, из которого они прыгали. Только немногие храбрецы бестрепетно проходили мимо меня, и я приветствовал их салютом. Пока я стоял около полки, из пятисот или шестисот вспрыгнувших на нее добились победы и прошествовали дальше только тридцать или сорок птиц. Одновременно пингвины пытались вскочить на припай справа и слева от меня, одни касались кромки льда клювами, другие — грудью или даже ногами, но только четверо смогли допрыгнуть из воды, имевшей глубину двух футов [61 см] или даже меньше, на припай высотою четыре-пять футов [1,22–1,53 м]. Некоторые, падая обратно в море, с громким шумом шлепались плашмя на поверхность, но в основном, к моему удивлению, пингвины к моменту соприкосновения с водой исхитрялись принять с помощью ласт и хвоста удобную позу для ныряния.

Вот в такие часы досуга, как только что описанные, можно было заметить, как сильно изменилось отношение пингвинов к человеку. В первое время после прибытия пингвины проявляли к

нам в лучшем случае терпимость, но к концу декабря многие бездомные холостяки, поселившиеся большими колониями в западной части полуострова, делали нам решительные предложения дружбы, а некоторые даже были склонны завязать более близкие отношения. При появлении на побережье самцы и самки держатся отдельно, и самки сразу же выбирают места для гнезд. Самцы же расхаживают вокруг, красуясь и позируя, пока не облюбуют себе подругу. Сделавший выбор пингвин находит камень подходящего размера и кладет к ногам своей избранницы. В знак согласия она передвигает камень в дальнюю часть гнезда, и самец отправляется за следующим. Если же кавалер самке не по душе, она дает ему это понять с помощью клюва и ласт, и отвергнутый идет искать счастья в другом месте.

После катастрофы на птичьем базаре

В конце пребывания на мысе Адэр случалось, что пернатый холостяк робко и осторожно пощипывал сбоку штаны одного из нас. Если же намеки оставались безответными, он уходил и возвращался уже с камнем, который клал перед нами, а если мы и на него не обращали внимания, приносил еще один. Это было

недвусмысленное предложение о вступлении в брак — уж куда яснее! — и, не помешай мы этому, вокруг нас выросли бы гнезда.

Одиннадцатого декабря несколько колоний птиц постигло несчастье. Снежный козырек на время задержал сток воды с утеса над колонией, позади него образовалась запруда, вода пропитала снег, и в конце концов он вместе с большим куском скалы рухнул на пляж. Сотни гнезд были уничтожены, погибла масса птиц, исчезли — словно и не бывало их — целые колонии.

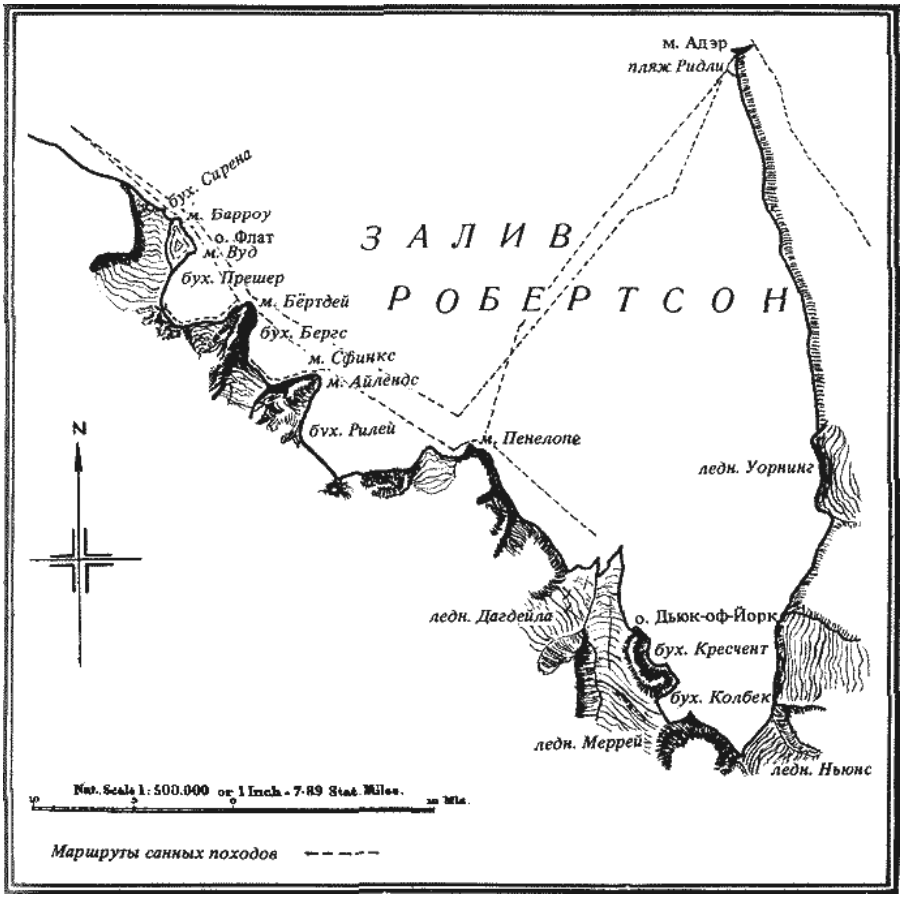
Сначала мне показалось, что убитых меньше, чем раненых, но через минуту я заметил торчащие из снега со всех сторон головы, ласты, обрывки кожи и мяса, даже голые кости. Большинство искалеченных было мертво, но некоторые проявляли признаки жизни. Из пяти птиц, которых я раскопал и спас, две были скрыты под футовым [30,5 см] слоем снега, и я обнаружил их совершенно случайно, спасая соседей.

Из этой пятерки двое совсем не пострадали и поблагодарили своего спасителя тем, что, вцепившись мне в ноги, изо всех сил лупцевали по ним ластами, считая, видимо, меня виновником катастрофы. У двух других я не заметил внешних повреждений, но им парализовало нижние конечности, у пятого ноги были сломаны, а один ласт беспомощно болтался. Этих трех птиц я прикончил ледорубом, затем принялся за раненых, и из ста пострадавших добил всех безнадежно раненых.

Наша хижина на мысе Адэр

Лагерь на вершине мыса Адэр

Травмы были ужасные. По крайней мере двенадцати птицам раздробило или вовсе оторвало ноги — таких я добил без малейших колебаний, как и трех парализованных. Некоторым птицам снесло переднюю часть тела — уж для них во всяком случае смерть от моей руки явилась актом милосердия. Прикончив экземпляров двадцать с самыми тяжелыми ранениями — некоторых надо было не только убить, но и поймать, — я почувствовал, что больше не могу заниматься этим грязным делом. Дома сообщил Кемпбеллу о случившемся. Он немедленно отрядил всех на поле брани, они расправились с недобитыми птицами и отнесли на камбуз тех, на которых еще оставались хотя бы клочки мяса.



Залив Робертсон, место нашей работы в первый год. Исходный масштаб — 1:500 000, или 1 дюйм ~ 78,9 сухопутных мили

В конце декабря работы прибавилось: надо было готовиться к путешествию. Во второй половине лета должна была прийти «Терра-Нова» и доставить нас к исходному пункту похода. Но и эти работы не заполняли все время, и после Рождества Кемпбелл решил установить постоянный наблюдательный пост на высоте тысячи футов [305 м] над уровнем моря. Подняли наверх палатку, немного продуктов, и с тех пор вплоть до прибытия судна там постоянно дежурили двое. В первое же наше двухдневное дежурство Дикасон и я, воспользовавшись прекрасной погодой, прошли по мысу десять миль [16,1 км] на юг и установили, что его наивысшая точка достигает 4500 футов [1373 м] над уровнем моря.

Скульптуры, изваянные морозом и ветром

Устраиваем склад

Главной целью прогулки было исследовать подходы к леднику Уорнинг. Сможем ли мы предпринимать санные экскурсии вдоль мыса, если судно не придет? Я пришел к выводу, что далеко здесь не уйти.

Третьего января наблюдатели с вершины заметили судно и подали сигнал. Вскоре «Терра-Нова» обогнула мыс и стала видна и нам, на берегу. Судно не смогло приблизиться из-за паковых льдов и было вынуждено на несколько часов отдалиться от берега, но успело спустить на воду лодку с Дрэйком, Денистоуном и двумя матросами.

Гости, которым пришлось у нас заночевать, утешились наблюдениями над невиданными ими прежде пингвинами. На следующий день лед разошелся, и корабль смог подойти ближе. К этому времени грузы лежали наготове на припае и за несколько часов были переправлены на борт. Уже вечером четвертого января, прежде чем спуститься вниз прочитать почту, мы все, перегнувшись через поручни, прощались с местом, приютившим нас на десять месяцев. И снова испытывали чувство облегчения с

примесью грусти, как десять месяцев назад, когда с берега посылали последние пожелания «Терра-Нове».

Глава XIV
Летние санные походы

Высадка близ Убежища Эванс. — Ледник Кемпбелла. — Разведка ледника Бумеранг. — Трещины. — Лагерь «Снежная Слепота». — Отсутствие партии Левика. — Ископаемый древесный уголь. — Ледник Пристли. — Воссоединение партий. — Злоключения Левика среди трещин. — Остров Веджетейшен. — Возвращение к складу «Врата Ада»

После приятного и спокойного каботажного плавания, во время которого мы читали и перечитывали письма и сообщения из большого мира, «Терра-Нова» достигла маленьких бухт, носящих название «Убежище Эванс». Бухточки находятся на обращенном к морю берегу островка, расположенного напротив горы Нансен. Они были открыты «Нимродом» во время поисков партии, пошедшей к Южному магнитному полюсу, и названы Шеклтоном в честь капитана судна.

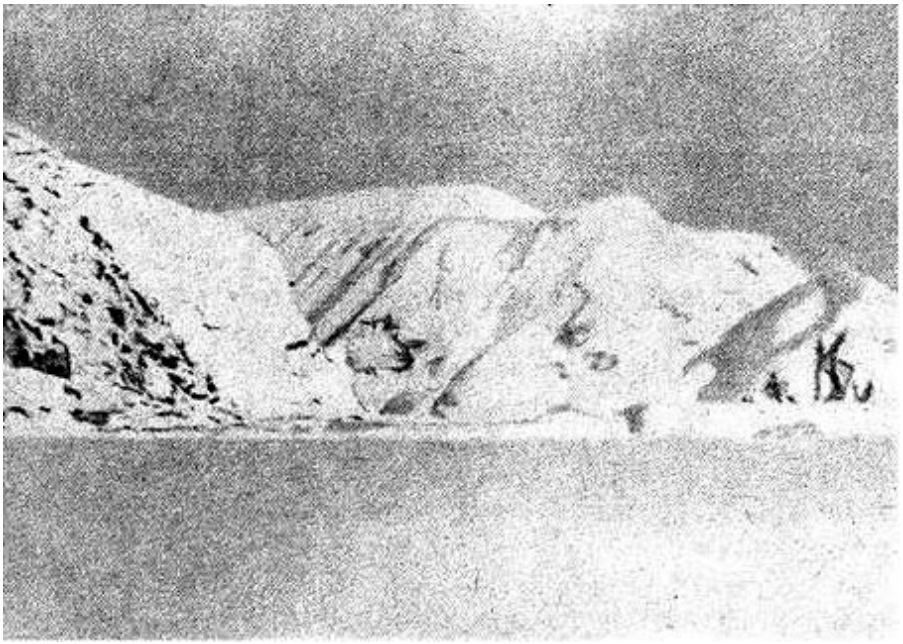
Вечером 8 января 1912 года «Терра-Нова» бросила якорь у кромки припая, все еще покрывавшего эту часть залива Терра-Нова, и Северная партия с помощью судовой команды перенесла продукты и снаряжение через полумильную полосу [805 м] льда на берег. Все ненужное для санного путешествия запрятали в камнях морены. Склад этот впоследствии был назван «Врата Ада». Попрощались с Пеннеллом, который руководил вспомогательной партией, и несколько минут спустя «Терра-Нова» взяла курс на юг, мы же снова остались, предоставленные самим себе.

Кемпбелл договорился с Пеннеллом, что «Терра-Нова» придет за партией после 18 февраля, чем скорее, тем лучше, а если до 15 марта судна не будет, значит, нам придется провести здесь еще одну зиму. Соответственно мы взяли на шесть недель походных продуктов, уже упакованных и уложенных на сани, и заложили в склад на морене двухнедельный запас пеммикана на шесть человек, 56 фунтов [25,4 кг] сахара, 24 фунта [10,9 кг] какао, 36 фунтов [16,3 кг] шоколада и пять ящиков с сухарями по 42 фунта [19,1 кг] в каждом. Эти продукты могли послужить основой питания в течение четырех недель, то есть в том маловероятном случае, если бы «Терра-Нова» не зашла за нами до возвращения в Новую Зеландию, нам следовало рассчитывать только на мясо тюленей и пингвинов, которых мы забили бы до наступления зимы.

К счастью, мы выгрузили весь наш скудный запас одежды и несколько кусков оленьих и собачьих шкур, которые нам дали для починки спальных мешков и рукавиц. Бамбуковые палки для обозначения складов, мачта и настил для саней, немного мясного экстракта фирмы «Оксо» и все необходимое для шестинедельного санного путешествия довершали наше снаряжение. Конечно, с таким скудным снаряжением не перезимуешь, рассчитывать же только на ресурсы этого негостеприимного края не приходится, но мы ведь и не собирались здесь зимовать: санные походы подходят к концу, к чему же лишние вещи? Возможность того, что мы будем отрезаны, казалась настолько маловероятной, что Кемпбелл не считал себя вправе посягать на запасы, отложенные для основной партии.

В свете последующих событий высадка на берег без достаточного снаряжения на случай зимовки представляется крайне легкомысленным поступком. Но в тот момент каждый из нас готов был поклясться, что если есть на берегу место, доступное в феврале для судна, так это именно то, где мы высадились.

Язык ледника Дригальского, выступавший на тридцать миль [48,3 км] в южном направлении от нас, препятствовал движению льда дальше на юг, задерживал его на подветренной стороне, откуда он уплывал на север, от суши. Капитан Эванс, проходивший здесь на «Нимроде» несколькими годами раньше, нашел довольно чистое море примерно в то время, когда мы ожидали «Терра-Нову». В обычный год задолго до 18 февраля штормы относят на север морской лед, кроме припая в многочисленных бухточках моря Росса, который никак не может помешать движению большого судна. В следующем году — точнее, в январе 1913 года — мы довольно легко проникли к нашим складам на этом же месте, и, повторяю, я уверен, что в нормальные годы Убежище Эванс легко доступно. Но в 1912 году лето пришло с большим опозданием, льды все время затирали судно и оно не смогло прийти за нами. Исследование Антарктики неизбежно сопряжено с известным риском, и хотя не следует повторять наш опыт, все же наши действия вполне оправданы. Сейчас, когда я пишу эти строки, все шесть человек, прошедшие через ужасную зиму, о которой пойдет речь ниже, живы и здоровы, и, насколько можно судить со стороны, перенесенные трудности большинству из них не повредили.



Антарктический пейзаж

Первое падение Браунинга в трещину

Рано утром 9 января мы тщательно укрыли и обозначили

склад и оставили записку Дебенхэму, который, по первоначальному плану капитана Скотта, должен был высадиться здесь в течение ближайших недель для подробной съемки района горы Нансен. Затем мы стартовали и направились в бухту Вуд через западный отрог горы Мельбурн. С самого начала путешествия стало ясно, что санные маршруты здесь совсем иные, чем на мысе Адэр, — во много раз интереснее и приятнее. Для человека опытного летние санные экскурсии не составляют особых трудностей, а если он весной этого же года еще потренировался в нескольких вылазках на санях, то подобное предприятие в летних условиях явится для него истинным удовольствием.

Всем надоело безделье в конце пребывания на мысе Адэр, и теперь мы надеялись, что если даже не пройдем к бухте Вуд, то впереди нас ждут шесть недель напряженной и интересной деятельности. Мы не ошиблись в своих ожиданиях, и это оказалось большой удачей для нас, так как мы вступили в зимний сезон спустя совсем немного времени с чувством удовлетворения от проделанной работы. Знай мы, как годом раньше на мысе Адэр, что потерпели неудачу — пусть не по своей вине, — вряд ли бы нам удалось сохранить тот заряд бодрости, который больше всего помог нам перенести семь месяцев мук и лишений.

С палубы судна мы видели большой ледник, который спускался со склона горы Мельбурн и тек между нею и горной цепью, обрамлявшей плато. Кемпбелл решил попытаться пройти через ледник, прежде чем искать другие проходы, ведущие к плато или к бухте Вуд. Открыл ледник в свое время профессор Дейвид, он же дал ему имя Кемпбелла. Ледник огибает гору Мельбурн рядами обильных ледопадов, резко поворачивает на юг и, в конце концов сливаясь в низовьях с несколькими другими параллельными потоками льда, образует тот самый ледник, в морене которого, у берега моря, мы заложили склад. Таким образом, мы начали поход с низовий ледника и первые дни шли без особых происшествий. Сперва продвижению вперед мешал сильный снегопад, покрывший ледник слоем снега толщиною от 15 дюймов до 2 футов [от 38–61 см] и даже заставивший нас задержаться на день. Тринадцатого января слева от нашего маршрута мы открыли ледник, который был притоком ледника Кемпбелла и также мог вести на плато. Все же решили попробовать сначала пройти по основному руслу и у входа на новый ледник задержались лишь для того, чтобы взять образцы моренных камней и горных пород с каменистого островка. Пятнадцатого снова налетела буря с метелью, заточившая нас на четыре дня в палатки. Кемпбелл, производя разведку из этого

лагеря, пришел к выводу, что ледопады впереди непроходимы и что лучше: вернуться и попытаться пробиться на запад по боковому леднику. Вечером девятнадцатого партия снова стала лагерем у устья ледничка, и рано утром мы с Браунингом и Абботтом вышли в однодневный поход для ознакомления с местностью.

Недавняя буря намела на глетчер до двух футов [61 см] рыхлого пушистого снега, который скрыл от наших глаз все ледопады. Но и не видя, мы хорошо их ощутили, как только оказались среди трещин. В течение дня выпадали такие часы, когда мы, выбравшись с одного участка трещин, тут же попадали на другой. Выручала неизменно альпийская веревка, и падение в трещину больше всего было неприятно тем, что рыхлый снег проникал в одежду и к концу дня мы промокли с головы до ног. Я приведу выдержку из моего дневника, дающую довольно полное представление о первых шагах исследователей в новом краю, когда теплая летняя погода иногда позволяет обходиться без лыж:

> «Абботт, Браунинг и я вышли из лагеря в 8.30 утра и пересекли открытый нами ледник по направлению к его северной морене. Вскоре мы очутились среди ледопадов, но еще несколько сот ярдов все же продолжали двигаться вперед, надеясь их миновать. Идти, однако, было настолько трудно, что пришлось от этого намерения отказаться. Мы связались и перешли на ледник, равномерно покрытый на этом участке двумя футами [62 см] снега. Не прошли мы и пятидесяти ярдов [45,8 м], как снова наткнулись на ледопад под снегом. Я четыре раза проваливался в трещины, и в каждой находился по несколько минут».

Так мы с четверть часа блуждали среди трещин, но ни на шаг не продвинулись вперед. Хотя все они были засыпаны снегом, он нигде не образовывал надежного моста, и то один из нас, то другой застревал по самую шею. Поэтому мы вернулись к морене и оказались на несколько ярдов выше, чем вначале. Я ни разу не упал в трещину глубоко — товарищи все время были начеку и, прежде чем мои плечи успевали исчезнуть, вытаскивали меня и волочили ярд, другой по снегу. В первой трещине, куда я попал, безусловно, самой опасной, мое тело приняло почему-то положение затонувшего шеста, и пока я в ней находился, мне все время казалось, что снег засыпается за шиворот моей куртки и выходит из ботинок. Трещин было очень много, в ширину они достигали от трех до семи футов [0,92–2,14 м]. И все они полностью скрывались под снегом, так что их никак не удавалось

избежать.

Летний лыжный костюм

Затем мы пошли по морене, пока она через полмили [805 км] не кончилась. Пришлось надеть кошки, так как угол подъема быстро возрастал, под ногами же теперь был чистый лед — ветер с ледника унес весь снег. Ветер и сейчас дул, не переставая ни на минуту, вплоть до нашего возвращения к этому месту десять часов спустя, и ничуть не способствовал хорошему самочувствию. Придерживаясь края ледника, где мы чувствовали себя увереннее, благополучно миновали устья двух сильно заснеженных боковых глетчеров. Но через одну или две мили [1,6–3,2 км] подъем стал еще круче, появились трещины, и мы с трудом преодолевали крутизну, борясь с сильным ветром.

Здесь ледник сделал второй по счету поворот, открывший нам и пройденный путь, и предстоящий подъем. Мы остановились на несколько минут и огляделись. Поворот и последующие очертания ледника напоминали оружие австралийских аборигенов — бумеранг, и мы так его и назвали. Перед нами предстала величественная картина: сравнительно узкий

Бумеранг, имевший в ширину одну или две мили [1,6–3,2 км], окружали высокие обрывистые скалы, которые по обеим его сторонам кое-где разрывались ледничками, впадавшими в главный глетчер. Стена, вдоль подножия которой мы передвигались, была сложена массивным темно-желтым гранитом и заканчивалась по краям крутыми осыпями того же происхождения. Дальше к югу, судя по более темному цвету и слоистой структуре каменных пород, преобладали гнейс и кристаллический сланец.

После ледопадов у подножия ледника первое время нам попадались горизонтальные трещины, но впереди лед вздыбливался длинными волнами, и каждый такой купол был изрезан широкими трещинами, правда перекрытыми снежными мостами, которые издали казались небольшими впадинами. Тут-то и началась самая трудная за весь день работа, так как мы вышли на снежные наносы с толстым настом, в которых вязли сначала по колено, а позднее, на склоне, и по самое бедро.

Я уверен, что, будь у нас с собой сани, мы смогли бы обойти самые опасные трещины, тем более что над наиболее крупными висели надежные снежные мосты, но глубокий снег с настом безусловно является серьезным препятствием для передвижения на санях. Кемпбеллу я так и доложил: Бумеранг, насколько я мог охватить его глазом, вполне проходим для саней, но при нынешней снеговой обстановке потребуется неделя, чтобы его пройти. Однако даже с наивысшей достигнутой нами точки я не смог разглядеть, впадает ли он над ледопадами в ледник Мельбурн.

На следующей миле мы пересекли несколько трещин шириной от 10 до 20 футов [3,1–6,1 м], но они были так хорошо перекрыты снежными мостами, что мы только один раз провалились, около наветренного края, и тут же выбрались.

После того как мы, продвигаясь все медленнее, прошли еще около двух миль [3,2 км], я понял, что за день нам не дойти до конца ледника. По крутому снежному склону поднялись на крупную осыпь из гнейса и кристаллического сланца, а оттуда на гранитную скалу, с вершины которой я надеялся обозреть окрестности на некотором расстоянии. Подъем был трудный, так как около скал мы вышли на крутой ледяной склон, присыпанный рыхлым снегом, и скатились с него так же быстро, как взошли, но с помощью кошек и ледорубов в конце концов одолели его. Открывшийся вид щедро вознаградил нас за все усилия.

Выходы вулканических пород около горы Мельбурн

Разбивка лагеря

Антарктическая ассоциация по поощрению науки за работой

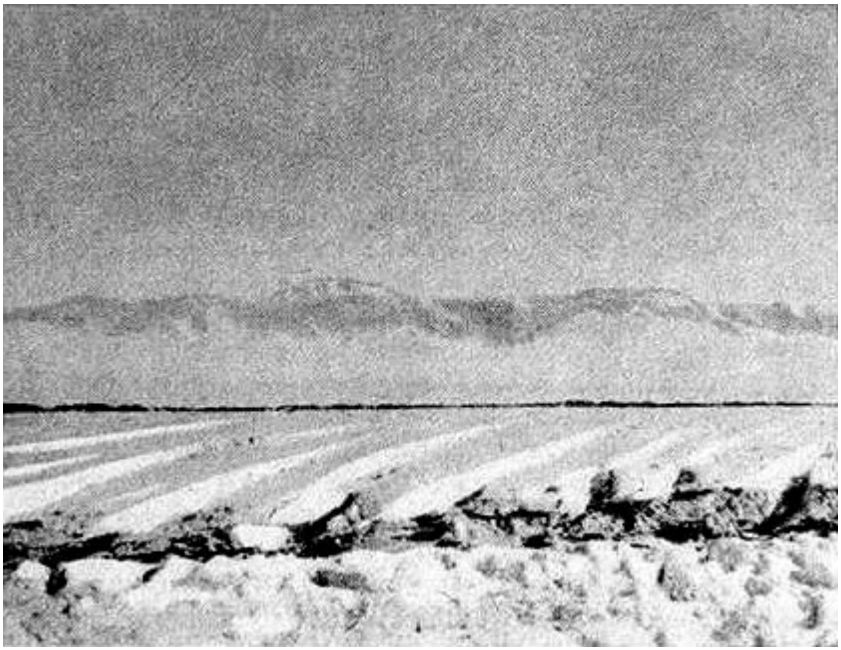
Ледник Пристли

Путь отсюда до вершины гранитной скалы был немного лучше, хотя мы карабкались вверх медленно, с трудом, рискуя каждую минуту провалиться между глыбами гранита и сломать

себе руку или ногу. С вершины открывался великолепный обзор во все стороны, кроме северной, которая как раз интересовала нас больше всего. В этом направлении перспективу загораживала другая гора, повыше, и я прикинул, что у нас хватит времени спуститься по заснеженному склону и подняться на соседнюю вершину. Мы остановились на пять минут — отдохнуть, сделать несколько снимков и сполоснуть рот водой из выемок в камнях, а затем взошли наверх. Высота над лагерем 3680 футов [1122,4 м]. И здесь обзору на север мешала еще одна снежная вершина, но стрелка часов уже переваливала за 5, пора было возвращаться домой.

Спускались мы довольно резво — ведь каждое падение только ускоряло продвижение к цели, — задерживала лишь судорога, сводившая мне ноги из-за того, что перед каждым шагом мне приходилось высоко задирать ногу и проламывать наст. Время от времени я уступал Абботту место впереди идущего, но через несколько минут боль проходила и я сменял его. Идти по нашим следам было бы не легче, так как ветер забил их смерзшимся снегом и они служили только указателями пути.

Дорога обратно отличалась от восхождения лишь тем, что мы без конца проваливались в мелкие трещины. Таких происшествий за день было несколько десятков. В лагерь мы пришли около половины десятого вечера. За тринадцать часов отсутствия мы съели только по сухарю и плитке шоколада и принесли с собой аппетит, достойный пройденного расстояния. Пока нас не было, Кемпбелл с Левиком и Дикасоном взошли на склон ледника около лагеря. По их словам, сани не протащить через ледопады в верховьях ледника Кемпбелла. Взвесив все виденное за день, мы пришли к выводу, что наиболее целесообразным для нашей партии будет исследование ледников между лагерем и горой Нансен. На следующий день мы сняли лагерь и, разделившись на два отряда, снова отправились к низовьям ледника Кемпбелла. Левик с двумя помощниками обследовал его восточную часть, Кемпбелл, Дикасон и я — западную.



Трещины на леднике Пристли

Разведка на плоскодонке

И вот тут дала о себе знать снежная слепота — одно из немногих зол летних санных походов. Еще до выхода из лагеря кое у кого глаза воспалились, а через полтора часа хода я вообще перестал видеть и брел, держась одной рукой за главную

постромку. Все же мы сумели закончить дневной переход, но на вечернем биваке зрение отказало и Кемпбеллу, так что ни он, ни я не могли взять кружку с пеммиканом или какао. Дикасон, ухитрившийся приготовить обед, хотя тоже ослеп на один глаз, закапал нам в глаза хемисену, окропив одновременно и лица, после чего и он ослеп окончательно. Пришлось целые сутки отлеживаться в лагере, пока не пришли в себя. Снежная слепота причиняет острую боль. Пожалуй, за два года, проведенных тогда в Антарктике, самыми неприятными были эти сутки.

Двадцать четвертого мы пришли на мыс Заструги, южную оконечность западной стены ледника Кемпбелла, поставили палатку и, вооружившись терпением, стали ждать Левика с его партией. Но времени даром не теряли — Кемпбелл продолжал делать съемку, а я занимался своей геологией.

Наступило 27-е число, Левик все не приходил, хотя сигнал бедствия не был поднят — с вершины мыса Заструги мы хорошо видели его лагерь. Кемпбелл решил больше не ждать, мы уложились и пошли дальше на север, к двум ледникам, которые собирались осмотреть в ближайшие два дня. С западного ледника, который Кемпбелл назвал Пристли, отходили две морены, на много миль тянувшиеся строго параллельно и на равном расстоянии друг от друга — точь-в-точь как железнодорожные рельсы. Они-то и были нашей первой целью. Ночевали мы уже на западной морене, и в первый же вечер Кемпбелл — недаром он утром надел рубашку задом наперед — нашел образцы ископаемого угля, которые явились самой важной нашей находкой[81].

На следующий день мы пересекли две морены, сложенные из гнейса, кристаллического сланца и гранита, и перешли на внутреннюю морену другого ледника, которому дали наименование Корнер. Поставили палатку у ручья, выводившего талую воду с морены, и провели здесь три насыщенных дня, исследуя ледник Корнер и скалы на нем. Морена ледника Корнер имеет большое сходство с моренами на берегу пролива Мак-Мёрдо: так же как и те, она испещрена многочисленными озерами и озерцами. Некоторые, самые маленькие, к моменту нашего прихода уже вскрылись ото льда. Ручей, около которого мы стали лагерем, был неширок — всего несколько футов в ширину, — но несся очень быстро и прорыл русло, уходившее близ лагеря на два-три фута [61–92 см] вглубь. Странным образом он тек не вниз по леднику, а вверх, над нашей палаткой уходил под лед и исчезал совсем. Он, должно быть, каждое лето уносит с ледника большое количество воды, часть ее в низовьях ледника снова превращается в лед, а часть — и значительная — по подледным

каналам прорывается к морю и вливается в него около залива Терра-Нова. Это подтверждается отложениями пресноводного льда в припае, которые мы не раз наблюдали. Да и не только этим — позднее мы своими глазами видели милях в тридцати [48,3 км] от лагеря ручей, вытекающий из отверстия на ледяном утесе.

Ледниковый ручей

Наш лагерь на морене ледника Корнер

Образцы ископаемого угля

Из лагеря мы предприняли небольшую вылазку к склону

горы, разделяющей ледники. Путь неожиданно преградило крутое эрозионное ущелье, которое прорыл другой узкий ручей, бегущий на глубине 100 футов [30,5 м] по его дну. Кемпбелл установил теодолит над ущельем, я же, оставив сани, спустился туда, заснял само ущелье, ручей, а затем вылез на вершину горы и осмотрелся. Ледник Пристли в нескольких милях от ручья резко сворачивал на запад и терялся из виду за своей же западной стеной. Как видно из фотографий, ледник разбит довольно регулярными поперечными трещинами, возникающими, очевидно, из-за того, что в конце долины ледник переваливает через поднятие.

Торосистый лед на леднике Пристли

Ледник заслуживал более тщательного изучения, но без троих наших товарищей мы не могли сделать несколько связок, а лезть на лед без веревки было бы чистым безумием. Самое плохое было то, что поверхность ледника изобиловала скрытыми трещинами и не раз, подбирая образцы, я вдруг чувствовал, что почва уходит у меня из-под ног, и если я не проваливался глубоко, то лишь благодаря тому, что, широко раскинув руки, цеплялся ими за края трещины или за уцелевшие части снежного моста.

Тридцать первого мы снова перебрались на морену ледника Пристли и стали лагерем. В этот и последующий дни было найдено большинство образцов ископаемого угля и отпечаток древесного ствола. Подобные находки нашей и других экспедиций не оставляют сомнений в том, что в прошлом история

Антарктики знала по крайней мере несколько периодов, когда ее климат был намного мягче климата современной Англии. Эти трофеи бесспорно принадлежат к наиболее важным геологическим результатам, полученным экспедицией. С другой стороны, мы добыли и противоположные доказательства, также не вызывающие никаких сомнений: некогда лед занимал значительно бо́льшую площадь, чем сейчас.

Вид на ледник Пристли с мыса Заструги

В поисках мирабилита

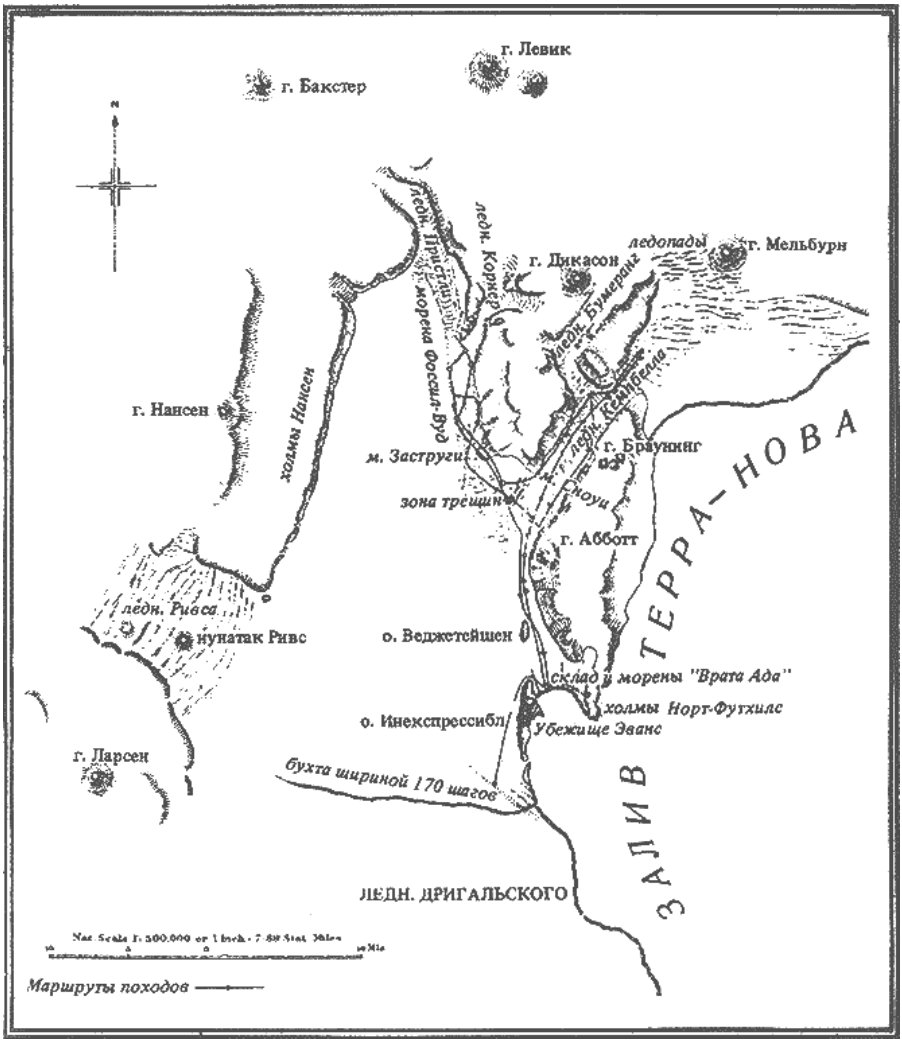
В тот же день подошел Левик с партией. Он неправильно истолковал указания Кемпбелла, и в то время как мы ждали его, он ждал нас в лагере Кэнви, который был нам виден. Когда мы снялись с места, он понял, что произошла ошибка, отправился вслед за нами, но в миле [1,6 км] от мыса Заструги попал на участок трещин и был вынужден заночевать. Трещины эти, порождаемые различием давлений в ледниках Кемпбелла и Пристли, закрытые сверху снегом, были и в самом деле очень опасны. Снежный мост над одной из них проломился под санями, и люди не увидели под ногами дна, а «только огромные кристаллы льда, торчащие в глубине». Перебравшись благополучно через трещину, партия испытала такое же чувство, какое, наверное, испытывает слон, которому удалось вытащить ногу из западни, расставленной африканскими охотниками.

Они с трудом нашли место, свободное от трещин, для палатки, а когда поставили ее, Левик воткнул вокруг лагеря несколько лыжных палок и запретил всем покидать его пределы. Утром они выбрались из района трещин и вышли на твердую почву. Когда мы их заметили и окликнули, они направлялись на

ледник Корнер.

Первого и второго февраля мы продолжали искать на морене образцы ископаемого угля. Набрав их, сколько было в наших силах унести, мы дошли небольшими переходами до мыса Заструги и там переночевали. В последние две недели погода все время благоприятствовала нам, мы загорели, бороды у всех отросли. Весной и зимой путешественники стараются подстригать бороды покороче, иначе влага от дыхания примерзает вместе с волосами к шерстяному шлему и после дневного перехода его приходится оттаивать, прежде чем снять. Случалось, что участник похода так спешил приняться за свой суп, что, пренебрегши этой предосторожностью, закрывал глаза и решительным жестом сдирал шлем с головы вместе со значительной частью бороды, нанося большой ущерб своей внешности.

Наша партия воспользовалась преимуществами хорошей погоды и отрастила пять прекрасных бород, один только Абботт щеголял несколькими волосками, напоминавшими ему, по его словам, встречу футбольных команд.



Район Убежища Эванс. Крестом отмечено местонахождение нашей пещеры в сугробе. Исходный масштаб — 1:5 000 000, или 1 дюйм ~ 7,89 сухопутной мили

Пятого февраля на Кемпбелла снова напала снежная слепота. Решили день переждать, тем более что мне очень хотелось осмотреть остров, находящийся немного в стороне от нашего маршрута. Кемпбелл остался в лагере, а мы с Дикасоном прошлись по острову.

Нам повезло, день выдался урожайный, в частности, мы обнаружили очень много лишайников, которые процветали здесь, как нигде. Мы даже решили назвать этот клочок земли островом Веджетейшен[82].

Назавтра Кемпбеллу стало лучше, мы пошли дальше и благополучно дотащили сани до склада на морене. В наше

отсутствие никого на складе не было, записки от Дебен-хэма мы, естественно, не нашли.

Глава XV
В ожидании «Терра-Новы»

На северных возвышенностях. — Кладбище тюленей. — Вылазка на юг. — Ветер с плато. — Морские раковины высоко над морем. — Буря удерживает нас в палатках. — Починка порванных палаток в трудных условиях. — Две недели одноразового питания. — Снова буря и снова неприятности. — Первый убитый тюлень. — Я ведаю продуктами. — И снова буря. — Мы переносим лагерь и начинаем готовиться к зиме

Седьмого февраля Кемпбелл, Абботт, Дикасон и я пошли знакомиться с островом — впоследствии мы назвали его Инекспрессибл[83], — у берега которого находилось Убежище Эванс. В этот же день мы убили тюленя, освежевали его и таким образом пополнили наши скудные запасы.

Самая северная из бухточек, образующих Убежище Эванс, прижимается к пляжу из огромных гранитных валунов, отполированных морем до округлости. Круглые эти скалки возвышаются до 50 футов [15,3 м] над морем и служат бесспорным свидетельством того, что перед нами поднятый пляж, то есть участок суши, поднявшийся сравнительно недавно. Пляж постепенно спускается до уровня моря и ниже, бухта во внутренней части очень мелкая. По всей длине она обрамлена абсолютно ровной ледяной платформой, достигающей в самом широком месте 200 ярдов [183 м]. Эта так называемая приливо-отливная платформа находится между отметками малой и полной воды и образуется в холодное время года. К моменту нашего возвращения ледяной покров платформы под воздействием солнечных лучей стал рыхлым и ноздреватым. На пляже бросалось в глаза изобилие сухих морских водорослей, лежавших выше обычной отметки воды и скорее всего принесенных сильным восточным штормом, взбаламутившим воды бухты. Водоросли впоследствии сыграли очень важную роль в нашем благоустройстве на зиму.

Летний лагерь

Всестороннее использование остановки для ленча

Впервые поднявшись на пригорки за пляжем, я сразу заметил множество тюленей, нежившихся под солнцем на припае и даже на скалах. Они находились здесь еще несколько дней, до первой

настоящей осенней бури, которая заставила их покинуть берег. Наверное, прежде всего именно из-за присутствия тюленей мы оказались столь беспечны, что не делали запасов в предвидении возможной зимовки, а когда спохватились, было уже поздно, тюленей осталось очень мало. Правда, Кемпбеллом руководило и нежелание убивать животных в больших количествах, пока мы не будем совершенно уверены в том, что нас ждет зимовка в этом краю. Похвальное нежелание, но вряд ли оно впредь определит поступки любого из нас при малейшей угрозе зимовья в сходных условиях. В это время года тюлени Уэдделла всегда скапливаются большими стадами на мелководьях и в длинных узких бухтах, врезающихся в прибрежные ледники, так как только близ берегов они могут спастись от своего смертельного врага — косатки. Зимой они живут в безопасности на участках моря с устойчивым ледяным покровом, но уже в конце весны собираются для спаривания на залежках, расположенных обычно в бухтах и заливах, где лед может сохраняться до декабря. Летом, когда он взламывается и здесь, тюлени возвращаются в Убежище Эванс, бухту Рилиф на языке ледника Дригальского и другие места, где они могут быть уверены, что косатки за ними не последуют. Вот тогда-то таким партиям, как наша, и следует запасаться мясом на зиму.

Остров Инекспрессибл, где нам было суждено провести несколько месяцев, имел около трех миль в длину [4,8 км] и около полумили [805 м] в самом широком месте. На западе он граничил с языками, отходящими от ледников Кемпбелл и Пристли, на востоке его омывали воды залива Терра-Нова. Западный его берег круто спускался к леднику отвесной скалой в несколько сот футов, восточный же понижался сначала обрывисто, а затем полого и у моря образовывал три бухточки, одну из которых я только что описал. Остров состоял из гранита и кристаллического сланца и был почти свободен от снега. Только в глубине первой бухточки находились довольно большие наносы, в которых мы вырыли себе пещеру. Бухту мы назвали Сивью[84], почему, станет ясно из дальнейшего.

Ленч в летнем походе

Ледник-приток

Среди валунов поднятого пляжа лежало множество старых

окаменевших скелетов, принадлежавших тюленям самых разных возрастов, начиная от четырехфутовых [1,22 м] детенышей и кончая старым гигантом 144 дюймов [3,66 м] в длину, то есть крупнейшим из виденных мною тюленей Уэдделла, а следовательно и всех тюленей вообще. Мы и зимой встречали подобные скелеты, но, конечно, не в таком большом количестве. Казалось, мы набрели на старое кладбище тюленей, подобное слоновьим некрополям, встречающимся в Африке и Азии. Почти во всех наших экскурсиях по прибрежным долинам мы натыкались на остовы тюленей, порою почти на невероятной высоте (например, на 3000 футов [915 м] на леднике Феррара), из чего несомненно можно заключить, что многие из этих животных, чуя приближение смерти, уходят умирать подальше от моря[85]. Но — достопримечательный факт — нигде мы не видели такого скопления скелетов, как на берегу залива Терра-Нова.

Один-два дня мы посвятили предварительному осмотру острова Инекспрессибл, а 8 февраля Кемпбелл разрешил мне совершить с Абботтом и Браунингом санную вылазку в отдаленную часть острова. Хотелось разузнать, не можем ли мы пройти на выходящий к морю конец морен ледника Пристли. В этом кратковременном походе мы впервые ощутили на собственной шкуре западный ветер, постоянно дующий с ледника Ривса. Зимой он отравил нам существование. Пока, правда, это был ветер умеренной силы, но дул он с плато прямо в лицо и сильно действовал на нервы. Поэтому радость наша была велика, когда мы достигли своей цели и смогли наконец поставить лагерь на невысоком сугробе с подветренной стороны одной из морен. Ветер, однако, не унимался ни на минуту, что сильно затрудняло сбор геологических образцов. Он затих только на четверть часа во время завтрака на второй день, не иначе как специально для того, чтобы заставить меня выползти из палатки, которую мои товарищи наполнили дымом флотского табака.

Внимательно осматривая морены в поисках ископаемого угля, мы дошли до их приморского края и через несколько сот ярдов форсировали трещину. В месте нашего перехода она имела в ширину ярдов двадцать — тридцать [18,3–27,5 м], но чем дальше от моря, тем больше она расширялась и кое-где достигала значительно больше ста ярдов [более 92 м]. Местами ее стороны были соединены надежными снежными мостами, но на большом протяжении она была совершенно открытой и составляла непреодолимое препятствие на пути к югу.

По дороге от лагеря к моренам нам попался высохший труп императорского пингвина. Очевидно, бредя по припаю, примыкавшему к южной или северной стороне ледника, бедняга

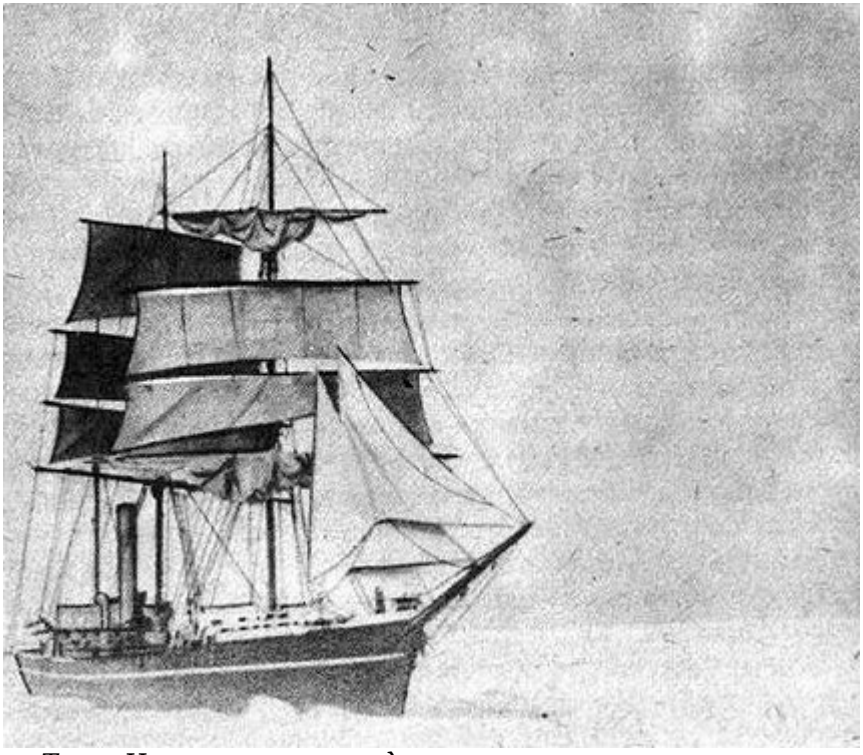
забрел на снежные наносы, всегда покрывающие фронт ледника, перебрался на сам ледник и шел до тех пор, пока не умер с голоду. Несколько дней спустя мы увидели около склада такого же пингвина, на сей раз живого, убили его и отправили на камбуз.

Десятого, к концу третьего походного дня, продолжая бороться с холодным ветром, дующим с плато, около трех часов пополудни мы возвратились в лагерь близ склада. Назавтра Кемпбелл, Дикасон и я отправились с санями к северным возвышенностям. Они составляют костяк другого острова, который служит северной границей низовий ледника Кемпбелла. Здесь мы несколько дней производили съемку и собирали образцы пород. По дороге к острову во впадине на поверхности ледника нашли большое количество раковин и спикул губок[86]. Объяснить находку не смог никто. Эти живые организмы обитают только в воде, на глубинах 50–100 саженей [91,5–183 м], как они могли попасть на поверхность ледника, то есть на высоту 20 футов [6,1 м] над уровнем моря, остается загадкой[87].

Двенадцатого в полдень партия Левика подошла к нашему лагерю у замерзшего ледникового озера. Они рассказали, что в дальнем конце первой бухточки нашли небольшой птичий базар и наблюдали любопытнейшее явление, какое до них не видел никто. По словам Левика, пингвины-родители подталкивали своих птенцов к полосе прибоя, разбивавшегося о пляж, и учили плавать.

Свежевыпавший обильный снег мешал собирать геологические образцы и, кроме того, был серьезной помехой по другой причине. Северные возвышенности типа острова Инекспрессибл усеяны огромными глыбами гранита, кристаллического сланца и гнейса, и ветерок намел снегу на них и между ними. Ходить по камням стало не только трудно, но и опасно, кто-нибудь из нас то и дело соскальзывал с камня, иногда проваливаясь по самое бедро, и получал то легкое растяжение, то вывих в колене или щиколотке.

Остров Инекспрессибл: старт санного похода



«Терра-Нова» в паковых льдах

Четырнадцатого распогодилось настолько, что Левик смог

сделать последнюю серию фотоснимков и в тот же день возвратиться на морену — чтобы быть поблизости от гнездовья пингвинов. Мы же остались еще на два дня, но 17-го тоже вернулись, как и было условлено, и устроились близ склада ждать прихода корабля. Во время короткого перехода через ледник нам снова докучал западный ветер, а температура воздуха напоминала о весенних путешествиях. К сожалению, последний походный термометр разбился еще на мысе Адэр, поэтому установить точную температуру мы не могли, но несколько обморожений убедительно говорили о силе ветра. Придя на место, мы узнали, что предыдущая партия в спешке поставила лагерь фактически посередине озера, лед под палаткой начал таять и под спальными мешками образовались лужицы воды. Переносить лагерь при таком ветре не хотелось, и наши товарищи решили остаться на своем месте, но устлать дно палатки плоскими камнями. Следующие несколько часов они занимались тем, что таскали камни.

Утром восемнадцатого ветер усилился до ураганного, но к вечеру стих на несколько часов, и рабочая партия вытащила со склада и перепаковала сани, чтобы они были готовы для погрузки на «Терра-Нову». Однако утром, когда мы проснулись, ветер бушевал с прежней яростью, словно стараясь изо всех сил заслужить для острова название, которое впоследствии мы ему дали. Он дул целыми днями почти с неизменным упорством, не давая нам выйти из палаток. С момента возвращения в базовый лагерь и до конца месяца мы даже с самого верха морены не видели в бухте и за ней паковых льдов. Сколько мы ни вглядывались вдаль, нашим взорам неизменно открывались только мчащиеся по морю ряды белых гребешков. Впоследствии офицеры с «Терра-Новы» рассказывали, что за две недели сделали три попытки добраться до берега, но всякий раз в двадцати семи милях [43,4 км] от нас их задерживали плотные паковые льды. То, что около берега не было пака, лишало нас возможности объяснить отсутствие «Терра-Новы» естественными причинами, а потому вызывало беспокойство. Мы склонялись к мысли, что «Терра-Нову» задержала какая-то катастрофа: то ли судно само потерпело кораблекрушение, то ли Южная партия затерялась, — и это ни в коей мере не улучшало нашего настроения. Со временем предположения приняли желательную для нас форму, и мы стали думать и говорить, что «Терра-Нова» до последнего момента ждала Южную партию, а когда наконец дождалась, буря — одна из тех, чью ярость мы испытали на себе, — унесла судно на север. Но до того, как наши мысли приняли столь мирный оборот, характер предположений о том, почему корабль не

пришел, зависел от сиюминутного настроения. В минуты уныния, когда будущее представлялось весьма мрачным, мы считали всему виной какое-нибудь бедствие, но стоило обрести обычный оптимизм, как мы объясняли происшедшее более обнадеживающими обстоятельствами.

Двадцать первого шторм достиг наибольшей силы и нанес серьезный урон палаткам. У нашей он разорвал верх, так что пришлось, несмотря на ветер и метель, выползти наружу и накрепко привязать брезент к стойке ламповым фитилем, служившим шнурком для финеско. Палатка Левика, наоборот, сверху выдержала, но лопнула у входа, и Левик, превратившись в «холодного портного», был вынужден под открытым небом залатать прореху. Ночью одну нашу бамбуковую стойку вырвало из верхнего гнезда, что намного ослабило остов палатки, а кроме того, и у нас, и у Левика в брезенте, беспрестанно бившемся о прижимавшие его к земле камни, образовалось множество дыр.

Санный рацион был рассчитан до 22-го числа, но, к счастью, благодаря строгой экономии у нас остался кое-какой запас, и, сведя питание к одной трапезе в день, мы смогли продержаться в течение этой и следующей бури, не обращаясь к складу.

Пронесшаяся над лагерем буря была самым обычным ветром с юга, но на этот раз он был нам исключительно неприятен, потому что длился на редкость долго и вообще был как нельзя более некстати. Нам страстно хотелось одного — увидеть перед собой корабль, тем более что наступили холода, да и вообще погода стала не лучше, чем была в весенних санных походах. Как эти две бури влияли на наше настроение, лучше всего показывает запись в моем дневнике от 22 февраля:

> «Самое плохое то, что ветра невозможно избежать. Если тебя раздражает человек или более сильное, чем ты сам, животное, ты можешь отойти в сторону, зайти за изгородь, на худой конец — бросить в него камнем и т. д., мы же прикованы к месту адски холодным ветром и бессильны против него, в то время как он раздирает в клочья палатку. Наше физическое самочувствие ухудшается, мы все больше мерзнем, ноги ледяные, тело то и дело сводит судорога. Остается надеяться, что с судном все в порядке и что ветер не отнес его на север. До начала бури Левик и Абботт сообщали, что видели дымок около языка ледника, поэтому мы предполагаем, что „Терра-Нова“ укрывается в бухте Рилиф, но в такие моменты, как сейчас, у всех разыгрывается воображение. Все мы, и я больше остальных, страдаем от почти

невыносимого зуда, который возникает, когда сильно переохлажденные ноги согреваются и кровообращение начинает восстанавливаться. Барометр нам сейчас ни к чему. Мой опыт убеждает в том, что если ртуть поднимается, значит буря станет сильнее, а если падает, то ветер будет крепчать. Ну, а если барометр стоит на месте, то и буря лютует с прежней силой. Забавно, не правда ли?»

Двадцать третьего ветер на несколько часов спал до умеренного бриза, и мы воспользовались передышкой для охоты а тюленей. Их было мало, но все же удалось убить и разделать молодого крабоеда и тем пополнить текущий запас продуктов. В этот день Кемпбелл попросил меня взять на себя заведование продовольственной частью на тот случай, если «Терра-Нова» не придет и нам придется зимовать на берегу, и с тех пор я распоряжался выдачей всех продуктов. Зимой эта работа доставляла много хлопот, но в то же время заставляла думать о повседневных нуждах и отвлекала от иных мыслей, а потому явилась для меня скорее благом, чем злом. Будь рядом со мной другие спутники, они могли бы усомниться, разумно ли я распоряжаюсь продуктами, но у моих верных товарищей неизбежное сокращение пайков только увеличивало уважение ко всем действиям интенданта. Когда все сроки прибытия судна миновали, не раздалось ни одного слова упрека, и хотя моя работа бывала иногда крайне неприятной, участники партии в том совершенно неповинны.

Ослабление ветра двадцать третьего сопровождалось повышением температуры воздуха, и мы тут же почувствовали последствия длительного пребывания на одном месте. Под нашими спальными мешками постепенно образовывались выемки, быстро заполнявшиеся теперь водой. Дикасон и я подложили под себя камни, чтобы защитить плечи и бедра от влаги. Кемпбелл же использовал в качестве матраца лыжи и лыжные палки, и в конце концов остальные последовали его примеру. Советую поступать таким образом всем, кто в наказание за свои грехи окажется в аналогичном положении.

Антарктический «гриб»

Морена «Врата ада»

Двадцать четвертого ветер снова усилился, и хотя он время от времени замирал, было ясно, что буря неизбежна. На этот раз буран сопровождался таким сильным снегопадом, что мы из

одной палатки не видели другой, а двадцать седьмого не различали и собственной, сидя на санях в трех ярдах [2,75 м] от нее. Внутри палатки было чрезвычайно неуютно: выросшие у ее стенок сугробы ограничивали свободу движений, снег проникал во все дыры, образовавшиеся во время предыдущего шторма, и даже сквозь поры водонепроницаемого брезента — все было насквозь мокрым. Оставалось только лежать, думать и спать, но и заснуть было нелегко. Ветер продолжался ночью двадцать седьмого и весь день двадцать восьмого, правда, последние часы — без снега, отчего огромные сугробы, окружавшие палатку и сани, исчезли почти бесследно и высвободившийся из-под их тяжести туго натянутый брезент оглушительно хлопал — сущий ад да и только.

Двадцать девятого ветер наконец унялся, мы дотащили сани до северного берега острова Инекспрессибл и поставили палатку на гравийном дне бывшего озера, прижав стенки за отсутствием снега большими камнями. Левик с партией остались у склада «Врата Ада», так как с этого места открывался прекрасный обзор в том направлении, откуда ожидалось судно. Во время последней бури Кемпбелл подробно обсудил со мной создавшееся положение и мы пришли к выводу, что самое правильное — вести себя так, будто мы уже знаем, что «Терра-Нова» за нами не придет, а следовательно, немедленно начать запасать продовольствие и подготавливать жилье для зимовки. В этот день мы высмотрели два сугроба, которые вполне могли вместить всю нашу партию, и решили, что разделимся на два отряда и впредь при любой погоде один из них будет рыть пещеру в снегу, а другой — выслеживать и забивать тюленей и пингвинов; затем заготовленное продовольствие вместе с кое-каким снаряжением перенесем на берег острова. В соответствии с этим планом мы использовали каждый мало-мальски годный день, чтобы сделать хоть что-нибудь в предвидении зимы.

Глава XVI
Подготовка к зиме

Охота на тюленей и пингвинов. — Сокращение рациона сухарей. — В бурю ставим палатку. — Роем пещеру. — Ворвань в рационе. — Первая лампа для чтения. — Дни рождения. — Раздача сухарей. — Достоинства недосушенных сухарей. — Жеребьевка в Антарктике. — Непрекращающиеся ветры. — Переселение в пещеру. — Черная суббота. — Крушение палатки Левика. — Ночь страданий.

Хорошо, что мы перенесли лагерь, воспользовавшись кратковременным затишьем, — оно продолжалось всего лишь несколько часов, а затем снова задул сильный западный ветер. Но мы уже понимали, что не можем откладывать заготовительные работы из-за ветра, дующего с плато, и 1 марта, не обращая на него внимания, занялись охотой. Она была сравнительно удачной — за день убили, освежевали и заложили в склады двух тюленей и восемнадцать пингвинов, — и все же мы убедились в том, что заготовить на зиму достаточно мяса будет нелегко. Работать пришлось на пронизывающем ветру в заношенной до дыр и не защищающей от холода одежде, и все обморозились. Мы настолько ослабели после двухнедельного отсиживания в палатках на одноразовом питании, что с трудом прошли около мили [около 1,6 км].

До этого времени я еще не установил окончательно зимний рацион, но мы решили, пока не обоснуемся на зиму, не трогать основные запасы и обходиться продуктами, взятыми в санный поход. Пришлось норму сухарей уменьшить с восьми — таков был санный рацион — до одного в день и вовсе отменить такие лакомства, как сахар, шоколад, изюм… В этот переходный период дневной паек каждого состоял из смеси половинной порции мяса и пеммикана, жидкого какао и одного сухаря. Оставалось только мечтать, что, когда наступит зимняя ночь, можно будет наесться досыта.

Третьего снова налетел ветер во всей своей мощи, и наши многострадальные палатки уже не могли противостоять его атакам. Об этом убедительно рассказывает мой дневник:

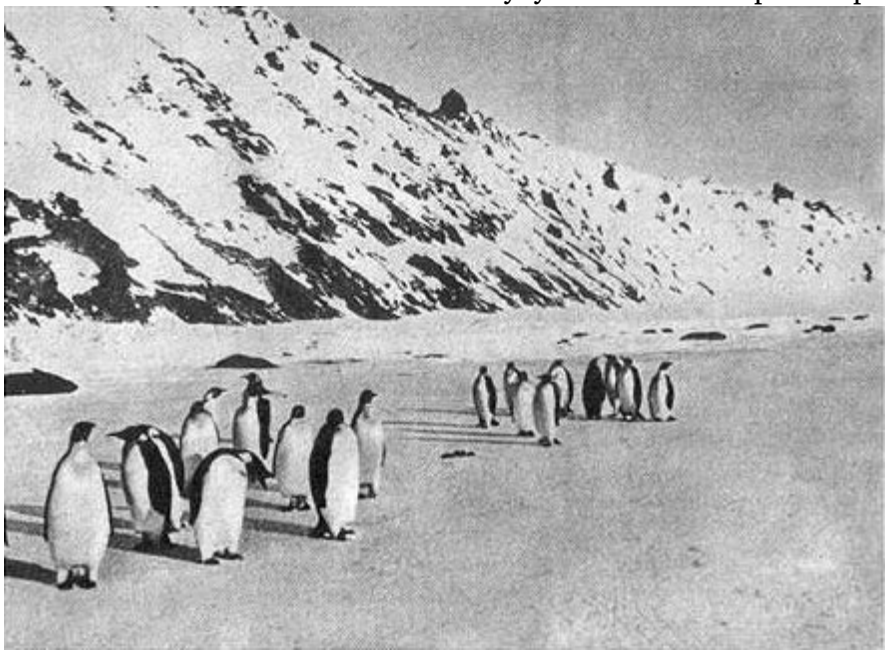
«Всю ночь и до полудня дул ветер ураганной силы. Мы не могли заснуть и несколько раз выходили и

закрепляли камнями борта палатки, чтобы ее не унесло. Под конец вихри терзали ее с такой безжалостностью, что стало ясно: если так будет продолжаться и дальше, то до завтра, а может и до сегодняшнего вечера, она не доживет. Около полудня мы начали перебираться на сугробы, где оставили сани. Через три часа палатка уже стояла, хорошо прижатая к земле снегом, но одному богу известно, сколько времени она продержится, — ветер дует с прежней силой. Сейчас пойду готовить завтрак. Наломались мы ужасно, и если это действительно подготовка к зиме и придется здесь зимовать, сил у нас останется не больше, чем у мыши. Из пятнадцати последних дней двенадцать мы провели в спальных мешках, а чувствуем себя, как после бега на длинную дистанцию».

Когда ветер ослаб наполовину, я сумел пересечь ледник между островом и моренами и достал из склада два мешка пеммикана — для Левика и для нас. Это была последняя порция пеммикана, которую мы могли позволить себе съесть, — было решено не меньше половины продуктов сберечь на тот случай, если весной придется пройти на санях 200 миль [322 км] до мыса Эванс. Партию Левика я нашел в бодром состоянии духа для данных обстоятельств, но «Терра-Нова» уже снилась им по ночам. Ветер и море унесли тюленью шкуру и сало — очень серьезная потеря для партии. Люди Левика забили на припае, оставшемся в бухточке перед ледником, двух тюленей, но не успели все вынести до начала бури, и одна шкура пропала.

Пятого снегопад прекратился, и мы, несмотря на продолжавшуюся бурю, перевалили через хребтик за лагерем в соседнюю долину, где находился сугроб побольше, и наша тройка, не теряя времени, принялась копать пещеру. Копали все дни почти без остановки, и по мере того как пещера становилась глубже, ветер причинял все меньше беспокойства, исключая, конечно, выходы наружу. Сначала мы проделали в снегу траншею величиною три фута на четыре [0,92x1,22 м] при глубине в шесть футов [1,83 м], а затем от ее стенки вывели пещеру в самую толщу наносов. Осколки льда сбрасывали вниз по склону, и ветер немедленно относил их далеко от входного отверстия. Пока приходилось работать на ветру, мы орудовали лопатой и ледорубом по очереди, но когда яма расширилась и защитила нас от ветра, вошел в силу обычный распорядок — Кемпбелл, Дикасон и я все время копали, а партия Левика разыскивала тюленей и запасала мясо. К сожалению, одна пара рабочих рук

простаивала — буря неистовствовала без передышки, и бедные наши палатки нельзя было ни на минуту оставить без присмотра.



Императорские пингвины

Теперь, когда мы снова работали с полной отдачей, голод все больше давал о себе знать. К концу длинного интервала между завтраком и обедом (ленчи мы давно отменили) желание есть причиняло физические страдания. Мы могли позволить себе съесть порядочное количество мяса — да и то лишь по недомыслию, еще не осознав, что и его будет мало, — но один сухарь в день никак не удовлетворял потребность организма в углеводах, которая постоянно точила нас и в конце концов заставила преодолеть отвращение к тюленьему салу. В эту неделю оно впервые было введено в постоянный рацион и до ноября оставалось непременной частью меню. Никогда не забуду, как, решившись его испробовать, я тут же испытал облегчение от того, что новая пища не вызвала у меня отвращения. В предыдущей главе я уже сообщил, что в первую бурю, во время затишья, мы убили молодого тюленя-крабоеда. Несколько дней спустя попробовали есть тоненькие ломтики его сала в сыром виде. Все нашли его вполне съедобным, а Абботт и Дикасон даже утверждали, что у него вкус дыни. Честно сказать, я никогда не разделял этого мнения, хотя зимой в течение нескольких недель с гордостью носил титул «Короля ворвани»[88] и уступил его впоследствии только Абботту, который запросто уплетал толстенные, в несколько дюймов, куски сала. На первых порах мы

с трудом преодолевали тошноту, когда кусок сала заполнял весь рот своим соком, но через несколько дней все, кроме Кемпбелла, привыкли к нему, и только у одного худосочного крабоеда, убитого в неблагоприятный период, оно оказалось непригодным для еды.

Отныне в обязанности дежурного по палатке вменялось приготовлять к возвращению охотников и землекопов горячие сочные бифштексы из сала. Жарили их на сковородке из небольшой норвежской кухни Кемпбелла, и жир, стекавший с нее в поддон, использовали для осветительной лампы. У санной партии запас спичек обычно невелик, в первую очередь они предназначаются, конечно, для повара, но некоторое количество ежедневно выдается и курильщикам. Благодаря экономному расходованию спичек — как, впрочем, и всех остальных припасов, — тех, что остались, хватило бы на всю зиму, но при известной бережливости. Прежде всего, естественно, решили ограничить курильщиков, и они в течение нескольких дней разжигали трубки, пока еще горел примус, но это лишало их обычного удовольствия. Тогда Дикасон в нашей палатке и Браунинг в Левиковской начали мастерить лампу-жирник, а остальные, само собой разумеется, не скупились на советы. Восьмого марта, когда Кемпбелл и я пришли домой после тяжелейшего сражения с ветром, Дикасон, как обычно, попотчевал нас несколькими сочными кусками тюленьего сала — в порядке подготовки к весьма скудному обеду, а кроме того, продемонстрировал первый жирник. Это было большое достижение, и мы провели очень приятный вечер. Я тогда записал в дневнике:

> «В обеих палатках сейчас есть жирники, которые представляют собой несколько кусков ламповых фитилей на английской булавке, переброшенной мостиком через верх жестяной консервной баночки с растопленным салом. Свет от них прекрасный, лучше, чем я ожидал, топлива они поглощают очень мало. Единственный недостаток — приходится расходовать парафиновое масло, чтобы растопить сало. Когда мы водворимся на зимовку, надо будет придумать какое-нибудь приспособление для ламп, чтобы они сами растапливали сало. Кроме того, они дают поразительно много тепла, почти не дымят. Мы съели по куску сала, из которого вытоплен жир, и оно всем понравилось. Мало чем отличается от обычного сала, которое едят на родине».

Таким образом была устранена одна из серьезных трудностей, фигурировавших в наших разговорах всякий раз, как речь заходила о зимовке. Мы не могли обойтись без трех вещей, может быть, только трех: света, крова и горячей пищи. И вот теперь первая трудность преодолена, ибо после того, как мы заменили английскую булавку полоской жести с отверстиями, ламповый фитиль — куском веревки или каната, светильники, хоть и тускловатые, верно служили нам всю зиму, и мы знали, что в любой момент можем разогнать тьму. До этого даже на самых завзятых оптимистов частенько нападали минуты чуть ли не отчаяния, когда будущее представлялось им донельзя мрачным. Эта маленькая победа, пусть не особенно важная, явилась для всех памятной вехой. С нее настроение партии начало улучшаться и переросло в оптимизм, который оказался непобедимым и в конечном итоге привел нас на мыс Эванс.

Десятого марта был день рождения Абботта. По традиции он отмечался как торжественное событие, продовольственный мешок раскрылся шире обычного, и каждый получил из его недр дополнительный сухарь. Подобные праздники явились в последующие семь месяцев истинным даром свыше, так как, заранее предусмотрев шесть дней рождения и другие подобные случаи, я всегда мог выдать для угощения плитку шоколада, шесть изюмин, по сухарю на брата или что-нибудь в этом роде.

Крохи, конечно, но, уверен, ни одному из нас никогда, ни до, ни после, праздничное угощение не было так дорого, как это маленькое добавление к повседневному рациону. Торжественных дней начинали ждать за неделю или даже больше, потом о них долго вспоминали. Они нарушали монотонность зимовки, и один сухарь можно было при некотором старании растянуть на час и получить от него больше удовольствия, чем от почетного обеда в ратуше (я помню, конечно, приемы, устроенные по возвращении в нашу честь, и надеюсь, что их устроители не сочтут меня неблагодарным).

На протяжении всей долгой зимы, начиная с 1 марта, одно торжественное действо отмечало бег времени, как ничто другое. В марте, апреле, мае, июне каждый, едва раскрыв утром глаза, прежде всего думал: «Сколько сегодня выдается сухарей — один или два?» В июле или сентябре, когда по два сухаря уже не выдавали, первой мыслью было: «Через полчаса я получу сухарь». Только в самом тяжелом месяце — августе — пробуждения были омрачены мыслью, что сухаря ждать еще целый месяц.

Как только повар объявлял, что похлебка будет готова через пять минут, я вылезал из спального мешка и осторожно открывал ящик с сухарями. Некоторые из них проделали на санях

шестинедельное путешествие по пересеченной местности, все подверглись небрежному обращению при погрузке на судно и выгрузке на берег, немудрено, что они поломались. В начале месяца еще удавалось извлечь из ящика шесть, а иногда и двенадцать целых сухарей и разложить на коробке из-под сахара, служившей столом, но к концу было трудно найти для образца хотя бы один уцелевший и приходилось складывать сухари из кусочков, как детскую головоломку. Остальные пятеро в это время пожирали их голодными глазами и гадали, какие они на сей раз — недосушенные или пересушенные? Последние были желанным лакомством в санном походе — хрустящие, ароматные, они легко разжевывались. Но теперь все изменилось, и если распакованный в начале месяца ящик содержал сухари порою даже слегка подгоревшие, на голову булочника сыпались громкие проклятия. Если ему случалось несколько месяцев сидеть на половинной порции безвкусного мяса, не слишком вкусного сала и одном сухаре в день — тогда он на нас не обидится. Сухари же недосушенные обещали в грядущем месяце по крайней мере тридцать ярких пятен. Каждое утро мы предвкушали полчаса блаженства, но только невозможность легко разгрызть ежедневное лакомство мешала заглотить его с неподобающей поспешностью. Однажды я обсасывал подобный сухарь с краев до полного его исчезновения, так ни разу и не почувствовав во рту кусок таких размеров, чтобы его можно было раскусить зубами. Получив от еды максимальное наслаждение, я влез обратно в мешок и с час испытывал полное удовлетворение, пока сосущее чувство под ложечкой не напомнило мне, что еды было все же недостаточно и что следующей придется ждать несколько часов.

Но вернемся к раздаче сухарей. Вот шесть маленьких кучек — всегда страшно маленьких — аккуратно выложены на ящик, теперь надо их распределить по справедливости. Даже целые сухари слегка различаются по величине. Если раздатчик станет выдавать их сам, то, как бы он ни старался быть беспристрастным, не только он, но и все остальные непременно подумают, что порции неравны, просто не могут быть равными. Чтобы отбросить подобные мысли, требуется приложить некое усилие. А ведь наша партия, как никакая иная, нуждалась тогда в полном единодушии. Во избежание каких бы то ни было осложнений мы прибегали к жеребьевке, которая получила признание во всех санных походах. Подготовив кучки и закрыв ящик, я тыкал в кого-нибудь пальцем и просил повернуться спиной. Он поворачивался, закрывал глаза, я же, указав на одну из порций, вопрошал: «Кому?» Он отвечал, и порция переходила в руки владельца. Так произносилось все шесть имен. С этим

способом дележки продуктов связано довольно комичное проявление глубоко укоренившейся в сознании людей флотской дисциплины. Я расскажу о нем, зная, что мои товарищи на это не обидятся.

Когда в начале зимы я просил Абботта, Браунинга или Дикасона называть имена, то как бы я ни раскладывал сухари, они, отвечая, неизменно придерживались порядка старшинства: лейтенант Кемпбелл, доктор Левик, Пристли, а уже затем остальные в порядке алфавита.

Пришлось разъяснять, что такая последовательность возлагает на мои плечи чрезмерную ответственность. Только тогда они стали вести себя иначе, но и то в начале жеребьевки часто можно было услышать: «Лейтенанту Кемпбеллу, то есть Браунингу, сэр!» Получив сухарь, каждый сам решал, где и когда лучше его съесть, и этот важный вопрос на протяжении зимы неоднократно являлся предметом обсуждения.

К 17 марта работы по сооружению нашего будущего жилища в снегу настолько продвинулись вперед, что Кемпбелл, Дикасон и я решили переселиться в пещеру и перенести туда все вещи. Там уже можно было ночевать и есть, а также работать, даже в очень плохую погоду, — какая-никакая, а все же крыша над головой. Утром мы свернули лагерь и весь день перетаскивали снаряжение. Вряд ли кто-нибудь из нас захотел бы повторить этот денек! Я приведу запись о нем в дневнике:

> «Семь часов вечера. — Весь день дул сильный юго-западный ветер, ночью усилившийся до бури. День выдался ужасный — надо было перенести в наше временное жилище все необходимые вещи. Ни разу за время совместного пребывания наши нервы не были так напряжены, но мы успешно выдержали испытание. После завтрака Абботт и Браунинг начали перетаскивать в пещеру ящики с сахаром и шоколадом, я же отнес в их палатку сухари и шоколад на три-четыре дня, а обратно захватил банку керосина и кое-что из приборов. К тому времени, как я вернулся, мои товарищи уже сняли лагерь и нагрузили его на сани, которые мы по краю ледника подтянули как можно ближе к пещере. Когда я, на несколько минут опередив остальных, спускался с грузом к пещере, затихший было ветер оживился и вскоре превратился в неистовый снежный буран. Мой громоздкий груз — спальный мешок, рюкзак, сумка с записными книжками и т. д. — через первые сто ярдов [92 м] стал казаться мне еще более неудобным, особенно

когда спальный мешок отвязался и вывалился. Я завернулся в него как в мантию и таким образом закончил переход».

Убежище Эванс

«Мостовая» из булыжников

«Не хотел бы я еще когда-нибудь совершить три

такие ходки, как сегодня. Стоило ветру внезапно ослабить свои усилия, и я падал в наветренную сторону. Каждый его яростный порыв заставлял меня склоняться в противоположном направлении, не меньше десяти раз он отрывал меня от земли и кидал наземь или на негостеприимные валуны. Обоим моим товарищам тоже пришлось туго. За две ходки Дикасон расшиб колено и лодыжку и потерял матросский нож, а Кемпбелл лишился компаса и нескольких зарядов для револьвера. Счастье наше, что мы вообще сумели пройти. Абботту и Браунингу, например, пришлось спрятать ящики на полпути к пещере, хотя сами они дошли до нее, чтобы взять примус и кухню. Было уже поздно, и они успели сходить только за морской водой и салом. Тем не менее самое необходимое у нас было под рукой, и вскоре мы отметили новоселье вполне хорошей похлебкой, хотя и в недостаточных количествах. Надеюсь, и дальше у нас будут похлебки не хуже, ибо, по моему глубокому убеждению, нет ни малейшей надежды на приход судна. Затем мы расстелили тюленью шкуру, уселись на нее, чтобы теплом своего тела растопить несколько ледяных бугорков под ней, поверх положили в два слоя линолеум, заткнули входное отверстие палаткой, чтобы не проникал снег, и улеглись спать.

Хорошо, конечно, лежать в мешке и не слышать хлопанья палатки над головой, но, пока мы не сделали хорошей изоляции, в пещере очень холодно. Я съел сегодня целую банку сала, нарезанного крупными ломтями, и чувствую себя потому намного лучше, но с нетерпением ожидаю завтрашней раздачи сухарей. Их пришлось переносить в открытом виде, а это сильно подрывает твердость характера. Вечером спели несколько псалмов, но больше не припомнили».

Восемнадцатого буран продолжался, не прерываясь ни на минуту, весь день, но это не мешало нам работать над улучшением пещеры. Довели ее до окончательных размеров — 12 футов на 9 [3,66х2,75 м], — осталось еще добавить фута два [0,61 м] в высоту.

Мы смогли целиком посвятить работе не только этот, но и следующий день, что оказалось большой удачей, так как вечером девятнадцатого Левик, Абботт и Браунинг, совершенно обессиленные, без вещей, появились в пещере. Рано утром буря, разъярившись, переломила три бамбуковые стойки с наветренной

стороны, как если бы это были камышинки. Палатка рухнула на головы людей, и острые концы стоек прорвали брезент. Рассказ Левика о происшествии и последующих злоключениях их троицы заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным дословно:

«Ветер бушевал всю ночь, а к 8 часам утра достиг ураганной силы. На входном клапане, бешено развевавшемся во все стороны, зияла огромная дыра, и Абботт принялся ее латать, но вдруг бамбуковые стойки подались, затрещали, и через минуту палатка обвалилась, под воздействием огромной силы ветра так прижав нас к земле, что мы едва могли пошевелиться.

Положение было отчаянное. Абботт с большим трудом умудрился пробраться к своему мешку и влезть внутрь. Некоторое время мне казалось, что самое разумное в нашем положении — лежать спокойно и ждать, чтобы ветер спал. К этому времени снег и льдины, наваленные на стенки палатки с внешней стороны, смерзлись в плотную массу, не дававшую ветру проникнуть под палатку и унести ее. Мы не ели двенадцать часов, нас мучил голод. Попытались было жевать находившийся в палатке большой кусок тюленины, но мясо примерзало к губам, к тому же оно поддавалось зубам только по краям — мороженая сердцевина по твердости не уступала железу. На всякий случай все надели ветрозащитную одежду.

К полудню, видя, что буря не успокаивается, я решил действовать. Браунинга оставили лежать на мешках, а Абботт и я не без труда нашли выход и вылезли наружу. Ветер дул с такой силой, что мы не могли ни на секунду выпрямиться во весь рост. Я хотел найти место где-нибудь в затишке и поставить запасную палатку. На четвереньках мы обогнули кучу моренных камней, но и здесь, с подветренной стороны, было ничуть не лучше. Ветер задувал сверху и с боков, ничто от него не защищало. Устав от борьбы с ним, мы снова заползли под палатку. Влезли в мешки и лежали часов до четырех. К счастью, у меня сохранились две плитки шоколада и один сухарь, мы разломали их на три части, и это была вся наша еда за целый день.

Солнце близилось к закату, а ветер не утихал. Надо было приложить все силы, чтобы добраться до другой партии в иглу — не оставаться же на ночь в таком положении. Мы выползли из-под брезента и навалили

льдины и камни с морены на палатку со всем ее содержимым, особенно на спальные мешки. Взять их с собой при таком ветре мы не решились.

После этого пустились в путь. Прежде всего нам предстояло пересечь полмили [805 м] чистого голубого льда, двигаясь почти точно навстречу не стихающему ветру. Выпрямиться мы не могли и весь путь проделали на четвереньках, ложась при особенно сильных порывах на живот. Пока доползли до конца льда, хлебнули горя. Как сейчас вижу побитые лица товарищей, свинцово-синие, с белыми пятнами обморожений. На берегу острова нам удалось укрыться за огромными камнями и оттереть замерзшие носы, уши и щеки. Проползши еще шестьсот ярдов [549 м], мы достигли незаконченной иглу, в которой забаррикадировалась половина нашей партии. Долго кричали, прежде чем они услышали и впустили нас. Встретили нас очень тепло и накормили горячей пищей, вкуснее которой, наверное, мы не ели за всю свою жизнь».

После прибытия бездомной партии сварили суп, приведший всех в самое благодушное настроение. Согревшись от еды, все на час-другой забыли о невзгодах и запели. Концерт получился на славу, как никогда. Зрелище было очень приятное, и стоит мне закрыть глаза, как передо мной встает маленькая пещера, вырубленная во льду и снегу, с хлопающей на ветру палаткой вместо двери, удерживаемой у краев входного отверстия перекрещенными ледорубом и лопатой. В то время казалось, что больше нечем закрыть проем, но в сентябре, когда пришлось чинить палатку, мы горько сожалели о том, что не нашли более безобидного способа защиты от ветра. Пещеру освещают три или четыре маленьких жирника, источающие мягкий желтый свет. У стены лежат в спальниках, отдыхая после трудового дня, Кемпбелл, Дикасон и я, напротив, на возвышении, еще не выбитом до уровня остального пола, сидят Левик, Браунинг и Абботт, обмениваясь впечатлениями о поглощаемом ими супе. Примус весело гудит под котлом с подкрашенной жидкостью, заменяющей какао. По мере того как гости согреваются, у них пробуждается чувство юмора, мы перекидываемся остротами, но сегодня все преимущества на нашей стороне — авария в той палатке и вынужденный уход от родных пенатов — неисчерпаемая тема шуток. Вдруг кто-то заводит песню, остальные хором ее подхватывают, вмиг заглушая шум примуса. Поют несколько часов. Но вот свет начинает меркнуть, и холод

берет верх над действием супа и какао. Поющих одного за другим пробирает дрожь, невольно все начинают думать, какая трудная предстоит ночь, и тут становится не до песен…

Двое в одном одинарном спальнике! Даже самая мысль об этом мучительна и ни у кого не вызывает желания шутить. Шутки посыплются на следующий день, когда ночь благополучно закончится, а пока что ее близость наводит на грустные размышления. Но делать нечего, каждый из нас готовится приютить у себя еще одного человека.

Левик ложится к Кемпбеллу, Абботт к Дикасону, Браунинг ко мне. Худые благодарят господа бога за свое телосложение — сегодня от комплекции зависят удобства ночевки. Я худой. Браунинг — тем более, и за полчаса он умудрился втиснуть в мой мешок все свое туловище кроме плеч, но мы старались согреть их, плотно прижимаясь к обитателям соседнего мешка. Тут конечно, уж не до сна. Из мешка Кемпбелла и Левика каждые несколько минут раздавались звуки, бесспорно свидетельствовавшие о каких-то неполадках, Абботт и Дикасон, судя по многим признакам, также испытывали большие неудобства. В их мешке произошло самое яркое событие той ночи: Абботт по своему обыкновению ухитрился заснуть, а Дикасон, находившийся внутри, чуть ли не задохся, пока убеждал своего напарника высвободить его голову. В течение ночи то и дело кто-нибудь начинал возиться, ворочаться, передвигаться с места на место, и еще никогда мы так не радовались лучу света, который в это время года возвещает начало дня. Буря продолжалась, но, наученные горьким опытом, мы после завтрака презрели ветер и принесли спальные мешки в пещеру.

Так прошла первая ночь в новом жилище. Уже утром она стала неиссякаемым источником для подшучивания. Но в наследство от нее у меня на всю жизнь остался кошмарный сон — будто я медленно задыхаюсь под подушкой из гагачьего пуха. А мне, безусловно, было намного лучше, чем другим участникам партии.

Глава XVII
Зимний быт

Суп из тюленины и сала. — Лакомства в малых дозах. — Скудный рацион — тайное благо. — Обязанности повара. — Рыба из чрева тюленя. — Дверь в пещеру. — Теплоизоляция. — Жировые печи. — Строительство тамбура. — Нам не страшна непогода. — Празднование последнего дня месяца. — Отсутствие табака. — Заменители табака — древесные стружки, чай, сеннеграс, грубошерстные носки. — Влияние мясной диеты на самочувствие. — Сновидения о еде и спасательной партии. — Пещера внутри. — Тюленья кровь — приправа к супам

Итак, девятнадцатого марта мы окончательно переселились в новое жилище, и отныне все наши помыслы были направлены на то, чтобы как можно лучше в нем устроиться. С середины февраля выдача лакомств была полностью прекращена, но теперь я раскрыл ящики с шоколадом и сахаром и начал их выдавать по скудной норме, почти не изменявшейся до конца зимы.

Непрекращавшийся ветер открыл нам глаза на опасность, угрожавшую партии, если не удастся запастись тюленьей на весь зимний сезон. Хорошо уже представляя себе, на сколько хватает одного тюленя, я подсчитал, что даже при половинных пайках требуется по крайней мере пятнадцать туш. Мы же пока что убили только шесть ластоногих, причем двоих не разделали, из-за чего их мясо можно было использовать лишь при крайней необходимости. Тюлени любят ветер не больше, чем мы, и пока с плато задувает, вряд ли они будут появляться в большом числе. Вывод один — придется сесть на голодную диету. Рацион сократили наполовину, соответственно, похлебки стали жиже и хуже насыщали. В них теперь обязательно входило тюленье сало, нарезанное дюймовыми кубиками [2,54 см]. В этом виде, как мы убеждались неоднократно, оно выделяло меньше жира.

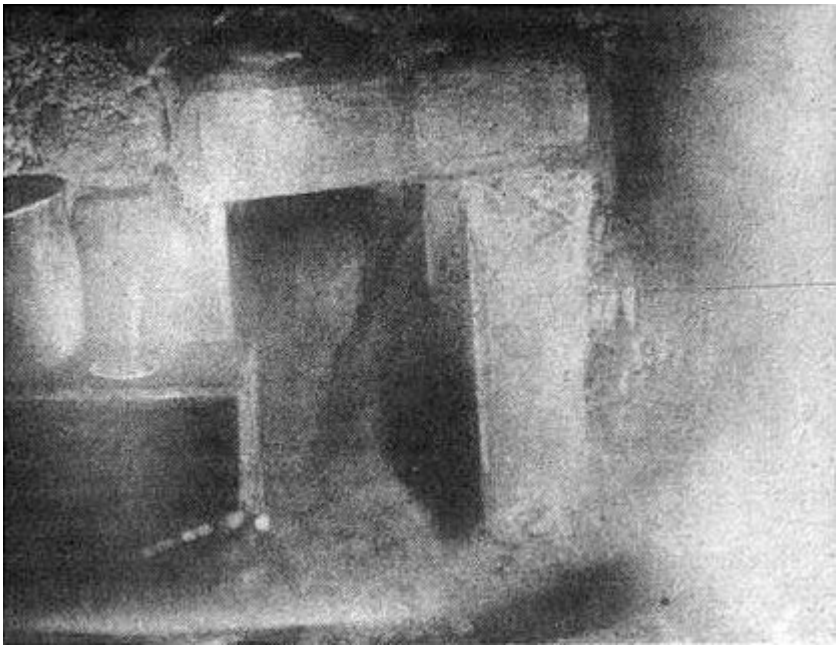
Кроме тюленины, заготовили несколько пингвинов Адели и приберегали их для утреннего супа. Пингвинятина пользовалась большим успехом. Тюленина, довольно пресная, вскоре всем приелась, хотя, казалось бы, голодным людям все хорошо, пингвинье же мясо придавало утренней похлебке некоторую пикантность, она становилась как бы новым блюдом. Пингвинятина и некоторые другие приправы (о них пойдет речь

ниже) помогали нам в течение стольких месяцев выносить неизменный тюлений суп.

О сухарном пайке я уже говорил, остается сказать о других немногочисленных продуктах, имевшихся у нас в таких ничтожных количествах, что они тоже стали символом роскоши. После того как половину сухарей, сахара, шоколада и какао мы отложили для месячного санного перехода по берегу, на зиму осталось очень мало провизии. Я разделил ее на порции и выдавал по двенадцать кусков сахара на брата в воскресенье, полторы унции [44,7 г] шоколада — в субботу и каждую вторую среду, двадцать пять изюминок — в конце месяца. И еще остался небольшой неприкосновенный запас для празднования дней рождения и других особых случаев.

Во время летнего санного путешествия мы, к счастью, сэкономили несколько пачек чая, и когда утратили надежду на приход «Терра-Новы», их тоже отложили про запас. Кроме того, на зиму оставалось двенадцать банок какао, и по зрелом размышлении решили их использовать следующим образом. Пять дней в неделю кок сыпал в котел с кипящей водой три чайных ложки какао — ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы заглушить запах сала, которым неизменно отдавал кипяток из наших котлов. В воскресенье эту функцию выполняли три ложки чая, в понедельник заново кипятили те же чаинки или же пили чистую воду. Подобный напиток не расстраивал нервную систему и не отягощал пищеварения, и человек с богатым воображением при желании мог отчетливо различить вкус чая в первой заварке. Вторичной не в силах была помочь даже самая буйная фантазия, и в середине зимы большинство из нас обычно голосовало за чистую воду, а использованные чайные листья отдавали курильщикам. Чай подсушивали в жестяных мисках над лампами для чтения, смешивали со стружками, которыми были переложены банки с мясным экстрактом фирмы «Оксо», и курили вместо табака.

Имевшийся у нас с собой небольшой запас «Оксо» явился величайшим благом, так как экстракт придавал супам специфический вкус. Раз в три дня у нас был суп «Оксо», который все ждали с нетерпением.

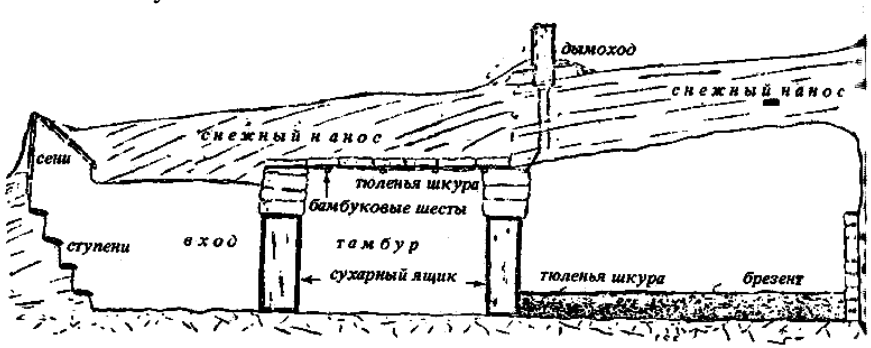


Дверь в пещеру

Таков был в общих чертах наш зимний рацион, разнообразившийся время от времени теми или иными приправами, о которых я не премину упомянуть в ходе повествования. Конечно, в него внесло радикальные изменения затянувшееся сверх всех ожиданий вынужденное пребывание на острове Инекспрессибл. В глубине души я уверен, что недостаток мяса и сала тюленя, причинявший нам в то время столько страданий, на самом деле оказывал благотворное действие. Будь этой высокопитательной еды сколько угодно, имей мы возможность наедаться до отвала, вряд ли наши органы пищеварения и печень выдержали бы такую нагрузку. Мы бы стали мрачными и раздражительными, вполне возможно, что к концу шести месяцев перессорились между собой и мир в пещере так и не восстановился бы. Все мы, конечно, познали муки голода, мало кому выпадающие на долю, но тем не менее на протяжении всей зимы чувствовали себя на удивление хорошо для данных обстоятельств. И объясняется это прежде всего той же самой причиной, которая вызывала столь мучительную сосущую боль в животе, — недоеданием.

До переселения в пещеру мы придерживались походного распорядка дня, то есть Дикасон варил еду в палатке, Браунинг — в другой, но теперь решили кухарить по очереди. Поскольку мы еще пользовались примусом и готовили только два раза в день, кухонные обязанности не слишком обременяли кока и он мог

участвовать в общей работе. Только позднее, когда для экономии керосина пришлось изобрести жировую печку, готовка стала отнимать все время, причем не у одного участника партии, а у двоих. Но до этого дежурный после завтрака присоединялся к товарищам и вместе со всеми занимался благоустройством пещеры или охотился на тюленей и пингвинов. Возвращался домой он всего на полчаса раньше других, чтобы успеть приготовить ужин.



Пещера в разрезе

Двадцать первого ветер немного утихомирился, во всяком случае настолько, чтобы можно было работать снаружи. Разделились на две партии, одну Кемпбелл повел на морену за оставшимися вещами, вторая под моим началом заканчивала копать пещеру. Браунингу в одной из ходок необычайно повезло. Он заметил тюленя, только что поднявшегося на припай, и, выполняя инструкцию Кемпбелла, сбросил с себя груз и убил животное. В желудке у него мы обнаружили тридцать шесть еще не переварившихся рыб, вполне годных в пищу, и съели каждый по три на ужин и столько же на следующий день на завтрак. Две рыбины торчали еще в глотке тюленя, мы их вынули живыми. Этот незабываемый день внес искру оптимизма в наше существование. Сейчас я бы на такую еду не позарился, но тогда она казалась пищей богов, ничего вкуснее я в своей жизни не ел. Важно и то, что охота получила новый стимул. Правда, тюлени со съедобной начинкой больше не попадались, но мы не теряли надежды на встречу с таким экземпляром. Впредь при виде тюленя кто-нибудь восклицал: «Рыба!», и все наперегонки бросались к животному.

Закончив копать пещеру, мы смастерили из ящиков для сухарей прекрасную дверь. По обеим сторонам входа поставили два ящика по вертикали, сверху на них взгромоздили третий по горизонтали, оставшиеся пустоты между ними и стенками пещеры заполнили снежными блоками. Вертикальные ящики

отрегулировали так, чтобы между ними беспрепятственно проходили большие котлы, все щели и дыры тщательно забили снегом. Вот когда мы оценили по достоинству наши жирники! Новая дверь полностью преградила доступ естественному свету, светильники горели все время. Необходимые нам снежные блоки мы вырубали морскими ножами из той части сугроба, где снег еще не смерзся окончательно, а те, что не понадобились для двери, втащили в пещеру и уложили вдоль стен для улучшения изоляции.

В довершение дела до прихода рабочей партии к ужину над дверным проемом закрепили ледоруб, к его древку привязали мешок со шкимушкой[89], и он, свесившись вниз, полностью закрыл дверной проем. Это была первая теплая ночь, проведенная в пещере.

Уложив по всем четырем стенам пещеры первый ряд снежных блоков, мы занялись теплоизоляцией пола и прежде всего целиком покрыли его слоем камушков и мелкого гравия. На них настелили толстый слой сухих водорослей толщиной в несколько дюймов, которые, по-моему, сослужили партии зимой верную службу, как ничто другое. Благодаря этому прекрасному изоляционному материалу нам больше не угрожали холодные ночи: после того как водоросли покрыли брезентом от палатки, спальные мешки всегда были сухими, а мы сами не мерзли.

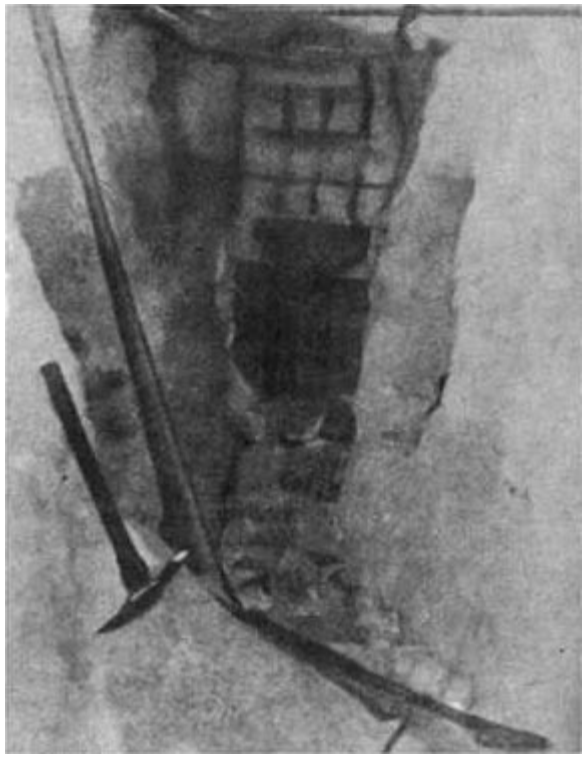
Затем мы снова обратились к стенам и за два-три дня нарастили первый ряд снежных блоков до нужной высоты. Сначала предполагалось довести изоляцию на всех четырех стенах до самого потолка, но, дойдя до половины, мы убедились, что у нас достаточно тепло, и на этом остановились. Незавершенная снежная стена оказалась очень полезной, ее использовали в качестве полки для ламп, книг, одежды и т. д. После этого я ледорубом выбил в углу пещеры неглубокую, всего лишь на 6 дюймов [15,24 см], квадратную нишку размером три фута на три [92х92 см] для коков и выложил ее большими плоскими камнями. В течение многих месяцев она с успехом заменяла очаг.

С двадцатого марта я систематически наблюдал за расходованием керосина и пришел к выводу, что при таких темпах его запасы очень скоро иссякнут. До сих пор мы были по горло заняты благоустройством пещеры, теперь же, когда в основных чертах закончили его, можно было подумать и о жировых печах. И вот 27 марта мы предприняли первую попытку готовить на сале. Для печек — их было четыре — приспособили банки из-под керосина. Каждую на высоте трех дюймов [7,62 см] ото дна консервным ножом перерезали поперек. Верхняя часть в

перевернутом виде служила резервуаром для горючего, нижняя — поменьше — собственно печкой. Эти первые печки, в которых горел пропитанный жиром фитиль, имели несколько недостатков. Главный заключался в том, что для того, чтобы сварить суп на двух печках, на двух других требовалось вытапливать жир, то есть одновременно горели все четыре. Система фитиля тоже была крайне несовершенной. Для этой цели использовались куски просмоленного каната, а он горел плохо. Такой фитиль давал или слишком мало огня — ненамного больше, чем лампы для чтения, — или наоборот, если в резервуаре кончалось горючее, вспыхивал ярким пламенем, быстро прогорал и гас. Забывая, что пещера состоит изо льда, мы подчас боялись, как бы она не занялась у нас над головами.

Что было делать? Только продолжать экспериментировать с имеющимися материалами. Результаты опытов не замедлили сказаться: после первого же испытания печей все вокруг стало черным-черно от сажи и мы сами очень скоро окрасились в тот же цвет, в полной гармонии со всей обстановкой. Сажа намертво приставала к нашей одежде, насквозь пропитавшейся ворванью, отодрать ее было невозможно. Потолок, стены, спальные мешки, кухонная утварь, ящики с продуктами — все и вся становились все чернее и чернее, но преображение партии и всего нашего имущества достигло апогея, когда Браунинг подложил в огонь немного водорослей. Это сильно ускорило дело, поступление жира со сковородок невероятно увеличилось, но он слишком внезапно загасил огонь, и мы пулей вылетели на воздух.

В то время как коки экспериментировали с печками, остальные работали снаружи. Трое усердно трудились над сооружением тамбура, который пробивали в снегу на уровне пола пещеры. Я вырубил проход в несколько ярдов длиною, Кемпбелл и Дикасон покрыли его бамбуковой решеткой, на нее положили куски замерзших тюленьих шкур, а сверху — снежные блоки. Получился тамбур с небольшим отверстием на выходе его на поверхность, которое закрыли тюленьей шкурой, легко подымавшейся вверх. Таким образом мы были почти герметически закупорены в пещере, в ней стало тепло и уютно, и только вентиляция оставляла желать лучшего: днем не было житья от дыма жировых печей.



Тамбур в процессе строительства (видна дверь в пещеру)

К концу марта мы прочно обосновались в своем новом жилище. Теперь нам была не страшна никакая непогода. Да и таких удобств у нас не было давно! Правда, кое-что еще находилось в экспериментальной стадии, в частности, от печек было пока мало толку, но весь месяц их понемногу совершенствовали. Одним словом, можно было надеяться, что мы успешно перезимуем, но при одном важнейшем условии: если добудем еще тюленей и пингвинов.

На протяжении всей зимы мы торжественно отмечали последний день каждого месяца, и первым таким праздником явилось 31 марта. Я выдал по 25 изюминок на человека. Мы уже забыли, когда ели нечто подобное, и, конечно, никто из нас никогда, ни до, ни после, не получал такого наслаждения от простого мускатного изюма. Отбросов не было — съели и косточки, и черешки, а кто не съел, тот выкурил.

Отсутствие табака в числе прочих лишений угрожало в самом недалеком будущем преобладающей части партии. Имевшийся табак можно было растянуть на три месяца из расчета одной трубки в день на каждого из пятерых, поскольку я не курю. Самые предусмотрительные из курильщиков искали способы дополнить каким-нибудь образом эту норму и пробовали разные суррогаты.

У нас был с собой счетчик пройденного пути для саней, сделанный из тикового дерева специально для партии судовым плотником Дэвисом. Кемпбелл отломал от него ручку и разделил на пять частей по числу курильщиков. Дерево раскалывали на лучинки, добавляли немножко табаку и закладывали в трубки. Впоследствии такая же участь постигла еловые стружки, в которые были запакованы банки «Оксо». Об использовании чая я уже упоминал, но что он по сравнению с сеннеграсом, сухой травой, которую мы клали для тепла в меховые ботинки. Дикасон поговаривал, что надо бы попробовать превратить в курево пару грубошерстных носков, но осуществил он свой замысел или нет — не знаю. Несмотря на заменители, число некурящих в партии быстро возрастало, — какой курильщик удовольствуется одной трубкой в день? Ко дню летнего солнцестояния курил регулярно только Левик, но и он, незадолго до того как мы покинули хижину, пополнил ряды некурящих.

Несмотря на скудное питание, а может быть, как я уже говорил, именно благодаря ему, в общем все были вполне здоровы, и недомогания вызывало только вынужденное употребление морской воды взамен соли и сырого или, в лучшем случае, полусырого мяса. Соль практически кончилась вскоре после санного похода — одну банку я отложил на крайний случай, — и чтобы супы были съедобными, в них стали добавлять морской воды. Поначалу наши желудки восприняли ее плохо, но постепенно к ней привыкли все, кроме Браунинга, который так и не смог есть такие супы. Он болел из-за них с самого начала зимы, и со временем это стало одной из самых серьезных наших трудностей. Остальным похлебки на морской воде так полюбились, что обычная столовая соль казалась уже пресной, ей по возможности предпочитали морскую воду или морской лед.

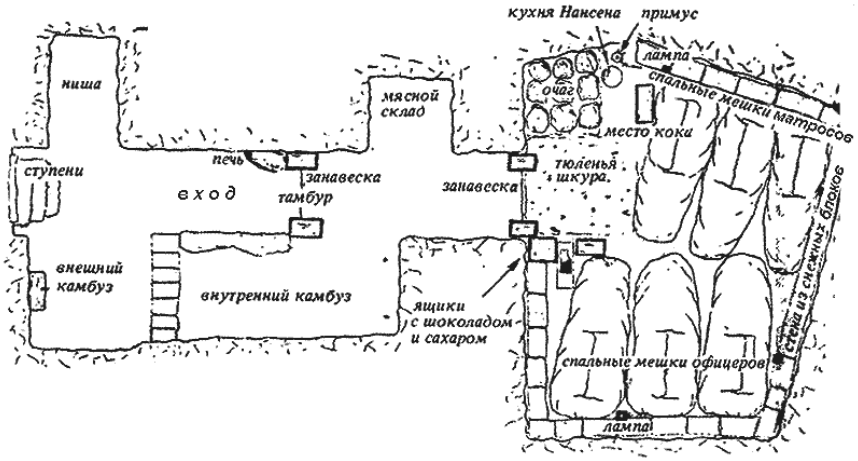
Значительно более серьезные последствия имел переход на исключительно мясную диету. С ней организму было труднее примириться. К наименее неприятным ее результатам следует отнести упорные ревматические боли в бедренных и плечевых суставах.

Вынужденная задержка на острове сначала подействовала угнетающе на психику людей, и к концу февраля партию охватило уныние. Вскоре, однако, мы от него избавились, во всяком случае в дневное время, ночью же оно давало о себе знать содержанием сновидений. Сначала они так или иначе касались спасения партии. Что ни ночь, двоим, а то и троим участникам снилась «Терра-Нова», причем кто-то из находящихся на борту хотел связаться с нами. Однажды Абботт проснулся и заявил, что слышит пушечный выстрел, в другой раз Браунингу привиделось,

что он проснулся, сел и увидел напротив в спальных мешках Кемпбелла, Левика и меня, а за нами — кают-компанию «Терра-Новы», где за столом сидят Пеннелл, Дрэйк и Деннистоун и, раскачиваясь из стороны в сторону, приговаривают: «Мы не можем до них добраться! Мы не можем до них добраться!» Эти сновидения перемежались кошмарными снами о невзгодах, постигших Южную партию или «Терра-Нову» на пути в Новую Зеландию. В наших снах часто являлся Амундсен со своими людьми.

По мере того как время шло и давал о себе знать скудный паек, сны становились более разнообразными. На первых порах еда регулярно соседствовала с темой спасения и катастрофы, но потом пища решительно возобладала над всеми другими сюжетами. Каждую ночь мы сидели за банкетным столом и только собирались начать есть, как блюдо отодвигали в сторону. Или же вдруг вспоминалось, что в лавке за углом можно купить сколько угодно всяких продуктов, табака, спичек. Ругая себя за забывчивость, опрометью кидаешься туда и — о разочарование! — сегодня короткий день, лавка закрыта. С гастрономическими снами связано одно комическое обстоятельство: Левик всегда успевал до пробуждения съесть полный ужин, я же и, насколько можно судить по их рассказам, остальные товарищи неизменно просыпались до того, как прикасались к еде. Но когда со временем муки голода стали сильнее, нам начало казаться, что Левик имеет явное и несправедливое преимущество перед всеми остальными, хотя мы всегда с удовольствием слушали его рассказы о торжественном обеде или званом вечере, в котором он только что участвовал. Гастрономические сны продолжали нас навещать той зимой и позднее, а тема спасения партии почти полностью исчезла, уступив место странной мешанине из событий прошлого, настоящего и будущего, с преобладанием, впрочем, настоящего. Ниже я приведу отрывки из моих дневниковых записей о двух таких снах.

Еще ничего не говорилось о том, как выглядела пещера внутри, но об этом лучше любых слов расскажет прилагаемый план.



Пещера в плане

Пол был разделен на две равные части — одна для офицеров, другая для матросов, — в углу ютился камбуз. Каждый использовал кусок теплоизоляционной стены непосредственно у своего спального мешка как полку для запасной одежды, книг и т. д., то, что не помешалось, клали под голову. Поскольку я был главным интендантом, вдоль моего мешка и в ногах стояли немногочисленные ящики с продуктами, так что я мог их доставать, не поднимаясь со своего ложа. Такое расположение вещей несколько ограничивало свободу движений, но в целом оно оказалось весьма целесообразным: я мог выдавать продукты, не наступая на товарищей и их спальники.

Непрерывные сильные ветры вынуждали нас ограничивать выходы наружу только самыми необходимыми. Из-за того, что пещера имела в высоту всего-навсего 5 футов 6 дюймов [1,68 м], никто не мог выпрямиться во весь рост, и тем не менее никого не тянуло просто так, ради моциона, выйти погулять туда, где отчаянный ветер вмиг пронизывал насквозь нашу тонкую одежду. Иное дело, конечно, выходы, абсолютно необходимые для жизнеобеспечения партии, и мы надеялись, что они сохранят нам хорошую форму. Ежедневный обход припая в поисках тюленей, посещение складов и возвращение домой с грузом мяса и сала, работа в тамбуре у входа, в стенах которого мы выбили маленькие ниши для вещей, доставка в пещеру камней, снежных блоков, морских водорослей для теплоизоляции — вот и вся наша физическая нагрузка на протяжении зимы.

Однако, при всех ее плюсах, работа на свежем воздухе имела тот недостаток, что увеличивала муки голода: напряженный рабочий день означал усиление физического дискомфорта. Его в какой-то мере нейтрализовало важное открытие — супы стали

варить не на чистом льду, как прежде, а на льду, пропитанном кровью тюленя. Горячая кровь только что убитого тюленя стекает наземь, и через несколько часов образовавшаяся лужица намертво замерзает. Мы по очереди ходили с мешком, лопатой и киркой к этому месту, выламывали глыбу льда и приносили к пещере. По мере надобности от нее отламывали кусок и клали в суп, получалась густая похлебка, в которой ложка стояла. Суп стал намного вкуснее, питательнее и, конечно, создавал ощущение большей сытости. Уничтожив полтора котла такой похлебки, мы чувствовали, что хоть мало, но поели, и могли проработать весь день.

Глава XVIII
Апрель

Погода улучшается. — Действие непрерывных ураганов на настроение партии. — Инцидент с жирником. — Кому крошки со дна мартовской коробки из-под сухарей? — Жировая печь. — Развлечения. — Книги, пение. — Субботний и воскресный концерты. — Еще три тюленя Уэдделла в нашей кладовой. — Муки кока. — Первое радикальное усовершенствование жировой печи. — Определение времени в темноте. — Дымоход. — Метель. — Море без льда.

Апрель начался двумя сравнительно хорошими днями — ветер не превышал средней силы, — и вообще этот месяц по погоде был лучшим за всю зиму. Выпало даже два таких дня, когда пятнадцать или шестнадцать часов подряд было почти совсем тихо, и именно этому, несомненно, мы обязаны своими охотничьими успехами. Теперь на складе было достаточно тюленьих туш, чтобы мы могли не опасаться голодной смерти. Прекращение ветра, пусть временное, пришлось очень кстати, так как непрестанные бури вконец нас измотали. Исчерпав весь свой запас бранных слов, мы теперь работали вне дома молча, нервы у всех были так напряжены, что разговаривать не хотелось. Работа за пределами пещеры состояла преимущественно в перетаскивании тяжелых грузов, и что ни час, то одного, то другого ветер с силой швырял на огромные гранитные глыбы, из-за которых около Убежища Эванс было трудно ходить даже в спокойную погоду. Левик однажды справедливо заметил, что, хотя дорога в ад вымощена, как известно, добрыми намерениями, сам ад, по нашим представлениям, должен сильно смахивать на остров Инекспрессибл.

Обычно ветер дул порывами, и если устоять против вихря и не опрокинуться навзничь еще удавалось, то удержаться на ногах при наступлении неожиданного затишья было несравненно труднее. А упав, невозможно было подняться из-за груза мяса или сала на спине. Оставалось лежать на земле, грозя кулаком разыгравшейся стихии и чувствуя, как глаза наполняются слезами ярости, а сам ты просто кипишь от бессильного гнева. Если такая ситуация может иметь положительную сторону, то она заключалась в том, что стоило уйти с ветра в покой пещеры, как ее умиротворяющая атмосфера заставляла на час-другой

полностью забыть о борьбе с яростными атаками ветра и их последствиями. Ничто не испытывало наше терпение так, как ветер, еще немного — и чаша переполнилась бы, мы бы превратились в каких-то бездумных автоматов или, еще хуже, потеряли разум. Даже самая обычная метель иногда сильно досаждает, но человек, переживший бурю в умеренных широтах, может составить себе только самое отдаленное представление о том, что значил для нас непрерывный ветер, дувший с плато. Вообразите, например, что самый сильный из пережитых вами буранов усилен в два раза, что температура почти все время ниже нуля, а потому стоит выйти на ветер, как вы обязательно обмораживаетесь, что так дует из недели в неделю. Представьте себе, далее, партию людей, ослабленных постоянным недоеданием, в легкой, изорванной летней одежде, в грязных носках и рукавицах. Соедините эти два представления воедино — и вот перед вами обстановка, которая доводит участников партии до исступления.

Для меня месяц начался неудачно — 1 апреля произошел инцидент с жирником, имевший довольно неприятные последствия. Коки отказались то ли от одной, то ли от двух жировых печей за негодностью, и мы превратили их в лампы для чтения, благо они были больше прежних и горели ярче. Я поставил лампу слишком близко к краю снежной полки, по мере нагревания снег под ней размягчался, край стаивал, и в конце концов лампа накренилась и упала. Около полупинты [284 мл] жира пролилось на мой рюкзак с запасной одеждой и линолеум под спальным мешком. Я быстро скатал мешок и принялся изо всех сил скрести линолеум ножом, но так и не сумел отодрать весь жир. До конца зимы мой мешок и пол под ним были самыми грязными.

Таких происшествий, на счастье, больше не было, если не считать еще более неприятного случая с Браунингом: его лампа вдруг совершила прыжок и приземлилась прямо у него в рюкзаке. Срочные меры, конечно, несколько сократили размеры бедствия, но все же последствия в виде грязных вещей и мешка остались.

Наш сухарный рацион исчислялся из нормы одна банка на месяц, таким образом к 1 апреля мы закончили мартовскую банку и разыграли крошки с ее дна. Во всех тех случаях, когда появлялось немного лишней еды, но в таких количествах, что делить ее не имело смысла, мы прибегали к способу, родившемуся скорее всего в кают-компании младших офицеров.

Состоял он в том, что ведущий выбирал слово с бо́льшим количеством букв, чем было присутствующих. Остальные по очереди называли порядковый номер выбранной ими буквы в

этом слове — вторая, третья, пятая и т. д., кто-нибудь делал это вместо ведущего. Затем оглашалось выбранное слово и тот, чья буква ближе всего находилась к началу алфавита, получал деликатес. Допустим, что было выбрано слово «вежливый», а названы буквы первая, вторая, третья, пятая, седьмая и восьмая. Выигрывал тот, кто назвал первую букву, так как «в» ближе к «а», чем «е», «ж» и т. д. В нашем случае счастливчик становился обладателем смеси из равных долей сухарных крошек, гранита, парафина, снега, льда и замерзшего пеммикана.

Второго апреля суп впервые сварили на жировых печах, имевших каждая по несколько фитилей. Эксперимент прошел удачно, суп был готов за час. Это означало большую экономию керосина, потому что отныне можно было варить эту часть ужина без него. Но вот каната для фитилей у нас было очень мало, требовалось найти какой-нибудь заменитель. День, когда мы впервые приготовили суп на самодельной жировой печи, также вошел в наш календарь как знаменательная дата и был отмечен веселым вечером. Вообще во все эти месяцы время после вечерней еды было самым приятным временем суток — хотя бы на эти несколько часов нам удавалось отвлечься от мыслей о родных и близких.

Когда дневальные, завершив свои дела, подсаживались к остальным, Левик прочитывал вслух одну главу из «Давида Копперфильда». Каждый вечер обязательно читали на сон грядущий одну главу, пока не закончили все три имевшиеся у нас книги. «Давида Копперфильда» хватило примерно на шестьдесят вечеров, и к концу второго месяца никому не хотелось с ним расставаться. Его, однако, с большим успехом заменила «Жизнь Стивенсона», растянувшаяся то ли на две, то ли на три недели, за ней последовал «Шутник Симон». Он занял значительно меньше времени, ибо герой так всем полюбился, что одной главой за вечер не довольствовались, требовали двух или даже трех. Слабохарактерный Левик поддавался уговорам, и последняя книга была прочитана за несколько дней. Кроме того, у нас было с собой два экземпляра «Ревю оф Ревюс», их изучили от корки до корки, включая объявления и все прочее.

Мы захватили с собой в летний поход один-два журнала, но, к сожалению, я завертывал в них геологические образцы и зимой часто горько сожалел об этом. Взятые матросами «Декамерон» и несколько романов Макса Пембертона довершали нашу библиотеку. Еще имелась машинописная копия моего дневника за первый год экспедиции. Обычно я читал его вслух по воскресеньям, и мы сравнивали прошлогодний день на мысе Адэр с теперешним. В воскресенье же Кемпбелл читал главу из

карманного издания «Нового Завета», а затем мы пели псалмы.

Глубокая полость в глыбе гранита

Голос из всей партии был только у Абботта, но бог обидел его памятью. Дикасон и Браунинг, когда-то певшие в хоре, знали куски из Благодарственной молитвы и отрывки псалмов, я тоже кое-что припоминал. Общими усилиями мы восстановили с десяток псалмов, звучавших почти в первозданном виде. Если слова никак не приходили на ум, мы заменяли их строкой собственного сочинения. Чаще всего исполнялось две-три строфы из четырех или пяти, но после возвращения домой я установил, к своему удивлению, что по крайней мере в одном случае мы даже добавили лишний стих. Начисто лишенный голоса, я тем не менее был главной опорой воскресных концертов: мальчиком меня каждое воскресенье дважды водили в веслианскую часовню и заставляли слушать проповедь (слишком длинную для ребенка). Смотреть мне разрешалось только в псалтирь, и я развлекался тем, что заучивал понравившиеся псалмы наизусть. Некоторые я запомнил на всю жизнь. Теперь мое прилежание в те отдаленные дни было щедро вознаграждено, так как более всего наши вечера делала приятными способность производить «веселый шум». Мы плохо помнили мелодии, но у псалмов они простые и очень красивые, и, думаю, воскресные концерты

доставляли нам даже больше удовольствия, чем субботние.

В субботу мы ведь тоже пели. После обеда, выпив «за здоровье жен и любимых» жалкого подобия какао, мы запевали популярные старые песни, известные морякам и путешественникам во всем мире. С тех пор до гробовой доски такие песни, как «Домой», «Равнины», «Тора», «Десантная батарея» и многие другие будут напоминать нам пение хором в субботу вечером, и всякий раз, слыша их, мы станем устремляться мыслями через пространство и время к тому уголку Антарктики, где под снегом погребены остатки нашей пещеры. Сейчас, когда время оказало свое целительное действие на воспоминания, эти вечера кажутся мне настолько приятными, что, оглядываясь на них из своего кресла в кембриджской квартире, я ощущаю легкий налет грусти и сожаления, что они миновали и больше не повторятся.

Пятого апреля мы заметили трех тюленей Уэдделла, убили их и разделали. Последующие два дня были заполнены тем, что мы переносили и прятали в тайник у подошвы припая мясо, шкуры, сало, из которых значительную часть я отложил в качестве неприкосновенного запаса на весенний санный поход.

В этот день жировая печь дымила так ужасно, что пришлось ее вынести в тамбур, а обед доварить на примусе. До сих пор в пещере не было дымохода, так как, боясь ослабить потолок, мы не решались пробить в нем отверстие. В результате дым выходил только в верхнюю часть дверного проема, имевшего в высоту всего лишь два фута [61 см]. Естественно, вся пещера выше этой отметки заполнялась едкими красновато-коричневыми парами горящей ворвани, и тогда в пещере можно было находиться, только спрятавшись в спальный мешок. Дежурный терпел сколько мог, когда же ему становилось невмоготу, уступал место напарнику, а сам выскакивал в тамбур отдышаться. Всю зиму легкие наши, наверное, были черными от дыма, то есть внутри мы были не чище, чем снаружи. Результатом длительного пребывания в этом чаду явились воспаленные глаза и постоянные головные боли, но хуже всего то, что из глаз и носов текло вовсю, и когда наступало долгожданное время еды, мы не ощущали ее вкуса. По-видимому, жаркий огонь в жировой печи заставлял жир сильно испаряться, и в наших муках были повинны содержавшиеся в этих испарениях частички сажи.

При плохой тяге дым, больше или меньше, но обязательно досаждал нам, и нередко бывало, что у кока опускались руки, он в отчаянии валился на спальник, из глаз его градом катились слезы, а сам он тщетно старался подыскать выражение, которое восстановило бы его душевное равновесие.

Двенадцатого я сходил к складу «Врата Ада» за бамбуковыми палками и керосином. Принес также крышку от ящика с маслом взамен изрубленной в щепки крышки от шоколадного ящика, на которой мы разделывали ворвань. Новая доска из прочной древесины верно служила до конца зимы. Прошелся я с удовольствием, несмотря на сильный холод. Возвратившись домой, взял у Дикасона ножницы и подравнял себе усы и бороду, стараясь выстричь как можно больше растительности вокруг рта.

Четырнадцатого мы сделали еще один шаг вперед в эволюции наших печей: стали подкармливать их в дополнение к горячей ворвани кусками твердого сала. Прежде всего с помощью веревочного фитиля, пропитанного жиром, разводили хороший огонь, а затем жарили на нем куски сала так, что вытапливавшаяся из нее горячая ворвань стекала в горелку. Когда она хорошо прогревалась и давала пламя высотою в один-два фута [30,5–61 см], на нее ставили котел с супом. На край печи клали куски сала, и под действием тепла жир из них капал прямо в огонь.

Этот метод был намного совершеннее предыдущего, но печь требовала непрестанного внимания, оставленная без присмотра хотя бы на несколько минут, она гасла. Одним словом, чтобы довести ее до идеального при имеющихся материалах состояния, надо было еще немало поработать.

После того как мы покрыли тамбур крышей и смастерили входную дверь, даже в полдень в пещеру проникал лишь слабый тусклый свет. Требовалось найти способ узнавать утром время в темноте, не тратя на это спички. Кемпбелл решил использовать для этой цели хронометры, которые имелись у троих участников партии. Проснувшись утром, он заводил часы и по количеству оборотов мог указать время с точностью до получаса. Если он делал восемь оборотов, значит, с момента последнего завода прошло 24 часа и пора вставать. Если же часы заводились полностью с семи оборотов, он знал, что до подъема еще три часа, и оставался на это время в мешке, вновь засыпая или бодрствуя. По истечении, как ему казалось, трех часов он будил Левика просьбой завести часы. Иногда это получалось на полчаса раньше требуемого времени, тогда спустя некий интервал будили Дикасона, и тот чиркал спичкой и зажигал лампы для чтения, заправленные с вечера и стоявшие наготове.

Теперь все часы накручивали до отказа, чтобы на следующий день по ним ориентироваться. Лампы же, раз зажженные, горели, пусть не все, до вечера, пока мы не исчерпывали все занятия за день. За зиму мы только два раза использовали больше одной спички за день.

Последний день-другой печи новой конструкции чадили так сильно, что их перенесли в ниши, вырубленные в тамбуре. Но дневальные не могли там готовить из-за холода, да и дым все равно проникал через дверь в пещеру, так что чадно было по-прежнему, но мы лишились тепла от печи. Тогда решили сделать дымоход, даже если в результате потолок обвалится. Двадцать седьмого апреля я проделал ледорубом дыру в потолке и внес печь внутрь. На ночь дымоход, имевший в диаметре всего лишь два-три дюйма [5,08–7,62 см], затыкали плотным кляпом из пингвиньих шкурок. Дымоход принес большое облегчение, но зато отныне мы опасались за потолок: спустя несколько дней появилась зияющая трещина.

До сих пор нас не донимали вьюги, потому что холодный западный ветер — наш главный враг — не сопровождался снегопадами. Но вечно так продолжаться не могло, и, проснувшись утром 29-го, мы обнаружили, что тамбур полностью забит снегом. Дневальному пришлось первым делом расчистить себе путь наружу. Хуже занятия не придумаешь, в этом, думаю, со мной согласится вся партия. Ведь чтобы расчистить проход и по нему выбросить снег, впередиидущий буквально зарывался в надувы, причем на пропитавшуюся жиром одежду налипал снег. Как потом не отряхиваешься, прежде чем улечься обратно в мешок, от него ни за что не избавиться.

Но вот несчастный дневальный пробился сквозь снег к выходу и выскочил наружу. Тут вихрь подхватывает его и вмиг залепляет с ног до головы снегом. Нужно большое присутствие духа, чтобы убедить себя в том, что тебе непосредственно не угрожает смерть от удушья. Работать в метель под открытым небом крайне неприятно. Стоит хоть на минуту потерять самообладание — и вот ты уже заблудился в одном-двух ярдах [0,92–1,83 м] от дома.

Но зато как хорошо было, закончив снаружи все дела, возвратиться под кров ледяного убежища, которое во время метели казалось особенно уютным и надежным. Самая сильная буря давала там о себе знать только свистящим шорохом снега на крыше пещеры да глухим завыванием особенно неистовых порывов ветра. Эти шумы, вызывавшие в нашем представлении картину буйства стихии у самого порога дома, усиливали чувство покоя и безопасности.

Сильная пурга, продолжавшаяся до конца месяца, вынуждала держать тамбур и дымоход закрытыми, и печки причиняли массу хлопот. Но как только, к концу бури, метель прекратилась, отверстия раскупорили, и жизнь в пещере стала более сносной. Тут обнаружилось, что ветер не оставил в бухте даже следов

морского льда, но это никого не встревожило: продолжительные ветры, как мы знали по опыту, всегда уносили лед. Мы знали, что эти бури пройдут, когда минет период равноденственных штормов, что еще настанет спокойная зима и море покроется льдом. Как только ветер затихал на несколько минут, на поверхности воды появлялась накипь ледяных кристаллов. Правда, следующий же порыв уносил их на север, но было ясно, что при первой же возможности море замерзнет, а что такая возможность появится, мы не сомневались.

Глава XIX
Исчезновение солнца, или начало настоящей зимы

Последнее солнце. — Жестокие обморожения. — Усовершенствование жировых печей. — Высохшие кости тюленей — хорошее топливо. — Спасательная партия из императорских пингвинов. — Пингвины пополняют собой наши запасы. — Горькая доля дневального. — Рубка мяса с помощью геологического молотка и долота. — «Духовка». — Окончательный распорядок дня. — День дневального. — Работа под открытым небом по-прежнему неприятна. — По контрасту мы еще больше ценим комфорт.

Дни стали намного короче, и хотя теоретически солнцу следовало бы оставаться с нами до середины мая, фактически мы видели его последний раз 27 апреля. Объясняется это тем, что из-за плохой погоды мы почти не покидали пещеру, а возвышенности к северу от острова Инекспрессибл загораживали от нас северную часть горизонта.

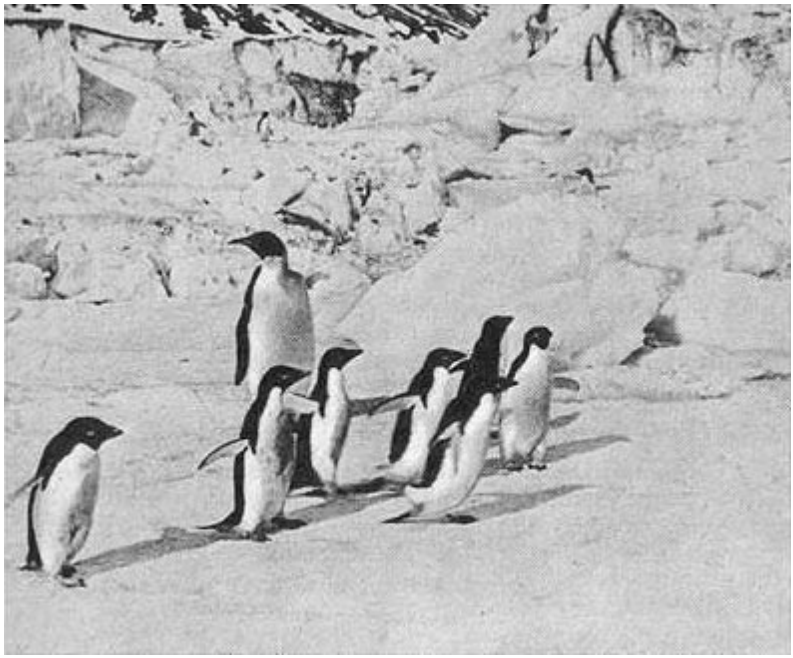
Как и следовало ожидать, май начался с сокрушительного западного ветра. Морской лед, снова образовавшийся в бухте в последние дни апреля, унесло к горизонту. Те участники партии, которые работали под открытым небом, получили серьезные обморожения. Браунинг, например, однажды вернулся в пещеру с совершенно омертвевшей белой рукой и долго растирал ее, чтобы восстановить кровообращение. Тюлени встречались так же редко, пришлось опять сократить выдачу мяса, и теперь пищевой рацион только-только поддерживал в нас силы для работы. Я подсчитал, что при таких нормах питания продуктов хватит до возвращения света, но частые обморожения свидетельствовали о том, что вряд ли мы, во всяком случае некоторые из нас, сумеем предпринимать ранней весной санные походы. Оставалось лишь надеяться, что обморожения вызваны сочетанием мороза с сильными ветрами, а не тем, что лишения ослабили сопротивляемость организма холоду.

К началу мая нам удалось добиться от жировых печей максимальной эффективности, и на этом уровне они успешно продержались до конца зимы. До сих пор больше всего хлопот было из-за того, что мы никак не могли найти способа

регулировать огонь и разжигать его без помощи веревки или лампового фитиля. Первая проблема требовала особого внимания — без ее решения печка не печка, и, обдумывая ее, мы пришли к выводу, что нужен какой-нибудь пористый материал, который бы впитывал жир и горел более или менее ровным пламенем.

Я уже упоминал о том, что на берегу близ пещеры валялись во множестве скелеты тюленей. Вот эти-то кости и пришли в конце концов нам на помощь. Однажды Кемпбелл принес несколько маленьких высохших косточек и попытался заменить ими веревочные фитили в лампах для чтения. Эксперимент оказался не особенно удачным, но тут Левика осенило, что осколки костей — именно то, что требуется для регулирования огня. Как раз на следующий день выпало наше с ним дежурство, и мы положили несколько кусочков тюленьих ребер на дно банки из-под керосина, служившей печью. Огонь горел в этот день равномерным ясным пламенем, коптил значительно меньше обычного и время приготовления супа сократилось примерно на одну треть. Он сварился даже слишком быстро — обед был готов преждевременно. Это не значит, что нам не хотелось есть, — мы с большим удовольствием уничтожили бы его и сразу после завтрака, — но из-за этого образовался непереносимо большой перерыв между обедом и утренней трапезой. Конечно, было совсем нетрудно избежать этого в следующий раз, и новое топливо, применявшееся отныне постоянно, сильно облегчило обязанности кока.

Новый способ поддержания ровного огня имел еще и то преимущество, что если он гас, а это, конечно, случалось, и нередко, то достаточно было поднести к нему зажженную лучину — и он немедленно загорался, его не приходилось раздувать. В таких случаях печка вела себя как примус, горевший некоторое время и задутый сквозняком. От раскалившихся костей вверх подымались летучие газы, немедленно воспламенявшиеся от огня. Когда кости хорошо разгорались, жар поддерживали маленькими полосками сала, которые клали на край банки. Жир с них капал на ее дно, а обуглившийся кусочек сала дневальный съедал или бросал в банку, где он и догорал. Завершающий штрих в конструкцию печи был внесен неделей позднее, когда попробовали подвешивать полоски сала над костями, так что жир стекал прямо на них. Затем стали подкладывать куски побольше, они поддерживали огонь на протяжении двадцати минут. Мы и дальше пытались вводить те или иные улучшения в работу печи, но они не выдерживали испытания временем.



Императорский пингвин и пингвины Адели

Сильный ветер продолжал дуть до 5 мая, когда наступило затишье, длившееся весь этот и часть следующего дня. В такую погоду можно было надеяться и тюленя встретить. Поэтому мы возобновили патрулирование по краю припая, но в первый день оно ничего не дало. Шестого, однако, совершая обход, мы с Кемпбеллом заметили четыре фигуры приблизительно в полумиле [805 м] от нас на надежном морском льду за заливом Терра-Нова, уцелевшем под прикрытием берега, несмотря на ветер. Фигуры эти, вроде бы слишком большие для пингвинов, немедленно навели нас на мысль о спасательной партии, и Кемпбелл поспешил в пещеру за биноклем, а кстати, и за Абботтом с ледорубом на тот случай, если это все же окажутся пингвины.

Видимость была очень плохой, а фигуры двигались к острову развернутым строем, как если бы это была санная партия. В какой-то момент силой воображения мы даже различили за ними сани.

Смущало лишь то обстоятельство, что фигуры шли от кромки льда, и если бы это были люди, такое трудно было бы объяснить. Но к тому времени, как Кемпбелл вернулся, просветлело, и даже без бинокля стало видно, что это четыре императорских пингвина, шествующих своей обычной величественной поступью. Мы тут же бросились им наперерез и, с трудом форсировав приливо-отливную трещину с чрезвычайно ненадежными краями,

добрались до морского льда. Идти по льду было трудно и небезопасно, но птицы были нужны нам позарез, и после короткой, но напряженной погони я уложил трех ледорубом, а Абботт быстро заколол ножом четвертого. К шеям привязали веревку и поволокли по льду на грудках, словно самой природой предназначенных для тобоггана. Так мы дотащили их до подножия припая, а здесь ощипали. После этого пришлось каждому взвалить на плечи тушу и пронести на себе между камнями, отделявшими припай от пещеры. Птицы находились в прекрасном состоянии, они, очевидно, направлялись вдоль берега на мыс Крозир для гнездовых дел и, готовясь к зимнему посту, нагуляли не меньше чем дюймовый [2,54 см] слой жира. Каждый весил от 80 до 90 фунтов [36,3–40,8 кг], мы испытали этот вес на собственной шкуре, пока донесли добычу до пещеры. Со всех четырех мы получили фунтов сто [45,4 кг] или даже больше чистого мяса. На радостях я выдал один лишний сухарь на всех, и, лакомясь им, мы решили, если появится еще одна партия императорских пингвинов, постараться сохранить жизнь хотя бы одному и использовать его в качестве гонца к нашим людям в проливе Мак-Мёрдо. Мы не сомневались, что птицы направлялись именно на мыс Крозир, а в намерения капитана Скотта входило посетить в первый или во второй год экспедиции тамошние гнездовья императорских пингвинов. Так что наша затея была не так уж безрассудна, как может показаться с первого взгляда. Но из нее ничего не вышло, потому что в следующий раз мы увидели императорских пингвинов только тогда, когда приготовились совершить поход вдоль берега и таким образом сами заявить о себе.

В этот день печки дымили как никогда, и Дикасон, исполнявший обязанности кока, раньше времени улегся в постель с воспалением глаз, сделавшим его незрячим. Это был самый тяжелый случай такого рода, хотя не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из нас не пострадал по этой причине в большей или меньшей мере. При хорошей тяге и равномерном пламени недуг обычно поражал только дежурного по камбузу, но если дымоход был закрыт, жертвами оказывались все. Коричневые жирные пары, подымавшиеся над жировыми печами, и дымом-то не назовешь, но Браунинг вооружил нас достаточно выразительным словцом из словаря своего родного края — Вест-Кантри, и с тех пор выражения «смрад» и «смрадная слепота» не сходили у нас с языка.

В этот же день шестого мая в наше домашнее хозяйство было внесено кардинальное улучшение. Прежде мясо для супа по мере надобности приносили со склада, дневальный садился на пол, где

его продувало сквозняком из двери, и разрубал кусок туши с помощью моего геологического молотка и долота. Этот способ разделки мяса для похлебки был далеко не из приятных. Лампы — по сути дела, ночники — давали достаточно света для чтения, если держать книгу вплотную к ним, но отнюдь не для всего помещения. Две обычно находились в ведении кока и дневального, и из них одной распоряжался полновластно кок. Время от времени он зажигал от нее лучину и заглядывал в котел, проверяя, варится ли суп.

Итак, у дневального была одна-единственная лампа, дававшая света вполовину меньше спички, то есть отбрасывавшая небольшой круг света на разрубаемый кусок — и только, остальной пол был погружен во мрак. Свободное место на полу оставалось лишь перед самой дверью, так что несчастный рубщик сидел не только на сквозняке, но и на проходе. Его занятие прерывал каждый, кому требовалось выйти или войти, и это давало нескончаемый повод для шуток. Единственным утешением рубщику служило то, что в этих состязаниях он обычно брал верх, хотя, видит бог, нелегко быть остроумным, сидя на сквозняке перед дырой, величиной два фута шесть дюймов на восемнадцать дюймов [76x48 см]. Рубка мяса в таких условиях имела и другие недостатки, в том числе и тот, особенно неприятный, что сильно пачкался пол. Мы старались ступать как можно осторожнее, но все равно с трудом отдирали от грязного жирного пола финеско, издававшие при этом чавкающий звук.

Дневальный старался удерживать мясо на специальной доске — бывшей крышке от продуктового ящика, — но она, как и все вокруг, была грязная, да и мясо периодически соскальзывало прямо на пол. Отрубаемые куски разлетались во все стороны. То и дело чей-нибудь возглас давал знать, что отскочивший бифштекс ударился о его руку или щеку, и чуть ли не после каждого удара ошметки мяса осыпали банки и ящики с продуктами, стоящие рядом. Каждые пять минут рубщик делал паузу, чтобы собрать дань с обитателей спальных мешков и обчистить ящики и котлы. Но больше всего мяса оставалось, естественно, на полу, на тех самых сальных шкурах и линолеуме, одно прикосновение к которым вызывало отвращение. Даже сейчас мне неприятно думать о том, как много инородных тел попадало в нашу похлебку. Несмотря на зверский голод, иногда казалось, что мы не сможем ее проглотить. Но как только в пещере распространялся запах пищи, все сомнения отпадали, в том числе и у рубщика.

Все это неудобства морального свойства, но были и более важные недостатки, причинявшие физические страдания.

Геологическим молотком и долотом не очень-то приятно орудовать даже в холодный день в Англии, каково же держать их в руках на сквозняке при температуре намного ниже нуля. Как только рука соскальзывала с брезентовой обшивки вокруг ручки долота, ее обжигало соприкосновение с железом, поэтому работать можно было только по несколько минут. Через полчаса рука с молотком деревенела от мороза — шерстяные рукавицы, насквозь просалившиеся, не защищали от холода, а меховые мы берегли и дома не надевали. Кроме того, в полумраке не всегда удавалось попасть молотком по долоту, а удар по пальцам — отнюдь не лучший способ восстановить кровообращение. Одним словом, рубка мяса относилась к самым неприятным обязанностям дневального, и любые усовершенствования в этой области сильно облегчили бы его участь.

Мы непрестанно ломали себе голову над тем, как оттаивать мясо иным путем. Предлагали, например, установить над огнем треножник, но тогда подвешенное к нему мясо обкуривалось бы дымом от печи, а это никому не нравилось, и предложение было отвергнуто. Более разумной казалась идея подвесить над огнем банку или коробку и в ней размораживать мясо небольшими порциями. Но где взять подходящую емкость? Тут, однако, очень кстати освободилась апрельская банка из-под сухарей, и мы решили воспользоваться ею. По указанию Кемпбелла связали из бамбуковых палок раму, к ней прикрепили банку в таком положении, что она находилась между печкой и дымоходом, но все же высоко над огнем. Конструкция оказалась вполне целесообразной, и мы с удовлетворением убедились, что после суточного пребывания в банке мясо смягчалось до консистенции сыра и легко резалось ножом, не хуже, чем сало. В «духовке», как мы прозвали новое устройство, помещались, конечно, только небольшие куски мяса, что же касается более крупных, то их подвешивали рядом, около огня. По мере оттаивания обращенной к теплу стороны ее обрезали и поворачивали кусок другой стороной к огню.

Отныне в обязанности дневального входило следить за тем, чтобы духовка была заполнена мясом для следующего дня, а также подвешивать замерзшую тушку пингвина Адели. Из-за толстого перьевого покрова она оттаивала намного дольше мяса, поэтому над огнем обычно висело не меньше четырех птиц и дежурный ощипывал и разделывал наиболее податливую. До появления духовки мы расправлялись с пингвинами так же, как с мясом. Если вам хочется узнать, каких результатов мы достигали, положите в морозильную камеру утку в перьях, подержите ее там с неделю, чтобы она смерзлась в камень, а после этого

попытайтесь ощипать и разрубить четырехфунтовым [1,81 кг] молотком и холодным большим долотом. Я не удивлюсь, если после обработки вам достанется несколько унций мяса, содержащего к тому же много примесей в виде костей и других несъедобных частей.

Духовка и новые печки существенно облегчили бремя обязанностей кока и дневального, которые исполняли все по очереди, разделившись на пары: Кемпбелл с Абботтом, Левик со мной, Дикасон с Браунингом. Таким образом, каждая пара дежурила раз в три дня. Чтобы дать наиболее полное представление о работе дневального, приведу выдержку из моего дневника:

> «Нам так важно экономить керосин, что решили отстранить от пользования примусом всех, кроме Дикасона, бесспорно, нашего лучшего механика, на которого вполне можно положиться. Он чрезвычайно охотно возится с примусом, встает раньше всех, зажигает горелку и ставит на нее суп, подготовленный накануне дневальными. За несколько минут до закипания супа он будит очередного кока и дневального. Одевшись, один идет разузнать, какая сегодня погода, другой собирает кружки и готовится к раздаче завтрака.
>
> Но вот суп готов, один дневальный черпаком разливает его по кружкам, расставленным на перевернутой крышке от котла, другой же светит ему зажженной лучиной и передает кружки владельцам. Завтрак обычно состоит из полутора кружек супа с мясом, при нормальных обстоятельствах мяса в нем — около полукружки. После еды дневальные, если нужно, заправляют и зажигают лампы для чтения. Затем влезают в спальные мешки и бездельничают до одиннадцати.
>
> В одиннадцать часов тот дневальный, которому на этот раз выпало кочегарить, встает, отдирает от шкуры тюленя дневную норму сала, разводит огонь на костях и жире и на нем вытапливает столько жира, сколько, по его мнению, съест за день печка. За десять минут до окончания этой процедуры, по знаку „кочегара“, его напарник выползает из пещеры и наполняет колпак от котла пресным льдом. Его перекладывают во внутренний котел и после вытапливания жира ставят на огонь. Когда лед превращается в воду, стрелка часов уже приближается к часу дня. По мере таяния льда объем его

уменьшается, и дневальный дополняет котел по просьбе кока, который, занимаясь в это время салом и огнем, не может ничего касаться руками. Как только накапливается достаточно воды для вечернего какао или чая, котел снимают и на его место водружают суповой котел.

Тем временем дневальный принимается за чрезвычайно неприятную работу, единственную, для которой в нынешних наших улучшенных условиях требуются рукавицы. Соленый лед всегда адски холодный, наверное из-за содержащейся в нем рапы[90] и выделяемой влаги, имеющих температуру намного ниже нуля. Лед для готовки мы приносим с припая и храним в одной из ниш тамбура. Каждый день надо долотом или ножом нарубить продолговатыми кусками дюймовой [2,54 см] толщины льда на два кольцеобразных сосуда. Нелегкое это дело.

Далее мясо, заготовленное очередным дневальным еще накануне, кладут в суповой котел, заливают водой, оставшейся в кольцеобразном сосуде от приготовления завтрака на примусе, и добавляют туда соленого льда. Туда же идет мелко нарезанное сало. Теперь котел можно ставить на огонь, который разгорится как следует часам к двум дня. При теперешнем рационе в вечернем котле мясо занимает чуть больше половины емкости, а сало — одну четверть. Это очень мало, но больше мы не можем себе позволить.

Когда вечерний суп готов и остается лишь время от времени добавлять в него соленый лед, дневальный подготавливает тюленину для завтрашних двух трапез, ощипывает и разделывает очередного пингвина.

В утренний котел идут все до крошки съедобные части и потроха, почками сдабривают вечернее варево, сердце и печень прячут в наружный склад — для Дня середины зимы. Обработка пингвина занимает много времени, но к четырем она обычно заканчивается, к этому времени при хорошем огне поспевает и суп. После продолжительных споров и обсуждений мы пришли к выводу, что правильнее всего дать супу закипать в течение получаса, затем довести его до кипения и тут же раздавать. Продолжительное кипячение снижает питательность пищи, а поскольку продуктов у нас мало, мы хотим извлечь из них наибольшую пользу.

Суп подается между 4 и 4.30 вечера, и, разделавшись

со своей порцией, Дикасон немедленно зажигает примус и ставит на конфорку котел с водой для какао и кольцеобразный сосуд с соленым льдом для утренней похлебки.

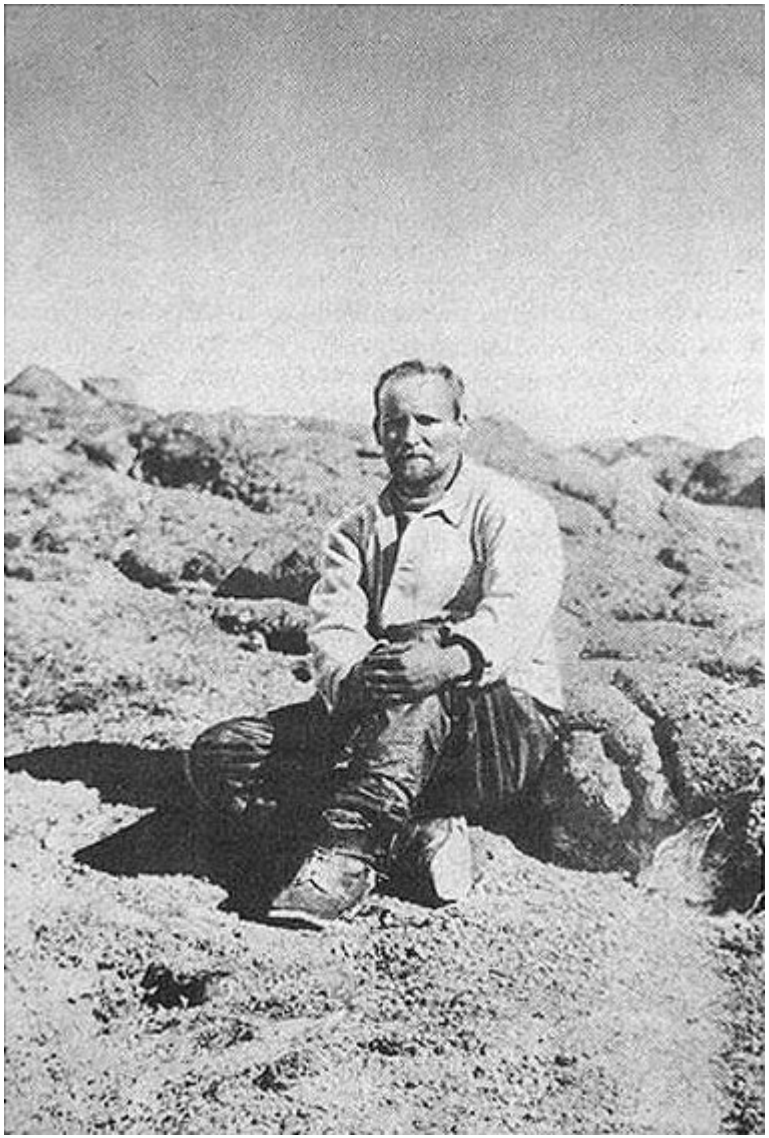
Дневальный выносит печь в тамбур, чтобы меньше было „смрада“, закладывает в котел мясо и сало для завтрака, приносит куски мяса для оттаивания в духовке и подвешивает тушу пингвина близ очага. Кок соскребает со дна котла накипь от ворвани, а после раздачи какао выливает воду из кольцеобразного сосуда в котел. В довершение трудового дня он опять заправляет керосином лампы для чтения[91].

После обеда дневальный выносит из пещеры мусор, кости прячет в сугроб так, чтобы их было нетрудно отыскать в будущем году, если нам придется здесь зимовать еще раз, и тоже залезает в спальный мешок, испытывая чувство удовлетворения от проделанной за день работы. Пока что суп не причинял нам серьезных беспокойств, но надолго ли хватит нашего иммунитета — не знаю. В общем, дел для двоих достаточно (огонь требует постоянного внимания), и после двух дней, проведенных на боку, дежурство воспринимается как приятное разнообразие. Только в самом начале оно казалось мученичеством с единственным светлым пятном — обедом в конце, теперь же все изменилось, и мы с нетерпением ожидаем заветного дня. Дежурство бесспорно помогает скоротать время. А прежде мы так его боялись, оно наступало так быстро, что двухдневный интервал пролетал незамеченным. Но и теперь мы отмечаем время трехдневными периодами».

Эти строки дают представление об обязанностях кока и дневального, но возникает естественный вопрос: чем же занимались остальные? Было у них дело или нет, зависело исключительно от погоды. На протяжении всей зимы ветры не давали заниматься наукой, если не считать случайных наблюдений, более того, как я уже говорил выше, редко удавалось даже просто пройтись для моциона. В немногочисленные погожие дни, когда можно было длительное время находиться вне дома, не опасаясь обморожений, мы старались обеспечить зимовку всем необходимым, но погода баловала нас так редко, что приходилось совершать выходы и в ненастье. Каждые несколько дней надо было приносить сухие тюленьи кости, морские водоросли, туши пингвинов из склада около припая, тюленину и сало из заброс-

где мы хранили забитых животных. Грузы перетаскивали через огромные валуны, о которых я уже говорил, или несли на себе по ровному сверкающему припаю, по которому можно было передвигаться только с величайшей осторожностью, на негнущихся ногах, ощупывая перед каждым шагом почву и тщательно избегая каких-либо неровностей. Даже при незначительном уклоне было легко поскользнуться и упасть, подняться же с тяжеленной ношей на спине не так-то просто.

Наша летняя непродуваемая одежда к этому времени превратилась в клочья, а постоянное ползание на коленях при входе и выходе из пещеры отразилось на штанах самым пагубным образом. К тому же засаленная ткань не выдерживала ниток и поставленные заплаты тут же отрывались. Чаще всего обмораживаются конечности, если они ничем не защищены или защищены плохо, но теперь ветер проникал во все прорехи нашей ветрозащитной экипировки и на теле то и дело появлялись обморожения. Даже там, где одежда еще оставалась целой, она, будучи очень грязной, хуже прежнего спасала от холода. Сама по себе легкая, она настолько пропиталась жиром, что поставь ее — и она так и осталась бы стоять. Как мы ни скребли ее ножами, как ни терли пингвиньими шкурками — ничто не помогало.



Автор. [Реймонд Пристли]. Рождество 1912 г.

Естественно, мы выходили только при крайней необходимости и дома тоже было очень холодно, поэтому большую часть времени приходилось проводить в спальных мешках. Мы не вылезали из них для завтрака — еду разносил по местам дневальный — и, поев, пребывали в том же положении до одиннадцати. Потом, если погода благоприятствовала нам, вставали, одевались и шли работать. Возвращались обычно около трех часов. В плохую погоду продолжали лежать в мешках, дремля или предаваясь своим мыслям до самого обеда. Только вечером завязывался общий разговор. Поразительным в этой

зимней спячке было то, как легко, без малейших признаков внутреннего сопротивления или протеста, вся партия примирилась с бездеятельным прозябанием. По крайней мере четверо из нас — люди необычайно активные, в обычных условиях они ни минуты не сидят без дела, я же никогда не предполагал, что смогу чувствовать себя счастливым без чтения. Тем не менее на протяжении большей части этой бездеятельной жизни мы были безусловно счастливы, о чем свидетельствует в первую очередь наше безмятежное состояние. Я не только не страдал от отсутствия книг, но, помню, часто предпочитал лежать и отдаваться на волю своих мыслей, вместо того чтобы читать «Советы путешественникам» или «Ревю оф Ревюс». Это, по-моему, несомненно доказывает, что человек может довольствоваться малым и что во многих случаях излишества цивилизации служат лишь удовлетворению ею же созданных потребностей. Не подумайте, что я берусь утверждать, будто кто-нибудь из нас хотел бы еще раз пережить такую зиму. Напротив, по моему глубокому убеждению, ее повторение убило бы или свело с ума большинство из нас. Я хочу только сказать, что в эту самую трудную для каждого из нас зиму удовольствия, которые мы испытывали, по остроте ощущений не уступали невзгодам. Нежданный кусок сахара или спокойный день после всех перипетий дежурства доставляли не меньше радости, чем мы получаем в обычной жизни от самых изысканных яств или увлекательных празднеств.

Очарование экспедиций в Антарктику в значительной мере складывается из сопутствующих им резких контрастов, ибо то, что сегодня представляется преисподней, завтра может обернуться царствием небесным. Это и есть одно из проявлений того неуловимого, что мы за неимением более точного выражения называем зовом Антарктики.

Глава XX
В основном о еде

Страница из дневника. — Мясо императорского пингвина лучше тюленьего. — Капли с потолка пещеры образуют на спальных мешках сосульки. — Слишком жирные супы. — Предположения о судьбе корабля. — Пересушенные сухари обостряют чувство голода. — Десерт из лимонной кислоты. — Тоска по «чистой» пище. — Приправы к супам. — Печень, сердце, почки и мозг тюленя. — Тюлений мозг — изысканное лакомство. — Добавление водорослей к еде. — Аптечка служит кухне. — Таблетки имбиря и горчичный пластырь в похлебке. — Нежелательные приправы. — Едим мы мало, но у нас достаточно сил. — Постоянное недомогание Браунинга. — Его главная опора — веселый нрав. — Трещины в потолке пещеры. — На волосок от гибели: мы едва не задохнулись. — Вставляем в дымоход бамбуковый шест.

Автор старался по возможности избежать в этой книге дневниковых записей, но, не прибегая к помощи выдержек из дневника, невозможно дать правдоподобное описание нашего быта, мыслей и чувств в той странной жизни, которую мы вели. Ничто, например, не даст такого верного представления о трудностях, с которыми нам приходилось бороться, и радостях, которыми мы наслаждались, как строки из моего дневника, написанные 7 мая:

> «Еще лежа сегодня утром в мешке, мы услышали рев бури, а поднявшись, увидели, что нас засыпало снегом, как никогда прежде. За утро Дикасон и я прорыли туннель в снегу и таким образом удлинили крышу тамбура на шесть футов [1,83 м]. Дул настоящий ураган, но без снега. Левик и Браунинг убили трех императорских пингвинов, камбуз заполнился мясом и костями, что сильно затруднило работу дежурных — Кемпбелла и Абботта, тем более что тяга из дымохода плохая. Сегодня в супе было полно пингвиньего мяса и жира. Мясо всем понравилось, но суп получился слишком жирным и сразил некоторых, но меня бог миловал. Вообще-то жир императорского пингвина имеет очень нежный вкус. Утром Кемпбелл побаловал

нас жареной грудинкой, и этот „бифштекс“ из пингвинятины с кусочком сала сверху показался изысканным кушаньем после приевшихся всем похлебок. Я развлекаю товарищей тем, что читаю вслух мой дневник за прошлый год, и особое, хотя и мучительное, удовольствие им доставляют немногочисленные описания наших трапез на мысе Адэр, которые я сделал для того, чтобы наиболее полно отобразить наш быт. Мы все еще страдаем от однообразного питания, хотя в остальном примирились со своей судьбой.

В пещере теперь достаточно тепло, и, конечно, каждая пурга улучшает ее теплоизоляцию. Морской лед за заливом снова исчез, язык ледника Дригальского и морены покрыты толстыми сугробами, нас же снег достигает лишь изредка, при особенно сильных порывах ветра. Пару раз Дикасона и меня вихрь опрокинул, когда мы стояли у входа в тамбур».

Улучшение теплоизоляции, а следовательно потепление внутри пещеры, имело свою оборотную сторону. Благодаря жару, подымавшемуся от печек, воздух у потолка пещеры прогревался до температуры выше нуля, и начинало капать на спальные мешки. Под воздействием холодной струи воздуха из двери капли замерзали и превращались в ледяные кристаллы, которыми обрастали снаружи спальники и все вещи. Это было неприятно, но длилось недолго: как только тяга становилась лучше, пещера охлаждалась. Мы решили, что, пожалуй, пусть лучше будет попрохладнее, лишь бы с потолка не капало. Впоследствии, когда приходилось заниматься швейными работами, мы осторожно регулировали температуру, в остальное же время похолодание до нескольких градусов ниже нуля замечал только дневальный[92].

Два дня мы варили супы с пингвиньим салом, но они оказались слишком жирными, и пришлось его остатки употребить для вытапливания горючего, в пищу же класть только тюлений жир. К этому времени почти все мы научились при каждом приеме пищи съедать изрядное количество жира, но супы, в которых растопленный жир заменял бульон, решительно не привились. Съев супа, сколько принимала душа, остаток его выливали в жирники, где он великолепно горел и давал более яркий свет, чем тюленье сало.

Запись в моем дневнике от 9 мая дает некоторое представление о том, как проходил день отдыха:

«Мы снова проводим день в спальном мешке — ветер дует с прежней силой. Кемпбелл и Левик много говорят

о планах на будущее и о еде, мне же нравится почти все время просто лежать и думать о прошлом и не забивать себе голову мыслями о том, что нас ждет впереди. Поразительно, какое удовольствие доставляет ощущение тепла и покоя, несмотря на отсутствие связи с домом и с другими партиями. Иногда мы говорим о том, что если судовая партия находится на берегу в бухте Гранит или где-нибудь поблизости, она может прийти за нами в июне или начале июля. Я бы предпочел, чтобы судно пришло в феврале, но со всей командой на борту. Меня сводит с ума мысль о том, что все наши записи и собранные образцы могут пропасть. В пещере все по-старому, если не считать того, что капель стала действовать на нервы. Дикасон нашел сегодня в капюшоне спального мешка шестидюймовую [15,24 см] сосульку».

Мы по-прежнему остро ощущали скудость мясного рациона, и наши мысли были в основном обращены к еде. Положение усугублялось тем, что начатая новая коробка сухарей оказалась на редкость маленькой, а сами сухари — пересушенными, и это обстоятельство было воспринято всеми как нешуточное огорчение. Увеличивать рацион мы не решались, а между тем сухари были существенно менее питательными, чем в предыдущие месяцы. Казалось бы, какой пустяк, сухари чуть подгорели! Конечно, это не может повлиять на физическое состояние партии. Зато сильно действует на моральный дух, о чем в какой-то мере свидетельствуют количество и тон упоминаний о сухарях в моем дневнике. Как я уже писал, хрустящие коричневые сухари слишком легко исчезали во рту. Из такого сухаря, как ни экономь, как ни старайся жевать поосторожнее, не сделаешь подобие завтрака — от сухаря то и дело отламываются большие крошки и от него ничего не остается, прежде чем ты успеваешь ощутить как следует его вкус.

Это было большим лишением, и мы кончали утреннюю еду, ощущая себя несправедливо обиженными и выражая свою обиду нелестными замечаниями по адресу тех, кто снабдил нас сухарями.

Но вот с рационом сахара и шоколада все обстояло пока что благополучно, и мы за много дней предвкушали наступление субботы и воскресенья. Маленькие лакомства и концерты, связанные с их раздачей, превращали каждый уик-энд в праздник. Тому, кто ел шоколад только у себя дома, не понять, что означали эти полторы унции [44,7 г] в неделю. Каждый кусочек держали во

рту до тех пор, пока он постепенно не растворялся до конца, и прежде чем откусить следующий, выжидали несколько минут, наслаждаясь вкусом, вернее воспоминанием о вкусе шоколада. Практиковалось несколько способов поедания шоколада и сахара. При очень большом самообладании иногда удавалось сберечь до вечера часть сухаря и съесть с сахаром, а когда Левик извлек из аптечки таблетки имбиря и лимонной кислоты, то очень популярными стали различные смеси, например имбирь с сахаром или лимонад, состоящий из лимонной кислоты, сахара и горячей воды.

После того как пошла в ход лимонная кислота, чаепитие в понедельник фактически прекратилось и горячий сладкий лимонад почти полностью вытеснил вторичную воскресную заварку. Лимонная кислота оказалась единственным средством, начисто отбивавшим от воды привкус ворвани, поэтому один только лимонад имел вкус собственно лимонада — и ничего больше. И в пещере, и во внешнем тамбуре, напомню еще раз, освещение было плохое, в лед, растапливаемый для чая или какао, часто попадали то кусочки сала, то водоросли с пола — поди разбери в темноте. Когда же внезапно заглатываешь инородное тело, ощущение — во всяком случае у меня — такое же, как если бы в чашку с кофе попала пенка от молока. А что может быть отвратительнее, чем неожиданно для себя проглотить комок липких водорослей?

Бесспорно поэтому маленькие лакомства в виде одного сухаря, куска сахара, шоколада, таблетки лимонной кислоты и т. д. доставляли нам удовольствие главным образом своим «чистым» вкусом. Основная же еда — тюлений суп — казался смесью мяса, жира и грязи, иногда с добавлением заплесневелых водорослей, да и в самом деле был таким. Положить в рот что-нибудь чистое, а главное — без привкуса мяса, было особым наслаждением. Желание заглушить этот привкус становилось чем дальше, тем сильнее, и заставляло все время искать способы разнообразить питание. Тюленина в лучшем случае безвкусна, а в сочетании с жиром и копотью совершенно несъедобна. Сидя на половинном рационе, мы, разумеется, ели эти супы и даже радовались им, но, тем не менее, стремясь сделать их повкуснее, старались извлечь различные приправы из наших внутренних ресурсов. В первую очередь, естественно, обратились к тем же тюленям и пингвинам, хотя они имели тот недостаток, что все к ним относящееся имело постылый привкус. Мясо пингвина Адели стало обязательной частью утренних похлебок и очень их скрасило. После того как удалось убить четырех императорских пингвинов, их мясо целый месяц облагораживало супы и утром, и

вечером. Тюленьими почками, печенью, сердцем удостаивали, к нашей великой радости, воскресную похлебку, пингвиньи же потроха откладывали для Дня середины зимы. Таким образом, некое разнообразие в рацион можно было внести, используя туши тюленей и пингвинов по-хозяйски, но я еще не сказал о главном деликатесе, получаемом из этого же источника: о тюленьих мозгах. Эти два слова воплощают основное гастрономическое достижение той зимы, которым мы обязаны Абботту. Как ни странно, ни в одной из предыдущих антарктических экспедиций мозги в пищу не употребляли, во всяком случае никто об этом не упоминает. Семнадцатого мая Абботт обронил, что тюленьи мозги могут быть не хуже бараньих. Я тут же отправился на припай, где лежали тела забитых тюленей, ледорубом снес одному макушку, долотом выбил замерзшие мозги, собрал куски в банку и отнес коку. Их тут же бросили в суп. Результат явился для нас откровением, и если мне доведется еще бывать на Крайнем Юге, я введу мозги в меню на правах дежурного блюда. Такого вкусного супа у нас еще не было, причем мозг напоминал не мясо, а размякший хлеб. Конечно, мне могут возразить, что у нас в то время был извращенный вкус. Спору нет, это так, но мы попробовали мозги несколько месяцев спустя, когда уже четыре недели жили в полном достатке, и по-прежнему нашли их вполне съедобными. Так появилась еще одна лакомая приправа. Тюленей у нас было двенадцать, мозгов одного хватало на один суп, то есть мы могли позволять себе такую роскошь не реже, чем раз в две недели.

Исчерпав все возможности тюленей и пингвинов, мы ринулись на поиски иных средств, которые внесли бы хоть какое-то разнообразие в меню. Больше всего нам хотелось, чтобы пища, пусть по-прежнему скудная, была свежей и вообще иной, и это желание мучило нас всю зиму, пока мы снова не вернулись к походному рациону. Уже давно мы пытались подбавлять в супы морские водоросли, но делали это крайне неохотно. Левик без конца твердил, что в один прекрасный день наберет ведро свежих водорослей, сварит и съест и таким образом испытает на себе их воздействие в большом количестве, но различные причины мешали ему поставить подобный опыт. Оставалось экспериментировать на старых засохших водорослях с берега, тех самых, на которых мы спали. То и дело кто-нибудь, испытывая особые муки голода, засовывал руку под брезент, выбирал кусочек водорослей попригляднее и клал себе в суп. Я не разрешал включать в общее меню эти доисторические травы, каждый клал себе в кружку, сколько мог осилить, на свой страх и риск. Но много не клал никто; меня, в частности, никогда не

прельщали водоросли, которые, должно быть, пролежали на берегу, выше уровня воды, лет сто. Через них пролегали регулярные тюленьи и пингвиньи тропы, они отдавали одновременно плесенью и суслом, такой вкус имел бы бульон, сваренный из творений великих художников. Если снять их с полотна со стен Национальной галереи, бросить в огромный котел и кипятить семь недель, то полученный отвар, наверное, сильно смахивал бы вкусом на морские водоросли из Убежища Эванс.

Итак, аптечка Левика также не была забыта, и извлеченные из нее таблетки лимонной кислоты и имбиря явились существенным подспорьем. Имбирь был очень хорош в подслащенной воде — напиток получил название имбирного пива, — но в похлебке он терялся. Все попытки придать ей имбирем пикантность не увенчались успехом, вкус супа не изменился, и мы несколько дней горько оплакивали шесть напрасно потраченных таблеток. Тут Левик вытащил на свет божий таблетки лимонного сока, взятые им годом раньше из хижины Шеклтона на мысе Ройдс, и они оказались великолепной приправой, но мы вскоре решили приберечь их для лыжного похода, так как они хорошо утоляют жажду.

Однажды Левик проговорился, что у него есть с собой горчичный пластырь, и при слове «горчичный» наши рты моментально наполнились слюной. Прошло, однако, несколько дней, прежде чем удалось уговорить Левика расстаться с одним пластырем. Кок бросил его в котел с супом и дал ему как следует прокипеть. В это время одержимые бесом экономии, подкладку пластыря мы выловили из супа и тщательно высушили, чтобы утром использовать для разжигания огня. Затем все чинно расселись и, глотая слюнки, с нетерпением стали ждать раздачи еды, но тем большее испытали разочарование. Горчицы было слишком мало, чтобы она могла хоть что-то изменить в супе, от нее остался только привкус льняного семени. Но и это было хоть какой-то переменой, а значит, не так уж и плохо.

Этим исчерпывается перечень «специй», которые мы по доброй воле клали в общий котел. Но пищу приходилось готовить в трудных условиях, из-за тусклого света в пещере и тамбуре в суп часто попадали совсем нежелательные приправы. Имей я склонность к рассказам об ужасах, я мог бы поведать о многих супах, также вошедших в историю экспедиции, но по причинам противоположного свойства. Время от времени, когда с обедом случалось что-нибудь забавное или неприятное, я отмечал это в дневнике и раз-другой заканчивал описание дня сообщением об инородных телах в котле, из-за которых на голову дежурного

сыпались проклятия, но которые одновременно умножали собой число смешных происшествий, запомнившихся в этом году, столь богатом приключениями. Но, что бы там ни было, в моей памяти остался лишь один случай, когда весь суп вылили обратно в котел, хотя, думаю, назавтра он был подан на завтрак и съеден без особых возражений. В те дни многие из нас вспоминали дни детства. Когда кусок сала, не съеденный за обедом, торжественно подавался на следующий день в качестве главного блюда — и только попробуй его тогда не съесть!

Какое важное место занимала еда в наших мыслях и наяву, и во сне, видно из того, как часто в моем дневнике встречаются такие замечания: «Мы все еще страдаем от недостатка соли. Сегодня „шоколадная“ среда, а эта выдача неизменно приводит всех участников партии в радужное настроение. Мы по-прежнему много говорим, думаем и грезим о еде. Нового рациона явно не хватает». «Хорошо, что у нас мало света: всюду, особенно на полу, столько грязи, что для душевного спокойствия лучше ее не видеть. Удивительно, что мы еще не заболели. Ворвань и сажа въелись во все вещи, даже руки не удается отмыть. У дневального руки несколько раз на день становятся совершенно черными и только при рубке мяса для супа постепенно приобретают свой естественный цвет, что наводит на весьма грустные размышления».

Несмотря на все изъяны питания и полное отсутствие движения, мы, как ни странно, чувствовали себя вполне прилично. Мне представляется, что тому причиной был ограниченный мясной рацион. При нормальном питании, в условиях режима полудремы, не имея физической нагрузки, мы бы, конечно, не сохранили хорошей формы — иного объяснения благополучного физического состояния партии я не вижу[93]. В тех редких случаях, когда мы покидали пещеру, у нас всегда хватало сил на тяжелую работу — перетаскивание камней по сильно пересеченной местности, например. Единственным исключением был Браунинг. Его организм никак не желал примириться с морской водой и восставал даже против супа из тюленины на пресной воде. Состояние Браунинга вызывало серьезную тревогу, и если бы не заботы Левика, вряд ли он пережил бы зиму.

Тамбур, вид из пещеры

И все же больше всего его поддерживала неизменная врожденная веселость. В этом смысле он был опорой партии, так как владел неисчерпаемым запасом анекдотов и забавных происшествий и не лез в карман за острым словцом. До поступления во флот он жил на ферме в Вест-Кантри и мог часами развлекать нас рассказами о жизни в Девоншире. Я думаю, мы все были на высоте положения в эти долгие зимние месяцы, но, может быть, Браунинг держался лучше всех.

Во второй половине мая мы начали опасаться за крышу. Время от времени из глубин снежных сугробов доносились таинственные взрывы, и на потолке пещеры образовались в разных направлениях глубокие трещины. Я больше всего боялся, как бы не возникли четыре пересекающиеся трещины, которые обрушат потолок нам на голову. Двадцать второго мая загадочные звуки были слышны особенно явственно, и запись в моем дневнике за этот день гласит:

«По-прежнему держится сильный ветер, но на этот

раз он повернул к югу, а потому сопровождается повышением температуры и облачностью. Поднялись только дежурные, остальные провели день лежа. Не могу сказать, что он доставил мне удовольствие, все время в пещере стоял невыносимый чад, от которого у меня воспалились глаза. Суп же опять переварился, его содержимое превратилось в лохмотья. Боюсь, что у меня нарушено кровообращение в пальцах левой ноги (кроме большого), а соответственно и во всей ноге, ибо они то мертвеют и становятся бесчувственными, то горят огнем, причиняя невыносимую боль. Вчера и сегодня нас беспокоят непрестанные очереди выстрелов в глубине сугроба. Такие звуки раздавались постоянно вскоре после нашего вселения в пещеру, но вот уже недели три как прекратились, и теперешняя канонада вызывает у всех недоумение. Сегодня на обед был суп из мозгов, очень ароматный, но думаю, что все питательные вещества из него выварились. Как ни странно, мы вполне удовлетворены тем, что день за днем лежим в мешках, не имея физической нагрузки, иногда даже не вставая по два-три дня. Но когда выходим наружу, никакой слабости не ощущаем».

Запись от 28-го свидетельствует о том, что мы продолжали совершенствовать наше домашнее хозяйство.

«Последнее нововведение заключается в том, что дурно пахнувший мешок для мяса заменили металлической обшивкой ящика из-под какао. Кроме того, решили следить за тем, чтобы нарубленное мясо использовалось не позднее следующего дня, — тогда оно не успевает испортиться. Досадно, конечно, что в таком холодном климате приходится заботиться о том, как бы мясо не протухло, но что поделаешь! Кемпбелл сегодня еще болен, но Браунингу, по-видимому, стало лучше. Остальные вполне здоровы и даже полны сил, когда выходят наружу работать, впрочем, это бывает весьма редко, как видно из моего дневника. Мне кажется, недостаточное питание вполне соответствует неподвижному образу жизни, благодаря этому мы сохраняем хорошее настроение и жизнерадостность. И да продлятся они как можно дольше!».

Двадцать пятого мая случилось весьма неприятное происшествие — мы чуть было не задохнулись. Предоставляю

слово опять моему дневнику, который я тогда исправно вел:

> «Продолжается западный ветер с сильным снегопадом, нас весь день заносит снегом. Сегодня в полдень из-за распространившегося в пещере смрада пришлось погасить жировые печки — забитый снегом дымоход не тянул. Дикасон водрузил котел с супом на примус, и последний быстро сожрал остатки кислорода. Прежде всего потухли лампы для чтения и, как мы ни старались, не зажигались от лучины, да и сама лучина потухла и не вспыхнула при соприкосновении с примусной горелкой. Погас и примус, и его не удавалось заново зажечь, так как не горели спички. Открыли дымоход, вход в тамбур, Кемпбелл вставил в него ледоруб, и, почувствовав приток свежего воздуха, все вздохнули с облегчением. После этого все наладилось и вошло в обычную колею, но у всех разболелась голова, однако не из-за сильного чада, как нам тогда казалось, а скорее из-за недостатка кислорода. Мы вроде бы научились противостоять даже самым злонамеренным выпадам погоды, и вдруг — вот досада! — новая непредвиденная опасность, но мы благодарили судьбу за то, что это не случилось ночью, когда все могли задохнуться в спальных мешках. Я думаю, что толстый слой льда, наросший на внутренней стороне снежной крыши, закупорил вентиляцию. После обеда Кемпбелл и Абботт расчистили сугроб перед входом в тамбур и воткнули в дымоход флагшток».

Отныне в дымоходе всегда торчал этот бамбуковый шест, с помощью которого можно было очистить его от снега. Мы чувствовали себя спокойнее, но ведь, как известно, ничто не дается даром. Под действием огня входное отверстие дымохода сильно расширилось, и кляп из пингвиньей шкурки уже не закрывал его так плотно, как прежде. Пришлось для этой цели пользоваться мешком из-под пеммикана, набитым обрывками шкур и водорослями, очень жирным и тяжелым, он тянул фунтов на двадцать [9,1 кг]. Дневальный, погасив огонь, запихивал этот сальный тюк как можно дальше в дымоход и поддерживал его в таком положении руками или бамбуковым флагштоком, пока тот не примерзал. Время от времени мешок падал дневальному на лицо или в печь, доводя его до полного отчаяния. Этот поединок разыгрывался каждый вечер к удовольствию зрителей, отравляемому, впрочем, мыслью, что если не завтра, так послезавтра настанет их черед. «Затыкание дымохода» навсегда

осталось для нас образцом истинно антарктической доблести. Это занятие, хотя и очень неприятное, неизменно всех забавляло и давало пищу для шуток, над которыми весело смеялись пятеро участников партии. Соотношение пять к одному было верным залогом веселого настроения в партии. Над своими собственными неприятностями хочется смеяться спустя день, а то и два, но мы не упускали случая посмеяться над другими и давно усвоили ту истину, что давать окружающим повод для смеха почти так же приятно, как смеяться над шуткой самим.

Глава XXI
В разгар зимы

Эксперимент Левика. — Пение хором играет все более важную роль в нашей жизни. — Взаимосвязь запаха и звука. — Ассоциативное воспоминание: партия за обедом. — Песни и память. — Отсутствие льда на море. — Бамбуковые носилки. — Печь «Комплекс». — Ботинки разваливаются. — Сновидение. — Описание недели из моего дневника. — Зубочистки. — Споры. — Экономия керосина. — Тюленья шкура — тоже неплохое топливо

Наш скудный стол казался Левику недостаточно аскетическим, и в конце мая он объявил, что хочет произвести опыт: просидеть целую неделю на одном мясе, а полагающиеся ему сухари, шоколад и сахар откладывать и на седьмой день устроить пир горой. У него хватило самообладания исполнить свое намерение, и жалость, которую мы испытывали к нему во все дни его добровольного поста, уступила место зависти при виде того, как он в конце эксперимента смаковал лакомства. Этого было достаточно, чтобы почти (но все же не совсем) склонить нас последовать его примеру. Сны о еде являлись нам все более настойчиво, теперь каждый грезил о каком-нибудь своем любимом кушании. Двадцать восьмого мая я записал в дневнике, что Кемпбелл и Левик мечтают о бисквитном торте с кремом, «я же изо всех лакомств отдаю предпочтение традиционному сухарному пудингу с патокой, какой нам давали в школе». После возвращения из Антарктики, куда бы я ни приезжал, я отыскиваю такой пудинг. Интересно, объедаются ли так же мои товарищи кремовыми тортами? Во всяком случае теперь, когда я разгласил их сокровенное желание, они уже никогда не испытают недостатка в этом кушании.

Запас тем для разговоров давно был исчерпан, мы все чаще стали повторяться. Само собой получилось так, что время коротали за хоровым пением, и тут у Браунинга и у меня бесспорно не было равных благодаря хорошей памяти и способности заменять забытые слова другими. Как я уже сообщал, мало кто из нас обладал голосом или мало-мальски приличным слухом, и я в последнюю очередь, но слова песен помнил прекрасно. В дни наших дежурств с Левиком мы с ним распевали не меньше двух часов кряду, пока варился суп. Хор с каждым

днем звучал все увереннее, но избитый репертуар вскоре всем наскучил и пришлось напрячь свои мыслительные способности в поисках новых стихов. Мы так в этом преуспели, что песни разрастались не по дням, а по часам, особенно одна, которая включала множество детских прибауток и обрывков знакомых мелодий и доходила до тридцати — сорока куплетов. Случись поблизости прохожие, они в любое время дня и вечера могли бы услышать, как участники партии во всю силу своих глоток сообщают такие интересные факты, как, например,

Доктор Фостер отправился в Глостер
и в самый дождь угодил,
Воинственным кличем приветствуя свободу.
Но путь был опасен, и шлепнулся в грязь он
и больше туда не ходил,
Воинственным кличем приветствуя свободу.

Снежная пещера на острове Инекспрессибл внутри. (Рисунок выполнен леди Скотт по эскизу лейтенанта Кемпбелла.)

Некоторое время тому назад мне посчастливилось прочитать статью Редьярда Киплинга в «Джиогрэфикэл мэгэзин», где он пишет, что запахи вызывают ассоциации с определенными этапами путешествия. Я согласен с ним — некоторые запахи всегда будут вызывать в моем воображении Антарктику, например запах спирта при разжигании примуса или горячего жира, пролившегося на огонь, но для меня запах связан скорее со звуком, чем с определенным местом. Когда в апреле прошлого года я выехал с клубом Седжвика на холмы Уэллса и мы там

снова перепели многие любимые песни, которые распевали в «иглу», две из них — «Боевой клич свободы» и «Старый король Коль» — живо напомнили мне соблазнительный запах готового супа, и я почувствовал прямо тоску по старому жилищу. Стоило мне закрыть глаза — и я возвращался на два года назад, а перед моим мысленным взором вставала закопченная и засаленная черная пещера, с проблесками снега и льда на омытых капелью стенах близ огня. Сквозь густой дым, подымающийся над жировой печкой, еле видна неуклюжая почерневшая духовка на тонких журавлиных ногах — бамбуковых палках, с которых свисают пингвиньи туши, тюленья голова, огромные куски красного мяса. Около огня хлопочет Левик и мешает в котле тонкой бамбуковой мешалкой, и по мере того как он ее проворачивает в супе, по пещере разносится обольстительнейший запах. Рядом на корточках сижу я, руки мои так одеревенели от холода на сквозняке, что мне не отличить — рублю я мясо или собственные пальцы. На них и в самом деле несколько порезов, которые перестанут кровоточить не раньше, чем через час, когда я согрею руки на первой кружке с супом. Но такие пустяки нас уже не беспокоят: кровь лишь сделает сегодняшнюю похлебку более питательной, а повязку накладывают только при особенно сильных порезах. Мы поддерживаем огонь и рубим мясо, почти не отвлекаясь на разговоры. За нами лежат в спальных мешках остальные четверо — в полумраке пещеры они напоминают больших мохнатых гусениц. Рано или поздно из какого-нибудь мешка раздается предложение спеть. Обычно я запеваю, а все подхватывают хором, который чуть ли не обрушивает крышу. Затем следует коронный номер Левика, «Старый король Коль», исполняемый в быстром темпе в надежде, что кто-нибудь ошибется, но мы уже знаем песню назубок и редко кто попадает впросак. Даже последний куплет поем правильно, начиная со слов: «„Чего изволите потом?“ — полковник вопросил», благополучно воспроизводим мудрые высказывания майора, капитана, адъютанта, младшего офицера, сержанта, барабанщика и последнюю строку, принадлежащую трубачу: «Видл, видл, видл, вей, нет людей нас веселей» и т. д. Далее в нашем репертуаре — «Кто убил петуха Робина», за ней — «Боевой клич свободы», а под конец, если огонь горит хорошо, Левика обычно удается упросить спеть песню собственного сочинения, на местные темы, о супе с ворванью и «духовке», увековечившую одно из немногих неприятных происшествий.

Все, что в духовке напеклось, упало на голову мне;
Пожалуй, остальным пришлось не слаще — вот оно, в

огне,
То, что они так стерегли, — ведь уж пошел тот милый дух,
Когда раздался страшный трах! ба-бах! и бух!

В тот день погибла пинта [568 мл] супа, но, как всегда, неприятность забылась, а комическая сторона случившегося осела в памяти.

Подобные воспоминания, вызываемые словами песни, бередят душу, потому что усиливают желание вернуться и попытать счастья в тех же условиях. И каждая песня напоминает свое, начиная от матросских куплетов, в которых слышится скрип талей, и кончая известным гимном, чья мелодия в Антарктике переносила меня в гостиную с дубовыми панелями в маленьком городке в Глостершире.

Как видно из записи, сделанной в моем дневнике в последний день месяца, мы начали понимать, что, может статься, застрянем здесь до тех пор, пока не будет достаточно света для санного похода через ледник Дригальского.

Непрекращающийся ветер никак не давал устояться морскому льду, и 31 мая я записал: «Море свободно ото льда, он остался только в маленьких бухточках. Мы решили в скором времени двинуться в путь, даже если до июля нас не снимут. Но возникают серьезные опасения — не дуют ли ветры здесь всегда, не походит ли наше нынешнее место жительства в этом отношении на мыс Крозир, где лед очень редко удерживается на продолжительное время?»

В таком случае нам безусловно пришлось бы задержаться до сентября: чтобы пройти около 20 миль [32,2 км] по незнакомому леднику, требуется хорошее освещение и мало-мальски приемлемые температуры.

В этот день в пещере царило необычайное оживление, так как Браунинг и Дикасон мастерили трое носилок из бамбуковых палок, которые они веревками скрепляли в виде прямоугольника, а к нему приделывали лямки из брезентовых петель, заготовленных еще на мысе Адэр, или из ненужных тряпок. Носилки, по общему мнению, были очень нужны для переноски грузов из различных складов, и было решено обеспечить ими всех участников партии для предстоящего похода к мысу Эванс на тот случай, если придется бросить сани. Левик в это время разрабатывал новую конструкцию печки, которую он делал по образцу имеющихся печей из жестяной банки для керосина, а я чинил свои ветрозащитные штаны, которые — увы! больше не

защищали ни от ветра, ни от чего иного. Даже в тихую погоду в них гулял ветер. Как и вся наша одежда, они пропитались ворванью и чуть что рвались.

Июнь начался обычным жизнерадостным ветерком, но вечная тьма ощущалась меньше благодаря яркой луне. Печь «Комплекс», как Левик назвал свою новую игрушку, в первый день испытаний вела себя примерно, ее пламя равномерно охватывало котел и давало много тепла. Вообще теперь мы уже могли готовить пищу более или менее своевременно, так как каждый кочегар научился управлять огнем, а не быть, как прежде, рабом его капризов. Главным новшеством в печи «Комплекс» явился ряд отверстий, просверленных в стенке банки для свободного доступа воздуха к огню. Превосходная идея, но, к сожалению, из-за того, что дырки были проделаны слишком низко, торжество изобретателя оказалось недолговечным.

Несколько дней спустя, вернувшись с работы в пещеру, мы обнаружили в тамбуре разбитую и смятую жестянку. При ближайшем рассмотрении увидели, что это «Комплекс», дальнейшее же расследование показало, что печь весь день страшно дымила и наградила дневальных воспалением глаз. Ее официально предали анафеме и выкинули, а суп сварили на печи старой конструкции «Симплекс». Изобретатель «Комплекса», не удовлетворенный принятым решением, заподозрил подвох со стороны конкурирующей фирмы, но на следующий день неблагодарная печь и его вывела из строя, так что он был в состоянии лишь сидеть и тереть глаза, в то время как я поддерживал огонь. Так «Комплекс» навсегда исчез из пещеры и занял подобающее ему место на свалке. В этот день консерваторы бурно выражали свое торжество, хотя в основе «Комплекса» несомненно лежал верный принцип, ошибочным было только исполнение.

Теперь круглые сутки стояла такая темень, что переносить тяжелые грузы с берега, пробираясь между огромными валунами, было небезопасно. Приходилось совершать эти прогулки в те немногие дни, когда ярко светила луна, при любой погоде. Можно было подумать, что ветер — существо одушевленное, с явно выраженной неприязнью к людям. Как только на небе появлялась луна, резко холодало и сила ветра увеличивалась. Поэтому походы на склады доставили нам немало горьких минут, но иного выхода не было. Продукты надо было приносить, и, кроме нас, никто не мог этого сделать. Наша одежда превратилась в лохмотья, единственная у каждого пара кожаной обуви разваливалась прямо на ногах, но как только дневальный объявлял, что снаружи достаточно светло, рабочая партия

немедленно выходила за припасами и складывала их около пещеры наготове в предвидении следующего темного периода. Ноги замерзали, как только ты выходил из тепла пещеры на мороз. Ветер проникал во все дыры, обжигал пальцы, пятки, подъем, смерзшиеся ботинки срывали куски кожи с ног, на моих, во всяком случае, всегда были натертости. Именно это убедило нас в том, что мы становимся все менее чувствительны к различным невзгодам. «Никогда не замечаем таких мелочей, как стертая пятка или отмороженные пальцы, разве что в минуты безделья».

Шестого июня меня посетило самое интересное, наверное, за всю зиму сновидение. Так много всего было в нем намешано, так близко оно касалось наших разговоров и дум, что я воспроизвел его в своем дневнике:

> «Я нахожусь на борту небольшого судна, стоящего на якоре поблизости от места, название которого, „Мальта“, выведено большими буквами. На самом же деле Мальта — это небольшой бугорок посередине крикетного поля в Тьюксбари. Капитан корабля — это был Кемпбелл — объясняет, что быка, привязанного к якорной цепи, прислали мальтийцы и что они каждый день будут присылать по быку. В это время к Кемпбеллу подходит матрос и, спросив у капитана разрешения обратиться к нему, говорит, что из-за лентяя Пегготи он отстоял в ночную вахту восемь часов вместо четырех. Тут мы замечаем у ворот поля четырех наших людей, которые размахивают руками, стараясь привлечь к себе внимание. Кемпбелл немедленно берет бинокль и отправляется к ним, я же задерживаюсь, чтобы посоветовать жалобщику уйти подобру-поздорову, потому что Пегготи не пошел с нами в Австралию, а находится в Ярмуте, но я, мол, обязательно расскажу ему о жалобе. Затем я присоединяюсь к Кемпбеллу, который не спускает глаз с другой стороны поля и грозит небу кулаком. Я беру у Кемпбелла бинокль и вижу „Терра-Нову“, разбитую вдребезги, с поломанной кормой, с единственной уцелевшей мачтой. В подъехавший экипаж как раз садится последний из команды, еще остававшийся на борту. Мы следуем за экипажем и вскоре приходим к большому лайнеру на речушке Свилгейт, на палубе которого много пассажиров с пострадавшего судна. Некоторых я знаю. Только я с ними поздоровался и хотел представить им Кемпбелла,

как к нему подбегают и просят опознать труп в трюме. Он спускается вниз, а я начинаю было рассказывать, как мы зимовали в Убежище Эванс, но в этот миг просыпаюсь».

Читатель может возразить, что мой сон не имеет ничего общего с рассказом о зиме, но подобные сновидения занимали в то время важное место в нашей жизни, не будет даже преувеличением сказать, что у нас были две жизни, не зависимые одна от другой. Кроме того, сон интересен тем, что в нем звучат две главные темы: желание наесться досыта и опасения за судьбу «Терра-Новы». В остальном он отражает воздействие наших последних разговоров о флоте и флотской дисциплине и чтения вслух Диккенса, перенесенного в места моей юности.

Погода в июне была еще хуже, чем в остальные месяцы, если только это возможно, но она не могла повлиять на наше настроение, которое поднималось по мере приближения дня зимнего солнцестояния. Наш быт сейчас настолько улучшился, что после всего пережитого казался чуть ли не идеальным. Каждый без страха ждал того дня, когда настанет его черед дежурить, и вечера, по-прежнему веселые, уже не были единственными светлыми пятнами в нашей жизни. О ней странички из моего дневника расскажут, наверное, более достоверно, чем написанные впоследствии строки:

«11 июня 1912 г. — Сегодня утром небо ясное, дует западный ветер. Во второй половине дня небо затянуло облаками. Все лежим, кроме Абботта, который полчаса выгребал снег из тамбура. Супы сегодня были превосходные, несмотря на отчетливый привкус пингвиньего гуано. Боюсь, что, потроша птицу к сегодняшнему дню, я из соображений экономии выкинул слишком мало. В результате у Кемпбелла, Абботта и Браунинга очередной приступ обычного их недомогания, на сей раз серьезный. Браунинг, кажется, начинает свыкаться с соленой водой, что нас чрезвычайно радует, ибо если он и дальше будет страдать от нее, это может иметь для него плохие последствия, и даже жизнерадостный характер не спасет его от последующей депрессии.

Сегодня был самый свободный за все время день, и я перечитал, уже в четвертый или пятый раз, некоторые из моих писем. Это помогает скоротать время, хорошо, что они у меня есть. Вечером я выдам четыре куска сахара сверх нормы, кроме того, мы получим четыре таблетки

лимонной кислоты, а значит, немного улучшим вторичный чай, который обычно пьем. Он, конечно, будет не настолько крепким, чтобы заглушить вкус лимона.

12 июня 1912 г. — Западный ветер средней силы. Облачно, но облака стоят довольно высоко и имеют неопределенную форму. Небольшое полярное сияние, вытянувшееся дугой с севера на запад. Море свободно ото льда, сколько хватает глаз при теперешнем плохом освещении — оно всюду черное. У нас иссякли запасы морского льда и пингвиньего мяса, пришлось их пополнять невзирая на погоду. Браунинг и Дикасон два раза сходили за льдом, а Левик и я принесли десять пингвинов из дальнего склада. Трудность таких походов во мраке в том, что одеревеневшие от холода ноги не ощущают неровностей почвы, несмотря на все предосторожности мы несколько раз падали, прежде чем добрались до склада, что, естественно, не улучшает настроения. Ветер был сильный, но менее холодный, чем обычно.

Возвратившись, я передал несколько тушек пингвинов Кемпбеллу, чтобы он повесил их оттаивать над огнем, и отправился с Браунингом к самому крупному из забитых тюленей за костями. С непривычки мы как следует попотели от физического напряжения и почувствовали голод еще острее, если это возможно. Мне кажется, он с каждым днем усиливается. То ли от угара, то ли от курения чайного листа и древесной лучины мы все страдаем бронхитом в легкой форме, тяжело дышим, говорим басом. В той или иной степени бронхит затронул всех, и забавно слышать немелодичные звуки, вырывающиеся из хриплых глоток, когда лежишь в темноте после того, как потушат лампы на ночь. Трудно себе представить такой полный мрак! Я хриплю меньше остальных, а потому склонен считать заболевание результатом курения.

13 июня 1912 г. — По-прежнему дует западный ветер. Ясно. Мы с Левиком дежурили. День прошел успешно. Очень замерзли пальцы. Поэтому кончаю.

14 июня 1912 г. — Сила ветра уменьшилась вполовину. Ясно, светят звезды. Еще один день проведен в спальном мешке. Смрада намного больше обычного. Обсуждали, кому выйти из пещеры и прочистить дымоход, а попутно срезать в тамбуре свисающий с

потолка кусок тюленьей шкуры, который составляет извечную угрозу глазам и носам выходящих и вызывает град проклятий, как ничто другое. Я забыл упомянуть еще один важный предмет нашего снаряжения — зубочистку. Кемпбелл единственный в партии является на сегодняшний день счастливым обладателем зубной щетки, отнюдь не лишней при нашем питании, от которого кусочки мяса застревают между зубами. Тем не менее мы умудряемся поддерживать их в хорошем состоянии, не худшем, чем дома, благодаря тому что осторожно удаляем остатки пищи бамбуковыми зубочистками и трем зубы мягкой древесиной. Ее источником служит деревянная обшивка ящиков с шоколадом Фрая. Отламываемые щепочки надо сначала намочить и пожевать для придания им мягкости. После этого они исполняют роль зубной щетки не хуже, чем она сама, даже лучше. А твердые сухари не дают деснам слабеть. Мне кажется, что я мечтаю о хорошей ванне и чистом белье не меньше, чем о завтраке из хлеба с маслом и джемом, а это говорит о многом. Сегодня утром закончили еще одну банку с керосином. Мы можем быть довольны — он расходуется экономно, его уходит все меньше и меньше, недаром Дикасон следит за примусом, как наседка за цыплятами. Сейчас все занимаются починкой личных вещей, а после них примутся за палатки. День после дежурства — самый приятный из всех, ты чувствуешь, что заслужил право с утра до вечера валяться в постели.

Сегодня у нас не прекращаются дебаты. Сначала Левик и я спорили о шоколадном рационе и о том, сколько шоколада осталось на мысе Адэр. Затем горячо обсуждался вопрос, какая участь ждала бы фруктовый торт из запасов экспедиции в весеннем санном походе, замерз бы он или нет. После этого Кемпбелл и Левик дважды схватились не на жизнь, а на смерть по животрепещущим проблемам национальной этики и имперской политики. В завершение разгорелась трехсторонняя дискуссия о том, как наиболее эффективно и экономно распорядиться тем единственным сухарем, который нам выдавался на день. У каждого был свой испытанный метод: Кемпбелл съедал сухарь за завтраком, Левик — часть за завтраком, остальное — с обоими супами, я же одну половину уничтожал в полдень или чуть раньше, когда голод

становился невыносимым, а другую — в обед.

15 июня 1912 г. — Слабый западно-юго-западный ветер. Сильная облачность. Еще один день проводим лежа: снаружи темно, хоть глаз выколи, а продуктов хватит еще на восемь-десять дней.

16 июня 1912 г. — Снова юго-западный буран. Ночью ветер достиг ураганной силы, но к вечеру спал до девяти — десяти баллов. Ясно, если не считать нескольких гряд облаков на юге. Весь день все лежат. Левик и я дежурим, снова успешно. Два наших последних нововведения касаются керосина. В качестве резервуара керосиновой лампы мы прежде использовали в перевернутом виде верх банки из-под керосина, нижняя часть которой ушла на изготовление печи „Симплекс“. Это было весьма неудобно — ручка и отверстие от пробки мешали лампе стоять, она то и дело переворачивалась. Теперь мы укоротили на полдюйма [1,27 см] только что опорожненную банку, и она стала прекрасным резервуаром. Крышка же пригодится для мусора.

Второе новшество предложил я, после того как Абботт перевернул одну из ламп для чтения и пролил драгоценный керосин. Произошло это в тамбуре, что в последнее время случалось довольно часто: не так-то это просто — ползти на четвереньках с лампой в руке. Мы сделали для тамбура специальный жирник, на три четверти заполненный ворванью и отходами от нее, так что впредь даже при авариях потери керосина будут невелики.

Вчера вечером мы не пели, а с удовольствием разговаривали о подготовке к весеннему санному переходу. Время пройдет быстро: на этой неделе уже День середины зимы, затем следуют один за другим три или четыре дня рождения.

17 июня 1912 г. — Слабый западный ветер. Сплошная облачность со снегопадом. Слабая метель. Вчера Левик несколько часов поддерживал огонь, подкладывая в него полоски тюленьей шкуры размером два дюйма на девять [5,08x22,86 см] вместе с шерстью, лишь слегка подскобленные с изнанки ножом. Они горели превосходно, с точки зрения экономии это очень важное открытие.

Вчера вечером состоялось традиционное воскресное чтение. Читали на сей раз главу 11 „Деяний апостолов“,

записи из моего дневника о походе в бухту Кресчент и описание юности Стивенсона. Все три фрагмента необычайно интересны. Концерт, как всегда, прошел с большим успехом; среди прочего исполнили Благодарственную молитву с начала и до конца без единой запинки. В нашем репертуаре большой запас псалмов, и вчера мы распевали до поздней ночи. Это большая удача, ведь никто из нас не может похвастать хорошим сном. После вечернего супа обычно немного клонит ко сну, но вечером просыпаешься и снова засыпаешь уже рано утром и спишь до шести или семи часов утра, то есть до официального подъема. Досыпаем между 9 и 11 часами утра. Утренний сон сокращает день, а спишь ты утром или нет — ночью все равно трудно заснуть. Днем в спальном мешке делать нечего, тем более что мы стараемся читать поменьше: от постоянного смрада воспаляются глаза, веки настолько тяжелеют, что, опускаясь на глазное яблоко, причиняют резкую боль. Сейчас мы, можно сказать, достигли автаркии, под нашей крышей имеется все необходимое, никакая буря не страшна — мы можем ее пересидеть в тепле. В плохую погоду пределы пещеры приходится покидать лишь для того, чтобы вынести мусор на свалку, это мы делаем ежедневно, да осмотреть и наладить дымоход. Ветер частенько сдвигает образующие его снежные блоки, одни выталкивает в сторону, другие ставит дыбом, а сам проникает внутрь и поднимает невыносимый чад. Если бы не это, даже дневальному незачем было бы выходить из тамбура, защищенного так хорошо, что вчера, когда отверстие дымохода забивали кляпом на ночь, пламя лампы у входа даже не колебалось от ветра».

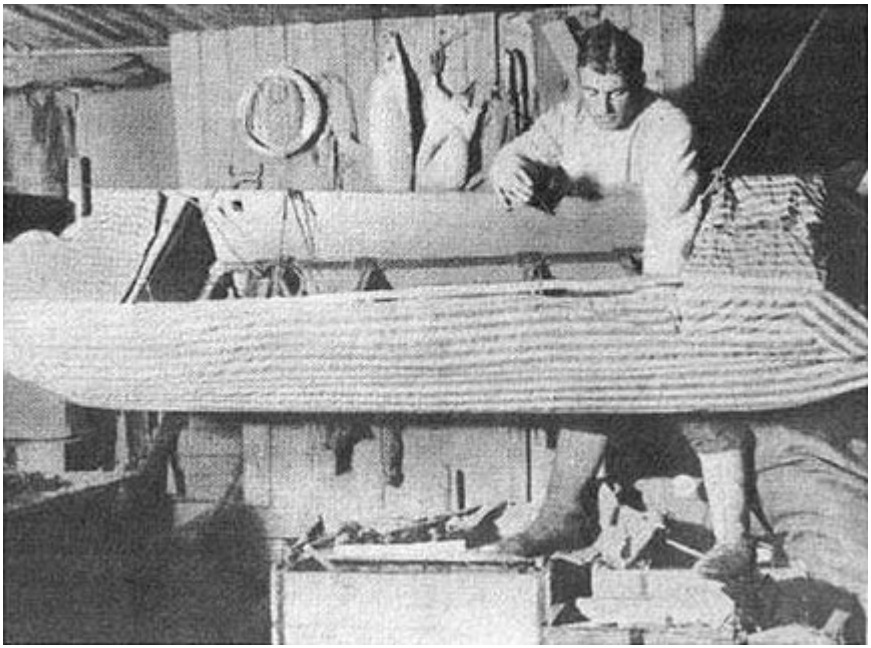
Это типичное для моего дневника описание недели из жизни партии в лишенные событий зимние месяцы дает верное представление о нашем быте, о возникавших трудностях, о том, как мы постепенно учились их преодолевать. Период депрессии, охватившей партию в конце февраля, сменился непоколебимым оптимизмом, который, усиливаясь, стал нашей главной опорой. По мере того как мы справлялись с разными жизненными невзгодами, в нас крепло убеждение, что мы выдержим, хотя имевшегося в запасе мяса и при половинном рационе могло хватить только до конца июля.

Глава XXII
Второй день середины зимы в Антарктике

Рацион в День середины зимы. — Торжество прошло лучше, чем в прошлом году. — Несчастный случай. — Морской юмор. — Муки голода. — «Умывание по Браунингу» и другие способы. — Соленое сало не имеет успеха. — Новые тревоги из-за плохой вентиляции. — Ночная вахта. — «Спина иглу». — День работы на воздухе. — Тюлени. — Абботт перерезает сухожилия трех пальцев. — Снова тюлени. — Дни рождения. — Самый холодный ветер. — Плачевное состояние обуви.

«В следующую субботу, в День середины зимы, закончатся наконец наши ожидания и мы впервые за четыре месяца ляжем спать, не испытывая чувства голода. Последние две недели мы только об этом и думаем. Подумать только, что самые сокровенные желания человека могут сосредоточиться на еде, которая его насытит. За редким исключением физическое благополучие составляет тайную цель самых честолюбивых порывов.

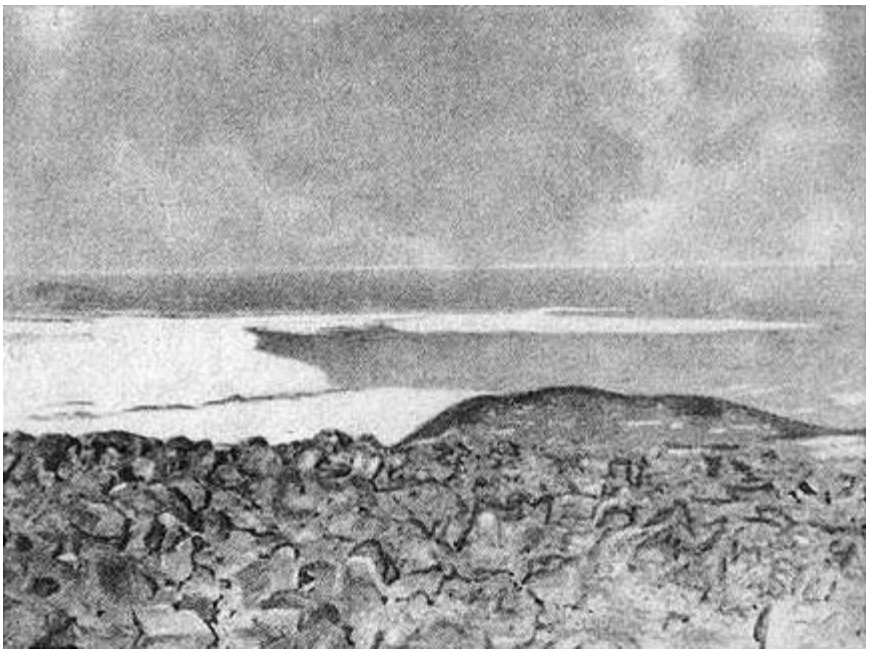
Я выдам по четыре сухаря (половина санного рациона), четыре палочки шоколада, двадцать изюминок и четырнадцать кусков сахара на человека, оба супа доведу по калорийности до трех четвертей рациона, какао — до его обычной консистенции (какое пили в хижине) и сладости (из расчета четырех кусков сахара на каждого). Все хлебнут по хорошему глотку из единственной имеющейся бутылки „Винкарниса“ и почувствуют, как прекрасен мир. Лишние сухари смягчат то обстоятельство, что со следующего дня их норма сократится строго до одного в день».



В первую зиму на мысе Адэр хижина Борхгревинка служила мастерской

Тюлени Уэдделла на припае у острова Инекспрессибл

Лагерь во время санного похода



Море, не желавшее замерзать

Так я писал в дневнике 18 июня. Прошел еще один год, быстро приближался второй День середины зимы, который мы проведем в Антарктике. Но какая огромная разница между двумя этими днями. В прошлом году на мысе Адэр мы были чисто

вымыты и хорошо одеты, сыты, вечером устроили обед, который сделал бы честь любому лондонскому ресторану. Жили мы в просторной, светлой хижине с хорошей вентиляцией, за ее стенами была спокойная ясная погода. А сейчас? Те же самые шесть человек готовятся отметить ту же дату, но на этом сходство и кончается. Посторонний никогда бы не узнал в грязных, немытых, нечесаных существах тех довольно аккуратных на вид людей, которые засняты 22 июня 1911 года за праздничным столом. Жилищем нам служит пещера, в которой невозможно выпрямиться во весь рост, наши спальные мешки покрылись грязью и местами облысели, двое из нас в день торжества с утра до вечера гнулись над жировой печью и разделочной доской, а остальные четверо дремали в спальниках. И утром, и вечером мы ели суп, от которого с возмущением отвернулся бы любой английский бродяга, а вечером в виде изысканного угощения получили четыре окаменевших сухаря, шоколада на три пенса и несколько кусков сахара. И тем не менее, спросили бы любого из нас 22 июня 1912 года, какой из этих двух Дней ему понравился больше, он без колебаний ответил бы, что последний. Ценность праздничного угощения измеряется только отличием от повседневной еды. Вряд ли Петроний[94] когда-нибудь получал от римских пиршеств такое же наслаждение, какое получили мы от наших супов, сдобренных тщательно сбереженными печенками и сердцами пингвинов Адели и другими немногочисленными приправами. И уж конечно, ни одно, даже самое знаменитое вино мира не могло бы сравниться по вкусу с «Винкарнисом», нашим первым приличным напитком после февраля. Правда, пили его из тех же самых роговых кружек, из которых ели суп и которые так пропитались ворванью, что перед выпивкой их пришлось долго скрести ножами, но и это не могло испортить нам вкуса вина, наоборот: легкий аромат тюленьего жира как бы обогащал его букет. Впрочем, не исключено, что у меня несколько преувеличенное представление об этой части угощения, так как в день торжества произошла трагедия. После того как вино было розлито, я вернулся к своим обязанностям дежурного — в тот момент я рубил мясо — и неосторожным движением локтя опрокинул кружку с моей порцией вина, которое вылилось на спальный мешок. На дне осталось не больше столовой ложки, и возможно, что, проиграв в количестве спиртного, я тем выше оценил его качество.

Долгожданный день во всех отношениях оправдал наши надежды, впечатлениями от него жили целую неделю, а может, даже и больше. Мы снова испытали удовольствие держать в руках кусок еды, которую действительно уже не хотелось съесть. Руки у

всех были заняты выданными продуктами, и каждый что-нибудь отложил на следующее утро, когда мы возвратимся к нормальному, вернее ненормальному, рациону. Запись в дневнике от 22 июня красноречиво свидетельствует о моем отношении к яствам, и не сомневаюсь, что впечатления других участников, увековеченные в их записках, звучат не менее эмоционально:

> «Левик и я только что закончили прекрасное дежурство. Суп, заправленный тюленьими мозгами и печенью пингвина, имел нежнейший вкус, „Винкарнис“ напомнил мускат, а сладкое какао было лучшим напитком за последние девять месяцев. За весь день случилась одна неприятность — я опрокинул свою порцию вина, но еды было так много, что я почти не ощутил потери. Курильщики получили по сигаре и по одной шестой части плитки прессованного табака, и все предвкушали долгий приятный вечер. Мы еще не кончили разливать суп, а иглу уже огласилась пением, одна песня сменяла другую, все звучали прекрасно. Нас с Левиком ожидает вкусный ужин, так как мы еще не дотронулись до своего шоколада, сахара и сухарей, в то время как остальные уже съели свои порции. День прошел очень хорошо и доставил всем гораздо больше удовольствия, чем предыдущий День середины зимы. Приятно думать, что теперь солнце с каждым днем будет к нам приближаться, а 10 августа появится на нашем горизонте, правда сначала только теоретически: из-за северных холмов, закрывающих видимость, мы увидим его только пятнадцатого или даже позднее.
>
> Весь день дул ветер. Луна стоит уже довольно высоко и дает много света, несмотря на легкую дымку и снег. Сегодня утром в тамбуре было порядочно снега.
>
> Мы все в хорошей форме и надеемся, что, пока луна на небе, сможем немного подвигаться. Вскоре придется пополнять наши запасы. Ворвани хватило на меньшее время, чем мы рассчитывали, хотя с мясом дело обстоит лучше.
>
> Утром Браунинг рассказал анекдот, который стоит записать.
>
> Моряк пришел в театр, сидит в партере, за креслами, а перед ним расположился господин в высоком цилиндре, который загораживает сцену моряку. Моряк терпел-терпел, но в конце концов не выдержал и, выждав

паузу на сцене, со словами „Трубу убрать, поднять гребной винт!“ ударом кулака надвинул цилиндр его владельцу на глаза.

Господин преспокойно снял с головы цилиндр, превратившийся в блин, повернулся к обидчику и врезал ему между глаз:

„Выключить огни! Подготовиться к бою! Я и сам служил на флоте“.

Сегодня моим глазам предстало невероятное зрелище: открытое море на 75° южной широты в День середины зимы».

Единственным нежелательным последствием описанного пиршества явилось то, что наша пищеварительная система получила новый стимул и в результате муки голода усилились еще больше. Мы острее ощущали сосущую боль перед приемами пищи и даже после них не чувствовали себя сытыми. Голод даже стал помехой для концертов, так как пение отнимало у нас не меньше сил, чем физическая работа.

Незадолго до праздника середины зимы или же вскоре после него была предпринята первая за зиму попытка умыться. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы из наших скудных запасов выделить сало для растапливания воды на гигиенические нужды, поэтому никто из нас не мылся с тех пор, как летом проходили мимо последней полыньи.

Но вот однажды, когда Браунинг вполз из тамбура в пещеру, кто-то заметил на его шлеме снег, который он соскреб головой с потолка прохода, покрытого изморозью. Браунингу сказали об этом, он стянул с головы шлем и обтер его о свою физиономию. Это примитивное умывание так освежило внешность Браунинга, что мы все немедля последовали его примеру. Конечно, таким способом нельзя было избавиться от слоя тюленьего жира, образовавшегося на наших лицах, но оно, наверное, и к лучшему — сальная кожа, должно быть, меньше подвержена воздействию мороза. С общего согласия процедура была названа «умывание по Браунингу» и заняла достойное место в ряду себе подобных, о которых я знаю. Известны, например, «умывание по-каперски» — два пальца окунают в ведро с водой и прикладывают к глазам, «умывание по-комендорски» — кисточкой для бритья растирают мыльную пену по всему лицу. Следовало бы еще выделить весенне-санное умывание — это когда от одного взгляда на снег тебя охватывает озноб.

Мясные запасы приближались к концу, мелкие части у каждой туши были съедены. Приходилось обрабатывать крупные

куски, каждый величиной с четверть тюленя, которые было чрезвычайно трудно оттаивать. После многочисленных проб мы нашли правильный метод обращения с ними: кусок подвешивали как можно ближе к печи, и каждый дежурный сначала обрезал ножом все, что поддавалось его усилиям, с обращенной к огню стороны, а затем долотом и молотком разрубал остальное. Так мы довольно успешно расправлялись с тюленьей, и на костях в мусорной куче почти не оставалось мяса.

В это время возникло новое осложнение — постепенно усиливавшееся отвращение к тюленине. Некоторым она и вообще-то никогда не нравилась, да и в самом деле она лишена какого бы то ни было вкуса. Теперь, когда выбирать в кладовке было не из чего, оставшееся мясо при всем нашем голоде казалось несъедобным, тем более что сало мы соскребали со шкуры молодого тюленя с резким специфическим запахом. Он усугублялся тем, что шкура долго мокла в морской воде и была слишком соленой — одним словом, есть это сало было невозможно. Вонючее, твердое как резина, невероятно соленое, оно не годилось и в качестве топлива. К счастью, эта шкура была из самых плохих, иначе нам пришлось бы умереть с голоду. Мы и так все маялись животами.

Как-то раз Абботт — скорее всего из желания любым путем придать супу иной вкус, а вовсе не по рассеянности, как он уверял, — сварил в супе ласт пингвина вместе с перьями. Он скреб ластом изнутри котел и забыл его там, вместе с поскребышами. Эти добавления не улучшили вкус обеда, но мы были слишком голодны, чтобы обращать внимание на подобные пустяки, и почти никто не отказался от своей порции.

Пятого июля вентиляция снова доставила массу волнений. Ночью совсем не было слышно завываний ветра, а утром, через несколько минут после того как разожгли примус, погасли лампы от недостатка кислорода. Оказалось, что и дымоход, и тамбур плотно забиты снегом. Как и в предыдущий раз, всему виной был юго-восточный ветер с пургой, и только после того как он сменил направление на западное, тяга улучшилась. Вот когда мы впервые за все время не проклинали ветер! Еще бы, благодаря ему пещера снова стала пригодной для жилья. Но он часто менял направление, и, подчиняясь его капризам, приходилось несколько раз поправлять дымоход, так чтобы его входное отверстие находилось под ветром, ибо в горизонтальном положении оно приносило мало пользы. В это утро южный ветер был необычайно теплым, Кемпбелл и я смогли просто погулять и постоять около пещеры, беседуя о нашем положении и о том, что, к счастью, зима прошла благополучно. Этот факт заслуживает упоминания:

впервые можно было относительно спокойно пройтись и подышать свежим воздухом, даже постоять на одном месте, не опасаясь обморожений. Снегу намело около двух футов [61 см], и ходьба по свежим наносам заставила нас как следует попотеть. После этой трудной работы мы с полчаса стояли на одном месте, отдыхая, но и тогда нам было слишком жарко. Из-за пасмурной погоды мы не видели даже холм Лук-Аут, находящийся к северу от Убежища Эванс.

К вечеру опять задуло с юго-востока, дымоход, налаженный на западный ветер, превратился в снегоприемник, тяга заглохла, пещера наполнилась угаром. Суп, конечно, не мог закипеть, если на крышке котла лежало два дюйма [5,1 см] снега, печку отставили в сторону и взялись за примус. Он быстро сожрал остатки кислорода в пещере, но мы установили двухчасовую ночную вахту, в течение которой каждый один раз прочищал отверстие дымохода, и таким образом избежали повторения утренних неприятностей. Мне выпало дежурить от полуночи до двух часов ночи, и это было необременительно. До часа мы болтали с Кемпбеллом и Левиком, затем я наведался в тамбур. Доползши до его конца, откинул снег ото входа, после чего прочистил дымоход: вытащил из него затычку и дал ветру пять — десять минут погулять по пещере. Затем отряхнулся, залез в спальный мешок и разговаривал с Кемпбеллом до начала его вахты в два часа ночи.

На следующий день пурга продолжалась, дымоход завалило до самого верха. Пришлось нарастить его трубой из тюленьей шкуры, и суп запоздал на два часа из-за недостаточной тяги и сверхдостаточного урагана. К вечеру мы все чувствовали себя хорошо прокопченными селедками. Вопрос вентиляции причинял большие неудобства и бесконечные беспокойства. Торчащая снаружи маленькая труба из тюленьей шкуры с воткнутой в нее палкой выглядела очень странно. Они единственные нарушали девственную белизну сугробов, а сквозь густую пелену падающего снега сильно напоминали Киплинговское описание «Боливара», пересекающего залив: «Лишь труба и мачта в пене волн видны».

В этот день я впервые заметил у себя симптом, который назвал «спина иглу». Как я уже писал, высота нашего жилища — всего лишь 5 футов 6 дюймов [1,68 м] — не позволяла выпрямиться во весь рост, и работать в помещении приходилось в согнутом состоянии. Эти и другие явления, вызванные скученностью, давали о себе знать в те дни, когда не было возможности выходить и все теснились под крышей. Запись в дневнике от 6 июля запечатлела эту новую неприятность и некоторые другие невзгоды, посетившие нас в ту часть зимы:

«Самое плохое в дежурстве — адская боль в спине из-за того, что нельзя выпрямиться во весь рост. Моя спина болит сейчас ужасно, но после того как ложишься в мешок, боль вскоре успокаивается».

Коренастый Левик с трудом проходит через внутреннюю дверь, и мы только что веселились целых пять минут, наблюдая за его усилиями протиснуться в дверь с куском мяса в одной руке и котлом — в другой. К счастью, большинство из нас отличается стройностью, больше ни у кого этих забот нет.

Воздух в пещере стал сносным, но потолок и стены лишились девственной белизны, и так будет до тех пор, пока не выдастся несколько дней без угара и грязные кристаллы не обрастут чистыми.

У Браунинга легкое расстройство желудка, Дикасон жалуется на сильные колики в боку, но в общем самочувствие у всех отличное.

Пингвинятина и кости для печки на исходе, через день-другой кончится морской лед, нам просто необходима хорошая погода, так как только пингвинятина делает приевшийся всем суп более или менее съедобным.

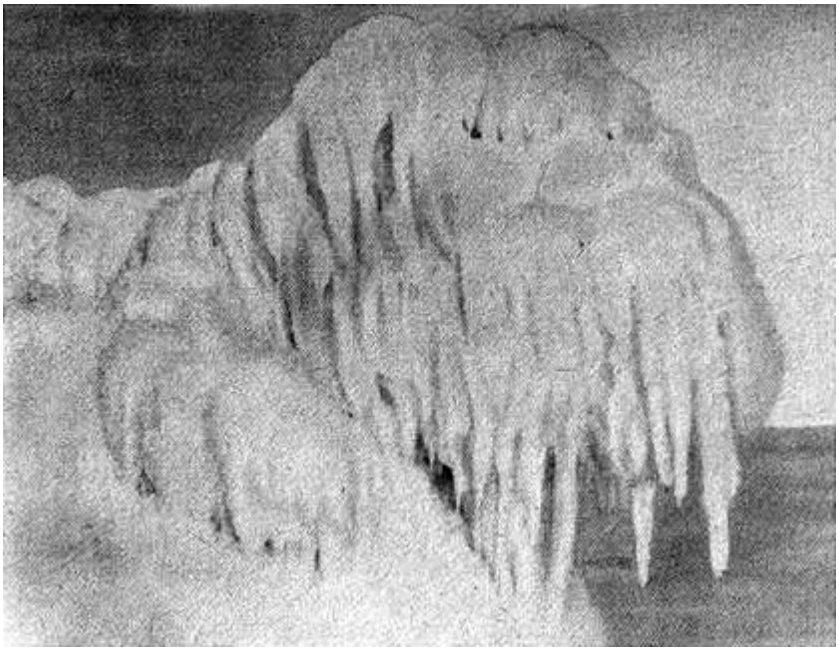
Назавтра погода и в самом деле улучшилась и подарила нам самый погожий за всю зиму день. Семь часов подряд, то есть полный рабочий день, стояла тихая погода, почти без снега. Мы потрудились на славу и добавили к нашим запасам двадцать три пингвина, десять кусков сала, три глыбы морского льда, не говоря уже о большом количестве костей. Все принесенное сложили в нишах тамбура и еще успели поставить на место дымоход, снятый утром для починки.

Следующий день стал знаменательным для судеб партии, но Левик и я дневалили и не участвовали в событиях. Кемпбелл и Абботт спустились на берег и выламывали четыре пластины сала, вмерзшие в лед. Вскоре у Кемпбелла замерзли ноги, и он пошел размяться по припаю, но почти тут же вернулся и сообщил, что видел двух тюленей. Кемпбелл и Абботт побежали в пещеру за ножом и ледорубом. Далее я пишу с их слов:

«Возвратившись к месту, где находились тюлени, Абботт ударил одного коротким ледорубом — другого оружия у них, к сожалению, не было. Удар пришелся по затылку, и животное бросилось к воде. Без этих тюленей нам грозила бы голодная смерть, и, понимая это, Абботт прыгнул одному из них на спину, оглушил, а затем добил ударом ножа в сердце. Нож он передал Кемпбеллу, сам же бросился с ледорубом на второго тюленя. Тот

оказался не робкого десятка и полез на Абботта, так что пришлось ему оседлать и этого тюленя, чтобы нанести удар. Он протянул руку за ножом, и Кемпбелл второпях сунул ему нож Браунинга, тупой, со скользкой, жирной от сала рукояткой. Абботт нанес им смертельный удар, но рука его соскользнула с рукоятки на лезвие и он сильно порезал себе три пальца».

Еда и топливо на две недели



Замерзшие брызги прибоя на подошве припая после бури

Рукавица наполнилась кровью, Абботта охватила слабость, и он поспешил в пещеру, где Левик перевязал рану. Отлежавшись, Абботт вскоре почувствовал себя лучше, но, к несчастью, он перерезал сухожилия на всех трех пальцах, и они навсегда утратили способность сгибаться.

Кемпбелл и пришедшие ему на помощь Браунинг и Дикасон освежевали и разделали тюленей. Они явились важным подспорьем для нашей кладовой, тем более что жировая прослойка у них была толще обычной и имела очень приятный запах. С одним из животных Браунингу пришлось повозиться: оглушенный, прирезанный тюлень ухитрился, перекатываясь с боку на бок, проползти ярдов двести [183 м] по направлению к морю, и лишь с большим трудом его задержали. Жалость была тогда для нас непозволительной роскошью, так как мяса и сала оставалось очень мало, а сокращать рационы было уже некуда. На радостях я разрешил бросить в суповой котел лишний кусок мяса и выдал по шесть кусков сахара на человека.

На следующий день, хотя погода оставляла желать лучшего, четверо из нас принесли, сколько смогли, мяса и сала и закопали в сугроб, поблизости от пещеры, на случай возобновления непогоды. После нескольких часов работы под открытым небом мы никак не могли согреться, лежа в спальных мешках. Дело, думаю, в том, что худая одежда долго хранила холод, да и в пещере было сыровато, все пропиталось влагой.

Двенадцатого июля Браунинг и Дикасон отправились на припай в надежде раздобыть тюленей. Им повезло — они забили еще двоих, теперь мы могли быть спокойны, что дотянем уж до начала сентября во всяком случае. В этот день было не холодно, довольно светло несмотря на снегопад, работалось хорошо, и было приятно сознавать, что отныне дни будут становиться все светлее.

Из-за последних обильных метелей у входа в тамбур намело столько снега, что к нему было не подступиться. Тринадцатого числа Дикасону поручили сделать в наносах ступеньки, по которым можно было бы без труда подниматься и спускаться к пещере. Он прекрасно справился с задачей и на каждую из четырех ступеней положил плоский камень. Следующее и последнее нововведение касалось уже самого входного отверстия. До сих пор оно находилось вровень с сугробом, теперь же мы соорудили раму из трех связанных канатом бамбуковых шестов и установили ее вертикально перед входом. Две длинные бамбуковые палки соединяли верх рамы с крышей тамбура и служили стропилами для крыши из тюленьих шкур и снега. Стена из снежных блоков делала новые «сени» непроницаемыми для ветра и снега. Подвешенный на раме мешок полностью преграждал снегу доступ в тамбур.

Абботт все еще находился на положении больного, работать ему не разрешалось, и его дежурства распределялись между нами. Пальцы его постепенно заживали, так как Левик каждый вечер делал ему перевязки, причем использованные бинты сохраняли, пропитывали ворванью и утром использовали для разведения огня. Еще одно проявление экономии.

Мой день рождения, 20 июля, отмечался дополнительной выдачей еды и вечерним концертом. Я выдал по палочке шоколада, шесть кусков сахара и двадцать пять изюминок на человека, и мы легли спать очень довольные друг другом, подсчитывая, сколько дней осталось до следующего юбилея. День рождения совпал с моим дежурством, но Кемпбелл, Левик и Браунинг взяли его на себя, а я весь день роскошествовал в спальном мешке, беседуя, читая и время от времени впадая в сон. В полдень к северу от нас виднелось совершенно светлое небо — признак того, что темное время года кончается.

Двадцать первое июля запомнилось необычайно холодным ветром, какого еще, пожалуй, не было. С утра мне показалось, что ветер не особенно сильный, и я отправился на припай за костями, но там дул настоящий ураган и меня вмиг просквозило до мозга костей. Не знаю, сколько было градусов мороза, но мне казалось, что я вообще раздет, за три минуты я получил три обморожения и

побежал со всех ног домой, чтобы удержать товарищей от выхода на лед. Поскольку, однако, они уже все встали и оделись, то решили все же пройтись, но их хватило ненадолго. День, начавшийся так неудачно, прошел вполне хорошо, несколько часов я латал ветрозащитные штаны, а Браунинг в это время чинил мои рабочие брюки, так пропитавшиеся ворванью, что только рука специалиста могла не продырявить их стежками окончательно. Вечером Левик прочитал первую короткую лекцию об анатомии и физиологии человека, обсуждали ее до часа ночи. Нашим любимым развлечением стало задавать вопросы о прочитанном накануне. Хорошая память встречается не так уж часто, и некоторые ответы были очень комичными.

Море по-прежнему не замерзало, следовательно, у нас не было иного выхода, как идти через ледник Дригальского, что было возможно не раньше сентября. Приходилось снова сократить рацион, и было решено в августе отменить вообще выдачу сухарей. Нам казалось, что мы обойдемся увеличенной нормой мяса и сала, дополняемой время от времени долькой шоколада и несколькими кусками сахара.

Жир тюленей, убитых последними, и по виду напоминал сало или масло, и по вкусу был лучше того, что мы ели всю зиму. По мнению умудренных опытом знатоков из нашей среды, он напоминал вкусом орешек. Неожиданное удовольствие, которое мы от него получили, и доставляемое им ощущение сытости относятся к числу сюрпризов, преподнесенных зимней диетой.

По-видимому, впредь можно было больше не беспокоиться о мясе: в последующие дни мы несколько раз видели поблизости плавающих тюленей Уэдделла, некоторые из них обязательно выйдут поблизости на берег, прежде чем мы опустошим склады. В конце июля мы наконец-то перестали волноваться по поводу еды. Теперь больше всего забот причиняла обувь, находившаяся в столь плачевном состоянии, что, казалось, стоит ей в один прекрасный день оттаять — и она развалится на куски. Как-то раз я попытался носком ботинка отковырнуть ото льда примерзший кусочек тюленьего мяса, но вместо этого лишился всей нижней подошвы и теперь чувствовал каждый камушек сквозь верхнюю подошву, тоже кое-где прохудившуюся. Ботинки Левика были не лучше — они пропускали снег, а Дикасону его пара 28 июля и вовсе отказала. Необходимо было что-то предпринять, но что? Попытка сделать мокасины из невыделанной тюленьей шкуры не увенчалась успехом — как мы ее ни скребли, она оставалась жирной. Дубить шкуру в наших условиях было, конечно, невозможно, оставалось по примеру эскимосов обработать ее жеванием. Но между эскимосами и нами та существенная

разница, что у нас не было женщин, которые бы за нас жевали шкуру.

Глава XXIII
Август в пещере

Возвращение света. — Великолепное небо. — Поиски зарытого склада. — Еще раз о горькой доле дневального. — Записка на шесте у склада. — Мы отрыли сани и готовимся к старту. — «Предвестник дня». — Очаг затоплен. — Возвращение солнца. — День рождения Кемпбелла. — Воспоминания о начале зимы. — Подготовка к санному походу продолжается. — Ослабление крыши. — Спор и комичное пари. — Болезнь Браунинга. — «Радость моряка». — Предвестие болезни

> «1 августа 1912 г. — Итак, наступил первый день нового месяца, и весьма уместно обозреть наше положение. Мы ожидаем возвращения солнца в ближайшем будущем и примирились с мыслью, что придется отложить выход до конца сентября и на пути к мысу Эванс пересечь ледник Дригальского. При хорошей погоде светлого времени хватает уже на несколько часов работы вне дома, и, хотя ветер не утихомирился, при свете дня, когда видно, куда идешь, он досаждает гораздо меньше, и только пурга может помешать нам подносить к пещере все необходимое. У нас есть четыре тюленя. Теперь в любой день может прибыть спасательная партия.
>
> Перед наступлением дня небо окрашивается в великолепные тона, в полдень оно сияет так, что, кажется, солнце за горизонтом и вот-вот выйдет. Наибольшее впечатление в этом явлении производят, как всегда, широкие разноцветные полосы, которые в полдень тянутся чуть ли не от зенита до горизонта».

Последствия недавних снегопадов задали нам в начале месяца много работы. Старые сугробы распухли фута на три [92 см], появилось много новых. Чем это нам угрожает, мы поняли только 5 августа, когда, воспользовавшись хорошей погодой, предприняли поход за мясом.

Склад полностью занесло, пришлось с полчаса работать лопатой, прежде чем мы хотя бы его нашли. Это был первый наш склад, когда мы его закапывали, еще летали поморники, и для

защиты мяса от них его прикрыли свежей тюленьей шкурой. Она, конечно, примерзла к мясу, да и само оно превратилось в камень. Разрубить его было так же трудно, как неразделанную тушу. Прибегли к помощи кирки, но этот слишком грубый инструмент не годится для разделки туши, куски мяса разлетались во все стороны, многое пропало. Один череп я разнес на куски, и от мозгов ничего не осталось.

В тех редких случаях, когда удавалось забить тюленя, лучшую часть вырезки я откладывал для санного рациона. Он и половина запасов мясного экстракта «Оксо» были заложены в неглубокую яму в нескольких ярдах от входа в пещеру, отмеченную бамбуковым шестом. Ветер очень скоро его унес, но шестов у нас недоставало, а склад был на виду, и я решил, что обойдется и без шеста. Но я рассчитывал без хозяина, так как пурги увеличили слой снега на три фута [92 см] и наш склад скрылся из виду. В конце первой недели августа у нас почти вышел «Оксо», надо было достать новую порцию, и девятого я несколько часов подряд раскидывал снег лопатой в поисках склада. Десятого я дежурил, но одиннадцатого копал снова, а двенадцатого мы взялись за лопаты уже вчетвером. И только к вечеру этого дня обнаружили склад, в 18 дюймах [45,7 см] от квадрата, которым обозначили на снегу его предполагаемое местонахождение.

Снежная погода доставляла много неприятностей, это видно хотя бы из дневниковой записи за десятое, за тот самый день, когда солнцу надлежало вернуться:

> «Сегодня у меня с Дикасоном было трудное дежурство, мы хлебнули горя из-за печки. Дикасон только что выскочил с нею в тамбур, кашляя и проклиная ее последними словами, она же, испустив дух, заполнила пещеру на редкость противным запахом, тошнотворным и раздражающим. Утром, когда мы принялись разжигать огонь, выяснилось, что снежные наносы на крыше пещеры сравнялись с верхом дымохода и засыпали его. Дымоход прочистили, но ненадолго. Тогда Браунинг и Абботт образовали спасательную партию, соорудили из обрезанной с обеих сторон сухарной банки и куска тюленьей шкуры очень приличную трубу, водрузили ее на место и закрепили снежными кирпичами, которые я вырубил накануне, а отверстие на боку банки, из которого обычно достают сухари, заделали куском шкуры. Кстати, банка стала весьма неплохим анемометром, по которому мы могли довольно верно судить о силе ветра. После установки

нового дымохода Дикасон и я выгребли снег в тамбур, оттуда его выкинули вообще вон, но кое-что попало в банку, где перетапливалось сало, и огонь стал гаснуть. Конечно, в тот момент мы оба разозлились не на шутку, но держали себя в руках и расстроились значительно меньше, чем если бы это произошло несколькими месяцами раньше. По случаю возвращения солнца мы варим сладкое какао, выдаем по два сухаря, шесть кусков сахара, по палочке шоколада на каждого. Эти лакомства должны вознаградить нас за все дневные неприятности. Ветер усилился, но снег не идет, и перед нами широко, как сама жизнь, расстилается свободное ото льда море. Кто-то предложил назвать наше убежище „Вид на море“».

Сени перед входом в тамбур

Тринадцатого Кемпбелл, Левик и Абботт пришли к складу «Врата Ада» и накололи на шест записку для спасательной партии, на тот случай, если она будет двигаться от бухты Вуд. На обратном пути они захватили с собой две банки керосина. Они

сообщили, что подножие гор к западу от нас было освещено прямыми лучами солнца, теперь мы вот-вот сможем увидеть их от своей пещеры. Четырнадцатого Кемпбелл взобрался на скалистый отрог за нашим «домом», и впервые ему предстала половинка солнца.

Пятнадцатого мы еще раз сходили к складу, несмотря на сильный ветер, выкопали сани на железном ходу и оттащили их на северный берег острова Инекспрессибл. День был холодный, и Кемпбелл, не имевший ветрозащитного шлема, отморозил щеки и нос. Один раз мы даже сделали остановку и оттирали ему четыре замерзших места, каждое величиною с шиллинг. Ветер дул с прежней силой. Никто из нас не встречал прежде ничего подобного: он дул уже 180 дней с перерывами не более чем на несколько часов.

В этот день мы не видели солнца, но часа за два до полудня яркий вертикальный луч света пронзил небосвод, начиная от гор к северу от нас, и замер на полпути к зениту, позолотив подернутое дымкой синее небо и окрасив облака в ярко-красный цвет. Будь я художник, я бы нарисовал это небо и назвал картину «Предвестник дня» или «Заря надежды».

Мы предприняли еще одну или две вылазки к складу на морене, а девятнадцатого солнце наконец предстало нашим взорам. Это было прекрасно, но долго им любоваться я не смог: ветер, как всегда, был неразлучен с нами и чуть ли не опрокидывал меня на скользкий снег.

Дежурства и кока, и дневального некоторое время шли как по маслу, и мы уже было возликовали, как тут приключилась новая беда. Очаг, как говорилось выше, представлял собой шестидюймовое [15,2 см] углубление площадью в три квадратных фута [0,09 м^2], выложенное двенадцатью крупными камнями. Большой почти всегда огонь что ни день растапливал, естественно, изрядное количество снега со стен и потолка камбуза. Вода капала вниз и постепенно заполняла очаг, теперь же каждую ночь затопляло дно печи, и с утра приходилось немало повозиться, чтобы отогреть ее. Эта неприятность приняла угрожающие размеры, когда наша старушка «Симплекс» дала трещину. Просачивавшаяся в нее вода и вовсе гасила огонь. Пришлось срочно делать новую печку, но и после этого дневальный первую часть дня проводил в единоборстве с образовавшимся накануне льдом, а если он, погасив вечером огонь, не успевал вовремя вытащить печь из ее гнезда, она намертво примерзала к полу.

Двадцатого августа был день рождения Кемпбелла, а следовательно, снова праздник. Уже был виден конец продуктам,

находившимся в иглу, но и нашему пребыванию здесь когда-то должен был прийти конец. Стоило нам обратиться мысленным взором к началу зимы, и мы по контрасту чувствовали, что пребываем просто в роскоши. Чтобы острее ее ощущать, мы часто возвращались к этим воспоминаниям. Это видно из записи в моем дневнике:

> «Сейчас со смехом вспоминали невзгоды, сыпавшиеся на нас, когда мы только-только поселились в пещере. Их было более чем достаточно, тем не менее мы и тогда ухитрялись выжать из себя улыбку. Сегодня исполняется как раз пять месяцев с того дня, как половина нашей партии, лишившись палатки, пришла в пещеру, и мы долго сидели вокруг примуса, распевая: „Там ли Лондон, где он был?“ Вечер прошел очень весело, но по мере приближения ночи, которую предстояло провести по двое в спальном мешке, все постепенно скучнели. По сравнению с тем временем мы сейчас устроены с большим комфортом».

Мы всерьез взялись за подготовку к санному походу 23 августа, например, почистили кое-что из алюминиевой утвари, в частности, одну из сковородок, на которой собираемся жарить тюленьи бифштексы для похода. Предполагается, что мы будем есть их полусырыми, с сухарями. Необходимо привести в порядок палатки и спальные мешки, но работа подвигается чрезвычайно медленно: то температура ниже нуля, а в рукавицах шить не будешь, то совсем нет тяги. Последнее намного хуже, потому что тогда скапливается дым, раздражающий глаза. Но и теплый воздух быстро вызывает таяние потолка, и тогда на спальники стекает черный жирный дождь, так что все вокруг становится мокрым, неуютным и, если это возможно, еще более грязным.

Двадцать второго августа поднялся ветер необычайной силы даже для этих мест, продолжавшийся без перерыва до двадцать восьмого и только тогда немного утихший. Все это время пришлось провести в спальнике, но это бы еще полбеды, хуже то, что наша крыша стала внушать серьезные опасения. Снег вокруг дымохода постепенно ослаб, и двадцать седьмого около него образовалась дыра. В нее начал проникать снег, и Абботт и Дикасон проснулись в полной уверенности, что их лица обдает водяная пыль. Тут ветер, к счастью, на время спал, и мы заложили дыру снежными блоками, засыпали рыхлым снегом и таким образом хоть на время спасли крышу.

Мы воспользовались затишьем и снова пополнили оскудевшие запасы продовольствия в пещере, наносив всего

необходимого недели на две. День был мало приятный, такие дни выпадали и на мысе Ройдс, и на мысе Адэр, но для Убежища Эванс он был просто благодеянием, хотя к вечеру ветер покрепчал и стало очень холодно.

Конец месяца мы приветствовали с необычайным даже для нас восторгом. Ведь вместе с ним заканчивался сухарный пост, от которого мы страдали больше, чем от других лишений. В сентябре предстояло обходиться без сахара или шоколада, но это казалось менее трудным, да и в самом деле было так.

Большинство разговоров и все заключаемые пари вращались зимой вокруг еды, а тем более в августе, когда мы вообще не получали сухарей. Одно из таких пари завершилось курьезом, который интересен потому, что показывает, как наши люди относились к неудобствам, выпавшим на их долю. После необычайно трудного дня и совершенно недостаточной порции супа все залезли в мешки. Улегся и дневальный, и, как обычно в это время, все принялись усердно строчить в дневниках и устраиваться на ночь. Мы с Кемпбеллом обсуждали рацион для предстоящего похода по берегу, и тут мое внимание привлек разгоревшийся на матросской половине спор. Не помню точно, о чем именно шла речь, но разногласия возникли, по-моему, из-за числа публичных домов в Портсмуте. Насколько я мог понять, Дикасон знал на один больше, чем его товарищи, однако никак не мог их в этом убедить. Из-за отсутствия надежного справочника вопрос остался нерешенным и было заключено пари на ужин с рыбой. Когда условия пари были записаны и все успокоились, Дикасон, видимо, наслаждавшийся предвкушением прекрасного ужина, спросил: «А как насчет напитков, Тини?» Это был трудный вопрос, но, подумав одну-две минуты, Абботт ответил: «Ну, если я проиграю, то поставлю пинту [568 мл] пива к каждой рыбе». При наших тогдашних аппетитах этот ужин отнюдь не представлялся мне пиршеством трезвенников, даже если бы подавалась рыба средних размеров; но Браунинг решил извлечь из пари максимальную выгоду: «Идет, договорились, — сказал он. — Я, Тини, закажу тарелку мальков». Ужин, кажется, еще не состоялся, но если состоится, влетит в копеечку и будет отнюдь не скучным.

Браунинг по-прежнему ходил у нас в весельчаках, но состояние его здоровья начало внушать серьезные опасения. По-видимому, за несколько лет до экспедиции он перенес желудочную лихорадку и в результате этого серьезного заболевания стал очень уязвимым.

Так или иначе, он не мог привыкнуть к мясной диете и к супам с морской водой. На протяжении всей зимы он практически каждый день плохо себя чувствовал, и Кемпбелл с Левиком

неоднократно об этом говорили. Пока мы жили на половинном мясном пайке, оставалось только надеяться на благополучный исход. Но сейчас у нас было достаточно мяса, сколько угодно сала, заменявшего горючее, и в конце концов решили, что Браунинг будет сам варить себе суп только на пресной воде.

Запись в дневнике от 31 августа интересна в свете последующих событий, она как бы предвещает приближение эпидемии, которая превратила сентябрь в самый трудный для нас период.

> «Миновал еще один месяц. Дикасон и я дежурим. Дежурство прошло благополучно. Западный ветер средней силы; очень холодно. Утром, когда я вышел, сквозь туман пробивалось солнце, впервые оно осветило вход в сени. Сегодня никто не уходил далеко от дома, наружные работы не производились. Абботт залатал прореху в спальном мешке Левика, а тот тем временем перебирал свои мелкие вещи. Такое времяпрепровождение называется, по-моему, „радость моряка“, хотя сегодня она доставляла мало радости. В последнее время мы питаемся очень подозрительным мясом, мне кажется, оно принадлежит тому тюленю, которого мы убили еще осенью и заложили в склад, прикрыв его собственной шкурой салом вниз. То ли тюлень попался больной, то ли сало протухло под осенним солнцем и жир частично просочился в мясо… С тех пор как супы приобрели тухловатый привкус, мы просверлили в разделочной доске для сала дырку и подвешиваем ее, чтобы она не лежала на полу, ужасно грязном, несмотря на регулярные уборки по средам и субботам».

Глава XXIV
Последний месяц заключения

Сентябрь, грозный как лев. — Смола в супе. — Шведская гимнастика. — Суп с запахом. — Печень в чайном котле. — Птомаиновое отравление. — «Гранитный суп». — Снова отравление. — Больны все, кроме Кемпбелла. — Духовка, виновница наших несчастий, заменена новой. — Подготовка мяса и сала для похода. — Первый за десять дней выход. — Поиски склада геологических образцов. — Еще один убитый тюлень. — Образцы найдены. — Переноска продуктов и снаряжения к саням. — Старт откладывается из-за ветра. — Тридцатого мы покидаем пещеру.

1 сентября 1912 года. — Пришел сентябрь, грозный как лев, уйдет же он, скорее всего, судя по другим месяцам, как разъяренная львица, потерявшая своих детей. Весь день дует сильный юго-западный ветер. Небо совершенно чистое, светит солнце, тем не менее никто из нас не испытывает желания выйти наружу. Браунинг чинит свой ветхий спальник, остальные лежат, наслаждаясь бездельем и изредка перебрасываясь замечаниями. Сегодня вошел в силу новый рацион — мы получили по одному сухарю, а на дне сахарного ящика осталось немного пудры — можно будет подсластить чай. Вечерний суп для разнообразия имел сильный привкус смолы: Кемпбелл уронил в котел жгут для разжигания печки — два фута [61 см] просмоленного каната с обуглившимся утолщением на конце — и попутно опрокинул мою кружку со второй порцией похлебки. Впрочем, Дикасону, который по примеру Браунинга захворал, не повезло еще больше: он уронил себе в суп горькую пилюлю, а когда попытался выловить, весьма успешно размешал ее в кружке. Несмотря на присутствие смолы в супе, все съели по обычной порции и даже не без удовольствия. С завтрашнего дня начинаем готовиться к санному походу, и впредь, когда погода не позволит тренироваться на воздухе, будем заниматься шведской гимнастикой. Браунингу дают на завтрак вареное мясо и сало, чтобы подкрепить его перед стартом.

Вид на нашу «зимнюю квартиру»

В эту ночь ветер превратился в бурю, какой мы еще не видели. Дымоход был заткнут неплотно, и впервые с осени температура в пещере упала так низко, что мы в течение всей ночи то и дело просыпались от холода. Утром начали делать шведскую гимнастику, обращая особое внимание на упражнения для ног и живота. То обстоятельство, что мы не могли выпрямиться во весь рост, внесло в упражнения много новых элементов. Все движения, связанные с подниманием рук над головой, выполняли стоя на коленях, как бы в молитвенной позе.

Гимнастика была нам необходима, это стало ясно уже из того, как нас измотала первая серия упражнений, и мы благодарили судьбу за то, что среди нас находились флотский хирург из департамента физической подготовки и инструктор гимнастики.

Вечером того же дня впервые ели суп с сильным душком. Мы были слишком голодны, чтобы отказаться от обеда, хотя понимали — в нем что-то не так, но что именно? То ли тюлень попался больной, то ли оттаявший в духовке кусок слишком долго в ней находился…

Третьего сентября случилось еще одно происшествие, на сей раз с какао. Когда я клал в суп вторую порцию мяса, в ней не

доставало большого куска печени. Он нашелся — на дне котла с какао. По-видимому, именно из-за печени суп имел такой запах, а так как она некоторое время находилась и в какао, то, может, отчасти и явилась причиной последующих неприятностей. Те, кто, к счастью для них, не был в курсе дела, объясняли необычный запах какао влиянием чая, заварившегося в котле накануне, Дикасон же и я, прежде чем выпить свою порцию, закрыли глаза и постарались ни о чем не думать. Но многозначительные взгляды, которыми мы обменивались, вызвали любопытство окружающих, и они по аналогии с иными происшествиями такого рода без труда догадались о случившемся. Нам, однако, удалось их убедить, что в какао попали морские водоросли, и только три месяца спустя, когда я печатал на машинке свой дневник, правда вышла наружу. К морским водорослям и перьям пингвина в кружках все привыкли и старались пить осторожно, процеживая содержимое сквозь плотно стиснутые зубы.

Нежелательным блюдом был, естественно, и «гранитный суп», досаждавший нам с тех пор, как мы принялись за давно забитых тюленей. В него входили нанесенные ветром на тушу и примерзшие к ней мелкие камушки. Попади они на зуб — это могло бы иметь серьезные последствия, и как только во время обеда раздавался возглас «Осторожно, гранит!», все начинали пережевывать пищу вдумчиво, тщательно, не спеша. Разговоры смолкали и лишь изредка раздавался хруст, сопровождавшийся соответствующей репликой пострадавшего и откровенными улыбками остальной пятерки.

Четвертого у всех, кроме Кемпбелла, появились признаки птомаинового[95] отравления, и тем не менее, когда вечером опять был подан суп с подозрительным ароматом, ни у кого не хватило духа от него отказаться, хотя это было чревато повторной атакой болезни на следующий день. В этом заключалась слабость нашей позиции. Даже теперь у нас не было избытка мяса и сала, мы не могли позволить себе вылить суп и вместо него сварить другой, а что хуже всего, мы не знали наверное ни причины заболевания, ни какое количество мяса заражено.

Конечно, печень, которую мы ели накануне и в этот день, была явно недоброкачественной, но нелады с пищеварением начались днем раньше, а следовательно, их нельзя было относить целиком за счет печени. Заболевание, протекавшее очень остро, быстро лишало нас сил. Надо было во что бы то ни стало от него избавиться, но как? В чем его источник?

На следующий день под давлением свидетельских показаний печень была осуждена. Кемпбелл накануне отказался от нее, мы

же все ели, и вот его героизм вознагражден — он опять избег опасности, а остальным стало хуже. Настолько плохи были мы, что Левик распорядился изменить стол, и вместо обычной похлебки на завтрак дали жареное мясо и жиденький бульон из мясного экстракта «Оксо». В результате шестого сентября все почувствовали себя немного лучше, но седьмого снова лежали с отравлением, из чего стало ясно, что причина болезни не только в печени. Снова вспомнили о подозрительных кусках мяса, время от времени появлявшихся в прошлые недели в супах, и естественный ход мысли заставил нас усомниться в исправности «духовки». Тщательный осмотр показал, что ее внутренняя поверхность не совсем ровная и в одном углу пониже скопилась лужица из остатков крови, воды и кусочков мяса. Очевидно, здесь и находился главный очаг инфекции. Каждый кусок мяса, оттаивая, вносил свою лепту в лужицу, и поскольку она каждый день размораживалась на час-другой, то являла собой благоприятную среду для быстрого размножения микробов. Лужица разрасталась, мясо, попадавшее в этот угол духовки, заражалось микробами, которые через плохо прокипяченные супы попадали в наши организмы. Не удивительно, что те взбунтовались, удивляться можно лишь тому, что бунт не принял более серьезные формы.

Когда все это выяснилось, мы как раз приближались к концу следующей банки сухарей. Духовку предали анафеме, сняли и выбросили, а вместо нее смастерили из сухарной банки новую. С того времени все, кроме Дикасона и Браунинга, пошли на поправку. Дикасон поправился окончательно и избавился от последствий отравления только после того, как мы покинули пещеру и перешли на половинный санный рацион, Браунинг же так и не выздоровел и продолжал с каждой неделей слабеть, пока не появилась возможность посадить его на диетическое питание. Но в его случае птомаиновое отравление накладывалось на старую болезнь, и трудно сказать, где кончалось одно и начиналось другое.

Несмотря на болезнь, жизнь в пещере шла своим чередом. Когда дежурить выпадало кому-нибудь из больных, тот для бодрости накачивался лекарствами и выполнял свои обязанности, если же ему было совсем невмочь, товарищи делили его работу между собой.

В первую же неделю месяца мы взялись за подготовку мяса для санного похода. Объем работы дежурного резко возрос. Но это ни у кого не вызывало возражений, так как обещало свободу передвижения и возможность перемен в нашей жизни к лучшему, хуже ведь быть не могло, в этом мы не сомневались. Всех обуревало желание как можно скорее подготовить мясо, в партии

даже возник дух соперничества, каждый дежурный стремился превзойти своего предшественника. Я намеренно откладывал для санных рационов одну мякоть, теперь ее оттаивали около, внутри и наверху новой духовки и резали на кусочки диаметром около полудюйма [1,3 см]. Как только мешок с мясом заполнялся, его выносили из пещеры и клали под булыжник, с подветренной стороны, далеко за нашей пещерой. Отсюда его предстояло грузить уже прямо на сани в день старта. Постепенно склад рос, и наконец здесь выстроились в ряд восемь мешков по сорок две кружки мяса в каждом — недельный рацион для троих человек. Итак, у нас образовался четырехнедельный запас мяса на шестерых. В наших заброскаx такого количества не было — испытывая в этом крайнюю нужду, мы забили еще двух тюленей.

Кроме мяса для супов, из тюленины нажарили много бифштексов для завтраков. Увы, как показало будущее, это была попытка с негодными средствами. Но об этом ниже.

Сало разрезали на полоски длиною около шести дюймов [15,2 см] и дюймов двух [5,1 см] в поперечнике, так как было решено придать каждым саням разделочную доску и нож, чтобы можно было в любое время отрезать кусок этого чрезвычайно питательного продукта. Все сало уложили в ящик из венесты, в котором прежде хранился сахар. Такой способ перевозки вполне оправдал себя.

Как только мы оправились от птомаинового отравления, дни, заполненные подготовительными работами и предвкушением похода, полетели быстро. И хорошо, что так, потому что тягу пришлось уменьшить — иначе мясо слишком медленно оттаивало, — а сидеть в ледяной воде, с воспаленными глазами и мокрым носом — удовольствие относительное.

Десятого сентября я впервые с начала месяца выбрался из пещеры и понял, равно как и мои спутники, что болезнь нас вконец подкосила. С большим трудом я дотащился без остановки от пещеры до припая и обратно, а взвалив на спину две упаковки мяса для похода, почувствовал смертельную усталость и был счастлив, когда смог выпить горячей воды, заменявшей нам в последнее время ленч. Она отдавала салом, морскими водорослями, пингвинятиной, в ней плавали оленьи волосы, одним словом, в обычных условиях этот напиток мало кого соблазнил бы. Но после отравления нас томила жажда, чтобы утолить ее, выпили бы и не такое.

Одиннадцатого я решил навестить склад с геологическими образцами, зарытыми партией Левика в снег рядом с «Вратами Ада». Но не тут-то было: последние пурги полностью замели это место, опознавательные знаки исчезли.

Между тем там находились почти все трофеи летнего путешествия, их необходимо было отыскать, и в следующий погожий день — 17 сентября — Абботт и я снова пошли к месту старого лагеря и в течение двух-трех часов безуспешно пытались найти склад. К сожалению, работа лопатой вызвала у меня легкий рецидив, пришлось рано кончить. Возвратившись в Убежище Эванс, я пошел на берег, чтобы вырубить мозги из черепа убитого тюленя, но на припае увидел живого тюленя и тут же вернулся за топором и ножом. Со мной пошел Браунинг, вместе мы убили, освежевали и разделали животное. Возились долго — и сил было мало, и ножи очень тупые, и ветер настолько холодный, что приходилось чередоваться: один грел руки во внутренностях тюленя, другой тем временем работал, пока пальцы не отказывались служить. Мы справились со своим делом как раз к возвращению товарищей, откопавших сани, и принесли кусок печени для супа. После болезни печень никого не привлекала, но эта, свежая, несомненно была безопасна и после длительного воздержания показалась нам необыкновенно вкусной. Ужин всем очень понравился еще и потому, что я, уступив уговорам, выдал по лишнему сухарю, так как позади остался чрезвычайно тяжелый рабочий день.

Вот тогда-то Браунингу и разрешили варить для себя суп на одной пресной воде. В результате его состояние сразу резко улучшилось. Однако улучшение носило временный характер, постепенно он вернулся к прежнему самочувствию, а с начала санного похода непривычные усилия вызвали у него даже легкий рецидив. Его здоровье внушало самые серьезные опасения, но Левик не спускал с него глаз и не позволял ему ускорять темп ходьбы даже на спусках. Всем было ясно, что Браунинг может не перенести похода, но суп на пресной воде, хоть и не принес окончательного исцеления, безусловно, помог ему сохранить силы.

Двадцатого мы предприняли еще одну попытку отыскать образцы, на сей раз успешную. Счастье улыбнулось Кемпбеллу, и было даже обидно смотреть, как он пришел, копнул тут, копнул там и обнаружил образцы за пять минут, после того как мы с Абботтом несколько часов трудились не покладая рук. Впрочем, мне было безразлично, кто их нашел, лишь бы они нашлись, и в этот день впервые после начала поисков у меня было нормальное, или почти нормальное, настроение. В конечном итоге временная потеря образцов стала скрытым благодеянием, так как заставила нас как следует поработать киркой и лопатой на свежем воздухе, и эта полезная нагрузка явилась необходимой тренировкой перед походом по берегу, которой мы, конечно, не стали бы заниматься,

не будь у нас к тому достаточно сильных стимулов.

Двадцать первого появился наш старый приятель — западный ветер, сильный, с метелью. Досадно, конечно, было снова засесть в неуютной пещере, но мы использовали вынужденное безделье для завершения подготовки к походу.

Тщательнейшим образом осмотрели и зачинили палатки; усилили верхушки стоек; залатали ветрозащитную одежду и спальные мешки. Я тем временем паковал остаток продуктов — мясо уже лежало наготове — и выносил мешки на склад за нашим домом. Пристрастная ревизия припасов показала, что их расходование точно соответствовало плану. В начале зимы я подсчитал, что у нас должен остаться половинный рацион сухарей, какао, шоколада, пеммикана и сахара на 28 дней; так оно и было, только шоколада не хватило на один день. Кроме того, у нас осталось немного «Оксо», его можно было вместе с салом запускать в утренний суп, а пеммикан — только в вечерний.

Двадцать четвертого Кемпбелл, Левик и Абботт погрузили и привязали к саням бо́льшую часть мяса и мешки с продуктами. На обратном пути домой им сказочно повезло — они убили императорского пингвина, и в тот же вечер часть его пошла на ужин. Половину пингвиньей грудки отложили для Браунинга, чтобы сделать его пустой несоленый суп более съедобным. Дикасон и я весь день работали не покладая рук в стенах нашего жилья — он чистил алюминиевую утварь, я сдирал сало с тюленьей шкуры и резал его полосками. До глубокой ночи кипела жизнь в пещере: Браунинг разделывал императорского пингвина, Дикасон чинил примус, Абботт приводил в порядок упряжь, Кемпбелл разбирал свою одежду, я паковал геологические образцы.

Девять месяцев как не мылись и не переодевались.
Слева направо: *Пристли, Левик, Браунинг*

Девять месяцев как не мылись и не переодевались.
Слева направо: *Абботт, Кемпбелл, Дикасон*

И на следующий день работа шла полным ходом и все наши помыслы были обращены к предстоящему походу.

«Работать в пещере тепло и приятно, да и снаружи ветер не холодный, хотя и достаточно сильный, чтобы доставить неприятности тем, кто пошел за морским льдом для котлов. Если погода не испортится, завтра выходим».

«…Перед тем как покинуть иглу — надеюсь, раз и навсегда, — мы полностью переоденемся, погрузим остаток снаряжения на сани, Кемпбелл и Абботт принайтовят его, я же зарою в снег образцы, а рядом с этим складом поставлю опознавательный бамбуковый шест с двумя записками. Мы постараемся унести с собой как можно меньше грязи, но так как нам не обойтись без сала, по крайней мере для одной еды в день, то от него могут пострадать грузы на санях».

«…Я выпилил из венесты две доски для разделки сала и подвесил к саням. У каждого члена партии будет мешочек для завтрака на один день. Если мы выйдем завтра, я выдам дневной паек сухарей, не затрагивая собственно санный рацион. Все как будто пришли в себя после болезни, на сей раз, надеюсь, надолго. Добавление мяса императорского пингвина к тюленине сделало нашу пищу более вкусной и полезной».

Двадцать шестого августа мы выполнили всю программу, изложенную в моем дневнике, с той разницей, что ветер заставил нас отложить выход. Двадцать седьмого он снова не дал нам выйти, но охотничья партия выследила и убила тюленя и таким образом обеспечила мясо на два-три лишних дня ожидания благоприятной погоды.

Двадцать восьмого с утра опять дул отвратительный западно-юго-западный ветер, но к полудню погода выправилась. Прогуливаясь для моциона, Абботт и я взобрались на холм за нашим жилищем, чтобы взглянуть на бухту Рилиф, лежащую на нашем пути к югу, но, достигнув вершины, повернулись к северу и увидели на морском льду в заливе Терра-Нова шесть императорских пингвинов. Поскольку их мясо явилось бы важным дополнением к нашим походным запасам, немедленно снарядили охотничью партию, и она убила пятерых птиц из шести. Их отнесли к пещере, разделали и грудки добавили к нашим запасам.

Следующий день принес тот же влажный ветер, но по-прежнему было не очень холодно, вполне можно было работать на воздухе. Этот день, оказавшийся последним днем в пещере, мы

использовали для переноски оставшихся грузов к походным саням. Наконец тридцатого распрощались с пещерой и вышли в путь — к дому!

То, чего мы так долго ждали, свершилось: мы шли. Ночевали всего в двух милях [3,2 км] от пещеры, но и эти мили дались нам тяжким трудом. Особенно трудоемким и утомительным занятием оказалась упаковка саней. Переодевшись во все чистое, все испытали большое облегчение. На ужин выдавалось по два сухаря, сладкое какао и — последнее по счету, но не по важности — суп из тюленины и пеммикана. Я никогда не испытывал особого восторга от весенних санных походов, но теперь мы все были счастливы, что покинули пещеру, хотя мороз безжалостно нас щипал и часто причинял обморожения. Боюсь, что интендантство немного перестаралось и взяло значительно больше законной половины продуктов в свою палатку — она была загромождена мешками и объемистыми тюками с продуктами, — однако никто не жаловался на неудобства.

Глава XXV
Спасение своими силами

Первый безветренный день. — Поначалу и весенний поход на санях в радость. — Ленчи из сырого мяса. — Новый рацион имеет успех. — Браунинг и Дикасон не в силах тащить сани. — Большая трещина. — Задержка из-за ветра. — Бухта Рилиф. — Драка двух тюленей. — Ледник Дригальского. — Задержка из-за барранко. — «Прошли ледник Дригальского». — Гора Эребус. — Прощай, гора Мельбурн. — По тяжелому льду. — Мираж. — Голод в санном походе. — Дань уважения партии профессора Дейвида. — Правила поведения в походе.

Теперь, когда мы двигались вперед, непогода, казалось, отступала перед нами, и 1 октября было первым за долгое время безветренным днем. Мы сняли лагерь в 8 часов утра после великолепного завтрака и пошли вдоль обращенного к морю подножия гор. Идти было трудно из-за неровной поверхности, за день мы прошли очень мало, но все испытывали великое облегчение от того, что покинули иглу, и ничто не могло испортить нам настроения. Вечером я записал в дневник:

> «Мы все еще находимся в состоянии шока, вызванного вновь открывшимися нам радостями жизни, среди которых не последнее место занимает первый за многие месяцы совершенно безветренный день. Вокруг разлит такой покой, что можно услышать тишину, вернее тишина настолько полная, что издалека до нас доносится множество еле слышных звуков в виде гула и тихого потрескивания, придающих особое своеобразие этому дню. Это напоминает шум города, который улавливаешь, находясь далеко от него, где-нибудь в сельской местности. У нас осталось всего лишь четыре с половиной тягловых силы, так как Браунинг выведен из строя поносом и общей слабостью, Дикасон тоже страдает расстройством желудка. Все голодны и с нетерпением ожидают супа, те, кто здоров, чувствуют в себе достаточно сил, хотя и устали. Показались горы близ мыса Айризар. „Врата Ада“, наоборот, скрылись из нашего поля зрения, вероятно навсегда».

Как только мы отошли от иглу, вступил в силу собственно походный рацион, практически не изменявшийся до тех пор, пока мы не забили тюленя немного южнее языка ледника Норденшельда. Готовили мы только завтрак и обед, как и в снежной пещере, а в дорогу брали легкий ленч, чтобы перекусить в середине дня. Утренний суп на команду из троих состоял из трех кружек тюленины, одной кружки сала, воды из расчета полторы кружки супа в готовом виде на человека и изрядного количества мясного экстракта «Оксо», то есть почти равнялся армейской норме в две с половиной пинты [1,42 л]. За супом следовало какао с двумя сухарями — это половина дневной порции. Ленч ели, укрывшись за санями, и на первых порах его составляли тюленьи бифштексы, зажаренные еще в иглу. Но при ярком свете дня они показались нам такими черными и грязными, что кусок просто не лез в глотку. Все предпочли отламывать и есть сырыми кусочки от грудинки императорских пингвинов, забитых незадолго до ухода с острова Инекспрессибл.

Мороженое мясо оказалось очень нежным, оно буквально таяло во рту. Не стану утверждать, что мне эти ленчи очень нравились, — я так и не смог преодолеть отвращения ко вкусу крови, хотя время от времени и приходилось употреблять сырое мясо, притом в изрядных количествах, но такая еда сберегала нам керосин и была, наверное, не менее питательной и сытной, чем любая другая.

Сырую пингвинятину или тюленину мы продолжали есть до тех пор, пока не вышли на морской лед. Там было уже не так важно экономить горючее, можно было позволить себе истратить немного лишнего керосина и сварить в утреннем супе мясо для ленча. Куски мяса и сала вылавливали из котла, и, пока суповой котел чистили, они остывали. Затем их складывали обратно в котел, а котел — в кухню, до ленча. Мясо ели с сухарем из утреннего пайка, на десерт выдавалась дневная норма шоколада — полторы унции [44,7 г].

Обед состоял снова из супа, который варился из такого же количества мяса, что и утренняя похлебка, но сдабривали его вместо кружки ворвани полным черпаком пеммикана. Благодаря ему обед стал самым желанным мигом за весь день. В состав пеммикана входило 60 процентов жиров и 40 процентов молотого мяса, лучшей пищи для похода не придумаешь. При обычных обстоятельствах, в начале санного похода, редко кто съедает всю свою порцию, но со временем работа на свежем воздухе берет свое, голод дает о себе знать все ощутимее и в конце концов выдаваемая норма пеммикана уже никого не удовлетворяет. Вот тут-то и начинаешь понимать, какой это ценный продукт. Ничто

не может с ним сравниться. Я брал в ближние походы, при богатом выборе продуктов, различные деликатесы, аналогичные лакомства вынимал по пути следования из складов, однажды даже взял с собой небольшой сливовый пудинг и кусок свадебного торта для рождественского ужина, но всякий раз я был готов поменять любое из этих яств на половинное по весу количество самого обычного пеммикана. Нетрудно потому представить себе, с каким нетерпением мы ожидали возвращения пеммикана на наш стол после вынужденного шестимесячного воздержания. В то время мы отдали бы за кусок сырого пеммикана все блага до конца жизни.

После супа пили какао с одним-единственным сухарем, на этом дневное меню считалось исчерпанным. Когда мы забили еще тюленей, мясо стали есть без ограничений, и в ведении интендантства остались только сухари, шоколад и сахар. Однако выдачу этих продуктов пришлось сократить, так как мы шли по берегу дольше, чем предполагали, и одно время казалось, что придется снова сесть на строго мясную диету.

Во второй день похода погода была сравнительно хорошая, хотя около полудня началась метель и продолжалась несколько часов. Мы шли напрямик через заносы зернистого снега, действие которых можно сравнить с действием липкой бумаги на муху, вознамерившуюся по ней прогуляться. Неровная поверхность доставляла массу неприятностей, в частности тем, что ремни упряжи, с силой врезавшиеся в отвыкшее от них тело, оставляли на нем ссадины. В этот день мы пересекли маленький приток ледника, тот самый, что я упоминал в рассказе о небольшой вылазке, предпринятой в феврале Абботтом, Дикасоном и мною. Перекрывавший его снежный мост местами достигал в ширину свыше 800 футов [244 м] — могу поручиться, что такой широкой трещины я больше нигде не встречал. Можно было бы сделать очень интересный снимок, но мешал снегопад. Почти на всем своем протяжении южная скальная стена отвесно уходила в пропасть, кое-где отделившиеся от основной массы льда зубцы нависали над бездной, словно готовясь вот-вот упасть. Но через каждые несколько сот ярдов трещину — хуже или лучше — перекрывал снег.

Сильная метель в этот и следующий дни вынуждала нас ориентироваться по компасу. Смешно вспомнить, каких противоречий был исполнен наш маршрут. Конечной нашей целью была Англия, далеко-далеко на севере. Все мы чувствовали, что каждый шаг приближает нас к дому, и тем не менее ближайшее место назначения партии лежало на юге, ориентировались же мы по Южному магнитному полюсу.

Третье октября началось сильным западным ветром с метелью в рост человека. Мы вышли в обычное время, но около 11 часов утра метель усилилась. Путь наш лежал по неровной местности, ветер скорее крепчал, чем затихал, и Кемпбелл решил поставить одну палатку и выждать затишья. В палатке съели ленч, и по предложению Абботта стали играть в игру под названием «Гоп, Дженкинс».

Этой игрой мы развлекались — и согревались заодно — добрый час. Затем Кемпбелл и я вышли осмотреться, убедились, что погода намного хуже, чем утром, и поставили вторую палатку. Поели супа и залезли в мешки, нисколько не сожалея о том; к тому же Браунинг мог лишний день отдохнуть от длинной изнурительной ночи.

И на следующий день ветер не дал нам сняться с места, но пятого мы снова сделали несколько миль. Два дня мы тянули изо всех сил, так как хотелось поскорее достигнуть бухты Рилиф и возобновить запас морского льда. Взятый с острова Инекспрессибл вышел еще два дня назад, а несоленые супы не лезли в горло.

Поверхность льда, по-прежнему плохая, не позволяла двигаться быстро. Ее покрывали двух- и трехфутовые [61–92 см] заструги, часто приходилось поворачиваться лицом к саням и вытягивать их на гребень такого снежного холма, а затем спускать вниз.

Назавтра к ночи мы достигли наконец северного берега бухты Рилиф, и супы снова стали вкусными. На этом кончилась неизведанная часть маршрута, так как профессор Дейвид со своей партией прошел через бухту на пути с острова Росса к Южному магнитному полюсу, и впредь нам предстояло идти по их следам. В этот самый день четыре года назад партия Дейвида вышла из хижины Шеклтона на мысе Ройдс, направляясь в бухту Рилиф, мы же должны были на следующий день выйти из бухты к мысу Эванс и имели таким образом редкую возможность сравнить наши и их темпы продвижения.

Их императорское величество недовольны

Пересекая утром бухту, мы стали свидетелями очень забавного случая. Из трещины на морском льду, где лежало довольно много тюленей, вдруг вынырнула большая самка и улеглась у ее края, чуть ли не свесив хвост в воду. Почти тотчас же рядом появилась голова другого тюленя, который яростно ухватил соседку за хвост. Несчастная самка несколько минут буквально билась в истерике, хлопала себя ластами по бокам и быстро-быстро щелкала зубами, но все же довольно легко вырвала свой хвост и поспешила прочь от трещины, оставляя за собой кровавый след. Мы впервые наблюдали нападение тюленя на сородича. Однако позднее в этом путешествии Левик и Абботт видели около мыса Робертс двух дерущихся не на шутку самцов: многие ранения, которые они нанесли друг другу, проходили сквозь толстый слой подкожного жира и достигали мяса.

В последующие дни мы пересекали язык ледника Дригальского. Эта огромная масса льда выступает в море на тридцать миль [48,3 км], с северной стороны ее омывает открытая вода, которая смыкается с ледниковым озером, что находится около Убежища Эванс. Вот почему его никак не удавалось обойти.

Двинувшись от бухты Рилиф в южном направлении, мы

сначала шли по волнообразной местности, но все же смогли сделать за день несколько миль. Первое препятствие на нашем пути возникло к вечеру следующего дня. Освещение все время было очень плохое, чем дальше — тем хуже, и под конец мы уже не различали неровностей почвы. После четырех часов дня, когда мы устремились к необычайно высокой ледяной стене, нависавшей над нами, мы вдруг почувствовали, что небольшой уклон под ногами постепенно увеличивается, снег становится твердым и скользким. Затем сани сделали резкий рывок, перевернулись задом наперед и потащили нас вниз по склону. Нам удалось их остановить, воткнув лыжные палки в снег и перенеся на них всю тяжесть тела, после чего мы оттащили их в безопасное место, а Кемпбелл обвязался альпийской веревкой и пошел на разведку. Разведка показала, что пологий, казалось бы, склон становится все круче и через несколько шагов обрывается вниз на тридцать футов [9,2 м], переходя в барранко[96]. Не затормози мы вовремя, кто-нибудь мог бы сломать себе руку или ногу, и тогда партия вряд ли достигла бы своей цели.

Света по-прежнему было мало, пришлось поставить палатки над ледяным оврагом в надежде, что назавтра освещение улучшится. И действительно, на следующий день мы смогли идти дальше. Окружающая местность убедила нас в том, что мы проявили высокую мудрость, своевременно остановившись.

> «Еще один изматывающий день. Мы пересекали одну за другой ледяные волны высотою от 40 до 50 футов [12,2–15,3 м], разломанные гребни которых обращены к югу. Иногда какая-нибудь из них резко обрывалась скалой и долина, по которой мы шли, превращалась в почти непроходимый завал, ограниченный одной или двумя, чаще одной, крутой стеной. Правда, только один раз пришлось цепочкой перетаскивать грузы на руках, но после вчерашнего случая мы перед каждой ложбиной сначала с помощью альпийской веревки разведывали спуск и лишь после этого решались спуститься вместе с санями. На это уходило много времени. Обе санные команды с трудом форсировали склоны барранко, еле-еле присыпанные рыхлым снегом. Часто приходилось останавливаться и подтягивать сани. Одним словом, это была трудная изнурительная работа, за день мы проделали всего лишь около трех миль [4,8 км]. После обеда видели несколько трещин, в некоторые человек вполне мог бы провалиться, но все они были надежно перекрыты снежными мостами и находились на большом

расстоянии друг от друга».

На следующий день (10 октября) мы стали лагерем на морском льду южнее языка ледника Дригальского. Если считать в милях, мы преодолели всего лишь одну шестую часть маршрута, но нам казалось, что мы прошли не меньше половины пути. На протяжении всей зимы ледник Дригальского рисовался нашему воображению грозным препятствием, а к этому еще добавлялось опасение, что морской лед к югу от него может оказаться таким же непрочным и ненадежным, как близ Убежища Эванс. Выражение «пройти ледник Дригальского» употреблялось в Северной партии всякий раз после какой-нибудь трудной неприятной работы. Например, эту фразу каждый вечер произносил в иглу кок, закончив раздачу супа из второго котла, ибо этой операцией в основном завершалось его дежурство и он уже предвкушал последующие два дня отдыха. На самом деле ледник оказался менее коварным, чем мы ожидали, но никто из нас все же не хотел бы еще раз пересечь его с тяжело нагруженными санями.

Но вот мы взобрались на последний ледяной вал — и настал великий момент: нам открылся морской лед, но сначала никто не обратил на него особого внимания, потому что Дикасон закричал, что видит вулкан Эребус.

Мы находились по прямой в 150 милях [241 км] от горы, но сомнений не оставалось, это была она, именно ее верхняя треть ясно просматривалась над горизонтом, увенчанная, как всегда, длинным перистым султаном дыма. Мы сразу почувствовали, что находимся на разумном расстоянии от дома и друзей. Ведь под сенью могучего конуса вулкана находилась зимовочная база полярной партии, и если даже мы там никого не застанем, то уж наверное найдем записку, из которой узнаем, что случилось с нашими товарищами. Вид вулкана пробудил в нас необыкновенное нетерпение, и мы переключили все внимание на белую равнину, которую предстояло форсировать. Она была усеяна непроходимыми торосами, впереди нас безусловно ждало еще очень много испытаний, но в нашем сознании отпечаталось нечто, что должно было помочь их преодолеть. Впредь достаточно было в любой ясный день взглянуть влево от маршрута, чтобы увидеть маяк, достойный края, где все поражает гигантскими размерами.

Гора Эребус

Мы бросили последний прощальный взгляд на север, на гору Мельбурн, впряглись в сани и спустились по северному склону ледяного вала, на котором стояли. Через пять минут гора скрылась из виду, и с этого времени словно какая-то пелена опустилась на события последних нескольких месяцев, наполовину лишив их остроты.

Воспоминания о зиме, проведенной в иглу, приняли примерно тот вид, какой имеют сейчас. Все пережитое отступило из области реальной действительности, мыслями и надеждами мы целиком устремились в будущее и старались разгадать, что оно нам готовит.

Те несколько дней, что мы шли от языка ледника Дригальского к языку ледника Норденшельда, были бедны событиями. Темпы продвижения вперед сильно колебались из-за нагромождений торосов, которые иногда заставляли нас переносить грузы на себе. Целых два дня ушло на преодоление трех или четырех миль [4,8–6,4 км] старого пака, вздыбившегося под прикрытием языка ледника Норденшельда[97]. Этот участок вымотал партию и физически, и морально. Выйдя на морской лед, мы привязали сани с деревянными полозьями к саням на железном ходу, и «двухпалубник», верный служака, резво пошел по открытой местности. Но тяжелый старый пак вынуждал нас то и дело освобождать сани от грузов. Какой это был тяжкий труд, видно из моего дневника:

«Второй день пробираемся через пак. Около пяти часов пополудни миновали наконец полосу паковых льдов и увидели стену ледника Норденшельда. До этого все время приходилось снимать грузы с саней и порожняком проводить их через восьми- или девятифутовые [2,4–2,7 м] торосы и снежные наносы толщиною до четырех футов [1,2 м]. Трудная это работа, особенно для рулевых, которые должны и саням дать наилучшее направление, и для нас выбрать путь поудобнее. Поразительно, как это сани, которые дико швыряло из стороны в сторону, не переломали нам ноги, но если не считать ссадины на колене у Дикасона, день прошел без особых происшествий. Как я уже писал, могучий стимул гнал нас вперед, и мы тянули изо всех сил, будь то по щиколотку или по горло в снегу. На самом деле, конечно, не по горло, но уж во всяком случае по бедро. Несколько раз брели через твердый вязкий снег с жестким настом, по которому каждый шаг давался не легче, чем удаление зуба. В добавление к нашим трудностям освещение было отвратительное, почти непрестанно налетали порывы ветра со снегом. Мы и ленч ели во время метели, и снег, падая на что-нибудь, немедленно таял, хотя солнце еле-еле проглядывало сквозь туман. День был довольно теплый, снег — мокрый, липкий. Погода весьма неприятная, но мы все же благодарим за нее судьбу, так как это намного лучше, чем холодная весна».

Завидев язык ледника Норденшельда, мы испытали огромное облегчение. Но следующие два дня мы его только видели. Час за часом мы пробивались к его основанию, вставшему отвесной стеной, а оно то прямо на глазах у нас приближалось, то явно отступало назад. Мало что может внушить такое отчаяние, как миражи, мучившие нас эти дни.

Стена эта все время меняла свои очертания и представала нам то грозным замком с остроконечными башнями в несколько сот футов высотой, то хаосом скал, громоздившихся до самого неба, а то и вовсе скрывалась за хребтами торосов, которые издали казались совершенно неприступными, но вблизи превращались в незначительные полосы низкого льда. А небо к югу и западу от нас повторяло на тысячу ладов эти хребты, переворачивало их и так и эдак, увеличивало до невероятных размеров, меняло пропорции, так что льдины и ледяные горы выглядели как гротескные дома и дворцы в небесном граде.

Никогда, ни раньше, ни потом, не видел я такого миража. Но мы скорее оценили бы его красоты, не будь он связан с ледником Норденшельда. Танцующие метаморфозы этой скальной стены были для нас мучительными, нервы напрягались до предела — мы шли и шли, а скала, последнее, может быть, серьезное препятствие на пути к дому, словно бы и не становилась ближе.

Двигаясь по этой сравнительно открытой местности севернее ледника Норденшельда, мы убили первого после начала похода тюленя. Это было радостное событие, потому что еда исчезала значительно быстрее (по отношению к пройденному пути), чем я рассчитывал, и дважды мне уже приходилось сокращать рацион. Он не мог удовлетворить чудовищный, как всегда в санном походе, аппетит. Нас снова терзал голод, и только убитый тюлень помешал тому, чтобы еда завладела всеми нашими мыслями.

Идущий, однако, в конце концов осиливает любое расстояние. 20 октября мы оставили за спиной и этот участок морского льда и разбили лагерь на ледниковом языке. Наверное, мало кто когда так радовался окончанию пути, как радовались мы тому, что «эта проклятая стена» больше не будет маячить перед нами.

Нам повезло: к стене, возвышавшейся повсюду на 30–40 футов [9,2–12,2 м] и совершенно неприступной, мы подошли в единственном на протяжении многих миль месте, где на нее можно взойти по наносам. Приблизившись к сугробам, мы прежде всего подняли наверх лагерное снаряжение, там нашли хорошее место для стоянки, альпийской веревкой подтянули сани и остальные вещи и расположились на ночлег. С высоты ледникового языка мы заметили еще два ориентира — остров Бофорт и гору Дисковери, напомнившие нам о лучших временах, и сели ужинать в очень веселом настроении.

Ледяная пещера

Натирка воском санных полозьев

Неожиданно медленные темпы передвижения по морскому льду заставили нас лишний раз восхититься профессором Дейвидом и его партией. В подобном походе сани движутся так неохотно, тянуть их так трудно, что думать о чем-нибудь, кроме

саней, просто невозможно. Стоит на секунду отвлечься мыслями от этого нудного занятия, как ты невольно ослабляешь свои усилия, и тогда всем приходится останавливаться и подтягивать сани. Чем дальше мы шли, тем труднее было тащить сани, тем большим мы проникались уважением к выдержке профессора и его товарищей, которые пересекали эту местность со скоростью всего лишь две-три мили [3,2–4,8 км] в день не в конце, как мы, а в начале тысячемильного путешествия. Только тот, кто находился в сходных условиях, способен оценить, какой выдержки и воли требует подобный переход. На протяжении прошедшей зимы наше самообладание подвергалось невероятным испытаниям и с успехом их выдержало. Мы изучили друг друга, как мало кому удается узнать своих спутников, и все же в эти дни нам было трудно общаться на маршруте. Я, в частности, приберегал все свои замечания на вечер. Этого разумного правила я придерживался почти во всех весенних походах на санях, в которых участвовал. Блистать остроумием рекомендуется после ленча, утром же лучше ограничиваться нейтральными высказываниями, которые не могут вызвать возражений у других членов партии. Конечно, нелестные слова о погоде, санях, поверхности льда всегда встретят радушный прием, но спорных суждений следует остерегаться не меньше, чем нечистой силы.

Глава XXVI
С ледника Норденшельда на мыс Эванс

Мы закапываем лишнее снаряжение. — Улучшение еды вызывает недомогание. — Еще один убитый тюлень. — Остров Трипп. — Геологическая разведка. — Остров Депо, геологические образцы и склад, оставленные профессором Дейвидом. — Мы забираем образцы. — Браунинг в критическом положении. — Увеличение рациона сухарей. — Бухта Гранит. — Неожиданная находка на мысе Робертс. — Хорошие новости и изобилие сухарей. — Склад Гриффитса Тейлора. — Сутки отдыха. — Тяжелый пак за мысом Робертс. — Еще один склад. — Мы заметно набираем в весе. — Благодаря неограниченному количеству сухарей Браунинг выздоравливает. — Мыс Баттер. — Мы огибаем пролив Мак-Мёрдо. — Поломка саней. — Печальные вести, полученные на мысе Хат.

Прежде чем снять лагерь с ледникового языка, мы собрали лишнее снаряжение, зарыли его в снег и рядом поставили бамбуковый шест, на случай если придется вернуться или если корабль пройдет настолько близко, что заметит его. В числе оставляемых вещей была пустая банка из-под керосина, покрытая, как все такие банки, ярко-красной эмалью. Кемпбелл выцарапал на ней острием ножа четкую надпись, хорошо выделявшуюся металлическим блеском на красном фоне. Надпись, предназначавшаяся капитану корабля, гласила: «Партия ушла отсюда 21.X.12. Все здоровы, идем на мыс Эванс».

Южный склон языка был надежно покрыт снегом, так что мы без труда спустились на морской лед. Снова соорудили «двухпалубник» и в течение нескольких часов шли довольно быстро. Вскоре, однако, мы попали на тяжелые торосы, тянуть сани опять стало трудно и наши ослабленные желудки взбунтовались. Первым серьезно занемог Браунинг и был вынужден покинуть свое место в упряжи, за ним следовал Кемпбелл, и на следующий день нам пришлось рано стать на ночевку. Этот день вообще выдался неудачный дальше некуда: света было мало, под ногами вместо скользящей поверхности — неизвестно что, да еще к тому же дует отвратительный южный

ветер. Зато мы имели удовольствие увидеть первого в этом сезоне поморника, хотя радость свидания была несколько омрачена краткостью его визита. При наших аппетитах мы сочли, что он вел себя по крайней мере невежливо.

Двадцать третьего октября положение несколько улучшилось, и мы шли с приличной скоростью до 4 часов пополудни, когда увидели на морском льду около небольшой бухточки лежащего тюленя. Мы покинули остров Инекспрессибл, имея запас мяса на двадцать восемь дней, но из них двадцать три уже миновали, а мы проделали безусловно меньше половины пути, хотя наиболее трудная его часть осталась позади. Кроме того, мясо постепенно портилось из-за того, что брезентовые мешки плохо защищали его от солнца. Сначала они вполне отвечали своему назначению, но достаточно было одного-двух солнечных дней, чтобы мясо потекло, на мешках образовались кровяные подтеки красного и бурого цвета, и с того момента воздействие тепла на наши продукты усилилось в десять раз. Дальнейшее употребление мяса угрожало нам в самом ближайшем будущем новым птомаиновым отравлением, на сей раз скорее всего смертельным.

Естественно, при виде тюленя мы испытали бурную радость. Остановились и разбили бивак намного раньше обычного, и Браунинг с Абботтом немедленно отправились на охоту. Остальные тоже не заставили себя ждать. Мясо разрезали на кусочки, дали ему замерзнуть и уложили в мешки, выбросив из них их содержимое. По возвращении в лагерь устроили роскошный обед, суп сварили с тюленьей печенью, почками и мозгами, каждый мог есть сколько угодно, но по меньшей мере двоим из нас это не пошло впрок. За этот день мы довольно хорошо продвинулись вперед, но идти по-прежнему было трудно, так как мы все еще находились в районе льдов, подвергавшихся сжатиям. Один раз сани перевернулись, несчетное количество раз мы находились на волосок от аварии, потому что старые сани шли так, словно были нагружены железными рельсами. Браунингу получшало, но Кемпбелл чувствовал себя еще очень плохо и не мог идти в общей упряжке. Постоянные подтягивания и переносы саней подорвали силы наших больных, а плотный обед и вовсе их доконал. Отныне у нас было достаточно мяса, но зато рацион сухарей пришлось уменьшить с четырех до двух штук в день.

Назавтра тюлени встречались нам уже в большом количестве, и мы опять сделали преждевременную остановку, чтобы добыть как можно больше печени для супов. Она компенсировала недостаток углеводов, то есть сухарей, от которого мы сильно страдали. Печень изобилует питательными веществами, поэтому

мы старались класть ее в супы побольше.

И в этот день мы снова прошли довольно приличное расстояние — миль, наверное, семь или восемь [11,3–12,9 км] — и заночевали напротив мыса, который показался нам северной оконечностью залива Трипп. Правда, полной уверенности у нас не было, так как мелкомасштабная карта Кемпбелла с немногими нанесенными на нее географическими точками не позволяла хорошо сориентироваться, а другой у нас не было.

Двадцать пятого после тяжелого рабочего дня стали лагерем напротив острова Трипп, в глубине залива, а утром я на лыжах отправился осматривать остров и собирать геологические образцы. Трипп находился в трех или четырех милях [4,8–6,4 км] от лагеря в направлении нашего маршрута, и мы условились, что после завтрака партия снимает лагерь, пакуется и идет к островам на юг, где мы и встречаемся. Осмотр острова занял у меня все утро, и я присоединился к товарищам в двух милях [3,2 км] от лагеря, как раз когда они кончали ленч.

Сначала идти было плохо, но дальше лед стал заметно лучше, и сани на железных полозьях заскользили по нему со скоростью около двух миль [3,2 км/ч] в час. При таких темпах мы вскоре прошли расстояние между нами и двумя другими островами и в 5 часов пополудни стали под прикрытием того, что был выдвинут вперед. Он оказался островом Депо, где профессор Дейвид оставил геологические образцы, собранные в первой половине его великого путешествия в 1908 году.

В 1909 году «Нимрод» во время плавания на север не смог дойти до острова, и образцы так и остались лежать под туром. После обеда Кемпбелл и я вскарабкались на вершину острова, разрыли склад и переложили образцы и письма на сани. Письма присоединили к нашим личным запискам и много времени спустя вручили адресатам — миссис Дейвид и брату Моусона, образцы же погрузили на «двухпалубник», от чего он только выиграл — стал более устойчивым.

Спустившись с вершины острова Депо, я прошелся по прибрежной части острова и пособирал образцы. Кемпбелл и Левик тем временем совещались по поводу состояния Браунинга. Ему становилось все хуже, и естественно возникал вопрос, как правильнее поступить — везти ли его на мыс Эванс или же оставить вместе с Левиком в бухте Гранит, а нам как можно скорее идти на мыс Эванс за лекарствами и более подходящими продуктами. После длительных раздумий решили увеличить его норму сухарей за счет других членов партии и посмотреть, к чему это приведет. С тех пор Браунинг получал ежедневно три сухаря, а мы каждый шестой день обходились одним.

Назавтра мы пробились к суше и стали продвигаться каботажным способом, от мыса к мысу, поскольку вблизи берега лед был гораздо ровнее. Сделали за день десять или двенадцать миль [16,1–19,3 км] и вечером поставили палатки в глубине мыса у бухты Гранит. Из пройденного расстояния не меньше трех миль [4,8 км] нам посчастливилось идти по чистому, не защищенному от ветра льду, и впервые за все время мы смогли усадить Браунинга на сани (приблизительно на час). До этого он шел в упряжи и по мере своих сил тянул постромки, но в этот день темп продвижения был слишком быстрым для него, мы же почти не ощущали лишнего веса.

Ночевали мы посреди залежки тюленей, и детеныши всю ночь блеяли, словно ягнята. Изредка просыпаясь, мы с удовольствием прислушивались к этим звукам, которые, конечно, никого не беспокоили, — мы спали так крепко, что разбудить нас мог бы только пушечный выстрел.

К нашему удивлению, в этот день мы прошли по замерзшему проливу между островом Грегори и материком. На старых картах остров обозначался как мыс, и наше наблюдение было еще одним доказательством в пользу предположения о быстром отступлении берегового льда по всему побережью Антарктики.

Двадцать восьмого октября по предварительным расчетам должны были иссякнуть продукты, если бы мы придерживались намеченных норм. Шоколад и сахар действительно закончились, сухари же, благодаря экономному расходованию, при теперешнем пищевом рационе можно было растянуть еще на неделю. В мясе и сале, конечно, не испытывали недостатка. В этот день мы пересекли вход в бухту Гранит и заночевали в трех-четырех милях [4,8–6,4 км] к северу от мыса Робертс, низкого скалистого выступа на южном берегу бухты. Теперь нам полностью открылся остров Росса, хорошо были видны горы Эребус, Террор и Берд, казавшиеся выше более близких гор, хотя и те вытянулись вверх на 6–8 тысяч футов [1830–2440 м]. В этот день в моем дневнике появилось последнее упоминание о голоде:

> «Мы остро ощущаем обычный для санных походов голод. Утром и вечером можно наесться досыта, но ленч так скуден, что весь долгий день очень хочется есть. Хорошо соседней палатке — Браунинг не ест твердого мяса, и его порция достается товарищам. Во время остановок все строят предположения, где может находиться другая партия, встретим ли мы ее на острове Росса, но не меньше времени занимают разговоры о том, как мы вскоре наедимся. Просто невозможно себе

представить, что через три месяца мы, может статься, будем уже в Новой Зеландии».

Этим днем закончились муки голода, потому что назавтра близ мыса Робертс Кемпбелл вдруг заметил на высоком скалистом мысу бамбуковый шест рядом с туром. Мы сразу же подтянулись к подходящему сугробу у берега, и пока четверо разгружали сани, Кемпбелл и я дошли до тура и обнаружили склад с большим количеством продуктов. Но дальше я предоставляю слово моему дневнику:

> «Ура! Ура! Ура! Хорошие новости и сколько угодно сухарей. Около 9 часов утра мы достигли мыса Робертс, и Кемпбелл увидел длинный бамбуковый шест с обрывками флага на нем. Немедленно взяли курс на склад, Кемпбелл и я распряглись и пошли за письмами. В спичечной коробке, привязанной к шесту, лежала записка Пеннеллу от Тейлора, датированная февралем 1912 года, В ней говорится, что, хотя они видели „Терра-Нову“ с 20 по 27 июля, ни они не могли к ней пройти, ни она к ним из-за позднего наступления зимы. Его партия — Дебенхэм, Гран, Форд и он сам — прошли поблизости на санях, зарыли два ящика сухарей, немного других продуктов, две банки керосина и одну банку спирта, ненужные личные вещи и на половинном рационе пошли через предгорье к мысу Баттер».

Вечерняя запись дает представление, хотя и не полное, о том, какое облегчение мы испытали, получив добрые вести о судьбе «Терра-Новы»:

> «Для нас не может быть новости приятнее, ибо она означает, что корабль не пострадал из-за нас. Капитан Скотт, наверное, достиг полюса, пошел на „Терра-Нове“ вдоль берега за нами, но осенние бури унесли корабль на север. На мысе Эванс мы узнаем больше, но пока что и эта весть заставляет нас все время улыбаться. Меня сильно клонит ко сну, после того как мы отдали должное сухарям, маслу и крепкому сладкому какао. Масло — роскошь, о которой никто не смеет и мечтать в санных походах. От мыса Баттер нас отделяют 28 миль [45 км], и мы задержимся здесь на сутки, чтобы убить тюленя ради мозгов, почек, сердца и печени.
>
> Ради такого дня, как сегодня, стоит жить. Есть все основания надеяться, что „Терра-Нова“ при ее

прекрасном оснащении цела и невредима. Наши тревоги почти улеглись. Достаточно было одной фразы о том, что судно видели с 20 по 27-е, чтобы мы совершенно успокоились.

Меня насмешило суждение Тейлора о том, что мяса одного тюленя должно хватить четверым на десять приемов пищи. Если исходить из такого расчета, нам на восемь месяцев следовало забить около восьмидесяти тюленей. Товарищи, наверное, полагают, что или мы нанесли серьезный урон поголовью тюленей в Антарктике, или нас уже нет в живых».

Двадцать девятого пышное пиршество затянулось далеко за полночь, и наутро мы жевали твердые сухари с трудом — ни у кого во рту не было живого места. Уничтожили по крайней мере трехдневный санный рацион. Я разделил между нашей шестеркой недельный запас масла, изюма, сала, на себе же мы унесли лишь по небольшому кусочку сала и масла. Сухари с салом были на вкус не хуже сухарей с маслом, и мы возмущались при мысли о том, какое огромное количество этого полезного продукта извела Западная партия на жарку мяса, которое с успехом можно было готовить на сале.

В день ухода с мыса Робертс мы успешно продвигались вперед до самого обеда, когда путь нам снова преградило нагромождение паковых льдов. Сани несколько раз переворачивались. Полоса пака тянулась всего лишь на четыре или пять миль [6,4–8,0 км], но мы преодолевали ее с таким трудом, что миновали лишь на другой день, незадолго до ленча. Завтракали уже на острове Данлоп, а с него в лучших наших традициях помчались по участку голубого льда к материку. Хорошая поверхность сопутствовала нам до вечера, когда мы разбили лагерь на полпути между мысом Данлоп и мысом Бернакки.

Берег, начиная с мыса Робертс, был обрамлен низкими ледяными барьерами, обычно не выше 50 футов [15,3 м], представлявшими собой окончания спускавшихся с гор ледников. Во многих местах берега виднелись глыбы морского льда — красноречивое свидетельство ярости осенних штормов, из-за которых, может быть, «Терра-Нова» и не смогла пробиться к нам.

К вечеру 1 ноября мы достигли мыса Бернакки и обнаружили еще один склад, изобиловавший, к счастью, пеммиканом, которого не было в складе на мысе Робертс. К этому времени сухари и масло уже не казались такими вкусными, как вначале, и гвоздем ужина стал сырой пеммикан, которого мы не ели с

февраля. И здесь у нас снова были все основания сожалеть о сильном пристрастии Западной партии к сыру и шоколаду — эти продукты они сметали на своем пути начисто. Оставалось надеяться, что мы найдем их на мысе Баттер на следующий день.

Появление в нашем рационе большого количества сухарей пошло на пользу всем — мы просто на глазах полнели, но больше всех выиграл, конечно, Браунинг. Нет сомнений в том, что склад на мысе Робертс спас ему жизнь. Он с каждым днем становился крепче и уже мог хоть как-то тянуть постромки саней, что само по себе улучшало его состояние: беднягу, конечно, удручало, что он не может участвовать в общей работе. Одним словом, мы возносили Западной партии самую горячую хвалу, и если телепатия существует, то ее участники должны были спать в ту ночь блаженным сном и весь день испытывать чувство гордости собою.

К моменту прибытия 2 декабря на мыс Баттер из-за геологических образцов, которые я неукоснительно собирал во время всех остановок на пути вдоль побережья, и дополнительных продуктов, взваленных на сани, груз наш непомерно увеличился. А тут еще нас ожидала гора ящиков с припасами, которых хватило бы на много месяцев походной жизни. Ящики содержали овсянку, сухари, масло, сало, шоколад, сахар, бекон, джем, чай, свечи, керосиновые лампы и множество других вещей, которые, очевидно, были поспешно сгружены с корабля для зимовщиков. Нагромождение коробок венчал длинный бамбуковый шест с привязанной к нему консервной банкой, в которой лежала записка от Аткинсона, датированная 12 апреля 1912 года. Она заставила нас задуматься: значит, мы здесь наверняка не одни, но какая серьезная причина могла заставить Аткинсона пройти здесь в столь неблагоприятное время года? Нами снова овладела тревога, мы опасались худшего, хотя сами не знали чего именно, и Кемпбелл решил пробиваться на мыс Эванс напрямик через морской лед.

Однако не прошли мы и двух миль [3,2 км], как уже пора было подумать о ночлеге, и Кемпбелл отложил рывок к мысу Эванс на следующий день. К ужину, и без того состоявшему из новых блюд, добавили джем, изюм, финики, каждому выдали по глотку бренди из запасов аптечки — мы ведь не сомневались в том, что эта ночь будет последней, проведенной под открытым небом.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает: после завтрака мы, проделав миль пять, от силы — шесть [8,0–9,7 км], забрели на участок нагромождений торосов, прошитый нитями льда явно совсем недавнего происхождения, а когда

наконец выбрались с него, вышли к едва затянутой льдом полынье, простиравшейся на север и на юг сколько хватал глаз. Перед ней произошла авария: на вертикальной стойке одного железного полоза разом лопнули все крепления и сани опрокинулись на бок. Мы разгрузили их, наиболее тяжелую поклажу закопали в снег и попытались на одних легких санях форсировать полынью. Но молодой лед, покрывавший ее, так угрожающе прогибался под нами, что пришлось возвратиться назад, забрать оставленные было грузы и отступить обратно к береговым моренам. В трех милях [4,8 км] от них мы стали на ночлег.

На следующий день Кемпбелл с Левиком и Дикасоном отправился на мыс Баттер за новым запасом продуктов, а остальным было дано задание отремонтировать железные полозья. После трех или четырех часов тяжкой работы удалось поставить на них другие сани и даже довольно рано возвратиться в лагерь — мы еще успели сварить похлебку до прибытия товарищей. Они доставили запас продовольствия для похода вокруг залива, и четвертого мы выступили на юг. Около девяти часов утра вдали показались три черные фигуры, спешащие нам навстречу. Нас столько раз вводили в заблуждение миражи, что и теперь мы не были вполне уверены, люди это или пингвины. Впрочем, для пингвинов они казались слишком высокими. Придя к этому выводу, Кемпбелл и я решительным шагом направились к ним, и вдруг Кемпбелл, глядевший в бинокль, воскликнул: «Они подают нам знаки, Пристли! Ответьте же им!» Я что было сил замахал руками, но определенного ответа не последовало, а спустя несколько минут фигуры повернулись к нам лицом и сверкнули белые манишки, не оставившие сомнений в том, кто их обладатели.

И прежде императорские пингвины неоднократно заставляли нас обманываться, но сейчас им это удалось как никогда.

При общем курсе на юг мы все время придерживались кромки молодого льда, не теряя надежды, что найдем в нем лазейку, но он упорно тянулся в глубь залива, и чтобы обойти полынью, пришлось подняться на многолетний морской лед, обозначенный на картах как край Барьера. Мы пересекли его с запада на восток и спустились на однолетний лед между Барьером и мысом Хат, по которому дошли до участка ледяных зубцов и без труда пересекли его у восточного окончания. Таким образом, мы очутились на северной оконечности Барьера и к ночи, вернее к раннему утру — мы шагали далеко за полночь, — заночевали в семи милях [11,3 км] от мыса Хат.

Приход Северной партии на мыс Эванс. Слева направо: *Дикасон, Абботт, Браунинг, Кемпбелл, Пристли, Левик*

Здесь следует заметить, что изменения пищевого рациона оказали поразительное действие на наши рты — они превратились в одну сплошную рану. Всему виной, я думаю, были жесткие сухари. Так или иначе, но у меня, например, губы с боков были обметаны ранками и кровоточащими трещинами, вся полость рта, язык и десны болели и саднили. Рот и язык так распухли, что в процессе еды я, как ни старался, не мог их не жевать, а речь моя стала настолько невнятной, что на марше Кемпбелл понимал мои замечания лишь с третьего или даже четвертого раза, хотя, по его словам, это могло происходить также из-за того, что его уши были забиты девятимесячной грязью.

После непродолжительного сна мы сняли лагерь и вышли в путь, на морской лед, чтобы преодолеть последние семь миль [11,3 км], отделявшие нас от мыса Хат. За милю [1,6 км] от него на больших застругах сани перевернулись. Осмотр показал, что они пострадали точно так же, как и в первый раз. Не имея всего необходимого для ремонта, мы поставили тут палатку, и Кемпбелл, Дикасон и я поспешили на мыс Хат за новостями.

По мере приближения к хижине встречалось все больше следов собак и людей, а также, как мы полагали, пони. Это нас сразу насторожило — будь все в порядке, вряд ли партия ушла бы на Барьер. Вскоре наши худшие опасения подтвердились: в

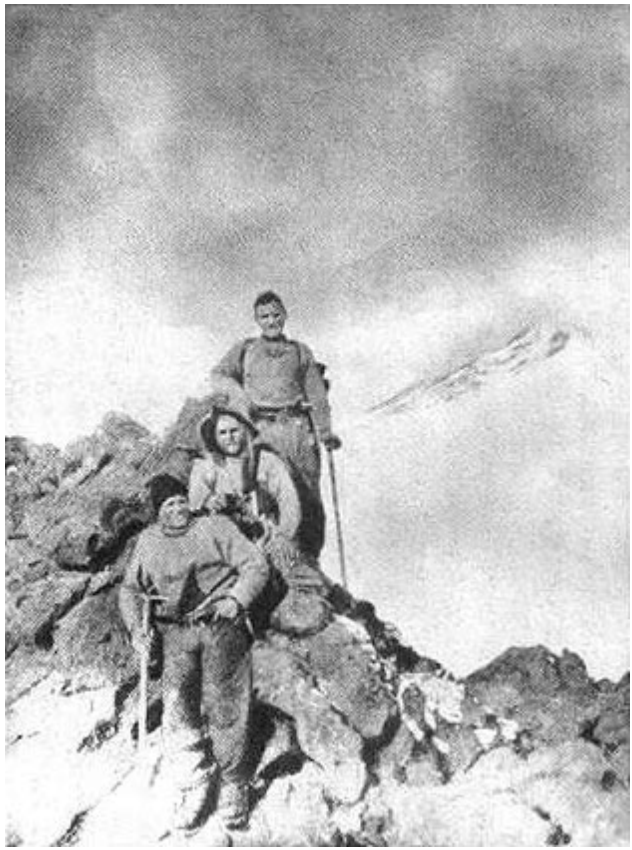
хижине никого не было, но мы нашли письмо капитану спасательного корабля от Аткинсона, не оставлявшее никаких сомнений в том, что произошло несчастье. Об исчезновении партии прямо не говорилось, и мы так и не поняли, сколько человек было в ее составе. Поняли лишь, да и то в основном путем собственных умозаключений, что Аткинсон, Нельсон, Черри-Геррард и Дебенхэм живы и не покинули Антарктики. Тогда мы решили, что потеряли восьмерых — раз Аткинсон стал руководителем, значит, погибла не только одна группа из четырех полярников. Нам тогда и в голову не приходило, что партия капитана Скотта могла состоять из пяти человек[98].

Дебенхэм оставлен на мысе Эванс, а партия из восьми человек с семью мулами и три человека с двумя собачьими упряжками пошли на поиски тел. Догнать их мы уже не могли, и Кемпбелл решил продолжать путь на мыс Эванс. Мы возвратились в лагерь, переночевали и вскоре после полудня достигли главной базы.

Глава XXVII
Лето на острове Росса

На мысе Эванс. — В хижине Дебенхэм и мистер Арчер. — Несколько дней отдыха. — Возвращение поисковой партии. — Принесенные ею вести. — На мыс Ройдс. — Восхождение на гору Эребус. — Мы поднимаем сани на высоту 9500 футов. — Четверо на вершине вулкана. — Извержение. — Спуск скольжением. — Приход «Терра-Новы», возвращение в Новую Зеландию.

К сожалению, мы никого не застали в хижине, но вскоре появились Дебенхэм и Арчер, которые предприняли по берегу небольшой поход для фотографирования окрестностей. Они удивились и обрадовались нам чрезвычайно: ввиду отсутствия прочного морского льда они еще несколько недель назад окончательно потеряли надежду увидеть нас в этот летний сезон, а многие зимовщики были готовы добавить наши имена к списку погибших. Дебенхэм перечислил пропавших членов полюсной партии, и мы испытали некоторое облегчение от того, что злополучная Южная партия вопреки нашим предположениям состояла из пяти, а не из восьми человек. На поиски тел отправились Аткинсон, Райт, Черри-Геррард, Нельсон, Гран, Крин, Хупер, Уильямсон, Кэохэйн и Дмитрий[99], остальных же офицеров и матросов корабль доставил в Новую Зеландию. Пробиться к нам ему не дали тяжелые паковые льды и плохая погода. Записку, найденную на мысе Баттер, Аткинсон написал в конце апреля: он отправился во главе партии разыскивать нас, но путь на север преградила открытая вода. Тогда партия вернулась на мыс Эванс и там перезимовала.



На вершине пика Дмитрия

Приготовление пищи на примусе в санном походе

Несколько дней Северная партия только отдыхала и отъедалась. Неприятностей от переедания удалось избежать благодаря тому, что мы ели часто, но понемногу, вместо общепринятых трех-четырех больших трапез. На ночь каждый брал с собой в постель какое-нибудь лакомство на случай, если он среди ночи проснется от голода, — коробочку сладких сухарей, кулек с финиками или изюмом… Вначале на нас совсем не было жира, от худобы на руках и ногах висела сморщенная кожа, но вскоре все изменилось. По прибытии в хижину наш вес был намного ниже нормы, спустя несколько дней он уже ее превысил. Я, например, за шесть дней поправился с 10 стоунов [63,5 кг] до 12 стоунов 6 фунтов [78,9 кг], поставив, по-моему, своеобразный рекорд скоростного увеличения веса. Здоровье наше оказалось в худшем, чем мы думали, состоянии, у многих, например, появилась отечность — при нажатии пальцем на ногу долго оставалось углубление. Подобная утрата эластичности тканей — типичный симптом цинги, но так как мы все время питались свежим мясом, то скорее всего это было вызвано общим ослаблением организма в результате продолжительных нагрузок и перенапряжения.

Кемпбелл воспользовался неделями отдыха для приведения в

порядок своего дневника, я же перепечатал свой на пишущей машинке Черри-Геррарда. Левик проявлял фотографии, сделанные прошлым летом. Несмотря на длительный разрыв между моментом съемки и проявлением, они, ко всеобщему удивлению, получились очень хорошими. Это можно объяснить только тем, что пленки и пластинки фактически все время оставались замороженными и замедленная в результате химическая реакция не могла оказать сколько-нибудь серьезного воздействия.

Через день после нашего прибытия Левик с Абботтом и Дикасоном пошли за вещами, оставленными близ поломавшихся саней. Они отсутствовали около трех дней, но ничего примечательного с ними за это время не произошло.

После двух недель отдыха мы начали готовиться к новому походу. На этот раз мне предстояло возглавить восхождение на Эребус. Мы хотели попытаться исследовать старый кратер. Первоначально предполагалось, что со мной пойдут только двое — Дебенхэм и Дикасон, но тут подоспела спасательная партия и к нам присоединились Гран, Абботт и Хупер — итого шесть человек.

Бездействующий кратер Эребуса

Лагерь близ бездействующего кратера

Печальная миссия поисковой партии неожиданно завершилась успехом: в 160 милях [257 км] от мыса Хат она нашла в палатке тела капитана Скотта, доктора Уилсона и лейтенанта Бауэрса. Партия забрала записи и геологические образцы, а также бо́льшую часть снаряжения группы Скотта, захоронила тела под огромным гурием[100], прочитала над ними заупокойный молебен и предоставила погибшим покой, за который они заплатили такой ужасной ценой. История славного путешествия, записанная самой Южной партией, подробно изложена в официальном издании «Последняя экспедиция Р. Скотта»[101], поэтому я ограничусь тем, что для тех, кто не читал этой книги, приведу несколько выдержек из моего дневника, где говорится о страшной вести, доставленной спасательной партией:

> «Вечером пришли Аткинсон, Черри-Геррард и Дмитрий с собачьими упряжками. Они сообщили, что партия с мулами находится в пути. Доставленные ими вести при данных обстоятельствах нельзя считать наихудшими, так как теперь мы располагаем многочисленными доказательствами того, как мужественно погибла Южная партия. В одиннадцати милях [17,7 км] к югу от склада „Одна тонна“ спасатели нашли стоявшую еще палатку, где в спальных мешках

лежали тела нашего руководителя, Уилсона и Бауэрса.

Они умерли от общей слабости и голода после того, как в течение девяти дней, без еды и керосина, были заперты в палатке пургой. Мертвые, они прижимались к собранным геологическим образцам. Кроме того, большая коллекция лежала на санях, фотографии же они оставили лишь за несколько миль до места стоянки. Из дневника капитана Скотта явствует, что они заметили следы Амундсена на 88° ю. ш. и по ним дошли до полюса, которого Амундсен достиг 17 декабря, то есть на месяц раньше наших людей. На обратном пути погода была вполне сносная, поверхность плато, по которому они шли, также была хорошая, но продвигались они по леднику недостаточно быстро, главным образом из-за падения Эванса. У подножия ледника он упал, получил сотрясение мозга и так и не поправился. Он умер, когда они достигли нижнего склада на леднике.

Когда они вышли на Барьер, положение их с каждым днем становилось хуже. Лед под ногами был неровный, температура упала до –30° [–34,4 °С] и иногда даже доходила до –40° [–40 °С], облака закрывали небо. Они делали всего лишь по несколько миль в день и с большим трудом дошли до своих складов на 81°30′ ю. ш. и 80°30′ ю. ш. У всех были серьезные обморожения. Отс, у которого началась гангрена, чувствовал себя обузой для партии. За несколько миль до склада „Одна тонна“ поднялась пурга. Отс, обсудив с товарищами положение, очевидно, принял решение пожертвовать собой ради блага остальных. Он сказал товарищам, что выйдет на некоторое время из палатки, ушел в метель, и больше они его не видели. Остальные продолжали упорно идти вперед, непрестанно теряя силы, пока их не заставила остановиться последняя пурга, длившаяся девять дней и прикончившая их. Аткинсон утверждает, что, дойди они до склада, у них все равно не хватило бы сил его отрыть. Их кончина содержит лишь одно, пусть слабое, утешение: я уверен, что более легкой гибели, например от падения со всеми своими материалами в трещину, они сами предпочли бы медленную мучительную смерть, дававшую надежду на спасение их записей и собранных образцов, то есть результатов экспедиции».

Вход во второй кратер горы Эребус

Кухня Селетона для альпинистов

Самый высокогорный лагерь в Антарктике

Хупер со своим грузом

В тот вечер, когда возвратилась поисковая партия, мы до глубокой ночи беседовали о всем пережитом. Восхождение на Эребус отложили на один-два дня, чтобы еще пообщаться с товарищами, а Гран и Хупер тем временем подготовились к путешествию.

Второго декабря мы дошли до мыса Ройдс, откуда намеревались атаковать гору. Продуктов взяли на две недели, и именно столько продлился поход. Задержались всего лишь на два дня на высоте 5 тысяч футов [1525 м] над уровнем моря, выжидая, пока рассеются низкие облака под нами, остальное же время неуклонно поднимались вверх. На пути к старому кратеру исследовали нунатак[102] и дали ему название «Пик Дмитрий»[103], а восьмого декабря стали лагерем внутри кратера. Здесь мы провели несколько дней, затем Дебенхэм и Дикасон остались, чтобы закончить нанесение местности на карту, остальные же четверо разделили между собой необходимое снаряжение и пятидневный запас продуктов и начали крутой подъем ко второму кратеру. Стараясь держаться как можно ближе

к скалистым ребрам горы, мы поднимались без особого труда, и за три часа дошли до второго кратера на высоте 11,5 тысячи футов [3507,5 м]. Здесь поставили палатку, но из-за холодного южного ветра со снегом были вынуждены на сутки отложить все работы. Примечательно, что на уровне моря температура в эти дни неизменно держалась около –20° [–28,9 °С], у нас же в лагере она колебалась между –15° и –36° [между –26 °С и –37,8 °С]. Иными словами, мы испытывали воздействие температуры на 68° ниже точки замерзания, и это в разгаре лета, тогда как профессор Дейвид застал здесь даже осенью несколько более высокую температуру.

Двенадцатого декабря в первом часу ночи меня разбудил Гран и сообщил, что погода ясная. Я выглянул из палатки и убедился, что это действительно так, и если мы хотим взойти на вершину, то это самый подходящий момент. На небе ни облачка, только красивый султан пара вздымается кверху, говоря о том, что вулкан действует. Недаром предыдущей ночью нас разбудил грохот настоящего извержения.

На вершине вулкана

Извержение Эребуса

Из-за разреженного на такой высоте воздуха мы двигались с большой осторожностью и через каждые несколько ярдов останавливались, чтобы не перегрузить сердце и легкие. И все же медленно, но верно мы одолели две или три мили [3,2–4,8 км] до действующего конуса и в 6 часов утра взошли на вершину горы, на высоту 13 тысяч футов [3965 м] над уровнем моря. Попытались определить высоту по барометру, но он не работал, а при сильном ветре, не имея надежного укрытия, нельзя было зажечь спиртовку и вскипятить воду. Сделав несколько снимков и положив под камень записку, мы не мешкая подготовились к спуску, так как Хупер жаловался, что не чувствует своих ног. Это означало, что они отморожены, и я отправил пострадавшего в сопровождении Абботта домой, сам же вместе с Граном не спеша спускался к лагерю, собирая по пути образцы пород.

Футов пятьсот [152,5 м] уже осталось за нами, когда, меняя пленку в фотоаппарате, я обнаружил с досадой, что записка лежит у меня, а вместо нее под тур на вершине горы положена баночка с проявленной пленкой. Гран вызвался сбегать наверх и поменять баночки. Едва он добрался до тура и водворил на место истинную записку, как произошло извержение. Гигантский выброс пара сопровождался грохотом взрыва, в воздух взлетали

большие глыбы пемзы. В основном они падали обратно в кратер, но некоторые ложились вокруг Грана. Он пригнулся к земле, чтобы избежать ядовитых испарений, и остался цел и невредим, если не считать тошноты. При первых звуках извержения я бросился наверх, продвигаясь короткими перебежками от укрытия к укрытию, и когда был уже у самой вершины, из облака пара вынырнул очень веселый Гран, переполненный впечатлениями от всего виденного.

После этого небольшого приключения мы продолжили путь к своей стоянке, собирая все время геологические образцы, несколько часов отдыхали в палатке, затем сняли лагерь и на склоне горы запаковались. Спуск был значительно быстрее подъема — теперь мы не только не избегали снежников, а напротив, искали их, найдя же, ложились на снег плашмя и скользили вниз, регулируя скорость движения ледорубами.

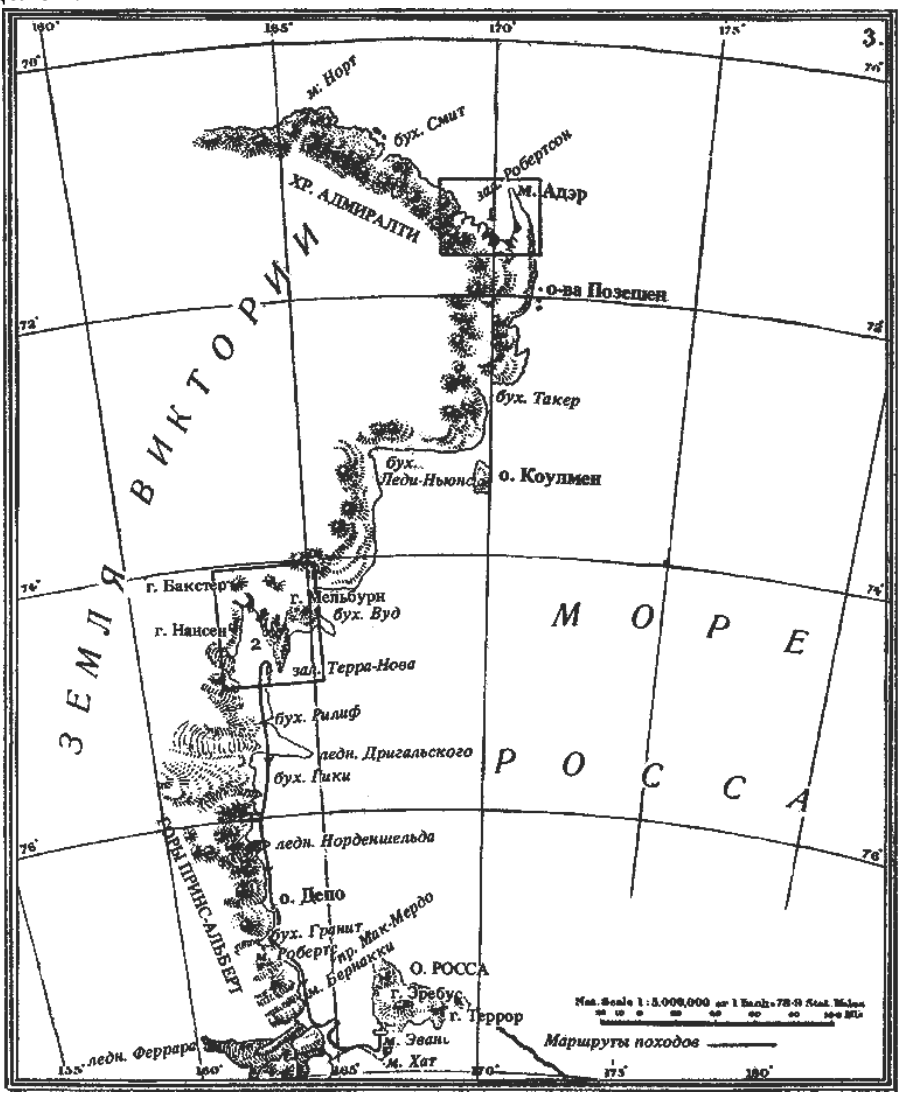
Одно лишь несколько омрачало наше возвращение на мыс Ройдс: Гран неважно себя чувствовал — несомненно, из-за того, что во время извержения он надышался сернистыми испарениями. По дороге мы взобрались на спящий вулкан, названный впоследствии горой Хупер, и тщательно его исследовали. Несмотря на эту задержку и короткую остановку из-за метели, мы шли так быстро, что уже 15 декабря ночевали на старой зимовке Шеклтона. Там мы застали Кемпбелла, заканчивавшего нанесение мыса на карту, я отчитался перед ним о походе, и мы вместе вернулись на мыс Эванс.

Рождество в хижине Шеклтона. Слева направо: *Дебенхэм, Вильямсон, Дикасон, Пристли*

До конца декабря Дебенхэм, Уильямсон, Дикасон и я производили съемку района мыса Ройдс, рождество и Новый год все вместе праздновали в хижине Шеклтона.

Второго января мы вернулись на мыс Эванс и стали ожидать прибытия корабля. Никто не терял времени даром — подготавливали экспонаты для зоологических коллекций, вычерчивали карты, собирали и обозначали наклейками образцы пород и т. д. Восемнадцатого января пришла «Терра-Нова», мы сообщили печальные вести офицерам и команде. После нескольких часов тяжкого труда погрузили на борт снаряжение и личные вещи и распрощались с мысом Эванс навсегда. По пути на север «Терра-Нова» зашла на мыс Ройдс, в бухту Гранит, на морену «Врата Ада» за припрятанными образцами; там же по просьбе Кемпбелла был оставлен большой продовольственный склад. Затем нос судна решительно повернулся на север, и в

начале февраля, после короткого спокойного плавания на горизонте появилась Новая Зеландия. Прежде всего мы зашли в порт Акароа, бросили там якорь и стояли до тех пор, пока не была отправлена роковая телеграмма, поведавшая миру об успехе экспедиции и ее тяжкой утрате. На следующий день мы пришли в Литтелтон, где находилась Новозеландская база экспедиции. На этом закончилась история Северной партии и всей экспедиции в целом.



Район работ Северной партии экспедиции Р. Скотта. Исходный масштаб —1:5 000 000, или 1 дюйм~78,9 сухопутной мили

В этой истории много необычного, и мы полагаем, что оправдали свое существование на белом свете хотя бы тем, что

доказали: партия, отрезанная от своей базы, фактически лишенная источников питания, может прожить на одних лишь скудных местных ресурсах, правда без комфорта, но и без особой опасности для ее участников. Зима 1912 года бесспорно оставила свой след на всех нас, никому не хотелось бы вновь оказаться в таком положении[104]. И все же для меня, да, наверное, и для других участников партии, Зов Юга остается непреодолимой силой, действие которой скорее усилили, чем уменьшили перенесенные невзгоды. Лишения и тяготы лишь научили нас воспринимать простые блага обычной жизни как изысканные удовольствия, сплотившее нас чувство товарищества помогало переносить трудности и радоваться радостям. После того как мы присоединились к товарищам на мысе Эванс и затем на «Терра-Нове», отношения между членами нашей партии служили неиссякаемым источником шуток для остальных участников экспедиции. «Их водой не разольешь» — говорили о Северной партии. Это и в самом деле так. Ведь, наверное, никому никогда не было дано так хорошо познать своего ближнего, как нашей шестерке, которая семь месяцев прожила в самой настоящей «снежной дыре».

notes

Примечания

1

Скотт Роберт Фолкон (1868–1912) — английский исследователь Антарктиды. В 1901–1904 гг. руководитель экспедиции, открывшей п-ов Эдуарда VII. В 1911–1912 гг. — руководитель экспедиции, достигшей 18.01.1912 Южного полюса (на 33 дня позже Р. Амундсена). Погиб на обратном пути. — *Прим. OCR.*

2

Шеклтон (Shackleton) Эрнест Генри (1874–1922) — английский исследователь Антарктики. В 1901–1903 гг. — участник экспедиции Р. Скотта; в 1907–1909 гг. — руководитель экспедиции к Южному полюсу (достиг 88°32′ ю. ш., открыл горную цепь на Земле Виктории, Полярное плато и ледник Бирдмора). В 1914–1917 гг. — руководитель экспедиции к берегам Антарктиды. — *Прим. OCR.*

3

В квадратных скобках — *Прим. OCR.*

4

Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (Фабиан Готлиб) (9 (20) сентября 1778 г., Лахетагузе, остров Эзель, Эстония — 13 (25) января 1852 г., Кронштадт) — русский мореплаватель, дважды обогнувший Землю, первооткрыватель Антарктиды.

Детство прошло в родовом имении Пилгузе, на балтийском острове Эзель (ныне — Сааремаа). В 1789 г. Беллинсгаузен поступил в Морской кадетский корпус в Кронштадте. После его окончания в 1797 г. шесть лет плавал по Балтике на судах Ревельской эскадры. Любовь к наукам была замечена командиром Кронштадтского порта, рекомендовавшим Беллинсгаузена Ивану Крузенштерну, под руководством которого в 1803–1806 гг. Беллинсгаузен совершил первое кругосветное плавание на корабле «Надежда», выполнив почти все карты, вошедшие в «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна».

В июне 1819 г. капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена назначили командиром трехмачтового парусного шлюпа «Восток» и начальником экспедиции для поисков шестого континента, организованной с одобрения Александра I. Капитаном второго шлюпа «Мирный» был определен молодой лейтенант Михаил Лазарев. 4 июля 1819 г. суда вышли из Кронштадта. 16 января 1820 г. корабли Беллинсгаузена и Лазарева в районе Берега Принцессы Марты подошли к неизвестному «льдинному материку». Этим днем датируется открытие Антарктиды.

Еще трижды в это лето они пересекали Южный полярный круг; в начале февраля вновь приблизились к Антарктиде у Берега Принцессы Астрид, но из-за снежной погоды не смогли его хорошо рассмотреть. В марте, когда плавание у берегов материка из-за скопления льдов стало невозможным, суда по договоренности разлучились, чтобы встретиться в порту Джексон (ныне — Сидней). Беллинсгаузен и Лазарев отправились туда разными маршрутами. Были произведены точные съемки архипелага Туамоту, обнаружен ряд обитаемых атоллов, в том числе острова Россиян.

В ноябре 1820 г. корабли вторично направились в Антарктиду, обогнув ее со стороны Тихого океана. Были открыты острова Шишкова, Мордвинова, Петра I, Земля Александра I. 30 января, когда выяснилось, что шлюп «Восток» дал течь, Беллинсгаузен повернул на север и через Рио-де-Жанейро и Лиссабон 24 июля 1821 г. прибыл в Кронштадт, завершив свое второе кругосветное плавание. Участники экспедиции пробыли в плавании 751 день, прошли более 92 тыс. км. Было открыто 29

островов и 1 коралловый риф.

По возвращении из антарктической «кругосветки» Ф. Ф. Беллинсгаузен два года командовал флотским экипажем, три года занимал штабные должности; в 1826 г. возглавил флотилию в Средиземном море; участвовал в осаде и штурме Варны. В 1831–1838 гг. руководил флотской дивизией на Балтике; с 1839 г. до кончины был военным губернатором Кронштадта, а на время летних плаваний ежегодно назначался командующим Балтфлотом.

В 1843 г. получил звание адмирала. Беллинсгаузен многое сделал для укрепления и благоустройства Кронштадта; по-отечески заботился о подчиненных, добиваясь улучшения питания матросов; основал морскую библиотеку. Биографы Беллинсгаузена отмечали его доброжелательность и хладнокровие: присутствие духа он сохранял как под неприятельским огнем, так и в борьбе со стихией.

Беллинсгаузен был женат и имел четырех дочерей. Умер в Кронштадте, где в 1869 г. ему был поставлен памятник. Его именем названы море в Тихом океане и подводная котловина, ледник в Антарктиде и антарктическая станция, мыс на острове Сахалине и три острова.

Сочинения: «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов, совершенные на шлюпах „Восток“ и „Мирный“…» (1831, 1949, 1960 гг.). — *Прим. OCR.*

5

Лазарев Михаил Петрович (3 (14) ноября 1788 г., Владимир — 11 (23) апреля 1851 г., Вена, похоронен в Севастополе) — русский мореплаватель, трижды обогнувший Землю, флотоводец, один из первооткрывателей Антарктиды, адмирал (1843 г.).

Родился в семье владимирского губернатора, но рано потерял родителей. По ходатайству Гаврилы Державина в 1800 г. определен в Морской кадетский корпус. В 1803–1808 гг. волонтером на судах британского флота плавал в Атлантике, у Антильских островов и в Индийском океане, участвовал в Трафальгарском сражении (1805 г.) и в войне со Швецией (1808 г.); за отличие произведен в лейтенанты (1810 г.).

В 1813–1816 гг., командуя корветом «Суворов», совершил свое первое кругосветное плавание из Кронштадта к берегам Русской Америки и обратно; на пути туда (1814 г.) в Тихом океане обнаружил пять необитаемых атоллов (острова Суворова) — первое российское открытие в южном полушарии; доставил из Перу в Петербург почти 13 тонн коры хинного дерева, а также американских лам, альпака и викунью, невиданных дотоле в России представителей семейства верблюдовых.

В 1819 г. Лазарев получил назначение в экспедицию по поискам Южного материка, должность начальника которой долгое время оставалась вакантной. Лишь за месяц до выхода в море на нее утвердили Фаддея Беллинсгаузена, ставшего одновременно командиром шлюпа «Восток». Все трудности по набору экипажей (около 190 человек), обеспечению всем необходимым для длительного плавания в высоких широтах легли на плечи лейтенанта Лазарева, командира шлюпа «Мирный». В 1819–1821 гг. оба корабля совершили первое кругосветное плавание к берегам Антарктиды. Для Лазарева это было второе кругосветное плавание. Благодаря мореходному искусству Лазарева парусные шлюпы ни разу не разлучались. Во время этой экспедиции, ознаменовавшей открытие Антарктиды, были определены географические координаты якорных стоянок и местонахождения шлюпов в море, а также выполнены магнитометрические измерения.

Третье кругосветное плавание в должности капитана Лазарев осуществил в 1822–1825 гг. на фрегате «Крейсер», когда были проведены научные исследования по метеорологии, океанографии и этнографии. Экспедиция проходила по маршруту Кронштадт — Рио-де-Жанейро — мыс Доброй Надежды — Русская

Америка — мыс Горн — Кронштадт.

В 1827 г. Лазарев отличился в Наваринском сражении и был произведен в контрадмиралы; руководимый им линейный корабль «Азов» первым из судов русского флота удостоен георгиевского флага. Два следующих года его эскадра блокировала Дарданеллы. В 1830 г. Лазарев вернулся в Кронштадт, но уже в 1832 г. получил назначение начальником штаба Черноморского флота. По его приказу лейтенанты Ефим Путятин и Владимир Корнилов выполнили опись берегов и промеры глубин проливов Дарданеллы и Босфор. Используя хорошие личные отношения с турецкими властями, Лазарев направил яхту под командованием Егора Манганари заснять южное побережье Черного моря.

В конце 1834 г. Лазарев назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя. В 1838–1840 гг. возглавил военные операции на море против кавказских горцев; подготовил к десантным операциям моряков и сухопутные подразделения; по его поручению Михаил Манганари в 1840–1843 гг. нанес на карту крымские и абхазские берега Черного моря, а в 1845–1848 гг. выполнил съемку Мраморного моря. Были изданы лоции Азовского и Черного морей.

М. П. Лазарев прекрасно понимал превосходство машинных судов над парусными и был сторонником создания сильного парового флота. Он построил в Севастополе пять первоклассных батарей, морскую библиотеку, морское собрание, морские казармы, сухие доки и два училища. Под его непосредственным наблюдением с николаевской верфи были спущены на воду два линейных корабля и фрегат.

М. П. Лазарев воспитал плеяду выдающихся командиров и флотоводцев, включая П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, Г. И. Бутакова, Е. В. Путятина, И. С. Унковского. Он добился значительного улучшения условий жизни матросов. Отличительными качествами характера Лазарева были инициатива и смелость, быстрота в принятии решений, добропорядочность и честность. Он был женат, имел дочь. Его именем названы море, шельфовый ледник, антарктическая станция, атолл, остров, поселок, бухта и два мыса. — *Прим. OCR.*

6

Амундсен (Amundsen) Руал (1872–1928) — норвежский полярный путешественник и исследователь. Первым прошел Северо-Западным проходом на судне «Йоа» от Гренландии к Аляске (1903–1906). Руководил экспедицией в Антарктику на судне «Фрам» (1910–1912). Первым достиг Южного полюса (14.12.1911). В 1918–1920 гг. прошел вдоль северных берегов Евразии на судне «Мод». В 1926 руководил первым перелетом через Северный полюс на дирижабле «Норвегия». Погиб вместе с экипажем самолета «Латам-47» в Баренцевом море во время поисков итальянской экспедиции У. Нобиле, ранее вылетевшей к Северному полюсу на дирижабле «Италия» и потерпевшей крушение. — *Прим. OCR.*

7

Моусон (Mawson) Дуглас (1882–1958) — австралийский исследователь Антарктики. Участник экспедиции Шеклтона в 1908–1909 гг., где входил в состав партии, совершившей поход к Южному магнитному полюсу. В 1911–1914 гг. Моусон был начальником экспедиции в Восточную Антарктиду. Два года зимовал на Земле Адели. В 1929–1931 гг. Моусон руководил австралийскими экспедициями на судне «Дискавери». Эта экспедиция за два летних рейса сделала описание значительной части берегов Восточной Антарктиды. Именем Моусона названа современная австралийская антарктическая станция. Моусон участвовал в обсуждении международных программ по изучению Антарктики в период Международного геофизического года (1956–1958 гг.). Был другом советских полярников. Умер в 1958 году. — *Прим. OCR.*

8

«Фрам» («Fram» — норв. «Вперед») — норвежское моторно-парусное судно, построенное для дрейфующей экспедиции Фритьофа Нансена по проекту судостроителя Колин Арчера в 1892 г.; водоизмещение 402 т. Корпус судна был сконструирован наподобие половинки разрезанной скорлупы кокосового ореха, благодаря чему судно при сжатии льдов выжималось наверх. Первый рейс «Фрама» — трехлетний дрейф экспедиции под руководством Ф. Нансена, а затем О. Свердрупа через Арктический бассейн от Новосибирских островов в Гренландское море (1893–1896 гг.). В 1898–1902 гг. Свердруп совершил на «Фраме» экспедицию в северную часть Канадского Арктического архипелага. В 1910–1912 Р. Амундсен плавал на «Фраме» в Антарктику. В 1930-х гг. «Фрам» превращен в музей. На берегу полуострова Бюгдё в Осло его поместили под стеклянную крышу. — *Прим. OCR.*

9

Перевод английских мер в метрические

Галлон — 4,546 литра.
Миля морская — 1852 метра.
Миля сухопутная — 1609 метров.
Фут — 30,5 сантиметра.
Ярд — 91,5 сантиметра.
Дюйм — 25,4 миллиметра.
Морская сажень — 1,83 метра.
Тонна «длинная» — 1,016 тонны.
Центнер — 50,8 килограмма.
Стоун — 6,35 килограмма.
Фунт коммерческий — 453,6 грамма.
Унция — 29,8 грамма.
Пинта — 0,568 л (в Великобритании).

Для перевода градусов Фаренгейта в градусы Цельсия следует из данного количества градусов Фаренгейта вычесть 32 и остаток помножить на 5/9 — *Прим. ред.*

Шкала Фаренгейта — температурная шкала, 1 градус которой (1°F) равен 1/180 разности температур кипения воды и таяния льда при атмосферном давлении, а точка таяния льда имеет температуру +32°F. Температура по шкале Фаренгейта связана с температурой по шкале Цельсия (t°C) соотношением t°C = 5/9 (t °F — 32). Предложена Г. Фаренгейтом в 1724 г. — *Прим. OCR.*

10

Дж. Росс очень странно назвал свои суда: «Эребус» — явно от греческого «эреб» (мрак), а латинское «террор» означает страх, ужас. — *Прим. OCR.*

11

В 1773–1775 гг. известный английский мореплаватель Джеймс Кук в поисках Южного континента совершил плавание в водах Южного океана, но материка не обнаружил. Завершив свое плавание, он записал: «Я обошел океан южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, недоступных для плавания». 28 января 1820 г. Антарктический материк был открыт русской экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева.

12

Росс (Ross) — английские полярные исследователи, дядя и племянник: 1) Джон (1777–1856) — руководитель двух экспедиций по отысканию Северо-Западного прохода: экспедиция 1818 г. проследила западный берег Гренландии до пролива Смит и все Атлантическое побережье о. Баффинова Земля; экспедиция 1829–1833 гг. открыла о. Кинг-Уильям и п-ов Бутия. 2) Джеймс Кларк (1800–1862) — участник шести арктических экспедиций по отысканию Северо-Западного прохода (1818–1833 гг.). В 1831 г. открыл северный магнитный полюс. В 1840–1843 гг. совершил три плавания в Антарктику; открыл море и ледяной барьер, названные его именем, Землю Виктории, вулканы Эребус и Террор. — *Прим. OCR.*

13

На советских картах Южной полярной области за границу Антарктического материка принимается внешний край шельфовых ледников. Таким образом, обширная окраинная зона, площадь которой составляет более 1,5 млн. км^2, т. е. больше 11 % площади всего материка, считается частью Антарктиды. Справедливость такого положения подтверждается следующими фактами:

— Геологи и геоморфологи, изучающие Антарктиду, считают, что ее мощный ледниковый покров является не чем иным, как плащом четвертичных отложений, представленных мономинеральной породой — глетчерным льдом. Мощность этого покрова достигает 4,5 км, а возраст в нижних слоях составляет сотни тысяч лет. При этом следует отметить, что значительная доля льда в строении коры и даже самих планет Солнечной системы не такое уж редкое явление — десять спутников Юпитера и Сатурна на 70–90 % состоят из льда.

— Та часть Антарктического материка, которая находится выше уровня моря, на 75 % состоит изо льда. Таким образом, называя Антарктиду ледяным континентом, мы не прибегаем к метафоре, она действительно состоит в основном изо льда.

— Генетически шельфовые ледники мало чем отличаются от ледникового покрова, лежащего на грунте во внутренних районах материка, — они формируются изо льда, поступившего из соседних районов, и снега, выпавшего на его поверхность.

— В зоне шельфовых ледников льда больше, чем воды. Их толщина в среднем составляет 400–500 м (максимальная почти до километра), а средняя толщина слоя воды под ними — 250–300 м. По объему лед в этой зоне занимает 60 %. К тому же граница между шельфовыми ледниками и ледниковым покровом, находящимся на грунте, на большей части побережья почти не различима, в то время как внешний край шельфовых ледников всегда резко очерчен. К этому можно добавить еще и то, что шельфовые ледники находятся, как правило, в пределах шельфа, т. е. не выходят за границу континентальной части земной коры.

Такой взгляд на место шельфовых ледников в Антарктиде привел к пересмотру номенклатурных терминов географических объектов в этой зоне, в результате чего все морские термины внутри зоны были заменены на материковые. Так, остров Росса, поскольку его бо́льшая часть присоединена к шельфовому леднику, стал называться полуостровом, а остров Рузвельта в глубине шельфового ледника — возвышенностью. Пролив Мак-

Мёрдо соответственно стал называться заливом. Однако, учитывая, что книга написана задолго до утверждения новых номенклатурных терминов и чтобы сохранить дух той эпохи, когда она писалась, они оставлены без изменения.

14

Великим Ледяным Барьером Дж. Росс назвал край шельфового ледника, названного впоследствии его именем, однако в дальнейшем Барьером стали называть весь шельфовый ледник, и не только Росса. Это неверно: «барьер», «ледяной барьер» — только край плавающего ледника, который действительно представляет собой неприступную отвесную ледяную стену, возвышающуюся над морем порой до 40–50 м.

15

Борхгревинк (Borchgrevink) Карстен (1864–1934) — норвежский путешественник. В 1898–1899 гг. организовал первую зимовку в Антарктиде (у мыса Адэр). Достиг 78°50′ ю. ш., описал Ледяной барьер Росса. — *Прим. OCR.*

16

Джордж Ньюнс — крупный английский книгоиздатель, способствовавший развитию географических исследований в полярных странах. Он финансировал экспедицию К. Борхгревинка, осуществившего первую зимовку на побережье Антарктиды.

17

В начале века (1901–1904 гг.) в Антарктику направилось несколько экспедиций: британская (Р. Скотта) на побережье моря Росса, германская (Э. Дригальского) — в море Дейвиса, шведская (О. Норденшельда) — к Антарктическому полуострову, шотландская (В. Брюса) — в море Уэдделла, к Южным Оркнейским островам, французская (Ж. Шарко) — к западному побережью Антарктического полуострова. Эти экспедиции работали несогласованно, без единой программы. (— Прим. ред.)

Дригальский (Drygalsky) Эрих (1865–1949) — немецкий геофизик и полярный исследователь. В 1891 г. и в 1892–1893 гг. руководил экспедицией к западным берегам Гренландии для исследования материкового льда; в 1901–1903 гг. немецкая антарктическая экспедиция на судне «Гаусс» исследовала Землю Вильгельма II.

Отто Норденшельд — шведский геолог, в 1902–1903 годах возглавил зимовку на острове Сноу-Хилл вблизи Антарктического полуострова. Зимовочная партия совершила поход вдоль западного берега полуострова на юг до шельфового ледника Ларсена.

Брюс Уильям (1867–1921) — шотландский мореплаватель и врач. В 1892–1893 гг. и в 1902–1904 гг. вел океанологические исследования в м. Уэдделла, открыл Землю Котса в Антарктиде. Автор проекта трансантарктического перехода от м. Уэдделла к м. Росса (выполнил В. Фукс в 1957–1958 гг.).

Шарко Жан Батист (1867–1936), полярный исследователь, океанограф. В 1903–1905 гг. и в 1908–1910 гг. руководитель антарктической экспедиции (к Антарктическому п-ову). Участник (с 1926 г.) нескольких экспедиций к берегам Гренландии. Погиб при кораблекрушении. — *Прим. OCR.*

18

Пак — многолетний морской лед, опресненный с поверхности, со сглаженными грядами торосов. Широко распространен в центральных районах Северного Ледовитого океана и очень редко встречается в Южном океане. Здесь и далее автор называет паком просто дрейфующий лед, образующийся осенью и зимой и не отличающийся такой мощностью и прочностью, как настоящий арктический пак.

19

На современных картах — полуостров Эдуарда VII.

20

Сераки (франц. единственное число serac) — ледяные зубцы на поверхности ледника; образуются при обрушении и неравномерном таянии ледяных перегородок между поперечными трещинами в области ледопадов. — *Прим. OCR.*

21

Имеются в виду зоолог Хансен из экспедиции Борхгревинка и члены Южной партии экспедиции Р. Скотта, погибшие на обратном пути от Южного полюса.

22

Леер (от голл. leier) — ограждение (тросовое, из металлических труб и пр.) вдоль бортов, вокруг люков и т. д. на судне, а также трос для постановки некоторых парусов. Спасательный леер — трос на бортах спасательной шлюпки. — *Прим. OCR.*

23

Припай — неподвижный морской лед, образующийся главным образом вдоль побережий арктических и антарктических морей. Может простираться на расстояние от нескольких метров до сотен километров от берега. — *Прим. OCR.*

Баттер (Butter) — «масло» (англ.). — *Прим. перев.*

25

Маккай — участник экспедиции Шеклтона 1907–1909 гг. — *Прим. перев.*

26

Пингвин Адели распространен шире всех других видов пингвинов и наиболее многочислен в Антарктике. Довольно крупная птица высотой до 80 см. Питается ракообразными и, менее, рыбой и головоногими моллюсками. Гнездится по берегам Антарктического материка и на близких к нему островах. Вне времени гнездования кочует, удаляясь от родных мест на 600–700 км. Гнездовые колонии размещаются на твердом, свободном от снега грунте и, вероятно, поэтому колонии бывают в очень ветреных местах. В кладке обычно 2 яйца. — *Прим. OCR.*

27

Автор ошибочно называет так полуостров Эдуарда VII (см. прим. 19).

28

Нансен (Nansen) Фритьоф (1861–1930) — норвежский исследователь Арктики, иностранный почетный член Петербургской АН (1898 г.). В 1888 г. первым пересек Гренландию на лыжах; в 1893–1896 гг. руководил экспедицией на «Фраме». В 1920–1921 гг. — верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья (в 1921 г.). Нобелевская премия Мира (1922 г.). Умер от «утомления» (по-видимому, от сердечной недостаточности) после лыжной прогулки. — *Прим. OCR.*

29

Антон Лукич Омельченко (1883–1932) — один из двух русских участников экспедиции Р. Скотта.

Здесь и далее автор уделяет много внимания ветрам южной четверти, поскольку они несли с собой штормы и метели. Это не что иное, как стоковые ветры, о которых в то время еще не было представления. Эти ветры возникают в результате движения масс воздуха из центральных районов материка вниз по ледниковому склону. Они отличаются своей силой и постоянством в направлении. В море они не распространяются и затухают в 10–15 км от берега.

31

Эрратические валуны (от лат. erraticus — блуждающий) — валуны, перенесенные ледником на большие расстояния и состоящие из пород, отсутствующих в местах их нахождения. — *Прим. OCR.*

Из растений в Антарктиде есть лишайники, грибы, бактерии и многочисленные виды водорослей. На Антарктическом полуострове есть два вида цветковых растений — одно из семейства злаковых (щучки) и одно из семейства гвоздичных. Из представителей животного мира на Антарктическом материке больше всего птиц. Есть и мелкие беспозвоночные животные — паукообразные и насекомые (около 50 видов), которые обитают в оазисах и в горных районах, даже вблизи полюса. На Антарктическом полуострове встречается наиболее высоко развитое насекомое — бескрылая мушка бельжика.

33

Северное побережье Земли Виктории лежит южнее 70° ю. ш. и, следовательно, находится далеко от зоны западных ветров. У побережья преобладают восточные ветры и течения, которые вызывают дрейф льдов и айсбергов того же направления.

Глетчер (нем. Gletscher; от лат. glacies — лед) — синоним более употребительного термина «ледник». — *Прим. OCR.*

35

Здесь и далее температура воздуха дана по шкале Фаренгейта. — *Прим. ред.*

36

Ошибка, видимо, переводчика. Шесть кабинок по 36 квадратных футов каждая занимают 216 квадратных футов, что превышает площадь комнаты — 200 квадратных футов. — *Прим. OCR.*

Blizzard (англ.) — снежная буря, буран. — *Прим. OCR.*

38

Анемометр — прибор для измерения скорости ветра и газовых потоков (иногда и направления ветра — анеморумбометр) по числу оборотов вращающейся вертушки. — *Прим. OCR.*

39

Апрон (apron) — водонепроницаемая ткань для проявки пленки. — *Прим. перев.*

Спит (Spit) — плевок. — *Прим. перев.*

41

Здесь и далее перевод стихов выполнен Д. С. Шнеерсоном.

42

Французская экспедиция Дюмон-Д'Юрвиля, открывшая Землю Адели и Берег Клари, и американская — Уилкса, открывшая Землю Уилкса, состоялись в летний период 1839–1840 гг.

43

Гало (от греч. halos — круг, диск) — светлые круги, дуги, столбы, пятна, наблюдаемые вокруг или вблизи дисков Солнца и Луны. Вызываются преломлением и отражением света ледяными кристаллами, взвешенными в воздухе. — *Прим. OCR.*

Наверное, ошибки переводчика или опечатки, поскольку +13°F соответствует –11 °C, а +9°F это и вовсе около –13 °C Такие температуры в комнате даже у полярников слишком низки. Вряд ли Р. Пристли в виде исключения привел в этих местах температуры по Цельсию. Как будет видно ниже, температуры порядка –6,7 °C и –12,2 °C держались в комнате только при очень сильном буране. — *Прим. OCR.*

45

Традиционный рождественский подарок в Англии. — *Прим. перев.*

46

Английский мореплаватель Джон Биско (J. Biscoe) на судах «Туле» и «Лайвли» в 1831–1833 гг. совершил плавание вокруг Антарктиды. Открыл ряд земель, за что получил большие золотые медали Лондонского и Парижского географических обществ. — *Прим. OCR.*

47

В доступных источниках сведений о Баллени не обнаружено. Имеются данные о вулканических островах Баллени (Balleny), лежащих на юге Тихого океана, близ Антарктиды. Высота до 1524 м. Покрыты ледниками. — *Прим. OCR.*

48

«Эндерби» — английская торгово-промышленная фирма, созданная братьями Эндерби. Их именем названа Земля Эндерби (Enderby Land), представляющая собой часть территории Восточной Антарктиды, которая (Земля) была открыта в 1831 г. английской экспедицией Джона Биско, снаряженной фирмой «Эндерби». Научная станция Молодежная (с 1963 г.). — *Прим. OCR.*

49

В книжном оригинале в этом месте звездочкой указано на примечание, которое отсутствует. Может, конечно, звездочка является опечаткой. — *Прим. OCR.*

50

Пеммикан — смесь размельченного мяса (40 %) с жиром (60 %), которая может долго храниться в экспедиционных условиях. В прежние времена широко применялась полярными путешественниками для питания людей, а иногда и собак. В настоящее время почти не применяется.

51

В книжной версии в этом месте имелась ошибка. Исходно было напечатано следующим образом:

«Какао — 0,7 унции

Чай, соль, перец —…» (значение отсутствовало).

Однако суммирование всех значений привело к итоговой величине как раз 34,1 унции (вернее, 34,12), указанной в книге. Остается предположить, что редакторы (или наборщики) ошибочно разбили какао-чай с приправами на отдельное какао и отдельное прочее, причем какао при этом получилось слишком много (20,9 г). — *Прим. OCR.*

Из представленной схемы невозможно понять, как одна кружка «совмещается» с другой; разве что не выдержан единый масштаб. — *Прим. OCR.*

53

Теодолит — геодезический инструмент для измерения на местности горизонтальных и вертикальных углов; состоит из вращающегося вокруг вертикальной оси горизонтального круга (лимба) с алидадой, на подставки которой опирается горизонтальная ось вращения зрительной трубы и вертикального круга. Применяется при геодезических, астрономических, инженерных работах. — *Прим. OCR.*

54

Тюлень-крабоед относится к семейству настоящих тюленей отряда ластоногих. Это один из самых многочисленных видов тюленей. Длина 2–2.5 м. Обитает в зоне паковых льдов Южного океана и редко встречается севернее. Бо́льшую часть времени держится на дрейфующих льдах. Способен высоко выпрыгивать из воды на льдины. Кормится тюлень-крабоед мелкими ракообразными. — *Прим. OCR.*

55

Клевант — деталь застежки, представляющая собой короткий стерженек, обычно деревянный, который вдевается в петлю наподобие пуговицы.

Мягкая меховая обувь, род пим. — *Прим. перев.*

Заструги (здесь) — форма поверхности снега в виде узких, вытянутых по ветру гребней, образующихся вследствие неравномерного его отложения и развевания. — *Прим. OCR.*

58

Что такое «винеста» найти не удалось ни в Электронном энциклопедическом словаре на 75 000 слов, ни в Большом англо-русском словаре Мюллера (vinesta, winesta, veenesta и др.). Ни в русско-английском химическом словаре. Ни в Большой медицинской энциклопедии. Ни в Интернете (в том числе и в электронных энциклопедиях). Таким образом, если кто априори не знает значения слова «винеста» (как переводчик и редакторы данной книги), то и не ищи. — *Прим. OCR.*

59

«Снежура» — термин у синоптиков, означающий начало кристаллизации воды. Другое значение — скопление снега, плавающего в воде. — *Прим. OCR.*

Брас — снасть бегучего такелажа, посредством которой ворочают реи. Брасы принимают названия тех реев, к которым они прикреплены (грота-брасы, фока-брасы, гром-марса-брасы, фор-марса-брасы и т. д.). — *Прим. OCR.*

61

Барограф — прибор, вычерчивающий график давления воздуха как функцию от времени. — *Прим. OCR.*

Гелиограф: 1) прибор для автоматической регистрации продолжительности солнечного сияния в течение дня, т. е. когда Солнце не закрыто облаками. 2) Телескоп, приспособленный для фотографирования Солнца. — *Прим. OCR.*

63

Актинометр — прибор для измерения интенсивности прямой солнечной радиации (излучения) по степени нагрева поглощающей радиацию зачерненной поверхности. — *Прим. OCR.*

Мареограф (от лат. mare — море) — прибор для непрерывной записи колебаний уровня моря. Наиболее распространены поплавковые мареографы, у которых колебания поплавка передаются пишущему устройству. — *Прим. OCR.*

В обоих случаях непереводимая игра слов. «Weight» (англ.) означает и «вес», и «грузило», «spirit» (англ.) — и «душа», и «спирт». — *Прим. перев.*

Члены экспедиции назвали свою лодку «Великой западной» явно исходя из предпосылок, о которых вряд ли знали переводчик и редакторы данного перевода на русский язык книги Р. Пристли. Дело в том, что в Англии XIX в. знаменитый инженер Исамбард Кингдом Брунель (Isambard Kingdom Brunel; 1806–1859), строивший туннели, мосты и эстакады, совершил революцию в кораблестроении. В 1837 г. он построил «Грейт Вестерн» («Великий западный») — самый крупный в то время деревянный пароход, регулярно пересекавший Атлантику. А в 1854–1857 гг. — и вовсе монстр «Грейт Истерн» («Великий восточный») — первый колесный пароход с железным корпусом. «Грейт Истерн» был и остается самым крупным колесным пароходом. Его длина — 211,2 м, ширина — 36,6 м, водоизмещение — 22 500 тонн («Титаник» — 66 000 тонн). Угольная вместимость составляла 15 000 тонн (пароход мог дойти из Англии в Австралию всего с одной остановкой.). Был предназначен для перевозки 4000 пассажиров.

До сих пор Англия гордится своим инженером Брунелем, а во времена Р. Пристли наверняка гордилась еще больше, и знаменитые корабли Брунеля были особенно свежи в памяти английских полярников. — *Прим. OCR.*

67

Каяк — одноместная лодка у народов Севера — каркас, обтянутый кожей, с двух-, реже однолопастным веслом. — *Прим. OCR.*

Картодиаграмма — карта, показывающая с помощью диаграммной фигуры суммарную величину какого-либо статистического показателя в пределах каждой единицы нанесенного на картодиаграмму территориального деления (например, количество населения по областям, площадь пахотных земель). — *Прим. OCR.*

69

Тюлень Уэдделла относится к семейству настоящих тюленей отряда ластоногих. Это типичный обитатель антарктических вод. Среди семейства настоящих тюленей Антарктики тюлень Уэдделла — один из самых многочисленных видов. Довольно крупный зверь: длина тела до 3 м у самцов и 2,6 м у самок. Толщина подкожного жирового слоя достигает 7 см, а общая масса подкожного жира может составлять до 30 % от массы тела. Питается преимущественно головоногими моллюсками и рыбой, причем может нырять за ними на глубину до 400 м. Тюлени Уэдделла мало боятся человека. — *Прим. OCR.*

70

Императорский пингвин — самый крупный из пингвинов. Когда он стоит ссутулившись, его высота 90 см, а когда движется — до 120 см. Вес — 20–45 кг. — *Прим. OCR.*

71

Эта и следующая дата, по-видимому, ошибочны. Следует читать: третьего сентября, шестого сентября. — *Прим. перев.*

Наверное, все-таки «егерское» (от «егерь»). — *Прим. OCR.*

73

Фирн (нем. Firn) — плотный зернистый снег, образующийся на ледниках и снежниках выше снеговой границы вследствие давления вышележащих слоев, поверхностного таяния и вторичного замерзания воды, просочившейся в глубину. — *Прим. OCR.*

Монастырь (англ.). — *Прим. перев.*

Скорее всего эти колебания припая были вызваны все же волнами зыби. Как показали более поздние наблюдения и в частности Советских антарктических экспедиций, волны зыби, зарождающиеся на открытых пространствах Южного океана, даже в период наибольшего развития пояса дрейфующих льдов в конце зимы достигают берегов Антарктического материка и вызывают колебания припая.

Такое явление наблюдается на побережье Антарктиды при стоковых ветрах (см. прим. 25).

Ледник с описанным выше языком впоследствии был назван по имени преподавателя богословского колледжа Кембриджа — Шипли.

Птичье гнездо *(англ.). — Прим. перев.*

Морской леопард — антарктический тюлень со своеобразной внешностью — длинное и тонкое туловище, длинная и тонкая шея. Голова несколько похожа на голову змеи. Максимальная длина — 3,1 у самцов и, более (до 3,6 м), у самок. Мех короткий, подкожный жировой слой развит слабее, чем у других видов тюленей. Хищник: поедает не только рыбу и головоногих моллюсков, но и пингвинов и других тюленей. Ест также мясо убитых китов. На человека может броситься только при преследовании. — *Прим. OCR.*

Морена (франц. moraine) — отложения, накопленные непосредственно ледниками при их движении и выпахивании ложа; по составу очень разнообразны (от суглинков до валунов), неотсортированы, содержат гальки и валуны с ледниковыми шрамами и полировкой. В зависимости от условий образования различают морены поверхностные, основные, донные, боковые и др. — *Прим. OCR.*

80

Курить чай очень опасно — почему-то быстро развивается туберкулез (описано). Видимо, снижается иммунитет именно к микобактериям туберкулеза. — *Прим. OCR.*

81

Пласты каменного угля были найдены в горах Принца Альберта на Земле Виктории геологом Х. Ферраром во время первой экспедиции Р. Скотта (1901–1904 гг.). Во время второй экспедиции Скотта Пристли нашел стволы древовидных папоротников диаметром 30–45 см. Эти находки позволили сделать вывод о том, что в Антарктиде когда-то был совершенно другой климат и отсутствовало оледенение. На основании этих и последующих находок ископаемых растений и животных была выдвинута гипотеза о том, что Антарктида является частью древнего суперконтинента Гондваны.

Растительность *(англ.)*. — *Прим. перев.*

Неописуемый *(англ.)*. — *Прим. перев.*

Вид на море *(англ.). — Прим. перев.*

Мумифицированные трупы и скелеты тюленей вдали от моря обнаруживались и позднее, в том числе Советской антарктической экспедицией. Были случаи, когда вдали от моря встречали и живых тюленей, ползущих в глубь материка. Причины такого поведения животных пока неясны.

Спикулы — скелетные образования губок в виде известняковых, кремнеземных игл. — *Прим. OCR.*

Останки морских организмов, в том числе и рыб, на поверхности шельфовых ледников находили и в дальнейшем. Они оказались там в результате перевертывания айсбергов, которые затем вмерзли в шельфовый ледник. Кроме того, существуют так называемые абляционные шельфовые ледники (такой ледник есть в районе Мак-Мёрдо). Эти ледники намерзают снизу и тают сверху. Таким образом, нижние слои льда, в которые при намерзании попадают морские организмы, рано или поздно оказываются на поверхности ледника.

Ворвань — устаревшее название жира морских млекопитающих и некоторых рыб (трески и др.). — *Прим. OCR.*

89

Шкимушка — несколько каболок, свитых вручную по солнцу из волокон пеньки и затем гладко и дочерна вышмыгованных куском старой смоляной парусины или ворсой со смолой. Каболка — нить, свитая из волокон пеньки по солнцу. — *Прим. OCR.*

Рапа — насыщенный соляной раствор в водоемах, пустотах и порах донных отложений соленых озер. Используется для промышленных и лечебных целей. — *Прим. OCR.*

Видимо, ошибка. Выше указано, что «лампы для чтения» представляли собой просто жирники по типу эскимосских. При чем здесь керосин? — *Прим. OCR.*

«…похолодание до нескольких градусов ниже нуля замечал только дневальный». Это очень странно, ибо, например, даже –1°F соответствует –18,3 °C. Сомнительно, что в пещере была столь низкая температура. Наверное, недоработка переводчика. — *Прим. OCR.*

93

Ныне из целого ряда независимых экспериментов известно, что лабораторные мыши и крысы, находящиеся на недостаточной (но сбалансированной) диете имеют значительно бо́льшую продолжительность жизни. — *Прим. OCR.*

94

Петроний (Petronius) Гай (?–66 н. э.) — римский писатель. В духе «Менипповой сатиры» роман «Сатирикон» («Сатуры»), в комическом плане рисующий нравы римского общества, в том числе и пышные пиры. — *Прим. OCR.*

95

Птомаины (син. птоматины) — устаревший термин, употреблявшийся для обозначения группы азотсодержащих, химических соединений, так называемых трупных ядов, образующихся в результате гнилостного распада богатых белками продуктов. К птомаинам относятся такие биогенные амины, как путресцин, кадаверин, агматин, нейрин и др. — *Прим. OCR.*

Должно быть, в барранкосы (исп. barrancos) — глубокие эрозионные борозды, прорезающие в радиальном направлении склоны конусов вулканов. — *Прим. OCR.*

97

Старым паком автор называет здесь, по-видимому, многолетний припай, смятый в складки в результате напора на него движущегося ледника Норденшельда.

По первоначальному плану полюсная партия Р. Скотта должна была состоять из 4 человек.

99

Здесь автор упоминает второго русского участника экспедиции Скотта — Дмитрия Семеновича Горева (1888–1932). В честь его Пристли назвал один из пиков вулкана Эребус.

100

Гурии — небольшие пирамиды из камней. Эскимосы ставили их над тайниками, где хранилось оружие или запасы пищи. Полярные исследователи ставили гурии над тайниками, в которых были оставлены карты новых земель, записи о сделанных открытиях и т. п. — *Прим. OCR.*

101

Эта книга не раз издавалась на русском языке.

102

Нунатак (эскимосск.) — изолированная скала или горный останец, выступающий над поверхностью ледника. Наиболее типичны для периферии ледниковых покровов Гренландии и Антарктиды. — *Прим. OCR.*

103

См. прим. прим. к стр. 338 (99)

Сэр Реймонд Пристли прожил 88 лет. — *Прим. OCR.*